

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2

« НАУКА »

1993

Многопрофильный конкурс **«Гермес»**

объявляет конкурс на лучшие социально-экономические исследования, программы, прогнозы

ПРИЗОВОЙ ФОНД — БОЛЕЕ 20 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ

Первая премия — 10 миллионов рублей.
Две вторые премии — по 3 миллиона рублей каждая.
Три третьих премии — по 1 миллиону рублей каждая.
Тридцать промежуточных премий — по 100 тысяч рублей каждая.

Основные конкурсные темы:

- «Социально-экономическое положение России или отдельного региона (области, района, города, поселка, деревни)»
- «Пути экономического и духовного возрождения России»
- «Усовершенствование органов власти и народного самоуправления»
- «Пути интеграции России в мировую экономику»
- «Проблемы нефтегазового комплекса СНГ (отдельного региона, объединения, управления, предприятия) и пути их решения»
- «Профсоюз „Гермес“ — каким он должен быть?»

ВАШИ ИДЕИ НУЖНЫ РОССИИ!

Работы принимаются до 31 января 1994 года.

Итоги подводятся ежеквартально с вручением промежуточных премий, информация публикуется в прессе.

Премии вручаются в виде акций (из расчета их рыночной стоимости) и материальных ценностей.

Окончательное подведение итогов конкурса и вручение главных призов — во II квартале 1994 г.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
«Гермес» не вступает в переписку с авторами и не оказывает консультативной помощи.

Гарантируется конфиденциальность информации.
Допускается использование псевдонимов.

**Работы на конкурс отправлять только почтой по адресу:
103051, г. Москва, а/я 164, «Гермес».**

Ранее «Гермес» провел конкурс «Эзотерические знания о „Гермесе“» и объявил конкурс на лучший цикл публикаций о Гермесе и «Гермесе» («Известия», № 126, 1992 г.). Общий призовой фонд этих конкурсов — 10 миллионов рублей.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2(205)

Апрель—Май—Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Редакционный совет

член-корр. Российской АН С.С. *Аверинцев* (председатель),
д. филол. н. В.И. *Абаев*, член-корр. АН Азербайджана И.Г. *Алиев*,
д.и.н. О.Д. *Берлев*, акад. Т.В. *Гамкрелидзе*, д.и.н. И.М. *Дьяконов*,
акад. АН Армении С.Т. *Еремян*, д. филол. н. Вяч. Вс. *Иванов*,
д.и.н. Ю.К. *Колосовская*, д. филол. н. В.А. *Лившиц*,
акад. АН Таджикистана Б.А. *Литвинский*, д.и.н. И.Л. *Маяк*,
акад. АН Грузии Г.А. *Меликишвили*, д. филол. н. В.П. *Нерознак*,
акад. АН Узбекистана Г.А. *Пугаченкова*, акад. АН Армении Г.Х. *Саркисян*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор),

Ю.В. Андреев, *Е.В. Антонова*, *Л.С. Баян*,
Ю.Г. Виноградов (зам. главного редактора), *М. Л. Гаспаров*, *Г.Г. Гиоргадзе*,
В.А. Головина, *Е. С. Голубцова*, *М.А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
С.Г. Карпюк (ответственный секретарь), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузищин (зам. главного редактора), *Л.П. Маринович*, *А.И. Павловская*,
А.В. Подосинов, *Д.С. Раевский*, *В.М. Смирин*, *М.К. Трофимова*,
В.И. Уколова, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*, *M. Gasparov*,
G. Giorgadze, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

S. Averintsev (Chairman), *I. Aliev*, *I. Abaev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*,
T. Gamkrelidze, *Vyach. Vs. Ivanov*, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*,
V. Livshits, *I. Mayak*, *G. Melikishvili*, *V. Neroznak*, *G. Pugachenkova*,
S. Yeremyan, *G. Sarkisyan*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

**Выпуск осуществлен
совместно с журналом
«ВОСТОК И ЗАПАД»
(EAST AND WEST),
основанным акад. Дж. Туччи**

**Итальянский Институт Среднего и Дальнего Востока,
(Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Проф. Г. Ньюли (председатель)
Проф. Л. Ланчотти
Проф. Л. Петек
Проф. М. Таддей**

Д.Н. Лелюхин

ГОСУДАРСТВО, АДМИНИСТРАЦИЯ И ПОЛИТИКА В «АРТХАШАСТРЕ» КАУТИЛЬИ

В индологии представление о существовании в древности централизованного могущественного, обладавшего разветвленным бюрократическим административным аппаратом государства сформировалось в начале XX в. в связи с исследованиями «Артхашастры» Каутильи (далее — КА). Этот уникальный трактат закономерно остается одним из важнейших источников по истории государственности в древней Индии. Наше обращение к КА в настоящей статье вызвано особым значением этого трактата, а также тем, что точка зрения о характере государства, отраженного в нем, оказала значительное влияние на интерпретацию тех немногих сведений о реальных государствах древней и раннесредневековой Индии, которыми располагают индологи.

Концепция централизованного бюрократического государства, по нашему глубокому убеждению, была внесена в исследования КА извне. Она играла важную роль в теоретических построениях целого ряда школ и течений исторической мысли. Несколько поколений исследователей, используя прежде всего сведения КА, пытались доказать, что в древней Индии существовала развитая традиция национальной государственности европейского типа, искали подтверждения в тексте наличия во время Каутильи бюрократии, парламента и иных реалий современного им общества¹. Б. Брелер, автор крупнейшей работы о «государстве КА», видел в нем «идеал арийского государства», мощную бюрократическую структуру, стремился показать древность тоталитарной администрации, служб управления и контроля². Известный индийский исследователь У.Н. Гхшал, находясь под впечатлением идей М.И.Ростовцева, в одной из своих работ пытался отождествить общество, отраженное в КА, с капиталистическим, особо отмечая важность и значение могущественного централизованного бюрократического государства в обеспечении жизнеспособности этого общества³. В марксистской историографии свидетельства КА использовались для подтверждения существования в древней Индии мощного централизованного государства⁴, азиатской деспотии⁵.

¹ *Altekar A.S.* State and Government in Ancient India. Banaras, 1949; *Banerji P.N.* Public Administration in Ancient India. Delhi, 1973; *Jayaswal K.P.* Hindu Polity. Bangalore, 1955; *Kangle R.P.* The Kautiliya Arthashastra. P. III. A Study. Bombay, 1965.

² *Breloer B.* Kautaliya-Studien. Bd 3. Bonn—Leipzig, 1936.

³ *Ghoshal U.N.* The History of Indian Public Life. V. 2. Calcutta, 1966.

⁴ См., например. *Шарма Р.Ш.* Древнеиндийское общество. М., 1987.

⁵ *Ruben W.* Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. B., 1968.

Ряд исследователей, стремившихся выявить структуру государственного аппарата, отраженного в КА⁶, чаще всего пытались лишь упорядочить массу «чиновников», упоминаемых в трактате, свести их в систему. Обычно эти бесплодные попытки сводились к пересказу источника и вольному толкованию его свидетельств. Ненсторический подход, модернизация сведений и терминологии, механическое отождествление структуры древнеиндийского и европейских государств нового времени и теперь остаются довольно распространенными недостатками историографии по проблеме древнеиндийской государственности.

Особо следует выделить проблему модернизации терминологии. Переводчики и исследователи, осмысливая «государство КА» как некий аналог или прообраз современного государства, всегда использовали понятийный аппарат, характерный для работ о государстве XVIII—XIX вв. Любой перевод КА пестрит упоминаниями многочисленных чиновников, министров, департаментов и т.д. Соответствующая трактовка терминологии закрепились в переводах и словарях, которые используют индологи и в настоящее время. Это, по нашему мнению, одна из причин постоянного воссоздания модернизаторских тенденций при переводах и в исследованиях по истории древней и раннесредневековой Индии.

Такие тенденции поддерживались, в определенной степени, и сложившимся стереотипом в государствоведческих исследованиях. Обращаясь к КА и иным источникам, индологи нередко искали там хорошо им известные реалии современного государства, элементы цельной, отделенной от общества административной структуры, некую идеальную модель — унитарное государство, развитый центральный аппарат (министров, ведомств), местную власть, провинциальную структуру, формы общегосударственного налогообложения и т.п. Причем никто и не ставил вопроса о принципиальной возможности существования таковых в реальных условиях древнеиндийского общества. Следует специально подчеркнуть (учитывая возражения Р.Ш. Шармы на высказывания Я. Хеестермана⁷ об уровне развития древнеиндийского государства), что отсутствие подобного рода институтов не дает повода считать древнеиндийское государство неразвитым. Модель государственной структуры, характерная для нового времени, не может быть критерием для определения уровня развития древнего государства (такое сравнение выглядит попросту некорректным).

Традиционное в историографии представление о «государстве КА» как о централизованном и бюрократическом было поставлено под сомнение лишь в последнее десятилетие. Анализ ряда основных понятий КА привел А.А. Вигаси к мнению о том, что структура общества, отраженного в тексте, «не совместима с идеей чисто бюрократического управления государством»⁸. В этой работе было положено начало пересмотру оценки сведений КА о государстве, ряд же наших статей (в том числе и настоящая) представляют собой попытку развития и дальнейшую разработку обозначенных в ней проблем.

Анализ рекомендаций КА позволил нам выделить и подробно разобрать понятие *мандала* («круг государств»), соответствующее наиболее крупному «государственному образованию» в КА, которое представляло собой рыхлое, аморфное неравноправное объединение нескольких царств.

⁶ См. подробнее: *Лелюхин Д.Н.* Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э. (По трактатам о политике). Дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 10—29.

⁷ *Heesterman J.C.* The Inner Conflict of Tradition. Chicago, 1985; *Sharma R.Sh.* Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi, 1991.

⁸ *Вигасин А.А., Самозванцев А.М.* «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 151—152.

Очерк межгосударственных отношений показал, что даже в эпохи, когда Маурьям или Гуптам подчинялся почти весь Индостан, не было условий для возникновения принципиально иных, единых и централизованных государств⁹.

Рассмотрение терминов КА, обычно толкуемых как обозначения представителей верхнего слоя администрации («министров» и пр.), привело нас к выводу, что ни один из них не может трактоваться однозначно, как чисто административный. Терминами *мукхья* и *махаматра* в КА именовались скорее всего различные категории знати, часть которой вместе с приближенными *аматьями* и *мантринами* («слугами» и «советниками») составляла двор, непосредственное окружение царя¹⁰.

Анализ сведений КА об *адхьякшах* («надзирателях») показал, что последних никак нельзя считать представителями централизованного бюрократического аппарата. Они выглядят скорее как довольно аморфный конгломерат «царских слуг». Некорректными можно считать обычные в историографии утверждения об упоминании в КА специализированных ведомств, министерств. Большинство *адхьякиш*, если исходить из их обязанностей, обозначенных в КА II.11—34¹¹, просто не могли исполнять свои функции в рамках даже небольшого государства. Отсутствуют в тексте сведения об иерархии и штате чиновников, должности которых скорее походят на «доходные места». Пресловутая «отчетность» в КА представляется лишь способом разделения прибыли между царем и *адхьякшами*. При этом показательно отсутствие каких-либо действенных средств для контроля последних. Эти «чиновники» не имели субсидий из казны, не получали от царя жалование, но осуществляли ряд важных административных функций, исполнение которых в рамках царства по индийским представлениям традиционно связывалось с царем. Следствием того, что они осуществляли административную власть, была обязанность «возмещать потери» и право собирать налоги и подати в качестве «платы за охрану», отчасти в свою пользу. Право *адхьякиш* на получение «дохода» от соответствующих отраслей хозяйства, сфер деятельности (например, торговля, использование рудника) было обусловлено тем, что они передавали часть прибыли (или полученных ими средств) в казну¹².

Итогом наших работ о «государстве КА» можно считать вывод о том, что принятая большинством индологов модель централизованного бюрократического государства не может отождествляться с «государством КА». Отказ от традиционной трактовки сведений КА, одного из важнейших источников по истории государственности в древней Индии, естественно, ставит вопрос, какова же была «модель государства», из которой исходили авторы трактата, и, соответственно, как она соотносилась со структурой реальных древнеиндийских государств? Попыткой ответить на первую часть этого вопроса является настоящая работа.

Принципиально важным кажется прежде всего подчеркнуть особенности КА как источника, ибо это определяет подход к свидетельствам трактата, методику их анализа и путь соотнесения полученных выводов со сведениями иных источников. КА — трактат о политике, содержание его представляет собой «теоретическое» изложение «вечной» государственной муд-

⁹ Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 177—213.

¹⁰ Лелюхин Д.Н. Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э. (По трактатам о политике.) Дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 97—110.

¹¹ Примечания на текст КА даны по изданию: Kangle R.P. The Kautiliya Arthashastra. A Critical Edition with a Glossary. V. I. Bombay, 1969.

¹² Лелюхин Д.Н. Некоторые особенности структуры древнеиндийского государства по «Артхашастре» Каутильи // Вестник МГУ. 1989. № 2. С. 69—78.

рости как таковой; наставление любому царю. Это не руководство по политике в современном значении слова, но и не утопия — рекомендации КА не предполагают конкретного государства, не содержат ни анализа, ни обобщения фактов политической истории. Поэтому «государство КА» мы понимаем как некий теоретический, абстрактный образ, созданный в рамках традиционной индийской «науки», *шастры*, в результате освоения предшествующего политического опыта. Оно не имело реального прототипа, не существовало в действительности, но соединило в себе многие черты реально существовавших государств.

Не учитывая особенностей КА как источника, невозможно правильно интерпретировать ее сведения. В связи с этим А.А. Вигасин считает допустимым два метода работы с КА, один из которых предполагает тщательную интерпретацию самого источника, в известной степени изолируемого сознательно от сообщений других. Подобным образом можно воспроизвести абстрактное общество и государство КА¹³. Используя его в настоящей работе, мы попытаемся разобраться в теории *артхашастры*.

Следует подчеркнуть, что проблема достоверности представлений КА о государстве в данной статье не ставится. Постановка ее возможна только после решения ряда важнейших вопросов, таких, как причина появления КА, цель ее составления, принципы отбора материала в КА и т.п. Вместе с тем нам представляется вполне возможным ее положительное решение, учитывая общий контекст сведений иных источников (прежде всего эпиграфики) о государстве. Основное отличие нашей точки зрения в том, что близкими к реальности (но не буквально ее отражающими) выглядят не отдельные детали, частности, а само абстрактное «государство КА», принципы и логика его построения.

Подробный анализ свидетельств КА убеждает, что в тексте отсутствует механизм управления действиями «чиновников» и представителей местных властей (назначение которых скорее всего в большинстве случаев находилось вне компетенции царя). В трактате обозначены лишь два канала взаимосвязи властных органов различного уровня — представители более низкого были обязаны содействовать представителям более высокого уровня частью своих ресурсов — передавать часть своих «доходов», податей, которые они собирали, «помогать» войском и т.п. Представитель же более высокого уровня имел право «наказывать» того, кто выходил за пределы своей компетенции, нарушал установленные (естественно, согласно концепции КА) порядки.

Кажется примечательным, что при более детальном рассмотрении функции представителей различных уровней власти выглядят во многом принципиально сходными. Чтобы показать это, рассмотрим ряд примеров. В КА IV.13.7—12 говорится, что если купцы, остановившиеся на ночь в деревне, будут ограблены, то они могут получить «возмещение» с «господина деревни», если это произойдет на пастбище — с «надзирателя за пастбищами», если вне пастбища — с того, кто ведал поимкой воров (*чорараджук*), а если такового нет, платить должно «объединение 5—10 деревень». А.А. Вигасин отмечал важность этого отрывка — возможность компенсировать ограбление купеческого каравана показывает, что мы имеем дело с весьма состоятельными людьми. Обязанность компенсировать вытекает из функции «охраны» территории и населения, которая в индийских традиционных представлениях теснейшим образом связана с взиманием податей как «платы за охрану»¹⁴. Примечательно, что в данном отрывке имеются в виду два различных уровня власти, имевшие, по-види-

¹³ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 25.

¹⁴ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 147.

мому, аналогичные функции, — «объединение 5—10 деревень» явно более крупная структура, территориально пределы ее компетенции более широки. Не будет преувеличением, если предположить (учитывая обязанность этого «объединения» платить «возмещение», если ограбление произошло на его территории), что оно также осуществляло сбор податей в свою пользу, взимая их отчасти и через «господина деревни» и иных лиц, упомянутых в этом отрывке.

Существенно важно, что аналогичные рекомендации связываются в тексте и с лицами, положение которых было значительно более высоким, — с «надзирателем за судами», правителем гавани, способным отразить нападение врага (КА II.28.26), «хранителем границ» (*антапала*, КА II.21.25), похожим скорее на подчиненного государя, и с царем (см., например, КА I.13.5—12; III.16.23—25).

Указанный тип взаимоотношений реализуется в рекомендациях II книги КА на примере *адхьякиш*. Их основная функция — обеспечение доходами казны. Важнейшими путями для получения последних, как следует из текста, были сбор податей, штрафов и использование «царского» имущества¹⁵ (земли, рудники, товары). *Адхьякиши* передавали в казну часть своих «доходов» в качестве компенсации за право осуществления ряда царских привилегий — сбора податей, штрафов и т.п. Но считать *адхьякиш* главами департаментов, соединять их в единую структуру администрации — ошибочное и бесплодное занятие. Сведения о «деятельности *адхьякиш*» — типовые рекомендации, касающиеся, очевидно, прав и обязанностей многих лиц, действовавших (практически бесконтрольно) в соответствующих сферах. Нельзя придавать значение видимости «централизованного руководства»: наличие в рекомендациях трактата одного «градоначальника» — не повод, чтобы утверждать, что авторы КА представляли себе царство с одним городом, последние вряд ли считали достаточным одного «надзирателя за пошлинами» с 4—5 подручными для сбора пошлин в рамках даже одного города. В КА не обозначены пределы компетенции *адхьякиш* (и это естественно для типовых рекомендаций), только в отдельных случаях мы можем догадываться, в рамках какой территории осуществлял свои функции тот или иной «надзиратель». Так, например, только в пределах одного города могли физически действовать «надзиратель за ткацким делом», «ювелир» (*сауварника*, в этом случае в качестве «чиновника» скорее всего выступает глава корпорации ювелиров, ср. КА II.14.2—4 и КА IV.1.4, 5, 7).

Нельзя считать *адхьякиш* и особым слоем, представителями определенной ступени администрации. Слишком широк круг лиц, обозначенных этим термином в трактате (от могущественного «надзирателя за судами» до *адхьякиши*, согласно КА II.9,8, получавшего поденную плату), слишком различным выглядит их положение в обществе. Скорее термином *адхьякиша* могли именоваться в КА представители различных властных общественных структур, главным образом в связи с исполнением ими соответствующих функций (подобное искусственное разделение, когда одно и то же лицо в зависимости от контекста обозначается различными терминами, вполне приемлемо для теоретического трактата).

В отдельных случаях мы можем утверждать, что некоторые «служащие» из II книги КА считались лицами, обладавшими довольно высоким положением. Так, «хранитель границ» (*антапала*) в КА II.21.24—26 характеризуется как служащий, обязанный осуществлять охрану дорог и тор-

¹⁵ Под «царским» имуществом здесь мы условно понимаем и личную собственность царя, и его собственность как суверена, то, что в КА декларативно объявлено «царским имуществом» (например, рудники).

говли, взимающий за это плату и возмещающий убытки, если они возникли по его вине. Но согласно иным сведениям трактата, он похож скорее на могущественного «вассала», государя, обладавшего крепостями (КА I.17.11; II.1.5), получавшего такое же содержание, что и царицы (КА V.3.7) и участвовавшего в межгосударственных интригах (КА XII.5.25, см. также КА I.16.7; II.16.21). «Надзиратель за судами», согласно КА II.28.13, «пускал большие и малые корабли», возмещая потери, если они возникли по его вине (видимо, цену корабля и товара, КА II.28.26), действовал в торговой гавани как правитель. Ему предлагалось, «уподобляясь отцу» (характерное сравнение, когда идет речь о царе; «отцом» своих подданных считал себя и знаменитый Ашока Маурья), оказывать помощь кораблям, застигнутым бурей, в случае порчи товара предоставлять льготы или совсем освобождать купцов от пошлин, взимать пошлины (это при наличии специального *адхьякши* для этой цели) с заходящих в гавань кораблей, следить за порядком в гавани и отражать нападения пиратов или врагов.

Если должностные обязанности сводились главным образом к сбору податей, отчасти в пользу лица, занимавшего «должность», то мы вправе считать «служащим» любого представителя владетельной знати (например, упоминающихся в КА «начальников» городов, областей и пр.), а также зависимых государей — данников. Возможно, поэтому в КА VII.11—12 идет речь о договорах «об использовании» земель, рудников, лесов с ценной древесиной, а «предоставление денег», освобождение от податей и предоставление «должностей» считаются, согласно КА IX.5.11, мерами для успокоения «внутренних врагов царя».

Функции иных *адхьякши*, очевидно, могли исполнять представители более мелких общественных властных структур. Использование царских земель, разработка рудников, присков — все это требовало людских и материальных затрат, которые не возмещались царем и казной. Поэтому соответствующими *адхьякшами* могли быть только лица, обладавшие властью, материальными ресурсами, высоким социальным статусом (местная знать, руководство кланов, главы крупных корпораций, являвшиеся богатыми землевладельцами, владельцами рудников и пр.), что позволяло им осуществлять сбор податей, отчасти в свою пользу. К этой группе можно отнести «надзирателей» за скотом, сырьем, пастбищами. Ряд *адхьякши* по роду своей деятельности, очевидно, был связан только с городом. И в этом случае мы будем вынуждены признать, что авторы КА использовали в своей «модели администрации» существующие городские структуры, прежде всего профессиональные и торговые корпорации, наделяя их глав обязанностями *адхьякши*. Мы уже отмечали¹⁶, что «браковщик монет» (*рупадаршака*) в КА выглядит скорее как профессионал, меняла, что «ювелир» (см. выше) — являлся, по-видимому, главой корпорации ювелиров. К этой группе можно отнести и «надзирателей» за мерами веса, за печатями, за товарами, за изделиями из металлов. Следует подчеркнуть, что такое «распределение», естественно, очень условно, учитывая то, что рекомендации КА о «деятельности *адхьякши*» — типовые. Кажется безусловным лишь то, что авторы КА не представляли себе специальной налоговой (или иной) администрации. Нельзя не заметить, что функции одного и того же *адхьякши* могли исполнять разные по положению лица. Так, например, «надзирателем за рудником» мог быть и богатый владелец рудника, и знатный сановник — *махаматра*, и царевич, учитывая то, что конкретная работа могла выполняться их слугами и помощниками (см., например, КА I.1.18). Такой подход к «службе» обозначен в КА I.18.2—4:

¹⁶ Лелюхин. Некоторые особенности... С. 76—77.

царевичу, не являвшемуся наследником, поручалось «дело», и он просил назначить «человека» (*пуруша*), который исполнял бы необходимые функции. Сам же царевич лишь получал «доход» и, передавая прибыль отцу, обеспечивал себе «содержание».

Тип отношений, обеспечивающий взаимосвязь властных структур в рамках царства (*раджья*), во многом был характерен и для наиболее крупной государственной структуры в КА — *мандалы*. Последняя представляет собой в трактате некое неравноправное объединение царств, включающее территорию «доминирующего» и зависимых государей (см. КА VI.2.24—27; VII.13.42).

Неоднократно в тексте рекомендуется «слабому» царю (*хина*) проявлять покорность, предоставляя более сильному часть «казны, войска или земли» (см., например, КА VII.2.7; VII.3.22). Передачу части ресурсов более слабого, зависимого царя более сильному фиксируют ряд неравноправных договоров, о которых идет речь в КА VII.3.22—36. Первый тип договора предусматривает передачу части войска или заложников, второй — одновременную или постоянную выплату дани, третий — передачу отдельной области, всех земель, кроме *мула* («ядра», исконной территории) или «сдачу в аренду» (предоставление права на сбор податей).

В КА VII.9—12 подробно обсуждаются достоинства и недостатки договоров о «союзнике, золоте, земле и делах», которые выглядят столь же неравноправными. Уже в КА VII.9.27—34 говорится о союзниках, предоставляющих «помощь людьми» (*пурушабхога*), золотом (*хираньябхога*) и землей (*бхумибхога*), т.е. повторяется типология договоров КА VII.3.22—36. Соглашения о земле, если исходить из содержания КА VII.10, сводились скорее всего к передаче права на часть «дохода» с определенной территории от одного царя другому. Иной альтернативы, судя по материалам КА, просто не было. Даже в случае завоевания области и устранения ее правителя (КА XIII.5) положение знати, местных властей не претерпевало особых изменений. Дело ограничивалось, как свидетельствует КА, только сменой некоторых «начальствующих лиц» (тех, что приносили вред или пытались погубить царя-завоевателя) их же родственниками, но и эта мера была, по-видимому, крайней. И родственнику врага, и сильному аристократу, рекомендуется в такой ситуации «давать землю», договорившись о выплате ими соответствующей дани, а устранять их, по мнению авторов трактата, следует только путем провоцирования недовольства населения (КА XIII.5.19—21). Большая же часть рекомендаций главы, названной «Об умиротворении приобретенной области» (КА XIII.5) содержит советы царю разными путями привлекать население и «начальников родов, селений, местностей», подчеркивая законность смены царя, неизменность традиционной структуры властей, порядков и нравов.

Аналогичными по сути были, видимо, договоры «о делах» (*кармасандхи*) и «о неустроенном» (*анаваситасандхи*). Традиционный список «царских дел» часто встречается в КА и иных источниках. Они обычно сводятся к «постройке укрепления, оросительного сооружения, обустройству пустоши, рудника, торгового пути, леса с ценными деревьями и со слонами». Основной вопрос, возникающий при рассмотрении этого списка, — как мыслится в трактате механизм их осуществления? Поэтому следует особо остановиться на КА V.1.39. Моделируемая здесь интрига предусматривает обращение царя к «изменнику-*махаматре*»: «Иди, набери в крепости или области войско или собери золото, или отними золото у *валлабха* (местного правителя), или уведи силой дочь этого *валлабха*, или осуществи одно из нижеследующего — постройку крепости, оросительного сооружения, обустройство торгового пути или пустоши, рудника, леса с ценной древесиной или слонами, (устройство) охраны местности или охраны границы,

и кто тебе станет противодействовать и откажет в содействии, тот может быть схвачен». Далее предлагается известить другого *махаматра*, чтобы он не подчинялся первому и т.д. Собственно интрига сводится к столкновению двух *махаматров*, действиям «тайных убийц». Сами приказы царя, очевидно, не должны были (по мысли авторов КА) вызывать сомнение у исполнителей и выглядят весьма примечательными. Сбор золота, войска, «увод» дочери *валлабха* скорее всего означает принуждение последнего выполнять то, что он обязался по договору с царем (по-видимому, аналогичному одному из обозначенных в КА VII.3.22—36). И, видимо, на территории этого *валлабха махаматре* предлагается осуществить «устройство охраны местности или границы» и иные мероприятия. Смысл такой «операции» очевиден — *махаматре* предлагается «поставить» (так чаще всего понимают эту фразу переводчики КА) нового «хранителя территории» или «хранителя границ», т.е. заменить одного правителя другим. Мы вправе предполагать, что и механизм осуществления «царских дел», упомянутых в этом отрывке, осмысливался аналогично — как предоставление определенным лицам права на сбор соответствующих податей, доходов от рудников, лесов и пр., т.е. практически как формирование структуры *адхьяки*, связанных с новым правителем, царем, пославшим *махаматра*. Такого же рода действия предполагаются, по-видимому, и в КА VII.12, когда говорится о «соглашениях о делах». Последние скорее всего фиксируют передачу «доходов» от города, рудника, леса, которые находятся на территории определенного царства, иному царю, механизм их отчетливо вписывается в предложенный в КА VII.3.34 «договор — аренду» (*авакрая*).

КА VII.11 начинается фразой: «Ты и я, мы оба обустроим пустошь — таково „соглашение о неустроенном“». Однако в этой главе не предполагается совместных или паритетных действий. Первая ее часть — рекомендации, какую землю, рудник и пр. следует выбирать царю, во второй же (КА VII.25—46) речь уже идет о передаче земли, подчинение которой требует больших потерь и расходов. Как «покупатели» (*кретар*) такой земли здесь названы различного рода цари, «могущественный человек нецарского рода» и пр.

Большая часть критериев (из обозначенных в КА VII.11.2—9), руководствуясь которыми царю рекомендуется выбирать наиболее выгодную территорию (плодородность, небольшие затраты на обработку и пр.), позволяют считать неправомерным отождествление «пустоши» (*шунья*) с «необработанной землей», «договоров о неустроенном» — с союзами для совместного освоения, колонизации пустующих земель. Тем более что в главе речь идет уже главным образом о «земле» (*бхуми*). Сам процесс «обустройства», как следует из текста, имел целью не только «использование зерна» (*дханьябхога*), но и «использование рудников» (*кханибхога*), «использование лесов с ценной древесиной и слонами» (*дравьяхастиванабхога*), т.е. целью «договоров о неустроенном» было, по-видимому, также получение царем новых доходов от новых земель.

Сам по себе термин «пустошь» (*шунья*) здесь, видимо, характеризует не столько физическое состояние земли, сколько отсутствие ее владельцев, властей (см., например, КА IX.3.39: «Или, привлекая на свою сторону противника, внешнего врага, доверяющего мне, я погублю, или его исконную землю, оставшуюся пустой, я захвачу»). Не случайно поэтому в КА появляется несколько странный «служащий» — «хранитель пустоши» (*шуньяпала*), который в отсутствие царя осуществлял функции регента (КА IX.3.10; XII.2.25—28), устранял по приказу последнего изменников — *мукхьев* (КА XII.3.5, 7, 9). Очевидно, что и в КА VII.11 имеется в виду договор о приобретении новой земли, позволяющий царю получать новые

доходы. Поэтому «земля с разобленным населением» кажется авторам КА лучшей, чем та, где жители составляют «объединения» (*шрени*). Первую легче использовать при отсутствии властных структур «шрени», которые трудно подчинить и заставить платить, которые могут являться объектом «подговоров врага», пользователями части дохода, полученного с этой земли.

Таким образом, основной целью договоров, весьма условно разделенных в КА VII.9—12 на «договоры о союзнике, земле, золоте и делах», было обеспечение обязательств выплачивать дань, помогать военной силой, получение новых доходов от земель, рудников и пр. (в конечном счете новые территориальные приобретения).

Одной из основных посылок, исходя из которых исследователи обычно пытались анализировать сведения КА о государстве, структуре его управления, администрации, было представление о том, что цель трактата — изложение рекомендаций по управлению государством и по внешней политике. В самом же тексте цель «Артхашастры» определяется иначе: «Средство для приобретения и защиты той (населенной людьми) земли — наука *артхашастра*» (КА XV.1.2; см. также КА I.1.1). «Защита» понимается в КА очень широко, как сохранение традиционной структуры власти, порядков, обычаев, норм жизни. Она предусматривает меры не только против внешних врагов, но и против внутренних — преступников, изменников, воров, в том числе лиц, исполняющих функции *адхьякш*, если они собирают больше податей, чем положено (и, соответственно, «поедают *джанападу*», приводя людей к возмущению), утаивают часть средств, которые они обязаны были бы передавать в казну («поедая», таким образом, «имущество царя»). И приобретение земли, завоевание осмысливается в КА не просто как поглощение одним царством другого, а как постепенное подчинение, создание и все большее расширение «своей *мандалы*» государем (см., например, КА VII.13.42; 16.33; XIII.4.54—61). *Мандала* выступает в трактате не только как образец крупной государственной структуры, но и как своеобразный алгоритм построения традиционного миропорядка, социальной политической структуры общества. Принцип построения *мандалы* (единство в рамках одной структуры территорий доминирующего и зависимых, подчиненных царей) приложим в КА и к структуре царства и, по-видимому, к социально-политической структуре общества в целом. Не случайно в тексте не раз рекомендуется царю не посягать на имущество или наследство зависимых правителей, сановников (КА V.1.55—56; VII.16.26—33; VII.18.20—22; XII.2.31—32), ибо в таком случае против него «поднимется вся *мандала*», предлагаются как меры по достижению «одобрения *мандалы*» — заключение договоров со «слабыми» государями, если они проявляют покорность (КА VII.3.10, см. также VII.2.14), отказ от претензий на «исконную» (*мула*) землю своего союзника. Противоположные действия понимаются в КА как нарушение традиционной структуры властей, политической упорядоченности мира. Соответственно они ведут к дисбалансу всей системы, к возмущению представителей иерархии «правителей», проявляющих беспокойство о своей безопасности. Именно представления об иерархии «правителей» различного уровня, о социально-политической структуре общества, «политическом» аспекте миропорядка являются основной системой координат в рекомендациях трактата. Поэтому поразительно сходными выглядят в тексте взаимоотношения царя с иноземными правителями и с «сановниками-*махаматрами*» в собственном царстве¹⁷, рекомендации по «внешней» и «внутренней» политике, интриги, модели-

¹⁷ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 150 сл.

руемые в КА для устранения враждебно настроенных царей, зависимых правителей, *махаматров*, *адхьяки* и пр. Большинство представителей иерархии «правителей», как мы уже отмечали, согласно представлениям авторов КА, осуществляли, по-видимому, одни и те же функции, принципиально одинаковыми были скорее всего их взаимоотношения. Поэтому «царство» в КА — лишь ступень традиционного миропорядка, элемент социально-политической структуры общества (хотя и важнейший), царь — лишь представитель иерархии «господ», каждый из которых наделен в КА соответствующими, сопоставимыми с «царскими» правами и обязанностями.

Принципиально единый подход к характеристике этих «господ» ведет к естественной контаминации понятий, терминологии. Так, нередко «царство» рассматривается в КА как «домохозяйство», где царь выступает в качестве «главы», «кормильца» (*бхартар*), все подчиненные его именуется «слугами» (*бхритья*), а отношения между царем и представителями иных властных структур осмысливаются в словах, передающих личные отношения («друг», «сподвижник», «спутник», «отец — дети»)¹⁸. Однако в ряде случаев такие «слуги» или «друзья» сами являлись царями и, очевидно, имели свой круг «слуг», «друзей» и т.п. С другой стороны, в тексте есть и примеры обратного характера: так, «слуга» (*анудживин*) царя сам мог иметь «партию сторонников» (*пакша*) и «друзей-союзников» (*митра*, см. КА V.4.7; 5.14—15), *адхьякиша* — сильную «партию сторонников, состоящую из советников, союзников, слуг и родственников» (*мантримитра-бхритьябандхупакша*, см. КА II.9.25). И царь (КА VII.6.24, 26), и *махаматры* (КА V.6.34), и управляющий деревней (КА IV.13.8), и любой человек, обладающий властью над рабом, слугами, землей, домом и т.п., именуется в тексте одним термином — *свамин* («господин»). «Соседями» (*саманта*) называются в тексте землевладельцы, главы семейств, объединенные в рамках определенной общественной организации (община, селение, квартал), а также зависимые государи, включаемые в рамки «царства», *мандалы*.

Поскольку политическая структура общества осмысливается в КА персонифицированно, как иерархия «господ», «правителей» различного уровня, многих из них можно считать «главами государств»¹⁹, различных по масштабу. Причем естественным выглядит включение одного такого «государства» (т.е. территории, подвластной определенному правителю) в рамки другого, более крупного в качестве его составной части, одной из территорий, подчиненных правителю более высокого уровня и т.д. Анализ терминологии КА позволяет считать государством и *мандалу*, и «царство» (*раджья*), и «объединение» (*сангха*), и владения зависимых «соседей» (*саманта*), «союзников» (*митра*), «начальствующих лиц городов и сельской местности» (*пурараштрамукхья*) и пр. При этом *мандала* выглядит как конгломерат «царств», но и последние представляются как объединения территорий, подвластных различным царям, — «соседям» или «союзникам», «начальствующим лицам». *Сангха* в тексте понимается как политическое объединение знати, правители ее именуется *мукхья* (начальствующее лицо) или *раджан* («царь»). Она же, как следует из КА XI.1.3, 15—19,

¹⁸ Там же. С. 148—149.

¹⁹ Можно отметить ряд примеров, когда очевидно мелкие общественные структуры расцениваются в КА как политические образования. Так, при изложении рекомендаций по устранению политических противников царя (сановников, подчиненных царей), одна из предлагаемых интриг направлена против «изменнически настроенных городов, селений, семейств» (КА V.1.43—44, очевидно, имеются в виду их руководители). См. также КА XIII.3.3; IX.6.72.

могла быть сама покорена и, очевидно, включена в рамки более крупной государственной структуры²⁰.

Отождествление КА с комплексом «практических» рекомендаций по управлению государством вело обычно исследователей к предположению о том, что в тексте под каждым «административным» термином подразумевается конкретная должность и лицо, ее исполняющее. Между тем в КА большинство терминов закрепляют за определенным лицом лишь функцию, но не свидетельствуют о его статусе, месте в социально-политической структуре общества (как, впрочем, и в структуре предполагаемой «администрации»), одно и то же лицо в КА в зависимости от контекста может именоваться различными терминами²¹. Так, например, цари именуются «сосед», «друг-союзник», «враг», «господин» и пр. Очевидно, в каждом таком случае термин следует толковать: «царь, являющийся соседом», «царь, являющийся союзником» и т.д. Однако в тексте один и тот же царь может обозначаться в разных контекстах всеми указанными терминами, кроме того, так же могли обозначаться и лица, не являвшиеся царями.

Ряд терминов, закрепляющих представления о социально-политической структуре общества, иерархии «правителей», выглядят в трактате базисными, основными. Это прежде всего термины *мукхья* («начальствующее лицо»), *махаматра* («сановник») и *раджан* («царь»)²². Первым обозначаются различные «начальники» от главы семейства до правителя города или области, с которыми рекомендуется вести переговоры через посла. «Царем» именуется в тексте и владыка *мандалы* (объединяющей несколько царств), и правитель одного определенного царства, и зависимый государь, владения которого являлись составной частью определенного царства. В отдельных случаях грань между «начальниками», «сановниками» и царями становится неразличимой. Так, из КА V.1.15; 6.16 следует, что *мукхья* или *махаматра* вполне могли заменить царя на троне, но иногда они толкуются в тексте как зависимые правители. С другой стороны, враждебно настроенные подчиненные государи в КА V.1.53—55 толкуются, подобно «сановникам-махаматрам», как «изменники» (*душья*), а не как «враги». Термины *мукхья*, *махаматра*, в отличие от большинства иных в трактовке характеризуют только изначальный статус лица, ничего не говорят о деятельности, роли последнего в рекомендациях КА. Авторы трактата, подробно рассуждая о достоинствах и обязанностях даже мелких служащих, «тайных агентов», не сообщают ничего подобного о *мукхьях* и *махаматрах*. Они, очевидно, не назначались царем, а получали соответствующий статус по рождению или иными путями. Все это выделяет указанные термины из массы иных, используемых в трактате.

²⁰ Следует подчеркнуть, что термин *сангха* (как и *шрени*) в КА не подразумевает определенный статус обозначаемой им организации, характеризует лишь форму осуществления власти, «не единоличное» правление, противоположность «домохозяйству», «царству». Так в тексте обозначаются общины, корпорации и так называемые «республики», «немонархические объединения».

²¹ Следствием непонимания характера терминологии КА было то, что все известные нам попытки воссоздать структуру «администрации КА» базировались на весьма вольном толковании источника. Ошибочность традиционного подхода к его сведениям показывает и то, что *адхьяки*, основных (по мнению большинства исследователей) представителей государственного аппарата, например, Х. Шарфе, опираясь на КА IV.4.9—10; V.3.13, считал мелкими деревенскими чиновниками, Б. Брелер — представителями провинциального аппарата, возглавляемого *самахартром* («сборщиком»), а иные индологи — руководителями общегосударственных ведомств.

²² Реже в КА встречаются термины *прадхана* («большой человек»), *свамин* («господин»), *бхартар* («хозяин, кормилец») аналогичного характера.

Разбирая сведения КА об *адхьякшах* и иных лицах, о которых идет речь во II книге трактата, мы отмечали, что указанная книга содержит общие типовые рекомендации, относящиеся ко многим лицам, действовавшим в той или иной области хозяйства, осуществлявшим государственные функции. Отсутствие обозначения пределов компетенции для *адхьякши*, конкретных указаний о статусе лиц, которые могли исполнять их обязанности, позволило нам считать термин *адхьякша* функциональным и ставить вопрос иначе: кто выполнял функции *адхьякши*? Рассмотрение же сведений КА привело нас к выводу, что функции эти исполнялись представителями существовавших общественных структур — знатью, руководством кланов, корпорацией ремесленников, общинных организаций различного уровня, зависимыми государями и приближенными государя, т.е., в конечном счете, прежде всего именно теми лицами, которые именуются в тексте *мукхья*, *махаматра* и *раджан*. Это кажется справедливым, учитывая то, что в тексте упоминаются «начальствующие лица» городов, областей, организаций, построенных по общинному принципу (*пурараштрамукхья* в КА I.16.7; II.16.21; *дешакуладжатисангхамукхья* в КА XIII.5.9; *шренимукхья* в КА XIII.3.1—7 и др.), а «18 главных должностных лиц государства» (*тиртха*), список которых дан в КА I.12.6, по-видимому, исходя из КА I.13.1 считались *махаматрами*.

КА — трактат, содержащий наставления любому царю, излагающий государственную мудрость как таковую. Логичен поэтому вопрос: как мыслилось в КА обеспечение единства царства при столь нестабильной социально-политической структуре общества? Важным элементом концепции КА, обеспечивающим в теории относительную стабильность царства, были представления о лицах, именуемых *аматья*. Термин этот, которым в *грихьясутрах* обозначали «домашнего слугу» царя, в переводах обычно толкуется как обозначение министра или чиновника, что, по нашему мнению, ошибочно. Примечательно, что и комментарий конца I тыс. н.э. «Упадхьяянирапекша» на «Нитисару» Камаандаки, политический трактат, составленный в стихах в русле традиции *артхашастры*, также толкует термин *аматья* прежде всего, как обозначение «домашнего слуги» царя.

В первых же главах КА царю рекомендуется, избрав из среды близких, знакомых и преданных ему людей (*пуруша*), обладающих соответствующими достоинствами, давать им «сан *аматьи*» (КА I.8.29). Испытыв их (КА I.10), он мог поручать им различные ответственные «дела» (*карман*) и назначать на важные придворные должности. Во многих случаях в КА *аматьями*, очевидно, обозначали лиц, обладавших высоким статусом, значительным объемом власти (см., например, КА I.8; V.6). Не случайно при изложении способов «испытания *аматьев*» в качестве одного из испытываемых фигурирует *махаматра*, да и сами «испытания» во многом сходны с интригами, моделируемыми для «законного» устранения изменников — *махаматров*, зависимых царей и пр. в КА V.1 и других главах трактата. Однако вряд ли можно считать *аматьев* только доверенными чиновниками, искать их место в социально-политической структуре общества или в государственном аппарате. Термин этот фиксирует лишь соответствие того или иного лица определенным достоинствам, важнейшими из которых являются лояльность и преданность своему государю. Соответствие «достоинствам идеального *аматьи*» (*аматьясампад*) — один из элементов концепции КА. Это важнейший критерий при определении полномочий посла (КА I.16.1—4); обладающий половиной этих достоинств толкуется лишь как «приносящий послания» (*шасанахара*). Достоинствами *аматьи* должны были обладать царский писец (КА II.10.3), «все *адхьякши*» (КА II.9.1). Судьи, лица, исполняющие судебно-следственные функции (*прадештары*), «сборщик», «хранитель», «советник» характеризуются в тексте как «*аматьи*»

(КА I.10.13—14; III.1.1; IV.1.1); советники, входящие в *мантрипаришад*, совещательный орган при царе, именуются в КА I.15.47 *аматьями*. Достоинства «идеального *аматы*» перечислены в главе, названной «избрание советника и *пурохиты*» (очевидно, термином *аматья* здесь заменен более конкретный термин *мантрин*). Вместе с тем, сравнение КА I.8.13 и КА I.10.13 позволяет считать термин *аматья* изначально никак не связанным с исполнением каких-либо функций (можно быть *аматьей*, не занимая никаких должностей и, с другой стороны, занимая должность, не быть *аматьей*).

Скорее всего под «внутренними *аматьями*» (*антараматья*), мятеж которых, согласно КА VIII.2.3 считался наиболее опасным для царя, подразумевались «18 главных лиц государства» (*тиртха*), перечисленные в КА I.12.6. В КА IX.3.20 говорится: «Возмущение (иных) внутренних *аматьев* — возмущение одного из внутренних *аматьев*, кроме советника и других». Последняя оговорка логична, ибо чуть раньше говорится об устранении «возмущенных советника, *пурохиты*, военачальника и наследника» (КА IX.3.12—19; в КА I.12.6 — это первые четыре *тиртха*). «Иные внутренние *аматы*» — по-видимому, остальные *тиртха*. Примечательно, что комментарий «Наячандрика» демонстрирует аналогичную точку зрения, толкуя *антараматья* в этой фразе: «Главный привратник, глава дворцовой охраны и другие», буквально продолжая перечисление *тиртха* в той же последовательности, что и в КА I.12.6.

Весьма примечателен и смысл полемики в КА VIII.1, 6—18: по «мнению» Бхарадваджи, «пороки *аматьев*» (*вьясана*) более чреваты последствиями, чем «пороки царя», ибо от *аматьев* зависят «успех совещаний», «исполнение дел», «осуществление расходов и получение доходов», «наложение наказаний», «помазание царевичей» и пр. Но исполнение указанных в КА VIII.1.8 дел связывается с «советниками», *пурохитой*, *адхьякшами* и иными лицами. Мнение Бхарадваджи явно сводится к мысли, что в том случае, если функции эти исполняют «порочные *аматы*» (т.е. нелояльные, изменчески настроенные советник, *пурохита* и пр.) или *не-аматы*, то подобное бедствие — хуже, чем порок государя. Весьма характерны и «возражения» Каутильи. Он исходит из того, что царь занимает «главенствующее положение» (КА VIII.1.18) по отношению к тем, кто исполняет важные для царства дела, сам осуществляет «использование *адхьякш* и группы слуг, состоящей из советника, *пурохиты* и других» (КА VIII.1.13, группа слуг — это опять те же *тиртха*), заменяя «порочного *аматью*» обладающим должными достоинствами, оказывая почести заслуживающим это и наказывая изменников.

Термин *аматья* занимает важное место в трактате, ибо он отражает идеал политической теории. Соответствие «идеальным достоинствам *аматы*» (лояльность, преданность государю, покорность и пр.) — важнейший, по-видимому, критерий для всех служащих царя; идеальное царство, то, в котором на всех ключевых постах, во всех властных структурах находятся *аматы*. Не случайно именно последние чаще всего фигурируют при перечислении элементов «семичленного государства» (*сантанга*) в качестве второго элемента. Аналогичную роль в *мандале* играли скорее всего лица, именуемые *митра* («союзник»), важнейшим достоинством которых в тексте не раз провозглашается «покорность». Единство любой государственной структуры, по мысли авторов КА, обеспечивалось во многом преданностью, лояльностью, покорностью непосредственного окружения царя, «правителей» более низкого уровня по отношению к своему «сюзерену». Как обеспечивать такое единство — раскрывают многие рекомендации трактата.

Политическая структура общества в КА осмысливается персонифици-

рованно, как иерархия «господ», правителей разного уровня. Царство в трактате — некий конгломерат территорий, подвластных царю и его клану (*мула*, исконная территория), зависимым царям — «союзникам», «соседям», различным «начальникам», «сановникам», главам организаций общинного типа и т.п., т.е. как некое «объединение правителей» более низкого по отношению к царю уровня. Естественно, основной целью «внутренней политики» царя должно было быть обеспечение единства царства, покорности его правителей. В связи с этим авторы КА вводят понятие *пакша* («партия», «группа сторонников»), позволяющее разделить массу «правителей», «начальников» и пр. на две большие группы — сторонников («партия лиц, не склонных к измене», «своя партия», «друзья», «союзники») и противников («партия лиц, склонных к измене», «партия противника», «внутренние и внешние враги»). Соответственно этому разделению и строится политика государя, направленная чаще всего персонально на поощрение и увеличение числа сторонников, а также на ослабление, раскол и устранение лиц, склонных к измене, врагов, сторонников противника (даже потенциальных).

Вместе с тем нельзя не учитывать, что структура каждой политической единицы, каждой территории, включенной в рамки царства, была скорее всего аналогичной структуре царства, представлялась как объединение территорий, подвластных «правителям» еще более низкого уровня и т.п., вплоть до домохозяйства или общины. Соответственно каждый представитель иерархии «господ» мог обладать своей «партией сторонников». Авторы трактата советовали учитывать ее силу, считаться с лицами, обладавшими «партией сторонников». Так, в КА II.9.24 отмечается: если *адхьякша* обладает «партией сторонников», у него нельзя отобрать имущество (*артха*). Предлагается, чтобы «тайный агент» получил сведения о его «партии сторонников, состоящей из советников, слуг, союзников и родственников», о поступлении к нему доходов и пересылке им имущества, о его контактах с врагом, и лишь затем можно устранить такого *адхьякшу* якобы за измену, обнаружив у него «послание врага» (КА II.9.25—27). Вся интрига, очевидно, имеет цель показать законность кары, чтобы не вызвать возмущения «партии сторонников» этого *адхьякши*.

Весьма примечательно и содержание КА II.9. Нет сомнения, что здесь говорится об *адхьякшах* (см., например, КА II.9.1, 18—31). Но рекомендации как будто бы внутригосударственного, «административного» характера имеют зримый «политический» оттенок. Так, кроме рассмотренного выше фрагмента, в КА II.9.5—6 предлагается, чтобы *адхьякши* выполняли дела, «не будучи связанными» друг с другом (союзом?) и «не враждующими». Совет учитывать наличие «партии сторонников» у *адхьякши* и устранять таких только имея законный повод, создавая его с помощью интриги, явно связан с предшествующим фрагментом (КА II.9.20—23). Здесь перечислены те, кому царь должен был «препятствовать», лишая их, видимо, права исполнять функции *адхьякши* — «расточающий наследство, немедленно растрачивающий то, что получает, скупой (или жадный)». Любопытно, что в КА VII.13.13 эти же лица (или лица, имеющие такие же характеристики) выступают как «несправедливые цари», которых рекомендуется атаковать с тыла.

Обладание «партией сторонников» в КА — характерный признак многих «правителей» разного уровня. Нередко в качестве таких сторонников выступают правители более низкого уровня («союзники», «родственники» и пр.). Так, в КА V.1.3 совет привлекать «партию лиц, склонных к измене» (см. также КА I.14) явно касается тайных противников сановников — *махаматров*, *мукхьев*, но не царя. В КА V.1.9—11 предлагается тайно убить брата сановника-изменника, ранее просившего у брата доли наследства

(и в результате отказа ставшего его противником). Затем, приняв сторону «партии сторонников убитого» (*хатапакша*), следовало устранять этого сановника. Вместе с тем, в этой же главе предлагается использовать «тайные методы» по отношению к «своей партии» царя и «партии его противника», явно состоящей из *махаматров*, *мукхьев* и подчиненных царей. *Аматье*, выполняющему функцию регента, рекомендуется привлекать на свою сторону «начальника» (*мукхья*), если он обладает «партией сторонников», или отправлять его в опасный поход, чтобы устранить с помощью «тайных убийц» (КА V.6.8), — действия эти были обусловлены, видимо, потенциальной опасностью последнего для наследника трона. Царь, согласно КА XIII.3.36, мог изгонять верных «начальников» городов, областей или войска под предлогом их принадлежности к «группе лиц, склонных к измене», чтобы они, перейдя на сторону врага царя, способствовали расколу сил последнего и его поражению. В КА XIII.3.2 аналогичная рекомендация связывается уже с «начальником *шрени*» (*шренимукхья*) и его «партией». «Губящий союзника» (КА VII.13.18—19, явно имеется в виду царь — союзник) толкуется как «губящий свою партию». Царю, обладающему «слабой партией» (*хинапакша*), предлагается приобретать «партию сторонников, состоящую из родственников и союзников» (*бандхумитрапакша*, КА VII.14.14). Царю, находящемуся между двумя сильными врагами, в КА VII.2.23 предлагается прибегать к помощи царей «нейтрального», «срединного» или «царей, принадлежащих к их партиям» (*татпакшиянам раджням*).

Постоянная политическая активность, деятельность государя по увеличению «своей партии», привлечению сторонников, а также по устранению лиц, принадлежащих к «партии противника», или лиц, склонных в силу ряда причин к измене, — суть политики царя в «теории» КА; с деятельностью такого рода связаны большинство рекомендаций трактата. Не случайно проблема формирования «партии сторонников» рассматривается в одной из первых глав КА (I.13—14). Однотипность социально-политической структуры общества, по представлениям авторов трактата, наличие «партий» у «правителей» разного уровня (владыки *чандалы*, царя, *мукхья*, *махаматра* и пр.) обуславливают также и одинаковый подход, сходство рекомендаций по «внешней» и «внутренней» политике, отношений царя с «сановниками» и иными государями.

Следует подчеркнуть, что и политика завоевания, покорения иных царств рассматривается в КА в тесной связи с мерами по формированию «своей партии» в стране врага, т.е. не как прямая агрессия, а как постепенное переманивание на свою сторону представителей «партии противника».

Первым делом посла после его отправки в иное царство, согласно КА I.16.7, было «общение» с «начальниками городов и областей, хранителями границ и вождями лесных племен» на территории противника. Применение «шести методов внешней политики» (*шадгуньям*) связывается сразу же с исполнением соответствующих «дел» (*карман*) по устройству крепости, оросительного сооружения и пр. (см. о них выше). Успех царя в их осуществлении и способность «вредить» таким же «делам» врага — важный критерий при выборе соответствующих «методов политики» (см. КА VII.1). Очевидно, что эти «дела» царь осуществлял через «правителей» более низкого уровня — *мукхьев*, *махаматров* и пр. (см., например, КА V.1.21, 39) и от их верности государю зависело положение последнего. Не случайно царю в КА VII.1.32 предлагается «переманивать людей врага» обещанием милостей, освобождения от налогов, большей выгоды (для такого лица) при исполнении дел.

Социально-политическая структура общества, государства (как она представлялась авторам КА), видимо, обуславливала отсутствие необходимости в сколь-нибудь развитой хозяйственной администрации, в КА она практически незаметна. «Управление» собственными владениями царя и его клана (*мула*) осуществлялось, по мысли авторов КА, аналогично «управлению» иными территориями царства. Общины, общинные объединения, местные власти платили традиционные подати областным «начальникам», часть сумм последние передавали в казну. В случае неуплаты или превышения ими своих полномочий, пределов своей компетенции, царь «наказывал» их или устранял как «изменников», «преступников» или «врагов». Определенных забот требовали лишь казна, кладовые, войско, охрана царя и иные службы двора. Но и в этих сферах ключевые посты занимали представители знати, которых считать исключительно чиновниками нельзя.

Авторы КА не представляли себе «государства, издающего законы», но и «государство, собирающее налоги», понималось ими довольно своеобразно. В трактате совершенно не предусмотрена специальная налоговая администрация. В фискальных целях, как мы постарались показать выше, использовались скорее всего существующие общественные структуры, руководство общин, общинных объединений, корпораций, владетельная и служилая знать и пр. Предлагалось широко передавать права на сбор податей, использование «царского имущества» *адхьякшам*. При таких условиях, объективно, задачи «администрации» резко сужались, сводились лишь к контролю за правильной и своевременной передачей соответствующих сумм и товаров представителями властных структур, которые использовались в фискальных целях (естественно, согласно концепции КА), исполняли функции *адхьякш* и иных «чиновников».

Основной задачей царя и его «администрации», по представлениям авторов КА, как мы уже отмечали, была «защита» царства и населения, которая понимается в трактате довольно широко. Но и в случае осуществления всех предлагаемых рекомендаций, направленных на стабилизацию политической и экономической структуры царства, последнее не могло выглядеть стабильным. Лояльность, верность и покорность — категории явно не постоянные, а «честность» (для *адхьякш*) — еще более преходящая. Конечно, относительная стабильность царства мыслилась в КА как обусловленная прежде всего политикой царя, постоянно занятого формированием своей «партии» сторонников, своей *мандалы*, следившего за честностью и верностью правителей более низкого уровня, особенно при перераспределении «доходов», устранявшего изменников, врагов, преступников в самом широком смысле слова (прежде всего во властных структурах), заменявшего их на их более лояльных и честных родственников, стремясь (в большинстве случаев) сохранить преемственность власти на любом уровне. В числе основных проводников политики царя помощниками, осуществляющими соответствующие меры карательного характера, проверку честности и лояльности сторонников царя на любом уровне, были многочисленные в КА «тайные агенты».

Основное значение первых глав трактата, содержащих рекомендации о политике — меры по формированию «своей партии» царя на своей и чужой территории. Они связаны прежде всего с подбором *аматьев* и действиями через «тайных агентов». Последние активно участвовали в испытании *аматьев* (КА I.10.4, 6 и пр.), следили за «18 главными должностными лицами государства» (*тиртва*), горожанами и селянами (КА I.12.6; I.13.1), вели пропаганду в пользу царя в своей области и в области врага (КА I.13.2—15; 14.6—10), склоняя на его сторону различных «недовольных», приобретая царю новых «сторонников». «Тайные агенты»

в концепции КА — одно из важнейших средств стабилизации структуры государства, наиболее похожий на реальный и, возможно, единственный (в представлениях авторов трактата), кроме войска, канал управления государством. Из всех лиц, упомянутых в КА, именно их (наряду с писцами, счетчиками и «людьми», *пуруша*) можно с наибольшей долей уверенности считать служащими.

Крайне важной (хотя и не столь заметной) представляется роль «тайных агентов» во II книге КА. Концепция идеального государства здесь представлена несколько в ином, «фискальном» ракурсе, с использованием иной терминологии. Большинство *адхьяки* наделено в трактате значительным объемом прав, царство в этой книге выглядит раздробленным по «хозяйственному», или «отраслевому», принципу (политическая деятельность для *адхьяки* не предусмотрена). И соответственно основной критерий деятельности *адхьяки* — «честность», правильность сбора «доходов» и передачи должной части в казну. Критерий этот имеет политическую окраску, привязывается к рекомендациям о политике (так, собирая больше, чем положено, *адхьякиша* провоцирует недовольство населения, а передавая в казну меньше — присваивает имущество царя, ослабляя казну и т.д.). Правильность перераспределения «доходов» между *адхьякишей* и казной как будто бы подкреплялась «отчетами», но авторы КА весьма скептически оценивали результативность такой меры (поэтому идея «отчетности» дополняется весьма прозрачными стихами КА II.8.21, показывающими ее бесполезность, перечислением 40 способов казнокрадства и т.д., см. КА II.8.21). Наиболее логичным выглядит здесь вывод Каутильи: только через «тайного агента» можно проверить, расхищает или нет служащий (КА II.9.12 и др.). Именно «агенты», по мысли авторов трактата, обеспечивали контроль никак не связанных между собой *адхьяки*. В данном случае они действовали, возможно, под руководством *самахартра* («сборщика»), обязанностью которого было обнаружение, поимка и наказание преступников (нечестный *адхьякиша* считался преступником, см. КА II.35.8—15; КА IV.4). Согласно сведениям КА IV.4, «тайные агенты» также контролировали деятельность судей, деревенских старост и иных лиц.

Нельзя не отметить значение *самахартра* в рекомендациях КА. В ряде случаев именно он выступает как основной исполнитель царских функций по «охране *джанапады*» и по «искоренению преступников». Причем подчеркивается, что он лишь помогает царю исполнять его обязанности, действует только от имени последнего и к его благу. Так, например, в КА IV.5.14 предлагается, чтобы он, узнав через «тайного агента», что кто-либо похитил «хотя бы палку или плетень», показывал такого вора жителям, говоря: «Таково могущество государя» (см. также КА IV.5.13, 18). Далеко не всегда можно ясно понять, к кому обращены некоторые рекомендации во II, IV и иных книгах трактата — к царю или *самахартру*.

И все же, по-видимому, большая часть содержания II книги КА связана с деятельностью *самахартра*. Здесь последовательно доказывается необходимость «тайного контроля» (КА II.6—9), раскрывается его механизм в самой общей форме (КА II.35) и довольно подробно предмет контроля (КА II.11—34). Не случайно поэтому здесь регламентируются права и обязанности *адхьяки* (естественно, это теоретический, идеальный вариант), конкретные суммы податей, которые они могли собирать отчасти в свою пользу и, что следовало бы подчеркнуть, штрафы *адхьякишам* (см., например, КА II.21.11; 23.14; IV.9).

Очевидно, что *самахартр* использовал в своей деятельности «тайных агентов», несколько раз в тексте упомянуты «люди *самахартра*» (скорее всего такие же «агенты»). *Гона* (букв. «пастух») и *стханика* (букв. «местный»), возможно, были его подчиненными или исполняли аналогичные

функции в рамках более мелких территорий²³. Однако считать *самахартра* только чиновником, главой «налогового» ведомства, полиции или того и другого одновременно было бы заблуждением. Как следует из текста, *самахартром* мог стать человек, обладающий статусом *махаматра* (КА I.12.6), рекомендуется, чтобы он был «сподвижником» (*аматья*) царя, способным осуществлять соответствующие функции. Видимо, должность его считалась наследственной (КА XII.2.32, ср. КА I.10.3). Царь не мог, скорее всего, сместить его, для устранения *самахартра* требовалось организовать соответствующую интригу (как и для устранения изменников *мукхьев*, *махаматров*, зависимых царей), провоцировать возмущение населения (КА XII.2.29—32). И хотя в КА V.3.5 ему определено довольно значительное «содержание», есть повод считать, что главным для *самахартра* были собственные интересы, собственные источники дохода (КА VIII.4.33). И, наконец, самое важное — в тексте не обозначены пределы его компетенции, как и для большинства иных служащих. *Джананада*, в которой действовал *самахартр*, может пониматься и как обозначение всего царства, и как его часть (последней точки зрения придерживался, например, Б. Брелер), и тогда мы будем вынуждены говорить о нескольких таких служащих.

И все же нам представляется наиболее вероятным, что *самахартр* понимался авторами КА как один из главных помощников царя, занимавший положение, аналогичное тому, которое имели в более поздних государствах «главный министр» или «везир». Будучи знатным, могущественным человеком, обладая высоким статусом, и скорее всего значительными доходами, он исполнял важные государственные функции, проверяя через своих (или царских) людей («тайных агентов») *адхьякши*, устраняя преступников и обеспечивая «защиту» (в самом широком понимании слова) царства.

Довольно значительной была, в представлениях авторов КА, роль «тайных агентов» и в обеспечении стабильности наиболее крупной государственной структуры в трактате — *мандалы*. Широко известна точка зрения, отраженная во многих памятниках древнеиндийской литературы, согласно которой считалось, что столкновение войск — последнее средство в политике. Более перспективными представлялись дипломатические и «тайные меры» по устранению последнего. Все эти действия, по мысли авторов КА, обеспечивались «тайными агентами».

На любом уровне «тайные агенты» функционально выглядят обеспечивающими хотя бы относительное единство и царства, и *мандалы*. Через них царь осуществлял свои «обязанности»: защищал подданных, поддерживал порядок и законность, выявлял и устранял «преступников» любого рода (воров, изменников, врагов), «осуществлял наказания». И они были важнейшими помощниками царя при формировании «своей партии», «партии сторонников», являясь наиболее активными проводниками политики царя, способствуя единству государства. «Тайные агенты», согласно КА V.3.22—24, получали жалование (это именно те же «агенты», о которых говорится в КА I.11.1). Однако не следует, видимо, преувеличивать степень органи-

---

²³ Обычно их считали представителями налоговой администрации, подчиненными *самахартра*, хотя в тексте прямых указаний на это нет. Отсутствие достаточного количества сведений о них не позволяет однозначно судить о их месте в «государстве КА», но традиционное толкование функций *голы* и *стханики* не кажется единственно возможным. Так, они могли выполнять функции *самахартра* в рамках более мелких территорий, содействуя главе «объединения 5—10 деревень» и главе области. Возможно, также, они представлялись как своеобразные «резиденть», направляющие «тайных агентов», собирающие необходимую для *самахартра* информацию, помогающие устранить преступников любого рода. Однако следует подчеркнуть, что все это — лишь предположения.

зованности этой «тайной службы», считать ее четко сформированной административной структурой.

Чаще всего исследователи, касавшиеся проблемы организации «тайной службы», объединяли всех лиц, которые в переводах толкуются как «тайные агенты», в одну группу, и, таким образом, в историографии формировалось искусственное представление о фантастической структуре, «всепроникающей» и «всеохватывающей» тайной службе, делались выводы о «чудовищной сети, раскинутой над Индией и захватывающей в конце концов любого, кто мог бы принести выгоду или нанести вред правительству»²⁴. Представление о могущественном централизованном «государстве КА» дополнялось выводом о существовании в рамках этого государства организованного тотального шпионажа на любом уровне. Однако рассмотрение сведений КА позволяет считать подобного рода выводы ошибочными.

Все термины, которыми в КА обозначаются «тайные агенты», можно разделить на несколько групп. Это, во первых, обобщенные термины, которые обычно переводят однозначно — «тайный агент», «шпион» (*чара, апасарпа, гудхануруша* и пр.). Остальные же термины только толкуются, интерпретируются как обозначение «тайных агентов» авторами КА (отчасти) и исследователями (главным образом).

Довольно часто в тексте встречаются термины, толкуемые как обозначение «тайных агентов», состоящие из двух частей, где обязательно присутствует слово *вянджана* («имеющий облик», «выглядящий, как»). Их обычно считали «шпионами», которые действовали «под прикрытием», маскировались под земледельца, торговца и пр. Такие выводы в ряде случаев вызывают справедливое недоверие. Так, например, в КА I.11.9—10 говорится: «[Агент] — земледелец, лишенный средств, умный и честный служащий, имеющий облик домохозяина. Он пусть на отведенном ему участке земли занимается земледелием». Такой «агент» (*гривхатикавянджана*), согласно КА II.35.8—10, должен был быть в курсе всех дел в деревне, знать размеры полей и объем собранного урожая, иметь сведения о доходах населения, об освождении отдельных семей от налогов, о поведении жителей, причинах их отъезда и приезда и т.п. Сомнение в хотя бы относительной целесообразности подобной рекомендации совершенно естественно, даже если исходить из традиционного представления о централизованном «государстве КА», о практичности предложений авторов трактата. «Внедрить» такого агента было бы крайне трудно, и деятельность его не могла быть тайной для жителей деревни. Шпионы, которые становятся земледельцами, торговцами и пр., — слишком сложное и надуманное толкование таких рекомендаций КА. Однако, если изменить акцент, отказаться от изначального отождествления «государства КА» с тоталитарной структурой, от идеи о «всепроникающей тайной службе», то все становится более простым и понятным.

Домохозяин-земледелец вполне мог быть «тайным человеком» царя (буквальный перевод термина *гудхануруша*), его сторонником, слугой, передающим информацию, выполняющим поручения царя или *самахартра* и получающим за это вознаграждение. Такой человек был «агентом по совместительству», и он совсем не обязательно должен был знать все, о чем говорится в КА II.35.8—10. Здесь скорее всего изложено все, что он мог узнать, перечислены его возможности (а не «обязанности», подобный подход весьма характерен для КА), темы, интересующие государя. Для такой работы у земледельца были основания — он был «лишенный средств» (КА I.11.9), занимался земледелием «на отведенной ему земле» и получал плату за услуги (КА V.3.22). Такова же ситуация была, по-види-

²⁴ Breloer. Kautaliya-Studien. S. 150, 516.

тому, и с иными «агентами», о которых говорится в КА I.11.1. Указанные здесь лица толкуются как «имеющие облик» только потому, что они, оставаясь земледельцами, торговцами и пр., одновременно стали «тайными людьми» царя, сообщая ему необходимую информацию. Ни о какой фантастической маскировке «агентов» в КА нет речи, «маскировка» — реальное занятие человека, тайно оказывавшего услуги царю, ставшего его «агентом», или, вернее, сторонником, слугой, осведомителем.

В последних книгах КА, где «тайные агенты» — одно из главных действующих лиц, встречаются такие термины, как *душьямитратавикавьянджана* («имеющие облик изменника-союзника и вождя лесного племени» — КА XII.4.19; 5.29), *митравьянджана* («имеющий облик союзника» — КА XII.5.28), *дутастьянджана* («имеющий облик посла» — КА XIII.1.11), *митрасарамукхьявьянджана* («имеющий облик союзника, союзника в тылу или начальствующего лица» — КА XIII.4.28, 30) и др. Естественно, таких лиц считать «шпионами» трудно, нет сомнения — союзник, вождь лесного племени и пр. — обозначение реального, с точки зрения авторов КА, положения лиц, о которых говорится в тексте. Они, однако, одновременно и «люди царя», его тайные сторонники, своими действиями способствующие победе последнего над врагами. «Союзник» становится «имеющим облик союзника», ибо он одновременно действует и как «тайный человек» царя — такое изменение терминологии связано с дополнением функций и роли «союзника» и иных лиц. И оно выглядит вполне логично, поскольку авторы КА занимали главным образом вопросы политики и соответственно представители различных уровней власти оценивались одновременно с точки зрения политика — сторонник, тайный враг и т.д.

Нередко в тексте встречаются термины, характеризующие «специализацию» того или иного «агента». Так, в КА I.12.1—5 перечисляются *самтрин* («подстрекатель», «провокатор»), *тикшина* («тайный убийца»), *расада* («отравитель») и *бхикшуки* («странствующая монахиня»), которых обычно считали «специальными агентами». Это опять же можно считать неоправданным усложнением терминологии КА. Скорее ряд отмеченных терминов — лишь искусственная классификация «агентов» по функциональному признаку. Подговоры, подстрекательство, убийства, сбор информации, согласно представлениям авторов КА, являлись основными обязанностями любого «агента», каждый мог выступать в том или ином из обозначенных здесь качеств. Следует заметить, что чаще всего эти термины употребляются в тексте исходя из их буквального значения (т.е. *самтрин* — занимается подстрекательством и т.п.). Лишь несколько выпадает из общей классификации *бхикшуки* — этот термин употребляется в КА значительно реже и связывается с интригой только одного типа — монахиня провоцирует сановников, сообщая им о «любви жены царя» или о посягательствах царя на их жен.

При всем обилии рекомендаций, в которых моделируются изощренные интриги с использованием многочисленных «тайных агентов», кажется очевидным, что ни о какой «секретной службе» как о политическом, государственном институте древности говорить, основываясь на сведениях КА, нельзя. И это не выглядит противоречием. КА — трактат о политике, изложение государственной мудрости как таковой. Авторы, используя традиционную терминологию, исходя из традиционных представлений о социально-политической структуре общества и государства, следуя излюбленной для древнеиндийских трактатов методике, стремились дать все возможные (по их мнению) виды решения определенных ситуаций, нередко прибегая к искусственным построениям, классификациям.

Кажется очевидным, что в тексте мы имеем дело с концепцией децентрализованного государства. Подобный вывод не подразумевает утвержде-

ния о неразвитости «государства КА». Централизация и бюрократизация представляются просто несовместимыми с представлениями авторов трактата о социально-политической структуре общества (и, кроме того, уровень централизации и бюрократизации не может считаться, по нашему мнению, критерием развитости для древнего государства). Одним из центральных в рекомендациях КА был вопрос о каналах управления таким государством. И он представлен здесь, по нашему мнению, в единственно возможной для такой структуры форме. Основными функциями «администрации» в КА были слежка, контроль, проверка исполнения традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверка «честности» при передаче в казну должной части дохода, а также наказание, штрафование или устранение нарушителей («изменников», в том числе потенциальных, на любом уровне, «врагов», тех, кто присваивал «царское» имущество, царскую долю дохода и пр.). Причем после устранения таких лиц на их место предлагалось ставить представителей их же рода, только более лояльных, верных и честных (в большинстве случаев). И довольно важную роль в рамках такой системы управления играли «тайные люди» (*гудхануруша*) царя, те, кого обычно исследователи считали «агентами» или «шпионами». Они занимали различное положение в обществе и выполняли, по существу управленческие функции, являясь важной частью небольшой «администрации» царя.

STATE, ADMINISTRATION AND POLICY IN KAUTILYA'S «ARTHASHASTRA»

D.N. Lelukhin

The paper is devoted to the problem of the ancient state and contains the analysis of materials and terminology of one of the most important sources on the problem, Kautilya's «Arthashastra» (further KA). The conception of the ancient state in India as strong, centralized, with a developed bureaucracy, formed in historiography in the first quarter of the 20th century and valid hitherto, is based mainly on the evidence of this treatise. A closer analysis of KA makes it possible for the author to arrive at the conclusion that the traditional interpretation of KA's information about the state and its administration is doubtful.

The society (from the point of view of its political structure) appears in the text as a complex structure of «political units» (*«rajya»*, kingdom is only one of the elements of this structure), which is in a complex hierarchy of rulers at different levels. The general principle of Kautilya's policy — integration without annexation — forms the political structure of the world in KA. Any political unit in KA is the union of lower autonomous units which retain their wholeness, their leaders and administration, their customs and laws.

Kautilya's state hasn't developed a state bureaucracy. Most persons mentioned in KA — *«adhyakshas»*, *«amatyas»* and others (with the exception of those called *«purusha»* or *«gudhapurusha»*) cannot be considered officials, rather they ought to be regarded as leaders of various «political units» — dependent rulers, noblemen, heads of clans, guilds or communal organizations who are referred to in KA by different functional terms depending on the context.

С.Ю. Сапрыкин
ИЗ ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА
ПОЛЕМОНИДОВ

(По данным эпиграфики)

Династия понтийских царей Полемонидов или Зенонидов широко известна в Малой Азии, Причерноморье и на Балканах. До нашего времени дошло много эпиграфических памятников, в которых упоминаются представители этого дружественного римским императорам царствующего дома и их ближайшие родственники. Пытаясь составить их исчерпывающую генеалогию, исследователи неоднократно обращались к различным памятникам, давая им подчас совершенно противоположные объяснения и трактовки, нередко ошибочные, что вызвано неверным чтением надписей. В то же время немалое их число вообще не получило должного научного анализа. Это привело к появлению многочисленных стемм рода Полемонидов, не отличающихся точностью и научной достоверностью. Между тем правильное представление о родословной понтийских царей имеет важное значение для понимания политики Рима в Восточном Средиземноморье, его взаимоотношений с клиентскими государствами, внутренней политики Понта и соседних царств, где у власти находились представители славного рода. В данной работе мы не ставим задачу исследовать все эпиграфические свидетельства о Зенонидах, а сконцентрируем внимание только на тех, которые по тем или иным причинам не получили должного научного анализа или выпали из поля зрения исследователей. Мы также коснемся надписей, которые были не совсем верно трактованы, что привело к искаженным выводам.

1. Фрагмент мраморной плиты с остатками шести строк греческого текста, обнаруженный в некрополе Амиса; высота букв в стк. 1 — 0,03 м, сткк. 2—4 — 0,025 м, сткк. 5—6 — 0,02 м, стк. 1 отделена от стк. 2 на 0,08 м, остальные пять строчек разделены пространством в 0,01 м. Эстампаж надписи сделан П. Жираром, текст издан Ф. Кюмоном и Р.Х. Лепером¹; в реконструкции Кюмона переиздан в *Studia Pontica*. III.1.3 (далее — SP) и IGR. III.1436:

- 1 [...ἀπὸ προγόνων βασι-
λ]έων, τετραρχῶ[ν,
στεφα]νηφόρων, ἀγω-
[νοθετῶν, ἀρ]χιερέων Μάρ-
5 [κον.....]ιον Ἀντων[εῖνον]
ΟΡΟΥΚΑ
ΟΥΠ

¹ Лепер Р.Х. Несколько греческих и римских надписей // ИРАИК. 1904. Т. IX. Вып. 1—2. С. 250—255; Cumont F. Nouvelles inscriptions du Pont // REG. 1904. Т. 18. P. 331.

В начале стк. 5 Кюмон восстанавливал -ιον, Лепер -κιον, а Канья -χιον по сохранившемуся в обломе кончику правой верхней гасты от X или K. Кюмон и Канья не отважились датировать документ и воздержались от определения упомянутого в нем лица, указав только, что среди его предков были цари Понта и Пафлагонии, а также тетрархи Галатии. Лепер же вычитывал в сткк. 4—5 имена триумвира Марка Антония и его брата, квестора провинции Азия в 50 г. до н.э. и проквестора-правителя в 49 г. до н.э., датировав надпись I в. до н.э. Последние строчки все исследователи оставили без восстановления.

В настоящее время имеется возможность дать почти полную реконструкцию надписи, установить ее датировку и определить лицо, которому она посвящена. По характеру шрифта надпись датируется серединой — второй половиной I в. н.э. Прямую аналогию ей дают недавно обнаруженные надписи I в. из Гераклеи и Аполлонии на Сальбаке. Принимая также во внимание, что в начале стк. 1 бесспорно восстанавливается традиционная для греческих надписей римского времени формула ἀπό προγόνων βασιλέων (ср. IGR. III.173 — Анкира; CIRB. 1047; 1118: ἐκ προγόνων βασιλέων) следует полагать, что с левой стороны камня утрачено примерно 18—24 буквы, а с правой — 22—23 буквы текста.

В надписях из Гераклеи и Аполлонии на Сальбаке упомянут Лукий Антоний Зенон, сын Марка Антония Полемона, военный трибун XII легиона Фульмината, удостоенный светлейшим из богов Августом почетного права носить царские пурпурные одежды по всей Римской империи, верховный жрец императора Цезаря Августа в провинции Азия. Поэтому надпись из Амиса будет читаться следующим образом:

- 1 [Τὸν ἀπὸ προγόνων βασιλέων, тетραρχῶ[ν.....]
 [..... στεφαν]νηφόρων, ἀγω[νοθετῶν.....]
 [..... ἀρ]χιερέων Μάρ[κου Ἀντωνίου Πολέμωνος]
 [Φιλοπάτορος υἱὸν Λου]κίου Ἀντωνίου Ζήνωνα, χιλιαρχήσαν]-
 5 [τα λεγεῶνος ἐβ' Κεραυνοφ]όρου καὶ τ[ετειμημένον ὑπὸ τοῦ Αὐτο]-
 [κράτορος Καίσαρος Σεβαστ]οῦ π[ορφυραφορία βασιλικῆ διὰ τῆς]
 [οἰκουμένης.....]

Перевод: «[Происходящего от предков] царей, тетрархов... стефанофоров, агонифетов... верховных жрецов [статую] Лукия Антония [Зенона, сына] Марка [Антония Полемона, отцелюбивого, бывшего военным трибуном XII легиона] Фульмината и [удостоенного Автократором Цезарем] Августом [права носить царскую пурпурную одежду по всей Империи...]

В утерянной части надписи, возможно, говорилось, что Л. Антоний Зенон замещал должность верховного жреца императора Августа в провинции Азия, как о том свидетельствуют почетные надписи из Аполлонии и Гераклеи на Сальбаке, А. Сейлан и Т. Ритти, проанализировавшие сведения о Лукии Антонии Зеноне в основном по надписям из Гераклеи и Аполлонии (разбираемая нами надпись из Амиса осталась вне поля их зрения), установили, что этот государственный и военный деятель эпохи Ранней империи происходил из семьи Полемонидов—Зенонидов, из той ее ветви, которая вела родословную от Антония Зенона, сына ритора Зенона из Лаодикеи на Лике, и родного брата царя Понта Полемона I (37—7 гг. до н.э.), основателя другой ветви рода. По их мнению, упоминаемый в документе из Гераклеи и Аполлонии Лукий Антоний Зенон приходился внуком Зенону, брату царя Полемона I, а его отцом был Полемон, о котором в надписи из Ким сказано, что он «жрец богини

Ромы и императора Цезаря, сына бога, бога Августа (IGR. IV.1302)². Надпись из Ким, как установлено еще Б. Кене, была поставлена между 2 г. до н.э. и 14 г. н.э., так как Август назван в ней «Величайшим первосвященником и отцом Отечества» — титулом, который он получил только во 2 г. до н.э. Значит, Полемон, сын Зенона, мог быть жрецом в Кимах лишь в указанный промежуток времени³.

Согласно монетам из Лаодикеи на Лике, родного города династии Полемонидов, Лукий Антоний Зенон замещал там должность эпонимного жреца при Клавдии и Нероне, а его отец Полемон исполнял эту же должность непосредственно перед ним, т.е. при Августе, Тиберии и Калигуле. При этом на монетах города его имя читается Ἀντών(ιος) Πολέ(μων) ΦΙΛΟΠΑ⁴. Это показывает, что верховное жречество в Лаодикее прочно удерживали за собой представители рода Зенонидов—Полемонидов еще с того времени, когда при Марке Антонии основатель династии ритор Зенон и его сын, будущий царь Полемон I, успешно отразили нападение парфян, облегчив Риму борьбу с его восточным противником⁵. Не вызывает сомнений, что означенная должность переходила по наследству от отца к сыну. Поэтому предложенное чтение надписи из Амиса получает дополнительное подтверждение. Ведь названное в ней лицо происходило от верховных жрецов, стефановоров, агонифетов при том, что две последние магистратуры также жреческие.

К сожалению, из поля зрения Сейлана и Ритти выпала и известная надпись из Амфиополя, в которой говорится:

- 1 [... .. Ἀρ]μενίας τῆς προστεθεισης ὑπὸ
[Γαίου Καίσα]ρος Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ, Πολέ-
[μων . . . .] εὐσεβῆς πατὴρ καὶ Πολέμων
[. . . . φιλο]πλάτων καὶ Ῥοιμητάλκης φιλόκαισαρ
5 [ἀνέθηκαν]τῇ Ἀμφιπολείτων πόλει διὰ τῆν
[. . . πρὸς τὸν] οἶκον αὐτῶν εὖνοιαν τε καὶ τιμῆν

Наибольший интерес для нас представляет упоминание в ней о Полемене, сыне... благочестивом отце, и Полемене, сыне... отцелюбивом (SEG. III.2.498). В.П. Яйленко дал реконструкцию надписи, высказав предположение, что это отец и сын из рода Полемонидов. В Полемоничестве он

² *Ceylan A., Ritti T. L. Antonius Zenon // Epigraphica. 1987. V. XLIX. P. 104. Pl. 20; Robert J. et L. La Carie. P., 1954. V. II. P. 280, № 160; An Inscription from Apollonia Salbake in Caria // EA. 1987. Ht 9. P. 73—*

³ Этого Полемона ошибочно принимали за царя Полемона I Понтийского. Описание музея покойного князя В.В. Кочубя. Т. II. СПб., 1857. С. 174—177; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951. С. 89; *Boekh A. Comm. ad SIG, II, 3524; Sallet A. Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Kimmerischen Bosphorus und des Pontus. B., 1886. S. 35—67*, однако В. Валдингтон показал, что это разные лица, поскольку при Августе, Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне он являлся жрецом в храме Зевса Лаодикейского (*Waddington W. Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olba // RN. 1866. P. 423 suiv.*; ср. *Ramsay W. The Cities and Bishopsis of Phrygia. Oxf., 1895. V. 1. P. 46; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. V. 1. P. 486; Engelmann H. Die Inschriften von Kyme. Bonn, 1976. № 19; Ceylan, Ritti. Op. cit. P. 91 f.*)

⁴ *Waddington. Op. cit. P. 423 suiv.; Sallet. Op. cit. S. 35—67; Орешников А.В. Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова. М., 1887. С. 84; Mommsen T. Gesammelte Schriften. B., 1913. Bd 8. Teil I. S. 264—271; BMC. Phrygia. V. LXXVII. P. 301. № 145, 146; P. 303. № 150—160; P. 304. № 161—163; SNG. Danish National Museum. Phrygia. Copenhagen, 1942—1944. № 557—562, 613, 614; SNG Deutschlands. Sammlung von Aulock. Phrygien. B., 1957. № 3809, 3859, 3876; Ceylan, Ritti. Op. cit. P. 92.*

⁵ *Strabo. XII.8.16; XIV.2.24; Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 51, 52, 110.*

усматривает не названного Страбона по имени старшего сына царя Полемона I, который после смерти отца в 7 г. до н.э. правил в Понте вместе с матерью Пифодоридой (Strabo. XII.3.29), а в 38 г. н.э. был посажен Калигулой на царство в Армению одновременно с племянниками, получившими в управление Понт (Полемон II), Фракию (Реметалк III) и Малую Армению (Котис IV) (Cass. Dio. LIX.12.2; LX.8; Syll.³ 798 = IGR. IV.145; 147; Syll.³ 799 = IGR. IV.14⁶). К сожалению, Яйленко оставил без внимания монеты Лаодикеи на Лике, в которых обозначены имя и эпитет одного из ее жрецов-эпонимов Ἀντών(ιος) Πολέ(μων) ΦΙΛΟΠΑ, т.е. φίλόπα(τρης) — «любящий отечество»⁷. Хронологическая близость этих монет и надписи из Амфиполя (вторая четверть — середина I в. н.э.), сходство эпитетов и имен позволяют предположить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице, имевшем римский помет Антоний и греческий cognomen Полемон. Из этого следует вполне вероятный вывод, что прозвище этого человека было не «любящий отечество» (φίλοπατρης), а «отцелюбивый» (φιλοπάτωρ), как засвидетельствовано амфипольской надписью, и потому с большой долей вероятности должно быть дополнено в монетной легенде. Это заставляет отказаться от предположения Яйленко, будто в надписи упоминается Полемон, внук Полемона I, царя Понта и Боспора, ибо Полемон амфипольской надписи был жрецом-эпонимом в Лаодикее, а его сыном являлся Лукий Антоний Зенон, сын Полемона, жрец в Лаодикее, первосвященник культа Августа в провинции Азия, военный трибун и пр., о чем говорится в надписях из Гераклеи и Аполлонии на Сальбаке, а также Амиса. Поскольку он происходил из того ответвления рода Зенонидов, родоначальником которого был Антоний Зенон, брат царя Полемона I, то отец Антония Полемона Филопатора, дед Л. Антония Зенона также Полемон, засвидетельствованный амфипольской надписью, не может быть старшим сыном царя Полемона I, так как на самом деле был сыном Антония Зенона, его брата. Следовательно, прадедом Лукия Антония Зенона был Антоний Зенон, брат Полемона I, а прапрадедом сам Зенон, ритор из Лаодикеи, основатель рода Полемонидов—Зенонидов. Вот почему у Л. Антония Зенона были веские причины величать себя «происходящим от предков царей». Учитывая сказанное, мы отклоняем конъектуру стк. 3 надписи из Амфиполя, предложенную Яйленко: Πολέ[μων βασιλεύς] или [Πολέμωνο]ς, εὐσεβῆς, πατήρ и настаиваем на более вероятном чтении Πολέ[μων Ζήνωνο]ς.

Иначе надо понимать и структуру документа. Это окончание большой надписи, посвященной полису амфиполитян за какие-то благодеяния с их стороны, от имени родственных друг другу царей и частных лиц. В утраченных строках, скорее всего, упоминались имена царя Малой Армении Котиса IV, брата Полемона II Понтийского и Реметалка III Фракийского (имя его присутствует в стк. 4), получивших царства из рук Калигулы в 38 г. н.э.⁸ Первые две сохранившиеся строчки надписи должны, таким образом, относиться к Котису IV, а имя и эпитет Полемона, сына Зенона (?), не связаны с передачей ему Армении Гаем Калигулой, а должны быть, по нашему мнению, отделены от имени и титула императора запы-

⁶ Яйленко В.П. Полемон, царь Армении // ИФЖ. 1981. № 1 (92). С. 168—178.

⁷ Ceylan, Ritti. Op. cit. P. 92.

⁸ Тачева М. История на българските земи в древността. София, 1987. С. 87. Болгарская исследовательница ошибочно полагает, что речь в надписи идет о трех сыновьях Котиса III, объявленных Калигулой царями, хотя в надписи, как нам кажется, фигурируют только двое из них, а именно: Реметалк III, имя которого прямо засвидетельствовано, и Котис IV, от которого сохранилось лишь указание на то, что он получил Армению (Малую?) из рук Калигулы.

той, как самостоятельное в этом контексте надписи понятие, т.е. имя, патронимик и эпиклеса лица, не имевшего царского титула, но относящегося к роду царей Реметалка III и Котиса IV. К таковым могли относиться лишь члены династии Полемонидов—Зенонидов, а конкретнее — исключительно потомки Антония Зенона, брата Полемона I. Ни Полемон-отец, ни Полемон-сын амфипольской надписи не могли являться прямыми потомками Полемона I, так как со времени Калигулы все представители его ветви рода носили титулы царей, династов, верховных жрецов. Следовательно, в этих двух Полемонах правомернее усматривать соответственно деда и отца Лукия Антония Зенона, так что отцом Лукия Антония Зенона был Марк Антоний Полемон «Отцелюбивый», а дедом — Полемон, сын Зенона, «благочестивый отец» в надписи из Амфиполя и жрец Августа и Ромы в Кимах во 2 г. до н.э. — 14 г. н.э.

Обнаружение надписи Л. Антония Зенона в Амисе подводит нас к спорной проблеме вхождения города в царство Полемонидов. Об этом имеется сообщение Страбона: «Город был осажден Лукуллом, а позднее Фарнаком, который переправился с Боспора. Божественный Цезарь освободил город, а Антоний снова отдал его под власть царей. Затем тиран Стратон довел его до тяжелого положения. Наконец, после Актийской битвы он был снова освобожден Цезарем Августом...» (XII.3.14). Это свидетельство толкуется исследователями по-разному: одни считают, что со времени Лукулла и до конца Империи город сохранял свободный статус, подтвержденный Цезарем и Августом⁹, другие полагают, что «цари», которым был передан город, это тетрархи Дейотар, Кастор, Аминта и царь Понта Дарий, сын Фарнака II (39—37 гг. до н.э.)¹⁰ или Дарий и Полемон I¹¹, притом последний, как иногда предполагается, управлял Амисом до тирании Стратона, ликвидированной после провозглашения элевтерии при Августе после битвы при Акции¹². По монетам эра города начинается в 32/31 г. до н.э.¹³, следовательно, он был выведен из-под власти «царей» и тирана Стратона и присоединен к провинции Вифиния—Понт в качестве самоуправляющегося города еще при Антонии незадолго до битвы при Акции, а после битвы Август объявил его свободным. Значит, тяжелое положение, в которое попал город при тиране Стратоне, сложилось во время его подчинения «царям». Нами уже давалась трактовка данного пассажа Страбона в том смысле, что Амис после перехода под власть Дария и Полемона I находился в течение 39—32 гг. до н.э. во власти их ставленника Стратона¹⁴. Обнаружение надписи Л. Антония Зенона в некрополе Амиса показывает, что он мог быть похоронен в этом полисе. А это может означать, что город сохранял связи с бывшей династией понтийских царей (к которой

⁹ Weimert H. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: die Antike Landschaft Pontos. Frankfurt am Mein—Bern, 1984. S. 116; ср. Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd I². Lpz., 1881. S. 351.

¹⁰ Лепер. Ук. соч. С. 250—255; Wellesley K. The Extent of the Territory added to Bithynia by Pompey // RM. 1953. N.F. 96. P. 304.

¹¹ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 304, 305; Rostovtzeff M.I. Caesar and the South of Russia // JRS. 1917. V. VII. P. 42—44; Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1937. P. 427; Magie. Op. cit. V. I. P. 434, 435.

¹² Максимова. Ук. соч. С. 305. Некоторые ученые полагают, что Стратон правил в Амисе со времени Антония до битвы при Акции (Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Lpz., 1891. Teil I. Bd I. S. 242; Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. P. 1007; Broughton T.R.S. Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank. Baltimore, 1938. P. 589).

¹³ WBR I², 1, P. 53; Malloy A. The Coinage of Amisus. N.Y., 1970. P. 3.

¹⁴ Сапрыкин С.Ю. Тирания в припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 104, 105.

принадлежал и покойный) еще с того времени, когда он входил в состав их царства. Вот почему правы те исследователи, которые под термином «цари» в тексте Страбона понимают Дария и Полемона I.

Другой вывод заключается в том, что мы можем говорить о получении прав римского гражданства и соответственно римского родового имени представителями побочной ветви династии Полемонидов, которая вела родословную от брата Полемона I. Члены дома, носившие имя «Полемон», получали полное римское имя покровителя династии Марка Антония, а лица, названные именем «Зенон» (в честь отца Полемона I), имели родовое имя Антоний, а личное имя Луций. Это, очевидно, связано с тем, что Полемон I был объявлен царем самим триумвиром, что дало ему и его одноименным родственникам право на полное римское личное и родовое имя покровителя. Что касается Антония Зенона, то он приобщился к семейству Марка Антония через родство с Полемоном I как брат и поэтому не имел прав на полное имя патрона династии. Отсюда и наречение побочных представителей с именем Зенон римским личным именем Луций или в греческом варианте Лукий в честь родного брата триумвира.

Было бы преждевременно завершить *curriculum vitae* Лукия Антония Зенона, не упомянув об одной должности, которую он занимал по причине своего происхождения и близости к римской императорской династии. В Аполлонии Понтийской (совр. г. Созополь) найдена надпись, посвященная Аполлону Врачу за здоровье и спасение Реметалка, сына царя Реметалка и внука по отцу царя Реметалка, и Пифодориды, внуки царя Реметалка и царя Полемона, которую по обету поставил некий Зенон, перед именем которого строкою выше сохранилось римское имя Лукий (IGR. I.1503 = IGB. I².399). Одни ученые считают, что она поставлена в честь царя Фракии Реметалка II (19—38 гг.) и его жены Пифодориды, которая, по одной версии, была дочерью Полемона I и Пифодориды Старшей (Филометоры)¹⁵, по другой — понтийской царицей¹⁶, а согласно третьей — внучкой понтийского царя Полемона I, дочерью Котиса III (13—19 гг.) и Антонии Трифены, что получило наибольшее признание¹⁷. Другие полагают, что в надписи надо подразумевать Реметалка III (38—46 гг.), сына Котиса III и Антонии Трифены, внука царя Реметалка I (11 г. до н.э. — 13 г. н.э.) и его сестру Пифодориду Младшую, внучку по материнской линии царя Полемона I, а по отцовской — того же Реметалка I, фракийского царя¹⁸. В 1984 г. мы попытались доказать, что эта Пифодорида была дочерью Реметалка II от брака с неизвестной ближе дочерью Полемона I и боспорской царицы Динамии, супругой Реметалка III¹⁹. Это нашло поддержку М. Тачевой, которая считает, что в надписи из Аполлонии Понтийской упоминаются Реметалк III и его жена

¹⁵ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 269; Seure J. Les derniers souverains thraces: Rhometalces et Pythodoris // REA. 1904. T. 6. P. 212—218; Prosopographia Imperii Romani. V. III. B., 1897. P. 131.

¹⁶ Данный вывод сделан не по созопольской, а по бизийской надписи (см. прим. 23): Mommsen T. Observationes epigraphicae: XVII. Reges Thraciae inde a Caesare dictatore // Ephemeris Epigraphica. 1875. V. II. P. 256; Strazzulla V. La serie dei re odrissi dal 200 a.c. al 46 d.c. // Bessarione. 1901—1902. Anno VI. Ser. 2. V. 1. P. 299.

¹⁷ Dessau H. Ephemeris Epigraphica. 1903—1913. V. IX. F. 4. P. 691—704; Lenk B. Thrake // RE. 1937. Bd VI A.S. 445—452; Gaggero G. Nouvelles considerations sur les dynastes du Ier siecle de n.e. // Pulpudeva, 1980. V. III. P. 312—314; Michailov G. Comm. ad IGB I², 399. P. 366; Sullivan R. Thrace in the Eastern Dynastic Network // ANRW. 1979. Bd II, 7, I. P. 202.

¹⁸ Kalinka E. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1960. S. 142 f.

¹⁹ Сапрыкин С.Ю. Пифодорида — царица Фракии // ВДИ. 1984. № 2. С. 141—153.

Пифодорида, дочь Реметалка II от брака с дочерью Полемона I, а сам Реметалк II являлся сыном Рескупорида III и дочери Реметалка I²⁰. Эта с виду логично выстроенная родословная имеет тем не менее важный изъян: единственной документально засвидетельствованной дочерью Полемона I была лишь Антония Трифена (Strabo. XII.3.29; IGR. IV.144 = ВДИ. 1939. № 3. С. 270. № 45), которая вряд ли была когда-либо замужем за Реметалком II, а женское личное имя Пифодорида не соответствует имени ни прямых предков, ни детей Полемона I и его первой жены Динамии, потомка Ахеменидов—Митридатидов. Наоборот, оно полностью соответствует имени его второй жены Пифодориды Старшей Матерелюбивой, внучки Марка Антония, матери Антонии Трифены (Eph. Ep. I.1872. P. 270—276; Eph. Ep. IX. P. 691). Вот почему мы склонны признать справедливым мнение Х. Дессау, что Пифодорида Младшая скорее всего приходилась дочерью Антонии Трифене и внучкой Пифодориде Старшей, поскольку в обычае греко-римской знати было давать внукам имена дедушек и бабушек²¹. Если принять предположение Тачевой, то можно было бы допустить, что Антония Трифена вышла замуж за Реметалка II, но это не согласуется с годами ее правления в Понте после смерти матери в 22/23 г. н.э.²² Поэтому мы вынуждены пересмотреть наше прежнее мнение и принять точку зрения тех, кто усматривает в созопольской надписи Реметалка III и его сестру Пифодориду, детей Котиса III и Трифены.

Означенная надпись перекликается с надписью из Бизии, в которой воздается благодарность Богу Благодетельному Высочайшему за спасение Реметалка III и Пифодориды от опасности во время Койлалетской войны, т.е. восстания фракийских племен в 21 и 26 гг. н.э., от имени некоего Гая Юлия Прокла (IGR. I.777)²³. Подоплека этих событий связана со злодейским убийством в 19 г. н.э. Котиса III его родным дядей Рескупоридом III, в результате чего он был сослан римлянами, а Фракия разделена между его сыном Реметалком II и малолетними детьми Котиса III, над которыми римляне поставили своего опекуна Требеллена Руфа (Tac. Ann. III.38). Ни в созопольской, ни в бизийской надписях Реметалк не имеет титула, хотя известно, что между 19 и 26 гг. Реметалк II имел титул династа, а после 26 г., когда малолетние дети Котиса были вывезены в Рим ко двору императора, получил титул царя всей Фракии. На этом основании мы в свое время связали бизийскую надпись с Реметалком III, который до 38 г. н.э. титуловался династом (ср. Strabo. XII.3.29: старший из сыновей Котиса правит страной в качестве династа — δυναστεύει), а Гая Юлия Прокла — с одним из римских опекунов детей Котиса, возглавляемых Требелленом Руфом²⁴.

Если вновь обратиться к надписи из Созополя, то легко заметить, что она поставлена за спасение Реметалка III и его сестры Пифодориды также одним лицом — Лукием А... Зеноном, посвятившим ее, подобно Гаю Юлию Проклу, одному из местных верховных богов. Относительно личности этого Зенона мнения у исследователей разные: его считали братом Антонии Трифены и дядей Пифодориды Младшей, будущим царем Ар-

²⁰ Tacheva M. On the Genealogy of the Last Kings of Thracia (100 B.C. — 45 A.D.) // TAB. 1985. V. II. P. 417; ср. Hasluck F. Inscriptions from Byzie // BSA. 1905/1906. V. XII. P. 175—183.

²¹ Dessau. Op. cit. P. 691 suiv.

²² Reinach T. Quelques éras pontiques // Histoire par les monnaies. P., 1902. P. 143—150.

²³ Hasluck. Op. cit. P. 175—183; Сапрыкин. Пифодорида... С. 141—143; Michailov. Op. cit. P. 366, 367; Kalinka. Op. cit. S. 127; Tacheva M. Corrigena et Addenda ad PIR. III. 1898; II². 1936; IV². 1966 pertinentia // Acta TAB. 1987. II. P. 211.

²⁴ Сапрыкин. Пифодорида... С. 146; Gaggero. Op. cit. P. 309—313.

мени, сыном Полемона I, либо одним из членов царствующего дома, посланного во Фракию для устройства брака Реметалка II и Пифодориды. При этом даже разделяли имена Лукий и Зенон, относя их к разным лицам²⁵.

Как мы указали выше, никаких оснований вычитывать в созопольской и бизийской надписях имена Реметалка II и его супруги нет, наоборот, есть большая доля вероятности, что это брат и сестра, малолетние дети Котиса III, правившие во Фракии в 19—26 гг. вместе с Реметалком II, но в разных частях государства. Обе надписи близки друг другу, поэтому причины их постановки могли быть одинаковыми: избавление от опасности, исходившей от восставших фракийских племен, недовольных правлением римских ставленников, и следующая за этим отправка детей в Рим. Если это так, то лицо, посвятившее Аполлону Врачу надпись в Понтийской Аполлонии, по рангу должно соответствовать должности Гая Юлия Прокла в Бизии. Если последний являлся одним из опекунов детей Котиса, то и Лукий А... Зенон также мог выполнять эти же обязанности под руководством претора Требеллена Руфа.

Что касается его полного имени, то, исходя из отчетливо читаемой в стк. 14 созопольской надписи левой гасты от буквы А, мы можем с большой степенью уверенности заключить, что это хорошо знакомый нам Лукий Антоний Зенон. Очевидно, он с ведома римлян был назначен опекуном детей Антонии Трифены, внуков Полемона I, во Фракии после убийства Котиса III. Это произошло благодаря его принадлежности к числу родственников этих малолетних правителей и тесных связей с Римом, что вообще отличало членов царского рода Полемонидов—Зенонидов. Следовательно, к должностям, которые занимал этот человек в первой половине I в. н.э., о чем говорится в надписях из Гераклеи и Аполлонии на Сальбаке, а также Амиса, теперь можно уверенно добавить его опекунство во Фракии в 19—26 гг., участие в судьбе Реметалка III и Пифодориды Младшей, выразившееся в спасении их от угрозы со стороны восставших фракийцев²⁶. Вполне вероятно, что дети Трифены и Котиса оказались при дворе императора не без содействия Лукия Антония Зенона. Учитывая сказанное, мы предлагаем следующую реконструкцию сткк. 14—15 созопольской надписи: [Λ]ούκιος Ἀ[ντωνίου Ζ]ήνων, а текст всего документа такой:

[Ἀπόλλωνι Ἰητρῶι / ὑπὲρ τῆς Ροιμ[η/τάλκου*] βασιλέως Κότι]υος καὶ βασιλέως Ρο[ι/μητά]λκου υἱ[ω/νοῦ κ]αὶ Πυθο[δω/ρίδος β]ασιλέως / Ροιμη[τ]άλκου, / [βασιλέως Πολ[έ/μωνος δ]ῆ** θυγατρ[ι/δῆς ὑ]γίας καὶ σ[ω/τηρία]ς εὐξάμ[ε/νος Λ]ούκιος Ἀ[ντωνίου Ζ]ήνων.

* По копии Сера υἱ]οῦ.

** В реконструкции Г. Михайлова — δέ, Е. Калинки — καί.

Любопытно, что в сообщении Тацита говорится о детях Антонии Трифены и Котиса III, ставших правителями после смерти отца, а в надписях упоминаются только двое из них — Реметалк III и Пифодорида. Чтобы прояснить данный вопрос, необходимо коснуться сложной проблемы организации государственного управления в Понте после смерти Пифодориды

²⁵ Sullivan R. *Thrace...* P. 205; *idem*. *Dynasts in Pontus // ANRW*. 1980. Bd II, 7, 2. P. 924; *Michailov*. *Op. cit.* P. 366; *Seure*. *Op. cit.* P. 212 suiv. Однако Х. Дессау сомневался, что в заключительных строках надписи восстанавливается имя Зенона (*Dessau*. *Op. cit.* P. 695).

²⁶ Указанный аспект карьеры Л. Антония Зенона также выпал из поля зрения А. Сайлана и Т. Ритти, не обративших внимание на возможность реконструкции его имени в надписи из Аполлонии Понтийской.

Старшей. Но прежде разберем интересную надпись из Херсонеса Таврического.

II. В IPE I².419 опубликована почетная надпись, от которой сохранился лишь веночек с указанием одной из заслуг чествуемого, которая в восстановлении В.В. Латышева выглядит следующим образом: Ἐπὶ τὰς συμμαχίας γενηθέντι τὰς πρὸς βα[α]σιλέα Πολέμωνα δι' ἄγεμον[ίαν εὐτυχῆ]. Первоиздатель вначале полагал, что речь в ней идет о главе посольства из Херсонеса к царю Полемону о заключении или возобновлении союза. Приняв затем поправку Ф.Ф. Соколова, Латышев справедливо усмотрел в документе указание на то, что чествуемый был начальником вспомогательного отряда, посланного к царю Полемону, и удачно исполнил командование. Однако ни Латышев, ни Соколов не определили, кто же из двух одноименных царей Понта упомянут в надписи. Новейшие исследователи единодушны, что это Полемон I, которому во время пребывания на Боспоре в 14—7 гг. до н.э. был отправлен вспомогательный отряд (ср. IOSPE I².704)²⁷. Недавно Ю.Г. Виноградов, опираясь на удачную поправку А. Вильгельма (καὶ вместо διὰ), предложил принципиально иное чтение заключительных строк текста: Ἐπὶ τὰς συμμα/χίας γενηθέν/τι τὰς πρὸς βα/σιλέα Πολέμω/να καὶ ἄγεμό/να Μυσίας — «Ставшему во главе вспомогательного отряда, посланного к царю Полемону и заместителю Мезии».

Согласно гипотезе Ю.Г. Виноградова, Полемон II после передачи ему в 38 г. н.э. Калигулой Боспора не оставался пассивным, наблюдая, как там вопреки воле императора укрепляет свою власть захвативший престол Митридат III, сын Аспурга и Гипеирии, а боролся с ним, опираясь на помощь римских войск из провинции Мезия, а также вспомогательного отряда из Херсонеса Таврического. Это противостояние продолжалось до 41 г., когда Клавдий передал Полемону II взамен Боспора домен его деда в Киликии (Cass. Dio. LX.8.2)²⁸.

Предложенная конъектура справедлива, поскольку на прорисовке надписи сохранились отдельные буквы названия этой римской провинции. Такое чтение устраняет не только вызывавшее у Латышева некоторое недоумение грамматическое несоответствие в его восстановлении (διὰ с вин. пад.), но и окончательно решает спор в пользу принадлежности документа времени Полемона II, так как при его деде Полемоне I римская провинция Мезия не существовала. Трактовка же Ю.Г. Виноградовым исторических событий, которые привели к появлению надписи, вызывает споры.

Представляется заниженной ее датировка 38—41 гг. н.э. Во-первых, она предполагает, что после 39 г. н.э., когда на Боспоре утвердился Митридат III, Полемон II оспаривал у него, законного наследника, власть и для этого мог находиться либо в Боспорском царстве, либо в Мезии, где собирались римские войска для похода против непокорного боспорского царя и выполнения воли Калигулы. Чтобы прояснить ситуацию, обратимся к серии декретов из Кизика, принятых в честь Антонии Трифены и ее сыновей, посаженных на царства Калигулой в 37/38 г. н.э.

В одном из них говорится, что в Кизик прибывают только что ставшие царями Реметалк III и Полемон II, чтобы отметить вместе с матерью

²⁷ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 102. Прим. 2; Соколов Ф.Ф. Труды. СПб., 1910. С. 641, 642; Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 17; Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 127; Соломонович Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 26.

²⁸ Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // Древнее Причерноморье. Вторые чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тезисы. Одесса, 1991. С. 17—19; он же. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130—139.

Трифеной учрежденные ею празднества в честь Афродиты Друзиллы, обожествленной сестры Калигулы (Syll.³ 798 = IGR. IV.145). По датировке Диттенбергера надпись относится к 37 г. н.э.²⁹, когда сыновья Трифены — Реметалк, Полемон и Котис были провозглашены царями соответственно Фракии, Понта и Боспора, Малой Армении. В надписи дано лишь общее упоминание о возвращении царств без указания конкретных доменов. Из текста надписи следует, что в Кизик для празднеств прибывают только двое из троих сыновей Трифены — Реметалк и Полемон, а самый младший Котис, вероятно, находился в Кизике с матерью. Но в связи с тем, что в надписи и он назван совоспитанником и товарищем Калигулы и вместе с братьями получил почести от горожан как один из царей, назначенных императором, то можно сделать вывод, что Котис прибыл в Кизик ранее своих братьев и находился в городе в момент провозглашения в Риме всех троих царями.

В другом декрете (Syll.³ 799 = IGR. IV.146) говорится, что Антония Трифена взяла на себя значительные расходы по очистке и восстановлению каналов, соединявших обе гавани Кизика, и на собственные средства обеспечила провиантом занятых на этом строительстве, позаботившись, чтобы рыночная торговля в городе не претерпела никаких ограничений. В этой надписи упомянуты Реметалк III, а также император Калигула и его дед по матери Агриппа. На этом основании документ справедливо относят ко времени не позднее 41 г. н.э., т.е. года смерти Калигулы, а скорее всего к 38 г., когда Реметалк III стал царем Фракии³⁰.

И, наконец, в третьей надписи (IGR. IV.147) говорится о посвящении благодарственного дара Посейдону Истмийскому за окончание восстановительных работ по очистке каналов от имени Антонии Трифены, «жены Котиса, дочери и матери царей и самой царицы», и от имени ее сына — царя Фракии Реметалка III, сына Котиса — царя Понта Полемона II, и Котиса. Поскольку в надписи речь идет о завершении восстановительных работ, о которых в предшествующей надписи говорилось как о деле, идущем полным ходом, то ее надо датировать временем чуть более поздним, чем надпись Syll.³ 799 = IGR. IV.146, но в общем приблизительно теми же 38—40 гг.³¹ В этой последней надписи и Реметалк III и Полемон II названы царями своих доменов, т.е. Фракии и Понта, а Котис вообще не имеет титула и указания на царствование в Малой Армении. Объяснить этот факт можно следующим.

Поскольку Котис прибыл в Кизик до того, как Калигула провозгласил его царем Малой Армении, то он, разумеется, отсутствовал в Риме в момент провозглашения молодым императором в Сенате его братьев царями и при представлении их сенаторам и римскому народу как вассалов и союзников Империи. Поэтому в те годы, когда в Кизике усилиями их матери велись восстановительные работы, а Реметалк III и Полемон II уже были интронизированы соответственно во Фракии и Понте, их младший брат Котис, очевидно, должен был съездить обратно в Рим и полу-

²⁹ Dittenberger. *Comm. ad Syll.*³ 798.

³⁰ Hasluck. *Op. cit.* P. 183; Dittenberger. *Comm. ad Syll.*³ 799; *Limnius N. Funde // AM.* 1891. Bd XVI. S. 141—144; *Joubin A. Inscriptions de Cyzique // REG.* 1893. T. VI. № 21. P. 8—20.

³¹ Hasluck F. *An Inscribed Basis from Cyzicus // JHS.* 1902. V. 22. P. 131 датирует надпись временем между вступлением на престол Реметалка III в 37 г. и объявлением его царем в 38 г. Однако Граков (Ук. соч. С. 274) справедливо считает ее поставленной позднее надписи IGR. IV.146 = Syll.³ 799, т.е. не ранее 38—39 гг. н.э. Но в связи с тем, что в этой надписи, в отличие от IGR. IV.146, восстановление каналов никак не увязано с именем Гая Калигулы, нельзя исключить предположение, что она могла быть поставлена после смерти императора, т.е. в 41/42 г. н.э., как раз тогда, когда Полемон II официально стал именоваться царем (см. ниже).

чить титул из рук Калигулы, чтобы затем вернуться в отданное ему царство и там официально вступить на престол. Это должно было занять около 1—1,5 лет, поэтому в последней из кизикских надписей он не имеет титула.

Кизикские декреты показывают, что в 38—40 гг., когда, согласно воле Калигулы, Полемон II получил вместе с Понтом и Боспор, он титуловался только как царь Понта без указания на боспорский домен деда. Если бы при Калигуле Полемон II добивался на Боспоре власти, будучи объявленным в Риме его царем, вряд ли он посетил бы Кизик и пребывал там с матерью и братьями для празднеств, а тем более называл себя просто царем Понта без указания собственных прав на Боспор. Ведь в первом из трех декретов кизикцы не преминули упомянуть о возвращении ему владений, принадлежавших ранее его предкам, в состав которых входило, как известно, и Боспорское царство.

Во-вторых, предложенной Ю.Г. Виноградовым датировке херсонесской надписи несколько противоречат монеты Понта, принадлежащие Антонии Трифене, с ее портретом, именем, царской титулатурой, а также портретом Полемона II без имени и титула, но датированные по эре правления Трифены 17 и 18 гг. (WBR. I².1. P. 22, 23, № 22—23, Pl. III, 11). Х. Бальдус попытался продатировать их по эре Полемона II, засвидетельствованной на его монетах с 12 года правления = 49/50 г. н.э. По его мнению, монеты царицы Трифены 17 г. правления соответствуют монетам ее сына от 12 года правления и должны датироваться 49/50 г. н.э., а монета 18 г. правления Трифены соответствует 13 году правления Полемона II и относится к следующему 50/51 г. н.э. Поэтому, полагает Бальдус, Антония Трифена могла вступить на престол Понта в 33/34 г. н.э. тотчас после смерти матери Пифодориды Старшей³², что предполагает длительность ее правления, а в последние 12—13 лет разделение власти с сыном.

Однако хронология монетных выпусков Трифены и Полемона II, предложенная Бальдусом, уязвима: вызывает недоумение, почему на два года правления Полемона II (т.е. 49/50 и 50/51 гг.) приходится сразу несколько серий разнотипных монет: 1) Трифена, титул / Полемон без титула и имени, год эры Трифены 17 и 18; 2) Полемон, титул / Клавдий; 3) Полемон, титул / Клавдий и Нерон, год эры Полемона 13 = 50/51 г. н.э.; 4) титул Полемона в диадеме в виде круга / Клавдий, 12—13 гг. эры Полемона; 5) Полемон, титул / Трифена без имени и титула, эра Полемона 12 и 13 гг. При этом некоторые монеты выпускали как из серебра, так и из меди. Такое обилие монетных серий с различными типами всего за два года выглядит нереальным. Согласно Бальдусу, недатированные выпуски Полемона II и Трифены типа: а) Полемон, титул / Трифена, титул; б) Полемон, титул / титул и имя Трифены в диадеме в виде круга — должны следовать за монетами 17 = 49/50 г. и 18 = 50/51 г. Однако непонятно, почему недатированные монеты с титулатурой и портретом Трифены чеканились одновременно с датированными монетами самого Полемона II, портретами Клавдия и самой Трифены без указания на ее имя и титул. Эти вопросы требуют специального исследования и, очевидно, пересмотра некоторых положений Бальдуса о порядке выпуска монетных серий Полемона II и Трифены, что не входит в задачу настоящей статьи. Но означенные монеты заставляют высказать ряд соображений по поводу причин их появления и ситуации в Понте после воцарения там в 38 г. Полемона II.

Во время совещания царей в Тибериаде в 43 г. н.э. Полемон II, как сообщает Иосиф Флавий, недавно утвердился в Понте (Jos. Ant. Jud.

³² Baldus H.R. Die Daten von Münzprägung und Tod der Königin Pythodoris von Pontus // Chiron. 1983. Bd 13. S. 537—543.

XIX.8.1. § 338), а в 48 г. н.э. во время бракосочетания с дочерью иудейского царя Ирода Агриппы Береникой уже имел титул царя Киликии (Jos. Ant. Jud. XX.7.3. § 145), получив ее часть в управление от Клавдия в 41 г. н.э. (Cass. Dio. LX.8.2). В ряде документов 38—47 гг. н.э. он упоминается без царского титула, но с родовым римским именем Юлий в честь своего покровителя Гаия Калигулы³³, а на понтийских монетах времени Нерона имеет уже царский титул и полное имя благодетеля рода Полемонидов Марка Антония. Чуть позднее (после 64 г. н.э.) он именовался царем Киликии³⁴. Поскольку в настоящее время в споре о том, считать ли, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же царе Полемоне II или разных лицах, Р. Салливаном выдвинуты существенные аргументы в пользу первой точки зрения³⁵, резонно предложить следующую эволюцию правления этого царя.

В 37 г. Полемон был только провозглашен царем Понта и Боспора своим другом и совоспитанником императором Гаем Калигулой, но официальной церемонии инаугурации с передачей титула и инсигний власти в родовом царстве еще не было. По пути из Рима в Понт для участия в этой церемонии он остановился в Кизике, где вместе с матерью, которая, как показал Фейнак, осуществляла правление в Понте как царица после смерти Пифодориды Старшей в 21/22 г. н.э.³⁶, отпраздновал священнодействия в честь своих римских благодетелей. Воспользовавшись тем, что Полемон II официально не вступил на царство в 37/38 г., на Боспоре к власти после смерти Аспурга в 37 г. пришли сначала его вдова Гипепирия, правившая всего около полутора-двух лет, а затем, по праву наследования, его сын Митридат III, о чем говорят его монеты от 336 г. н.э. = 39/40 г. н.э.³⁷ На его монетах помещена голова Калигулы, что свидетельствует против попыток этого императора и его ставленника Полемона II свергнуть незаконного с их точки зрения узурпатора. Ведь изображение Ники на обороте этих монет и портрета правящего императора скорее подтверждают признание со стороны Рима прав этого монарха на престол отца.

В 37—40 гг. Полемон II был объявлен правителем Понта, но на первых порах делил власть с матерью, ставшей его регентшей³⁸. Он не имел права носить родовое имя предков «Марк Антоний», довольствуясь по традиции родовым именем «Юлий», перешедшим к нему от отца Котиса III и напоминавшим всем о его покровителе Гае Калигуле. Это произошло потому, что его мать сохраняла царский сан, титул и родовое имя «Антония». К этому периоду правления Полемона II и Трифены следует относить монеты с портретом царицы, ее именем и титулом, а также портретом

³³ *Bean G., Mitford T. Journeys in Rough Cilicia, 1964—1968. Wien, 1970. S. 95. № 71; Sullivan R. King Marcus Antonius Polemo // NC. 1979. 7th ser. V. XIX (CXXXIX). P. 6; idem. Dynasts... P. 929; Barrett A. Polemo II of Pontus and M. Antonius Polemo // Historia. 1978. Bd 27. Ht 3. S. 447; Барретт оспаривает заимствование Полемоном II римского имени Юлий.*

³⁴ *Орешников А.В. Киликийские монеты царя М. Антония Полемона // ИС. 1911. Т. 1. С. 101; Barrett. Op. cit. P. 445—447; Sullivan. King... P. 14—18.*

³⁵ *Sullivan. Dynasts... P. 9; idem. King... P. 14—19; ср. Magie. Op. cit. V. II. P. 1407; Barrett. Op. cit. P. 445—448; Барретт и Меджи, напротив, полагают, что Полемон II, царь Киликии, и Марк Антоний Полемон, верховный жрец и династ Ольбы, кеннагов и лалассеев (17—36/41 гг. н.э.) совершенно разные лица.*

³⁶ *Reinach. Op. cit. P. 143—150.*

³⁷ *Орешников А.В. К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 1—4; Зограф А.Н. Античные монеты. М.—Л., 1951. С. 192; Фролова Н.А. О времени правления Гипепирии и Митридата III // ВДИ. 1977. № 3. С. 172—174.*

³⁸ *Kahrstedt U. Frauen auf antiken Münzen // Klio. 1910. Bd 10. Ht 3. S. 302, 303. Sp. IGR. IV.147.*

Полемона II без титула и имени, датированные по годам правления матери.

Клавдий пересмотрел все предыдущие деяния Гая и в 41 г. официально признал Митридата III царем Боспора. Полемону же взамен дал одну область в Киликии, родовой вотчине Полемонидов (Cass. Dio. LX.8), где они с 39 г. до н.э. впервые начали править в качестве законных царей по решению Марка Антония (App. BC. V.75). Однако Антония Трифена была еще жива и сохраняла власть вместе с царским титулом, поэтому Полемон II стал соправителем матери с титулом царя. К этому периоду относятся монеты типа: Полемон, титул царя / Трифена, титул царицы, как с ее портретом, так и без него. В 48 г. он уже вступил в брак с иудейской принцессой как царь Киликии (и Понта?), так как в этом или следующем 49/50 г. получил от матери Антонии Трифены, внучки Антонии Евергетиды, дочери М. Антония и Антонии, единоличную власть и право на родовое имя «Марк Антоний». Ведь при Клавдии стало особенно модно афишировать родство с триумвиром, поскольку матери Пифодориды и Клавдия были сестрами, дочерьми Марка Антония³⁹. Вследствие того, что в 49/50 г. начинается чеканка монет только с легендой царя Полемона II и датировкой по эре его правления (12 год эры Полемона = 49/50 г. н.э.), следует полагать, что его мать либо полностью сложила с себя функции правительницы в Понте, либо умерла. На это косвенно указывает ее портрет на монете Полемона II, где она впервые не имеет ни титула, ни имени.

С такой последовательностью карьеры Полемона II согласуются монеты храмового города Ольба в Киликии: первая группа монет выпущена Марком Антонием Полемоном, диктатором и верховным жрецом храма Зевса Ольбианского, кеннатом и лалассеем; вторая группа монет чеканена царем Полемоном для койнон лалассеев и кеннатом. Р. Салливан причисляет обе серии одному правителю Полемону II, а Баретт их различает. По его мнению, монеты первой серии датируются не позднее 36 г. н.э., когда храмовое государство Ольба и общины кеннатом и лалассеев были реорганизованы, ибо эти монеты близки по типу монетам ольбианского жреца-правителя Айэта из династии Тевкридов при Августе и Тиберии и непосредственно следуют за ними, т.е. выпущены при Тиберии. Монеты же второй серии появились значительно позднее, так как типологически приемыкают к монетам койнон лалассеев и кеннатом времени императора Домициана⁴⁰. Скорее всего они соответствуют тому времени, когда в 64 г. после превращения Понтийского царства в провинцию Полемон II удался в Киликию, где при Нероне и Гальбе чеканил монету под именем царя Марка Антония Полемона⁴¹. Монеты показывают, что в 41 г. Полемон, получив ту часть Киликии, которая, скорее всего, охватывала территорию Ольбы, лалассеев и кеннатом после их реорганизации в койнон, не выпускал там монету как царь. Это стало возможно после получения им единоличного правления в Понте и соответственно в Киликии.

В надписи из Херсонеса Таврического Полемон II назван царем и упоминается без своей матери Антонии Трифены. Если принять во внимание,

---

³⁹ Ramsay W. The Church in the Roman Empire. L., 1907. P. 386—389. Подробнее об этом см.: Mommsen T. Eph. Ep. I. 1872. P. 270—276; Dessau H. Eph. Ep. IX. P. 691 suiv.; Орешников А.В. Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885. С. 7—11. Ср. также *Plut. Ant.* 87.

⁴⁰ Sullivan. King... P. 9—19; Barrett. Op. cit. P. 441.

⁴¹ Орешников А.В. Киликийские монеты... С. 101—106; Prou M. Monnaie de Polemon II, roi du Pont // *Melanges d'archeologie et d'histoire.* P., 1896. T. VI. P. 284—286; Babelon E. Inventaire de la collection Waddington // *RN.* 1898. P. 175. Note 5. № 4427; Hill G.F. Olba, Cennatis, Lalassis // *NC.* 1899. P. 187; Sullivan. King... P. 14.

что в кизикских надписях о восстановлении каналов в первой из них, датирующейся 38—41 г., имя Полемона II вообще отсутствует, а во второй, относящейся, скорее всего, ко времени после 41 г. н.э., он назван царем, то можно сделать вывод, что при Калигуле средний сын Трифены мог не иметь царского титула. На это как будто указывают и монеты с портретом и титулом Трифены и портретом Полемона II без имени и титула от 38/39 и 39/40 гг. н.э., латированные по эре правления Трифены. Следовательно, меньше оснований для датировки херсонесской надписи временем правления Калигулы (37—41 гг.), нежели тем периодом, когда после 49 г. Полемон II стал править без матери, был твердо засвидетельствован его царский титул и он получил право ставить годы своей эры на монеты.

Следует обратить внимание и на такую деталь: на золоте царицы Боспора Гипеирии 37 и 38 гг. помещен портрет Тиберия, хотя с 37 г. у власти уже находился Калигула, а на монетах Митридата III 39 г. — портрет Калигулы⁴². Очевидно, Гипеирия, наследовавшая своему мужу Аспургу в 37 г., продолжала традицию верности покровителю династии Тиберию. В 39 г. к власти пришел Митридат III и признал Калигулу своим сюзереном, поместив его портрет на монеты, поэтому Полемон II так и не появился в Пантикапее. Так что после 39 г. вряд ли были предприняты попытки свергнуть сына Аспурга. Вот почему надпись из Херсонеса и помощь горожан Полемону II нельзя датировать ранее 49/50 г., что исключает попытку наместника Мезии поддержать царя Понта в намерении захватить власть на Боспоре.

В-третьих, политическая ситуация на Нижнем Дунае в указанные годы также противоречит реконструкции исторических событий, предложенной Виноградовым. Во время паннонско-далматинского восстания 6 г. н.э. Мезия находилась под управлением римского военного командования (Cass. Dio. LV.29.3), хотя образование самой провинции относится к 15 г. н.э., когда она вошла в состав большого наместничества из трех императорских провинций Македонии, Ахайи и Мезии во главе с наместником консульского ранга Г. Поппеем Сабиним (Tac. Ann. I.80; App. Illug. X.30). Ему непосредственно подчинялся командир двух легионов преторского ранга, осуществлявший правление в Мезии, как свидетельствует надпись в честь Макра из Ареццо (CIL. XI.1835)⁴³. Подчиненные наместнику трех провинций легаты-пропреторы выполняли исключительно военные функции: один из таких командиров Помпоний Лабеон, возглавлявший подавление Койлалетского восстания, не получил за это никаких знаков отличия, которые достались исключительно Поппею Сабину, наместнику провинций, в том числе Мезии как составной части наместничества (Cass. Dio. LVIII.24.3; Tac. Ann. IV.46; 47; ср. I.80; II.66). Верховная политическая, экономическая и военная власть в провинции оставалась за наместником Македонии. Об этом свидетельствует передача под его управление западнопонтийских греческих городов Добруджи и Малой Скифии, составивших особый таможенный и административный округ в составе провинции — *praefectura ogae maritimae*⁴⁴. Поэтому граждане Каллатиса официально чествовали

⁴² См. прим. 37; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 151.

⁴³ *Domaschewski A.* Zur Geschichte der römischen Provinzialverwaltung // RM. 1890. Bd XLV. S. 1—14; *Stein A.* Die Legaten von Moesien. Budapest, 1940. S. 20 suiv.; *Златковская Т.Д.* Мезия в I—II веках н.э. М., 1951. С. 45.

⁴⁴ *Pippidi D.* Das Stadtgebiet von Historia in römischer Zeit auf Grund der Orothesia des Laberius Maximus (SEG. I.329) // Dacia. 1958. II. n.s. S. 241; *Stoian J.* La citta pontica di Tomis // Dacia. 1961. V. P. 254; *Vulpe R.* Studia Thracologica. București, 1976. P. 135, 136.

проконсула Македонии Публия Виниция в качестве своего повелителя⁴⁵. При этом римских войск на западе Мезии не было, они стояли далеко на востоке будущей провинции. Охрану западных областей и территорию от Димум до устья Дуная с 19 по 46 гг. осуществляли фракийские правители Реметалк II и Реметалк III, которым эти районы подчинялись⁴⁶.

Такое положение просуществовало до 44 г. н.э., когда была образована единая провинция Мезия, в состав которой вошли и прибрежные города префектуры, а после превращения Одрисского царства в 46 г. в провинцию, и часть его северных территорий вместе с городами побережья Добруджи и Нижнего Подунавья (*Ripae Thraciae*)⁴⁷.

Таким образом, до 44—46 гг. всеми делами в провинции Мезия заправлял наместник Македонии, Ахайи и Мезии. По мнению Ю.Г. Виноградова, херсонесцы должны были направить вспомогательный отряд и Полемону II и наместнику Мезии, действовавшим совместно. Но эта важная внешнеполитическая акция была в то время возможна только при участии наместника-консуляра трех провинций. В 35—41/44 гг. во главе управления Мезии стоял наместник трех провинций Публий Меммий Регул, который командовал стоявшими там легионами (CIL. III.8753)⁴⁸. Поэтому предполагать санкционирование этой акции консулом-наместником трех провинций «гегемону» — легату одной Мезии вряд ли возможно. Между тем в предложенном восстановлении фигурирует «гегемон» — наместник одной Мезии, поэтому отряд из Херсонеса мог быть отправлен в Мезию не ранее 44 г. н.э., когда во главе самостоятельной провинции Мезия встал и вполне самостоятельный правитель *legatus Augusti pro praetore* консульского ранга, именуемый у греков *πρεσβευτῆς καὶ ἀντιστράτηγος* (ср. ISM. I.67; 68)⁴⁹. В этой связи полагаем, что организация управления провинцией и отсутствие в 38—44 гг. в западных и прибрежных ее регионах регулярных вехсилляций римских войск, что затрудняло римскую помощь Полемону II, в совокупности со всем вышеизложенным о ситуации в самом Понтийском царстве в указанный промежуток времени, дают основание предложить иное, чем у Ю.Г. Виноградова, толкование интересующей нас надписи из Херсонеса Таврического.

---

⁴⁵ *Premierstein A.* Der Daker- und Germanensieger M. Vinicius (cos 19 n. Chr.) und sein Enkel (cos 30 und 45 n. Chr.) // *JÖAI.* 1933. Bd 28. S. 140; *Saucicuc-Saveanu T.* Publius Vinicius, strategos, patron al orasului Callatis // *Omagiu lui Constantin Daicoviciu.* Bucuresti, 1960. P. 501.

⁴⁶ *Златковская.* Ук. соч. С. 45; *Gerov B.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte des mösischen Limes in vorclaudischer Zeit // *AAH.* 1967. V. 15. S. 85; *idem.* Die Grenzen der römischen Provinz Thracia bis zur Gründung des Aurelianischen Dakien // *ANRW.* 1979. Bd II, 7, 1. S. 213—215.

⁴⁷ *Stein.* Op. cit. S. 17—21.

⁴⁸ *Cass. Dio.* LVIII.25.5; *Suet.* Cal. 25.5; см. CIL. III.8753; qui militaver(unt) sub. P. Memmio Regulo, legato Augustali. При нем во главе провинции Мезия и в качестве командующего двух стоящих там легионов какое-то время, но не позднее 44 г., находился Мартий Макер, подчинявшийся консуляру трех провинций; см. *Thomasson B.E.* Laterculi praesidum. V. I. Göteborg, 1984. P. 123. № 13—15.

⁴⁹ *Stein.* Op. cit. S. 25; *Radulescu A., Munteanu M.* Unveröffentlichte Inschriften aus Tomis und Callatis // *Epigraphica.* Bucarest, 1977. P. 109 (время Адриана). Термином *ἡγεμόνες* греки называли римские власти вообще, будь то императоры, легаты, префекты и пр. (*Mason H.J.* Greek Terms for Roman Institutions. Toronto, 1974. P. 149—151), однако сочетание *ἡγεμῶν* (*ἡγευόμενος*) с названием провинции или ее обозначением. (*τῆς ἐπαρχείας*) относится, как правило, к наместнику провинции (!), а не подчиненному или зависимому от другого лицу. Между тем и Латиний Пандуса *pro praetore Moesiae* 18—19 гг. н.э. (*Tac. Ann.* II.66.1), и Помпоний Лабен *praefuisse Moesiae* в 25/6—33/4 гг. н.э. (*Tac. Ann.* VI.29.2), и Мартий Макер *leg. Ti. Claudii Caes[aris Aug. pro] pr. provinciae Moesiae leg. IV Scyt [hic. et leg] V Maced.* в 41—44 гг. н.э. (*Dessau,* 969), должность которых адекватна греческому *ἡγεμῶν Μοισίας*, были подчиненными более старших по должности наместников консульского ранга.

Объединение в одном венке предводительства отрядом у Полемона II и наместника Мезии предполагает воспринимать их как единую заслугу чествуемого, одновременные и тесно взаимосвязанные между собой события. Если *terminus post quem* для них 44 г. н.э., то *terminus ante quem* — 64 г. н.э., когда Понтийское царство было обращено в римскую провинцию, а сам Полемон остался править в Киликии и больше не принимал никакого участия в понтийских делах. На протяжении этих 20 лет в истории Понтийского царства и провинции Мезия был момент, когда их правители тесно взаимодействовали.

В 62 г. н.э. во время римско-парфянских войн Корбулона за протекторат над Арменией, когда между парфянским царем Вологезом и Корбулоном было заключено временное соглашение об отводе войск, а парфянским послам в Риме отказано в просьбе передать власть Тиридату, ставленнику Парфии в Армении, в Каппадокию был послан новый легат Цезенний Пет, получивший командование в войне. Под его начало попали IV, XII и недавно вызванный из Мезии V Македонский легионы, которым были приданы вспомогательные войска из Понтийского царства, Каппадокии и Галатии. Без взаимодействия с Корбулоном Пет начал новый поход в Армению, но солдаты V Македонского легиона, лишь приступившего к высадке в портах Понтийского царства, в нем задействованы не были. В результате неудачи в битве под Рандеей Пет был вынужден обратиться за помощью к Корбулону, который двинулся ему на выручку, но римляне все же оставили Армению. После этого поражения Корбулон вновь получил командование, а «тетрархам, царям, префектам и прокураторам, а также преторам — правителям соседних провинций — отдается письменное распоряжение повиноваться приказаниям Корбулона, власть которого увеличивается почти до таких же размеров, в каких римский народ наделил ею Помпея для войны с пиратами» (Тас. *Ann.* XV.25).

Сконцентрировав под своим началом IV и XII легионы в Сирии, III, VI, XV легионы, а также V Македонский легион, прибывший из Понта и не участвовавший в авантюре Пета, вместе со множеством вспомогательных войск, присланных царями, на границе с Арменией, Корбулон перешел Евфрат и двинулся в глубь Армении. После первых относительных успехов римляне заключили с парфянами компромиссное соглашение, по которому Тиридат признавался царем Армении в случае удачи его миссии в Рим к Нерону (Тас. *Ann.* XV.26)⁵⁰.

В этих важных для Римской империи войнах участвовали мезийские части в лице V Македонского легиона, присланные на помощь сначала Пету, а затем Корбулону легатом Мезии Тиберием Плавтием Сильваном Элианом (60—67 гг. н.э.), о чем сохранилось указание в его известном элогии (CIL. XIV.3608 = ILS.986): «большая часть войска была отослана в экспедицию в Армению». Однако это не помешало легату усмирить сарматов, подчинить бастарнов и роксаланов, а около 63—67 гг. н.э. освободить Херсонес Таврический от угрозы нападения скифов⁵¹. Поскольку деятельность Плавтия Сильвана связана с Северо-Западным Причерноморьем, а также гето-дакийскими племенами в бассейнах рек Сирета, Олта, Дуная и Днестра, следует полагать, что еще до его похода в Таврику

⁵⁰ Кудряцев О.В. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона // ВДИ. 1949. № 3. С. 55 сл.; Боксанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966. С. 198—203.

⁵¹ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 90; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: Автореф. дис. д-ра ист. наук. Киев, 1991. С. 11; Pippidi D. Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. B., 1962. S. 122—131; *idem*. Contribuții la istoria veche a Romaniei. București, 1967. P. 311—328.

наместники Мезии могли установить тесные отношения с Тирой, Ольвией и Херсонесом Таврическим. Это произошло, вероятно, во времена Дидия Галла, который не мог миновать Херсонес по пути на Боспор и обратно во время войны с мятежным царем Митридатом III⁵².

Мы считаем, что отряд из Херсонеса либо входил в состав V Македонского легиона в число его вспомогательных частей, когда легион прибыл в Малую Азию для войны с парфянами в 62 г. н.э. и, как сообщает Тацит (Ann. XV.6; 9; 26), вместе со вспомогательными войсками Полемона II отошел сначала в распоряжение Пета, а затем, после примерно годичного пребывания в Понте и оттого, будучи избавлен от поражения этого полководца, попал под командование Корбулона, либо входил в состав вспомогательных частей понтийского царя и был вместе с ними придан V Македонскому легиону. Поскольку херсонесский отряд квартировался на территории Понтийского царства вместе с V Македонским легионом, то в почетной надписи предводителя этого отряда имя царя Полемона II поставлено на первое место, а упоминание о «гегемоне Мезии», которому подчинялся легион, на второе. В связи с тем, что, по Тациту, V Македонский легион практически не принял участия в военных действиях в Армении, как, впрочем, и войска Полемона II, а значит, и отряд из Херсонеса Таврического, то составители херсонесской почетной надписи не сочли нужным указать цель прибытия отряда в Понт и Мезию. А вот не указать тех, кому этот отряд непосредственно подчинялся, т.е. царя Понта и легата Мезии, пославшего легион, было невозможно. Тот факт, что отряд был отправлен из Херсонеса к наместнику Мезии, может указывать на то, что херсонесские воины прибыли в Малую Азию из Мезии после поражения Цезенния Пета, когда из Рима пришел приказ собрать все силы римских друзей и союзников, а также легионы из провинций, соседних с театром военных действий.

Участие херсонесцев в войне с парфянами вместе с V Македонским легионом стало одной из причин довольно раннего включения отрядов этого легиона в состав римского гарнизона Херсонеса после возвращения его из Армении в Мезию при Флавиях. А союз, установившийся с военными властями Мезии в 62—63 гг., способствовал организации похода Плавтия Сильвана в Северо-Западную Таврику для отпора скифам⁵³. В свою очередь, взаимодействие Полемона II, Херсонеса Таврического и римлян из Мезии в Понте и Армении в правление Нерона подтверждает мысль М.И. Ростовцева, что активность Рима в Северном Причерноморье в этот период связана с войной против Парфии и могла быть составной частью большого плана объединить северное и южное побережья Черного моря для создания обширного плацдарма с целью укрепления римских позиций на Востоке⁵⁴. Это свидетельствует о том, что уже во второй—третьей четвертях I в. н.э. Херсонес мог иметь тесные отношения с наместниками Мезии как *civitas libera et foederata* (Plin. NH. IV.85). Таким образом, рассматриваемая херсонесская надпись связана с событиями 62—63 гг. и поставлена около этого времени. Она показывает, что при Котисе I Боспорском Херсонес не являлся частью Боспорского царства, а находился в союзе

---

⁵² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 77; Кадеев. Ук. соч. С. 19; Зубарь. Ук. соч. С. 10.

⁵³ Сапрыкин С.Ю. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 58—60; Зубарь В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. Вып. 1. С. 121; Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym Wybrzeżu Czarnego Morza. Warszawa. 1988. S. 139.

⁵⁴ Rostowtzeff M.I. Pontus, Bithynia and the Bosphorus // ABSA. 1916—1918. V. XXII. P. 5—8.

с ним. Это согласуется с усилением там римского влияния, практически полной зависимостью его от Рима при Нерсе и Флавиях⁵⁵.

III. Вернемся, однако, к положению в Понтийском царстве во второй четверти I в. н.э. С этой целью разберем почетную надпись из Кизика, длительное время остававшуюся недостаточно изученной. По копии И. Мордтманна текст надписи выглядит так:

1 OKYZIKHNΩI
YOMENOIENTHI
ΣΕΞΤΟΝΙΟΥΛΙΟΝ
ΟΣΔΥΝΑΣΤΟΥΘΡΑ
5 ΩΝΟΝ...ΚΑΙΟΥΤΑΤ
ΩΝΔΠ...ΝΗΤ...
ΙΛΙΣΣΕ...ΩΝ...
ΝΗΣΡΑΣΙ...ΘΥ...
ΙΜΗΤΡΟΣΕΙΣΤΗΝΤ...
10 ΥΕΡΓΕΣΤΑΣ
ΛΜΑΤΕΥΝΕΟΣΤΗΣΒ
ΜΗΝΙΟΥΤΟΥΚΗΦΕΤ
ΤΟΥΦΩΚΙΩΝΟΣ

Уже сам ее первый издатель определил, что она поставлена в честь некоего Секста Юлия ..... по отцовской и материнской линиям родственного фракийским династам и царице Антонии Трифене. Патронимик чествуемого он читал как [Κότυ]ος δυνάστου Θρα[κῶν], а в стк. 5 восстанавливал υἱ]/ωνόν⁵⁶. Ф. Хэзлак предложил свой вариант восстановления сткк. 3—9: Σέξτον Ἰούλιον [Κότυν Κότυ]ος δυνάστου Θρα[κῶν υἱ]ὸν ὄν[τα] καὶ θυγατ[ριδοῦν τοῦ Θρακ]ῶν δυνάστου Ῥοιμητ[άλκα, Βασι]λίσσης Ἀντων[ίας Τρυφαί]νης βασι[λέων] θυγατρὸς καὶ μητρὸς, на основании которого предположил, что в документе чествуется Секст Юлий Котис, брат Гая Юлия Котиса, имя которого встречается на монете Лаодикеи времени императора Тита⁵⁷. Однако эта точка зрения противоречит конъектуре ее автора: она недвусмысленно подразумевает, что отцом чествуемого, а значит, и Гая Юлия Котиса, жреца-эпонима Лаодикеи, был фракийский династ Котис III, а ведь у него, как известно, было три сына и дочь — Реметалк, Полемон, Котис и Пифодорида, у которых не было других братьев по имени Котис, как не было их и у самого династа Котиса III. Вот почему Р. Канья был более осторожен и не принял реконструкцию Хэзлака, хотя и допускал, что отцом Секста Юлия... мог быть династ Котис (IGR. IV.148): [Ἄδῃμος] ὁ Κυζικηνῶν καὶ οἱ πραγματ/[ε]υόμενοι ἐν τῇ [πόλει Ῥωμαῖοι] Σέξτον Ἰούλιον... [Κότυ]ος δυνάστου Θρα[κῶν υἱ]/ωνόν ..... καὶ θυγατ.../ων δυν...μητ...[βασ]/ιλίσσης Ἀντων[ίας Τρυφαί]νης [β]ασι[λ...]/μητρὸς, εἰς τὴν [πόλιν ε]/ὕερ[γ]εσ[ί]ας [ἐνεκεν, γρ]α/[μ]ματεῦν[τ]ος τῆς β[ουλῆς]/Μηνίου τοῦ Κηφ.../ τοῦ Φωκίωος.

Как видим, он отказался от дополнения Хэзлака υἱ]ὸν ὄν[τα]..., отдав предпочтение конъектуре Мордтманна: ...υἱ]/ωνόν... Л. Робер также воздержался от определения полного имени Секста Юлия..., отметив только, что он мог быть как сыном Котиса, так и сыном Рескупорида ([Ῥησκουλόριδ]ος δυνάστου Θρα[κῶν] и родственником династа фракийцев Реметалка⁵⁸.

⁵⁵ Херсонес был отдан под власть Боспора только при Котисе II (см. *Кадеев*. Ук. соч. С. 24; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. № 4. С. 58).

⁵⁶ *Mordtmann J.* Zur Epigraphik von Kyzikos // AM. 1881. Bd VI. S. 40; *Joubin*. Op. cit. P. 21—23.

⁵⁷ *Hasluck F.* An Inscribed Basis from Cyzicus // JHS. 1902. V. 22. P. 131—132; *idem*. Inscriptions from Cyzicus // JHS. 1903. V. 23. P. 91.

⁵⁸ *Robert L.* Les Inscriptions de Thessalonique // RPh. 1974. T. 48. F. 2. P. 214.

Согласно Г. Гаджеро, Секст Юлий... связан с Антонией Трифеной и был сыном Реметалка II и Пифодориды, дочери Трифены, внуком по отцу династа Фракии Рескупорида III⁵⁹. При такой точке зрения неясно, почему в официальном документе упоминается только дед чествуемого — династ Рескупорид, смещенный римлянами за убийство Котиса III и умерщвленный в изгнании, а не его сын Реметалк II, царь всей Фракии и верный вассал Рима. Такая реконструкция оставляет незаполненной лакуну в сткк. 5—6 между $\upsilon\acute{\iota}/\omega\nu\acute{\omicron}\nu$ ... $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau[\rho\iota\delta\omicron\upsilon\nu\text{...}]$. Повисает также в воздухе стк. 6, где явно вычитывается имя и титул династа фракийцев Реметалка, как было предложено уже Хэзлаком. В настоящее время пора уже отказаться от мнения, что созопольская и бизийская надписи будто бы относятся к Реметалку II и его супруге Пифодориде Младшей (см. выше), ибо упоминание в них опекунов делает почти бесспорным, что Реметалк и Пифодорида — брат и сестра, дети Котиса III и Антонии Трифены, ставшие правителями южной части страны после гибели отца. В таком случае отпадает необходимость усматривать в чествуемом внука по матери Антонии Трифены и внука по отцу династа Рескупорида.

При дополнении надписи следует исходить из бесспорной реконструкции первых двух строк текста, тогда длина всех ее строчек не должна превышать 28—30 букв. С учетом предложенных дополнений утраченных частей текста надписи даем следующее ее восстановление:

- 1 Ὁ Κυζικηνῶν [δῆμος καὶ οἱ πραγματ-
ε]ύόμενοι ἐν τῇ [πόλει Ῥωμαῖοι
Σέξτον Ἰούλιον [Κότυν?, Ῥησκουπόριδ]-
ος δυνάστου Θρα[κῶν υἱόν, υἱ]-
5 ὠνόν [Κότυος?] καὶ θυγατ[ριδοῦν Θρα-
κ]ῶν θυγ[άστου Ῥοι]μητ[άλκα, ἐπὶ βασι]-
λίσση[ς (τοῦ) Πόντου Ἀντ]ων[ίας Τρυφαί]-
νης, βασι[λεῶν] θυ[γατρὸς κα]-
ὶ μητρὸς, εἰς τὴν π[όλιν αὐτῶν ε]-
10 ὑπεργεσίας [καὶ τιμῆς ἔνεκεν, γρ]-
αμ(μ)ατεῦ(ο)ν[τ]ος τῆς β[ουλῆς καὶ τοῦ δήμου]
Μηνίου τοῦ ΚηφεΤ[.....
..] τοῦ Φωκίωνος.

Перевод: «(Народ) кизикенцев (и римляне), занимающиеся в (городе) торговлей, (чествуют) Секста Юлия (Котиса?), сына династа фракийцев (Рескупорида?), внука по отцу (Котиса?) и внука по матери династа фракийцев Реметалка, (при) царице (Понта?) Антонии Трифене, дочери и матери царей, за благодеяние (по отношению к их) городу (и почести ради) при секретаре Совета (и Народа) Мэнии, сыне Кеф... сыне Фокиона».

Надпись сильно фрагментирована, поэтому дополнения имени чествуемого и имен в его родословной, за исключением династа Реметалка и Антонии Трифены, во многом предположительны, хотя и вполне вероятны. По нашему мнению, почетная надпись поставлена в честь Секста Юлия..., сына династа Фракии Рескупорида III, внука по отцу царя Фракии Котиса II (VII) (42—31 гг. до н.э.) и внука по матери династа Фракии Реметалка I, опекуна с 31 по 11 гг. до н.э. детей Котиса, по одной версии, астейско-одрисского царя Котиса V, женатого на дочери сапейского царя Котиса VII (II), сестре Реметалка I, и умершего ок. 18 г. до н.э.⁶⁰, по

⁵⁹ Gaggero. Op. cit. P. 314—316.

⁶⁰ Sullivan. Thrace... P. 193 f.

другой — детей своего родного брата Котиса VII (II)⁶¹. Этот Реметалк с 11 г. до н.э. по 13 г. н.э. с титулом царя правил уже всей страной. В таком случае Секст Юлий... оказывается родным братом Реметалка II (19—37 гг. н.э.), династа, а затем царя Фракии, сына Рескупорида III, сменившего на престоле отца, смещенного римлянами и убитого по их приказу за расправу с Котисом III. Граждане Кизика издревле имели тесные связи с фракийскими царями⁶², поэтому не удивительно, что они удостоили почестями брата этого правителя. К тому же в кизикских декретах, о которых многократно говорилось выше, горожане высоко отзывались о старшем сыне Антонии Трифены царе Фракии Реметалке III и его отце Котисе III.

Предлагаемое восстановление подкрепляется следующим. О происхождении Реметалка II мы узнаем из надписей, обнаруженных в Бизии (EE. IX.695) и Абрите (IGB. II.743). Они величают его сыном династа Рескупорида III, внуком по отцу Котиса VII (II) и внуком по матери царя Реметалка I. Поэтому существует широко распространенное мнение, что династ Рескупорид III был женат на родной дочери своего брата Реметалка I⁶³. Однако М. Тачева пересмотрела это мнение и высказала убеждение, что Реметалк II был вовсе не сыном Рескупорида III, брата Реметалка I, а сыном Рескупорида II, погибшего в 11 г. до н.э. в войне с бессами, так что Реметалк I приходился не сыном Котису VII (II), а младшим братом. Это дало ему право после смерти старшего брата в 31 г. до н.э. стать опекуном его детей, из которых старшим был Рескупорид II, унаследовавший престол (Cass. Dio. LIV.20)⁶⁴. Против означенной стеммы есть один важный аргумент: по сообщению Тацита (Ann. II.67), после устранения с престола Рескупорида III в 19 г. римляне посадили управлять его доменом на севере страны его сына Реметалка II, преданного им потому, что он не разделял планы отца объединить всю страну под своей властью. Это сообщение полностью увязывается с тем, что этот Реметалк начал правление как династ, унаследовав титул от отца — династа Рескупорида III⁶⁵. Из этого следует, что Реметалк II был все же сыном Рескупорида III, брата Реметалка I, так как Рескупорид II, который, по мнению Тачевой, будто бы являлся его отцом, умер еще в 11 г. до н.э. и сообщение Тацита к нему относиться не может. Следовательно, правы Дессау и Салливан, которые полагают, что Реметалк I и Рескупорид III родные братья, сыновья Котиса VII (II). Опекуном детей Котиса (т.е. Котиса V по Салливану) и их дядей, как говорит Дион Кассий, Реметалк I мог стать потому, что имел сестру, вышедшую замуж за одрисско-астейского царя Котиса V и родившую от него детей, в том числе и Рескупорида II, попавших, таким образом, под опеку дяди Реметалка I.

В таком случае Котис, дед по отцовской линии Реметалка II и Секста Юлия ... надписи из Кизика, скорее всего не старший брат Реметалка I и Рескупорида III, а их родной отец Котис VII (II), известный по надписям

⁶¹ Тачева. Ук. соч. С. 82—89; Тачева. Op. cit. P. 415—417; Таčева. Op. cit. P. 210, 211; Strazzulla. Op. cit. P. 162: Страццуппа ошибочно называет Котиса V братом Реметалка I.

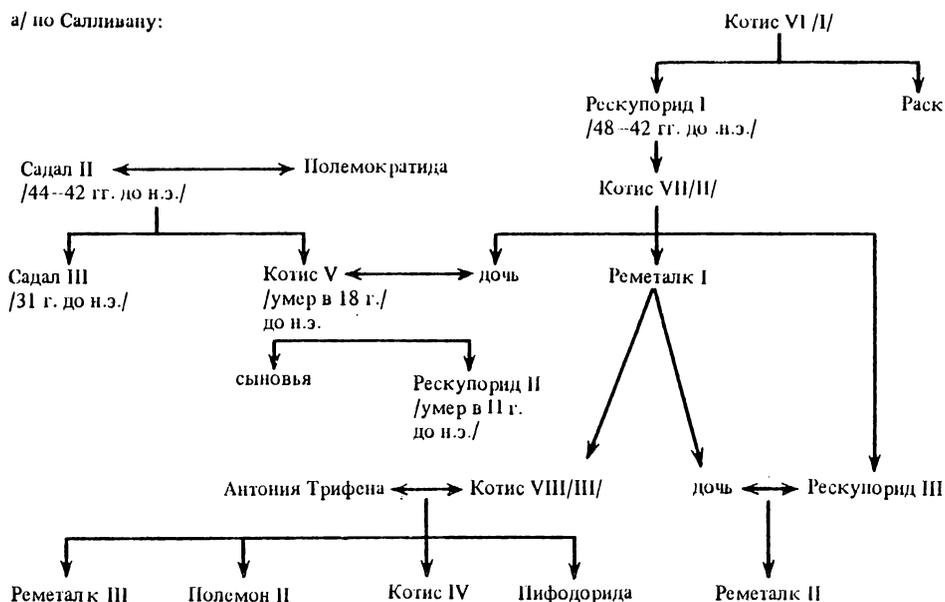
⁶² Еще в 42 г. до н.э. вдова Садала II царица Полемократиды передала своего сына, будущего царя Котиса V, под защиту Брута, который отправил его на воспитание в Кизик: см. App. BC. IV.75; Lenk. Op. cit. S. 442; Sullivan. Thrace... P. 194; Strazzulla. Op. cit. P. 296—297.

⁶³ Иванов Т. Два надписи от античного град при Разград // Гаврил Кацаров. Ч. II. София, 1955. С. 169—171; Ivanov T. Die Thrakisch-Römischen Beziehungen am Vorabend der Römischen Herrschaft in Thrakien // SC. 1961. V. III. S. 94—97; Michailov. Op. cit. P. 366, 367.

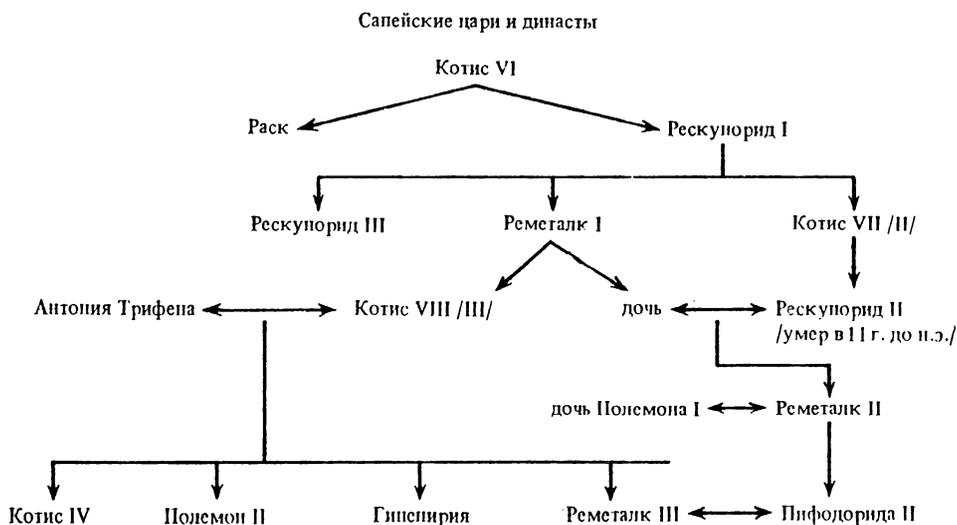
⁶⁴ Тачева. Ук. соч. С. 82—89; Тачева. Op. cit. P. 415—417.

⁶⁵ Иванов. Ук. соч. С. 169; Ivanov. Op. cit. S. 94—97; Robert. Les. Inscriptions... P. 215; Gaggero. Op. cit. P. 306; Таčева. Op. cit. P. 211.

а/ по Салливану:

б/ по Тачевой:

из Афин (IG. II.553 = II/III².344), Бизии (IGB. I². P. 98 = ABSA. 1905/06.XII.178 = Dessau. 700) и монетам⁶⁶. Титул династа у Реметалка I. деда по линии матери, который больше известен как царь, не должен особенно смущать, так как до вступления на царство в 11 г. до н.э. он осуществлял опекунство детей сестры и Котиса V и оттого мог титуловаться династом, как это можно заключить на основании его многочисленных монет этого

⁶⁶ *Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians. BAR. Suppl. Ser. 4. 1976. P. 90 f.: Котис II и Рескупорид I, ср., однако: Sullivan. Thrace... P. 197: Котис и Рескупорид I.*

периода, где он вообще не имеет указания на титулатуру⁶⁷, очевидно, в целях замалчивания его более низкого ранга.

Интерес вызывает имя чествуемого — Секст Юлий. Если справедливо предположение, что это брат династа и царя Реметалка II (скорее всего младший, так как старший наследовал домен отца), который носил римское родовое и личное имя Гай Юлий в честь покровителя их династии императора Августа⁶⁸, то выбор этого имени также свидетельствует о его принадлежности к династии Рескупорида III — Реметалка II и через них к императорскому дому Юлиев—Клавдиев. Доказательство тому — вышеприведенный пример с Полемоном II до объявления его царем Киликии, а также наречение римскими именами в роду Зенонидов. У них существовал обычай давать имена Марка Антония и Луция Антония в честь триумвира и его брата, благодетелей сыновей Зенона Лаодикейца — Полемона I и его брата Зенона. Такая же картина и во Фракии: старший сын Рескупорида III, унаследовавший титулатуру, получил право на имя Гай Юлий, а его младший брат, вероятно, был назван Секст Юлий. Ведь в роду Юлиев, откуда происходил Гай Юлий Цезарь и вели родословную императоры из дома Юлиев—Клавдиев, наиболее распространенными были личные имена Гай, Секст и Луций, передававшиеся из поколения в поколение⁶⁹.

Учитывая сказанное, можно предположительно восстановить собственное имя Секста Юлия — Котис, данное ему в честь деда по отцовской линии, ибо по материнской линии имя деда носил его брат Реметалк. Это укладывается в ономастические традиции фракийских царей, где выбор имен был очень ограниченным. Это также соответствует чисто технической возможности, связанной с количеством букв в строке.

Для нас особенный интерес представляет упоминание в надписи имени и царского титула Антонии Трифены. Логично сопоставить ее с другой кизикской надписью (IGR. IV.144), в которой говорится о посвящении Трифеной Афине Полиаде статуи матери Тиберия Ливии Августы и исполнении ею во время Панафиней жреческих обязанностей. Пользуясь своим положением, Трифена оплатила из своих средств все обряды и церемонии, в том числе пребывание на празднествах иностранцев, среди которых было немало римлян — торговцев из провинции Азия. Документ датируется 18—29 гг., так как верхняя его дата совпадает с годом смерти матери Тиберия, а нижняя — с годом гибели Котиса III, мужа царицы⁷⁰. Из сравнения двух надписей можно сделать вывод, что реконструируемый нами документ мог быть связан с благотворительными акциями Трифены по отношению к иностранцам, в том числе Сексту Юлию (Котису?) и римлянам — торговцам, ставшим одними из инициаторов постановки надписи. В этой связи восстановление в стк. 6 титула и имени Антонии Трифены может указывать на исполнение ею и в это время жреческой должности. Однако ее титул «царица», по нашему мнению, может быть связан и с царствованием в Понте. Об этом свидетельствует оговорка в IGR. IV.144, что сама благодетельница-царица в городе отсутствовала, что может означать выполнение ею обязанностей жрицы согласно литургии, а не по решению буле. Жречество Ливии Августе в Кизике привлекало

⁶⁷ *Youroukova*. Op. cit. P. 90—92: Ав. ΣΕΒΑΣΤΟΥ — Ρεβ. ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ.

⁶⁸ *Robert*. Les Inscriptions... P. 210—215. См. также ILS. I².84.9; АЕМ. 1933. 84; *Sullivan*. Thrase... P. 206: Салливан справедливо полагает, что надпись Юлии Тиндариды может относиться и к Реметалку III, также имевшему римское имя Гай Юлий (C. Juli regis Rhometalcaes I).

⁶⁹ *Gardthausen V., Münzer F.* Julius (Caesar) // RE. 1917. Bd X. Teil 1. Hbd 19. S. 183—186.

⁷⁰ *Граков*. Ук. соч. С. 270.

к ней римлян и проримски настроенную аристократию, что не выпало из поля зрения городских властей и побудило их издать серию декретов и почетных надписей в пользу их царственной покровительницы.

В разбираемой надписи, как и в другой кизикской надписи IGR. IV.147, Трифена названа «матерью и дочерью царей». Поэтому надпись надо датировать временем после 37/38 г. н.э., когда сыновья Трифены были назначены на царства Калигулой, и до 49/50 г. н.э., когда царица, вероятнее всего, скончалась или стала частным лицом, передав престол Полемону II (см. выше). Этот отрезок времени совпадает с периодом ее совместного с Полемоном II правления. Это согласуется и с рассматривавшимися выше монетами совместного чекана Трифены и Полемона II, а значит, по крайней мере, в 37/38—41/42 гг. Полемон II вряд ли имел возможность предпринять какие-либо важные внешнеполитические акции без участия собственной царственной матери, получившей власть в 21/22 г. после смерти Пифодориды. А это лишний аргумент против точки зрения, что в 39—41 гг. н.э. Полемон II мог вооруженным путем добиваться права на власть на Боспоре.

Ситуацию в Понте и в царском доме Зенонидов во второй четверти I в. н.э. можно охарактеризовать следующим образом. Старший сын Трифены Реметалк III и дочь Пифодорида были посажены в 19 г. править во Фракии в домене отца под присмотром римских опекунов, в число которых входил их родственник Л. Антоний Зенон. Это, надо полагать, явилось результатом протекции их матери в Сенате (Tac. Ann. II.67). Сама же Трифена правила в Понте не только в 21/22—37/38 гг. н.э., но и после провозглашения ее сына Полемона II царем, т.е. с 38 по 49 г., но уже в качестве регентши. В связи с тем, что в надписях Фракии ничего не сказано о других детях Котиса III и Антонии Трифены, Полемене II и Котисе IV, а Трифена владела царским титулом как регентша или соправительница Полемона II, можно предположить, что и до объявления Полемона царем она правила в Понте как опекунша его и его брата Котиса, которые находились вместе с матерью в родовом царстве до того, как отправились в Рим ко двору Тиберия, присоединившись к Реметалку III и Пифодориде. После того как все дети оказались в Риме, единоличная власть в Понтийском царстве сконцентрировалась у их матери Антонии Трифены. Это обстоятельство стало одной из причин, почему после 37 г. она продолжала править в Понте, а ее сын Полемон II, объявленный царем, был вынужден довольствоваться титулом династа и на протяжении 12 лет делить власть с матерью.

FROM THE HISTORY OF THE PONTIC KINGDOM UNDER THE POLEMONIDES

S. Yu. Saprykin

The article is dealing with some inscriptions which belong to the Pontic Kingdom during the reign of the Polemonid dynasty. The first of them was discovered in Amisus: it's a dedication in memory of Lucius Antonius Zeno and can be restored in accordance with epigraphical documents from Heracleia and Apollonia on the Salbake. This inscription shows that Amisus might have been incorporated into the Pontic Kingdom of the Polemonides. This question was for a long time under debate. The inscription also helps to establish the final genealogy of Lucius Antonius Zeno, a prominent statesman of the early Roman Empire. He was the son of Marcus Antonius Polemo, the grandson of Polemo, a priest in the city of Cyme in 2 B.C. — A.D. 14, great-grandson of Antonius Zeno, who was the brother of king Polemon I of Pontus. According to

the inscription from Apollonia Pontica where this man is mentioned, he was a guardian of Rhoemetalces III and Pythodoris the Younger, young children of the Thracian dynast Cotys III (VIII) and Antonia Tryphaena (IGB. I².399) when they became Thracian rulers after their father's murder. Basing on epigraphical information about L. Antonius Zeno and on the analysis of one inscription from Cyzicus in honor of Sextus Julius (Cotys?), brother of the Thracian king Rhoemetalces II, which kept for us the name and the title of Queen Antonia Tryphaena (IGR. IV.148), the internal political situation in Pontus after the death of Queen Pythodoris becomes clear.

Since the inscription from Cyzicus can be dated to not earlier than A.D. 37/8 and not later than A.D. 49, when Tryphaena died, it becomes apparent that in A.D. 38 when Polemo II, a son of Antonia Tryphaena, was proclaimed king of Pontus, the queen as a loyal ally and vassal of Rome accepted Caligula's decision to make her son a king of Pontus and Bosporus. But she managed to retain her title of queen of Pontus as at that time Polemo II was also declared to be a king of the Bosporan kingdom. So she had to remain a ruler of the Pontic part of the domain and so far as Polemo was deprived of his Bosporan domain, she still continued to rule in Pontus but as a coruler or a guardian-regent of her son; it is confirmed by her coins dated according to the era of her reign to A.D. 38/39 and A.D. 39/40. Till A.D. 41 Polemo II in this case had to be content with the title of the dynast and only when emperor Claudius came to power and turned over his ancestral estate in Cilicia to him, an opportunity for his getting the title of the king arose. Ruling the kingdom with her son, Antonia Tryphaena retained power in Pontus till A.D. 49 when coins, minted by Polemo II, the king, dated by his own era appeared in circulation. Since coins show that in A.D. 37—38 Tryphaena has been already ruling in Pontus for 17 years (the author opposes H. Baldus' conception with regard to these coins) we can agree with Th. Reinach's point of view that after the death of Queen Pythodoris in 21—22 A.D. her daughter Antonia Tryphaena accepted the throne as a queen. Her children Rhoemetalces III and Pythodoris the Younger were in power in Thrace under the supervision of Roman guardians including Lucius Antonius Zeno, while the two other sons — Polemo and Cotys — were left with their mother in Pontus. After A.D. 26 when all the children of Tryphaena and Cotys III were brought to the court of Tiberius, Tryphaena remained a sole queen of Pontus. That is the reason why she retained her royal title and power when her son Polemo II was appointed by Caligula king of Pontus in A.D. 37/38.

The article also gives a new reading of the well-known inscription from Tauric Chersonesus (IosPE I².419) about sending an auxiliary unit of Chersonesians to Polemo. Being agreed with the new reading of this inscription, given by J. Vinogradov, as referring to king Polemo II and the governor of Moesia, the author links it with the events of A.D. 62—63, when the Chersonesian unit could have been attached to the auxiliary troops of the Vth Legion of Macedon and that of king Polemo II which stayed in the Kingdom of Pontus during the war of Rome with Parthia.

© 1993 г.

М.Ю. Трейстер

РИМЛЯНЕ В ПАНТИКАПЕЕ*

Проблема римского присутствия в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре, неоднократно ставилась в отечественной и зарубежной литературе и относится к разряду достаточно хорошо исследованных тем¹. Данные ономастики являются, пожалуй, наиболее надежным источником по данной теме (рис. 1)².

Среди опубликованных ранее изделий италийского или провинциально-римского происхождения, найденных в Керчи, надо полагать, есть как предметы торговли, так и «личные вещи». Критерии их разделения не разработаны, да и вряд ли они могут существовать в виде раз и навсегда установленных правил. В этом отношении археологические материалы представляют собой источник чрезвычайно сложный и неадекватный. Так, например, анализ италийских изделий и монет, найденных на территории Дакии, свидетельствует о том, что италийские торговцы доминировали здесь еще за два столетия до завоевания страны римлянами, при этом пути проникновения бронзовых изделий отличались от путей распространения амфор и керамики. Облегчение римского торгового присутствия в Дакии связывается с возросшей безопасностью путей между Северной Италией и дунайским регионом со времени Августа³. Попробуем разобраться в этом на конкретных примерах.

Г.А. Цветаева, рассматривая археологические находки, свидетельствующие о контактах Боспора и Рима, некоторые из них связала с непосред-

---

* Статья была написана благодаря стипендии Фонда имени Александра фон Гумбольдта (ФРГ), позволившей автору работать при Отделении провинциально-римской археологии семинара древней истории Университета Альберта-Людвига во Фрайбурге, а также в библиотеках различных университетов и музеев ФРГ.

¹ См., например: *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951; *Карышковский П.О.* Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1953. № 3; *Блаватский В.Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // *Archaeologia Polona*. 1973. С. 14; *Кадеев В.И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. — III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4; *Фролова Н.А.* О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н.э. по нумизматическим данным // *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев, 1982.

² См.: *Савостина Е.А.* Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. № 3. С. 129—145.

³ *Glodariu I.* Dacian Trade with the Hellenistic and Roman World (BAR Suppl. ser., 8). Oxf., 1976. P. 33, 72.

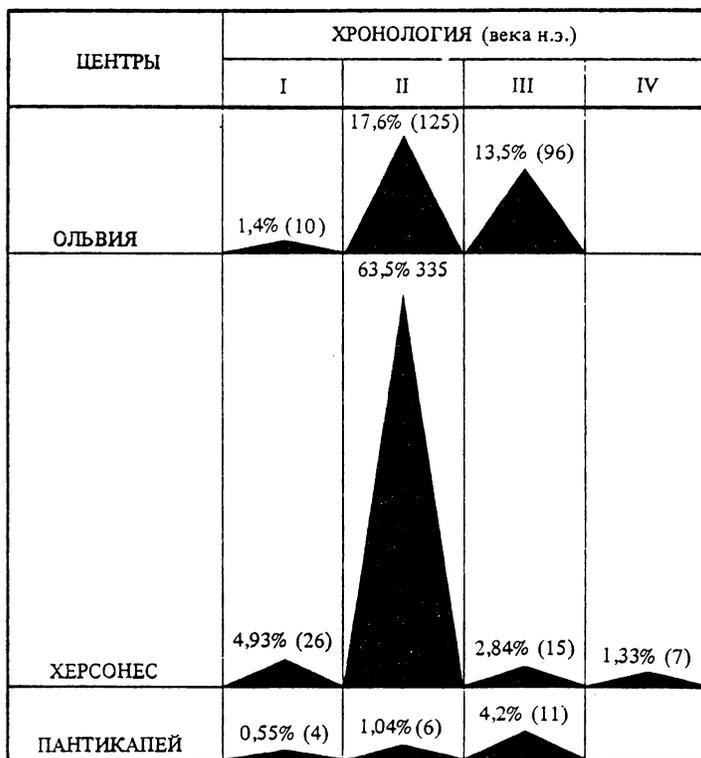

Рис. 1. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья (по данным Е.А. Савостиной)

ственным присутствием римлян, тогда как другие отнесла на счет торговых контактов. К первой группе помимо надгробных надписей солдат римских отрядов отнесены лишь теракотовые фигурки орлов, что, впрочем, вызывало критику со стороны Н.А. Фроловой⁴.

Основными категориями находок является краснолаковая керамика, стекло, бронзы, геммы.

Краснолаковая керамика из Пантикапея, которая, учитывая детальную разработанность центров ее производства и хронологии в современной

⁴ Цветаева. Ук. соч. С. 39—44; ср. Фролова Н.А. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1986. № 4. С. 57. В не меньшей степени, чем теракотовые фигурки орлов, можно было бы связывать с римским военным присутствием в Северном Причерноморье бронзовые фигурки орлов, которые могли быть значками когорт или манипул (см., например: *Tschudin P. Ein Bronze-Adler aus Münsach // Ur-Schweiz. 1962. Bd 26. № 1*). Подобные небольшие фигурки известны в том числе из Пантикапея (ГИМ. IV. 2/5a; *Веселов В.В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Вып. XXIX—XXX. С. 243. Рис. 27*). Сложность атрибуции заключается в том, что аналогичные фигурки могли украшать и предметы мебели (см., например: *Нотт Н.-Г. Ein römischer Bronzeadler // JbRGZM. 1974. Jg. 19*), таким образом контекст находки имеет важное значение. Если фигурку орла, найденную в слое пожара у крепостных ворот в Вани вместе с наконечником копья типа пилума и стрелой от катапульты-эвбатона (*Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 34. Рис. 2*) можно считать воинским значком, то сказать что-либо определенное ни о находках из Керчи, ни из района хут. Батарейка (хранятся в Темрюкском краеведческом музее; ТКМ-945) нельзя — все они являются случайными находками (см. также *Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщ. ГМИИ. 1992. Вып. X. Прим. 185*).

западной литературе, могла бы стать наиболее информативным источником, к сожалению, исследована менее всего. Даже беглый осмотр находок Боспорской археологической экспедиции на горе Митридат, проведенный вместе со специалистами по провинциально-римской археологии Т. Томашевич-Бук и Х.-У. Нубером, показал, что среди краснолаковой керамики имеются образцы западного происхождения, наиболее ранними из которых являются края круглых больших блюд диаметром ок. 40 см с накладными рельефными украшениями, относящиеся к продукции мастерских долины р. По первых двух десятилетиях I в. н.э. (В.С. Забелина, включившая эти фрагменты в свою публикацию рельефной керамики из Пантикапея, относилась их к продукции мастерских Пергама, хотя и отмечала их сходство по профилю с итальяскими мисками первой половины I в. н.э.)⁵. Среди западной краснолаковой керамики имеется фрагмент горла кувшина (М-86 Ц № 150) типа Виндонисса 500 середины I в. н.э.; довольно регулярно в раскопках попадают фрагменты доньев мисок I в. н.э. с клеймами в виде ступни ноги, обломки сосудов, аналогичных встречающимся на памятниках Болгарии (Бутово, Павликены) II—III вв. н.э., наконец, образцы североафриканской керамики IV—V вв. Г.А. Цветаева отмечает, что краснолаковая посуда итальянских мастерских поступала главным образом в Ольвию и Херсонес, в меньшем количестве она представлена в городах Боспора, указывая, что находки фрагментов западной краснолаковой посуды происходят в основном из мест стоянок римских войск⁶. Недостаточно исследованы и итальянские амфоры из раскопок Пантикапея. Впрочем, И.Д. Марченко, занимавшаяся их исследованием, выделила 33 экз.; ею же отмечены три латинских амфорных клейма⁷.

Среди других категорий итальянского импорта в Пантикапее имеются бронзовые сосуды⁸, канделябры⁹, зеркала¹⁰. Группа прямоугольных зеркал достаточно широко представлена находками из Пантикапея первой половины I в. н.э. В целом в некрополе Пантикапея было обнаружено около половины всех находок итальянских и провинциально-римских зеркал в Восточной Европе. Предпринятый нами анализ свидетельствует скорее, что зеркала попадали в Северное Причерноморье в результате торговых связей, — вряд ли их проникновение связано с появлением римских войск в Северном Причерноморье¹¹. Возможно, исключением из правила является единственное в Северном Причерноморье «монетное» зеркало, которое могло служить наградным знаком, находка которого в Ольвии объясняется присутствием здесь римских войск во второй половине I в. н.э.¹²

⁵ Забелина В.С. Группа рельефной керамики из Пантикапея // Сообщ. ГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 122, 123. Рис. 3, 11—13.

⁶ Цветаева. Ук. соч. С. 86.

⁷ Там же.

⁸ См. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия на территории Восточной Европы (II в. до н.э. — IV в. н.э.) // САИ. Вып. Д1—27. М., 1970; Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4; Трейстер. Ук. соч. Прим. 182.

⁹ Герцигер Д.С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа // Тр. ГЭ. 1984. Вып. XXIV.

¹⁰ Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю. Две группы бронзовых зеркал в собрании Государственного исторического музея // СА. 1983. № 4; Трейстер М.Ю. Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. 1991. № 1; Treister M.Ju. Italic and Provincial-Roman Mirrors in Eastern Europe // Akten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg, 18—22. Juli 1988. Stuttgart, 1992.

¹¹ Ср. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 92.

¹² См.: Герцигер Д.С. «Монетное» зеркало из Ольвии // Античная торевтика. Л., 1986. С. 123—127. Ср. Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1990. С. 27—32.

В противоположность большинству групп зеркал или керамики, определенные категории италийских гемм, найденные в Пантикапее, прежде всего экземпляры с портретами римских императоров и их близких, могут быть рассмотрены скорее в контексте политических и дипломатических контактов Боспора и Рима, учитывая особую роль перстней с портретами правителей в политической пропаганде¹³. Интересно, что все известные в Северном Причерноморье геммы этой группы раннего времени (до Нерона) происходят из некрополя Пантикапея: среди них имеются геммы с изображениями Октавии, Гая Цезаря, Друза Младшего, Клавдия¹⁴. Особого внимания заслуживает находка литика с портретом юного Октавиана 43—42 гг. до н.э. в некрополе у с. Золотое в Восточном Крыму. Литики с подобными изображениями были широко распространены и, по мнению О.Я. Неверова, их трудно назвать портретами в полном смысле слова, скорее они являются своего рода политическими прокламациями. В.Н. Корпусова полагает, что литик из Золотого использовался именно как политическая прокламация во время первых попыток Рима сделать Боспор своим вассалом¹⁵. Надо полагать, что не только геммы с портретами императоров и членов их семей попадали в Пантикапей с римлянами или в результате дипломатических контактов Боспора с Римом. Так, в двух случаях находки италийских гемм с некрополе Пантикапея зафиксированы вместе с римскими монетами I в. н.э. (гемма с изображением Геня Удачи из раскопок 1889 г. и сардоникс с изображением Венеры и гермы Приапа из раскопок 1894 г., найденный вместе с монетой Тиберия и индикацией монеты Митридата VIII)¹⁶. Заметим, что 32 из 60 учтенных О.Я. Неверовым италийских гемм происходят из Пантикапея.

Между тем археологические раскопки на вершине и западном плато Первого кресла горы Митридат, проводимые Боспорской экспедицией Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина под руководством В.П. Толстикова при участии автора, дают новые материалы, необходимость ввода которых в научный оборот давно назрела. В данной публикации будут представлены атрибуция и интерпретация некоторых вещественных находок, которые, на наш взгляд, свидетельствуют не о торговых связях Боспора с Римом, а о контактах дипломатических, политических, военных, так или иначе связанных как с пребыванием римлян в столице Боспорского царства, так и боспорцев в пределах Империи.

1. АУРЕУСЫ

В 1978 г. при раскопках в водостоке № 15 и на полу коридора № 16 цитадели акрополя Пантикапея были найдены два ауреуса Юлия Цезаря 43 и 44 гг. до н.э.¹⁷

¹³ См.: Jucker H. Der Ring des Kaisers Galba // Chiron. 1975. Bd 5. S. 349—364; см. также: Vollenweider M.L. Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der Römischen Republik // MusHelv. 1955. Bd 12. S. 99 ff., 105 ff.; Alföldi A. Caesariana. München, 1975. S. 61 (см. рец.: Gnomon. 1986. Bd 58. S. 719); Treister M.Ju. About the Early Production of Metallic Zinc in Parthia // Bull. of the Metals Museum. 1990. V. 15. P. 35—36.

¹⁴ См. Неверов О.Я. Италийские геммы в некрополях северопонтийских городов (К вопросу об италийском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 105. № 9—13.

¹⁵ Неверов О.Я. Римские портретные геммы времен гражданской войны I в. до н.э. в собрании Эрмитажа // Сообщ. ГЭ. 1971. Вып. 32. С. 63; Корпусова В.Н. Античные геммы боспорских некрополей // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 96 сл.

¹⁶ Неверов. Италийские геммы... С. 105, 113 сл. № 40, 46.

¹⁷ Толстиков В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // Сообщ. ГМИИ. 1984. Вып. VII. С. 46, 51. Рис. 15; Treister M.Ju. Eastern Crimea. Field Notes // Archaeological News. 1985. V. XIV. P. 64, 65.

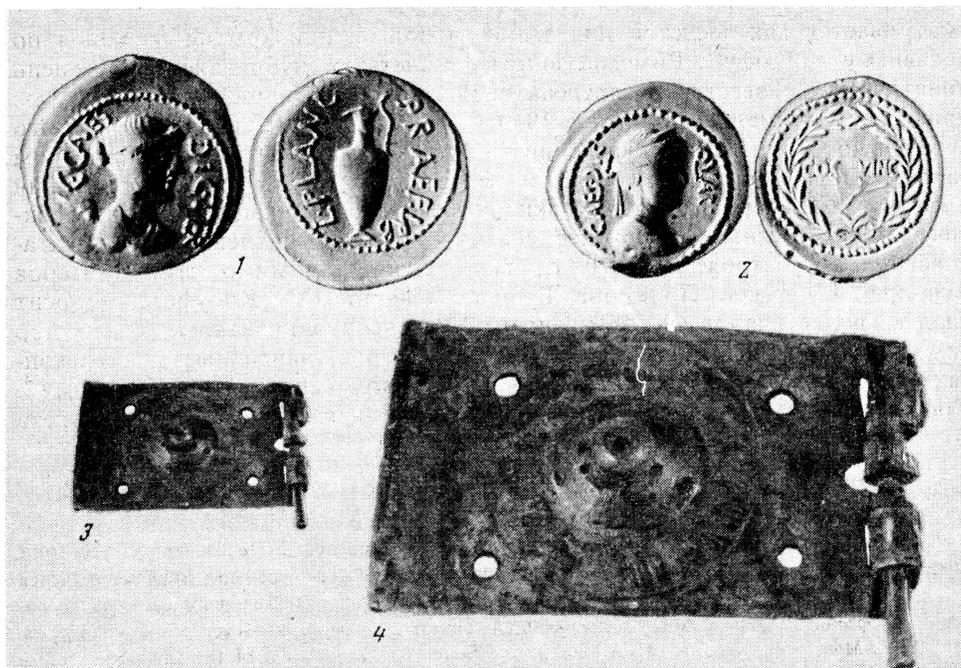

Рис. 2, 1. Ауреус Гая Юлия Цезаря 45 г. до н.э. ГМИИ. Инв. 230769; 2 — ауреус Гая Юлия Цезаря 44 г. до н.э. ГМИИ. Инв. 230768; 3—4 — щиток от пряжки цингулума, ремня римского легионера из раскопок Пантикапея. ГМИИ. М-88 Ц, пл 136, сев. часть / зачистка вым. № 82, оп. № 157

1. Ауреус. Гай Юлий Цезарь. Префект Луций Планк. 45 г. до н.э. Вес 8,13 г. Проба 950. Дм. 21 мм. Av.: S CAES DIC TER. Голова Виктории вправо. Ободок из точек. Rev.: L PLANC PRAEF URE. Афмора. Хр.: ГМИИ. Инв. 230769 (рис. 2, 1)¹⁸.

2. Ауреус. Гай Юлий Цезарь. 44 г. до н.э. Вес 7,93 г. Проба 950. Дм. 21 мм. Av.: CAES DIC QVAR. Голова Венеры вправо. Ободок из точек. Rev.: COS QUINC. Надпись окружена лавровым венком. Ободок из точек. Хр.: ГМИИ. Инв. 230768 (рис. 2, 2)¹⁹.

Монеты, найденные при раскопках цитадели акрополя Пантикапея, относятся к довольно редким разновидностям римского чекана. По сведениям М. Кроуфорда, известно лишь 78 экземпляров аналогичных ауреусов 45 г. и всего 31 — 44 г., которые были чеканены соответственно 50 и 20 штемпелями. Предполагается, что ауреусы 45 г. до н.э. были отчеканены в начале года, до возвращения Цезаря из Испании (третье диктаторство Цезаря: апрель 46 — апрель 45 гг. до н.э.); аналогичные монеты, датированные следующим годом, — в промежутке между январем и 15 февраля 44 г. до н.э., вероятно в Риме²⁰. Золотая чеканка Цезаря 46 и 45 г. рас-

¹⁸ BMC CRR Rome, 4118; Crawford M. Roman Republican Coinage. Cambr., 1974. P. 485. № 475/1a. Pl. LVI, 11; Sutherland C.H.V. Roman History and Coinage 44 B.C. — A.D. 69. Oxf., 1987. P. 2. № 1b.

¹⁹ BMC CRR Rome, 4129; Crawford. Op. cit. P. 495. № 481/1. Pl. LVII, 21; Alföldi A. Caesar in 44 v. Chr. Bd 2. Das Zeugnis der Münzen. Bonn, 1974 (Antiquitas. Reihe 3, 17). S. 12. Taf. V, IX.

²⁰ Crawford. Op. cit. P. 688. Table LV. О политике Цезаря в 44 г. до н.э. см.: Alföldi A. Caesar in 44 v. Chr. Bd 1. Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln. Bonn, 1985 (Antiquitas. Reihe 3, 16). О чеканке Цезаря в 44 г. до н.э. см. также: *idem*. Caesar in 44 v. Chr. Bd 2; Christ K. Res. ad.: Alföldi A. Caesariana // Gnomon. Bd 58. S. 715 ff. с библиографией по данному вопросу и критическими замечаниями.

смачивается как средство для выплаты долгов и покрытия расходов по недавнему триумфу²¹. Римские золотые монеты республиканского времени практически неизвестны за пределами Италии и провинций. В этом смысле привлекает внимание находка в 1940 г. в Кайсери (Малая Азия) золотого ауреуса 46 г. до н.э. в погребении местного царька (?) вместе с набором золотых ювелирных украшений и серебряной посуды²². На территории Северного Причерноморья находки римских республиканских монет практически неизвестны: исключение составляют клад, найденный на Фанталовском полуострове в 1870 г., включающий, помимо трех статоров Асандра, 17 драхм Полемона I, один денарий (М. Кроуфорд относит клад к группе кладов 49—45 гг. до н.э.²³), и неопубликованные до сих пор находки республиканского серебра и кистофоров, найденные при раскопках Н.Г. Новиченковой святилища в Гурзуфском седле в горном Крыму²⁴. Кроме того, на городище Херсонеса были обнаружены бронзовая монета

²¹ Sutherland. Op. cit. P. 2.

²² См.: Chantaine H. Die Bedeutung der römischen Fundmünzen in Deutschland für die frühe Wirtschaftsgeschichte // Untersuchungen zur Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil 1. Göttingen, 1985. Tab. II, VI. Так, например, на территории графства Честер в Англии древнейшей находкой ауреуса является монета Тиберия. См.: Lloyd-Morgan G. Records of «Aurei» from Chester // The Journal of the Chester Archaeological Society. 1986. V. 68. P. 72. № 1. О находке в Кайсери см.: Oliver A. Jr. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver; The Toledo Art Museum. Toledo, 1977. P. 118. (ауреус типа Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. № 1017). Другим, правда, более поздним примером сочетания находки сервиза из драгоценных металлов вместе с римскими ауреусами Нерона, Гальбы, Адриана, Антонина Пия и Коммода является комплекс погребения 6 в Армазисхеви под Мухетой (Капанадзе Д.Г. Ауреусы Армазского некрополя // СА. 1957. № 3. С. 159—161; Мухета. Итоги археологического исследования. I. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1958. С. 85. № 117; Мачабели К.Г. Серебряная фиала из Армазисхеви (из истории античной торевастики Грузии). Тбилиси, 1970. С. 28; Nuber H.-U. Kanne und Griffschale // Ver. RGK. 1972. Jg. 53. S. 74). Находки ауреусов известны и на территории Армении: к известному ранее ауреусу Тиберия из Гарни находки последних лет добавили ауреусы Нерона, Траяна, Антонина Пия (см. Акопян А.П., Бадер А.Н. Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 18—22 мая 1988 г.) // ВДИ. 1990. № 1. С. 244). Впрочем, вероятно, не стоит игнорировать мнение К.В. Голенко, отмечавшего, что, несмотря на находки золотых монет Августа и Тиберия в Закавказье, регулярное поступление сюда римского золота нужно относить к сравнительно позднему времени, поскольку оно открывается ауреусами Нерона, реформа которого в 64 г. коснулась и золота (Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 48).

²³ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4—4. М., 1961. № 27; Crawford M.H. Roman Republican Coin Hoards. L., 1969. P. 114. № 371. Самыми ранними монетами Римской империи, найденными на территории Боспора, являются монеты Августа из Мирмекия и окрестностей Феодосии. См.: Фролова. О римско-боспорских отношениях... С. 55 сл. О циркуляции римской монеты на Балканах во II—I вв. до н.э. см.: Schönert-Geiss E. Das Eindringen römischen Geldes auf den Balkan im 2./1. Jahrhundert v.u.Z. // Klio. 1989. Bd 71. Ht 1. S. 84—89. Здесь известны находки римских денариев, проникновение которых объясняется различными исследователями по-разному, например Е. Геновой — торговыми связями между Римом и этим регионом, М. Кроуфордом — в качестве платы за рабов на местных рынках работорговли и т.д. (см. Schönert-Geiss. Op. cit. S. 85). Единственная зафиксированная Э. Шёнерт-Гайс находка республиканских ауреусов на Балканах происходит из клада, который был найден в Кавале во Фракии и состоял из 54 денариев и 2 ауреусов. Интересно, что один из двух ауреусов идентичен раннему из найденных в Пантикапее — чеканки префекта Луция Планка, а сам клад был зарыт после 44 г. до н.э. (см.: Varoucha-Christodoupolou I. Acquisitions du Musée numismatique d'Athènes // BCH. 1962. T. 86. Fasc. II. P. 423, 424; Schönert-Geiss. Op. cit. S. 86. Anm. 11).

²⁴ См. информацию о раскопках в сборниках «Археологические открытия».

второй половины III в. до н.э. и серебряный квинарий 86 г. до н.э.²⁵, а в некрополе Пантикапея — республиканский денарий III—II вв. до н.э.²⁶ Материалы кладов и отдельных находок показывают, что регулярно римские монеты стали появляться в Северном Причерноморье в последней трети I в. н.э., хотя их поступления не имели массового характера: так, на территории Боспорского царства к I в. н.э. относится лишь 10 экз. римских монет²⁷.

2. ЩИТОК ОТ ПРЯЖКИ ЦИНГУЛУМА

При зачистке участка вымостки № 82 в южной части Центрального раскопа на западном плато Первого кресла горы Митридат в 1988 г. был обнаружен щиток от пряжки ремня римского легионера с обломанным основанием пряжки и язычком. Он имеет прямоугольную форму (размер 4,6×2,8 см); по четырем углам пробиты круглые отверстия диаметром ок. 0,2 см для крепления к кожаному ремню. Центральное поле щитка пряжки украшено круглым умбоном с выделенной вершиной, имеющей углубление (диаметр умбона 1,3 см, высота 0,7 см). Умбон окружен фризом с поперечными гравированными насечками шириной 0,6 см (рис. 2, 3, 4).

Находка из Пантикапея несомненно представляет собой деталь ремня римского легионера — цингулума (*cingulum*), на котором подвешивался с левого боку короткий кинжал. Гладиус — меч легионера, обычно подвешивался с правого боку на отдельном ремне, который также украшался подобными пластинами, а в центре свешивались кожаные полоски, обшитые бляшками, защищавшие нижнюю часть живота²⁸. Эта практика существовала в I в. н.э., о чем свидетельствуют надгробные рельефы из Рейнской области²⁹. Позднее меч стал подвешиваться на перевязи³⁰. Интересно, что щитки пряжек цингулумов на упомянутых рельефах чрезвычайно близки находке из Пантикапея.

Пластины, которые нашивались на ремни легионеров, либо украшались концентрическими кругами или умбонами, либо несли более сложные рельефные украшения. Все они имели, как правило, прямоугольную форму, размеры обычно не превышали 6×4,5 см. Наибольшее внимание исследователей привлекали щитки и накладки на ремни с рельефными изображениями: к ним относятся экземпляры с изображением капитолийской волчицы с Ромулом и Ремом (в том числе и редкие находки круглой формы; накладки с портретами императора Тиберия между рогов изобилия и, наконец, круглые накладки с изображениями травли животных).

²⁵ Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // *НиС*. 1968. Т. 3. С. 30; Глуценко В.П. Римские монеты в денежном обращении городов Северного Причерноморья // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1988. С. 44.

²⁶ Кропоткин. Клады римских монет... С. 64. № 590; Глуценко. Ук. соч. С. 44.

²⁷ Глуценко. Ук. соч. С. 45 сл.

²⁸ Connolly P. *Greece and Rome at War*. L., 1981. P. 232.

²⁹ Ubl H. *Waffen und Uniform des römischen Heeres der Principatsepoche nach Grabreliefs Noricums und Pannoniens*: Diss. Wien, 1969; *idem*. Was trug der römische Soldat unter dem Cingulum? // *Roman Military Equipment: The Sources of Evidence*. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference / Ed. C. van Driel-Murray (BAR Intern. Ser., 476). Oxf., 1989. S. 61—74; *Bauchhens G.* Römisches Grabmal aus den Randgebieten des Neuwieder Beckens // *JRGZM*. 1975. Jg. 22. Teil 2. S. 81—84. Taf. 27—28; Connolly. *Op. cit.* P. 232. Fig. 21—22. P. 233.

³⁰ Connolly. *Op. cit.* P. 233 f.

Подобные находки рельефных пластин преобладают из легионных лагерей, расположенных к северу от Альп: в Верхней Германии, Реции, Лугдунской Галлии. Среди них отметим находки из Виндониссы, Майнца, Бриганциума, Ристиссена, Шассенара. Интересно, что находки пластин с изображением капитолийской волчицы происходят из лагерей, где размещался XIII легион; так, он стоял в Майнце и Виндониссе до 17 г. н.э. Находки из Ристиссена относятся к периоду Юлиев — Клавдиев, бляха из Бриганциума была обнаружена вместе с монетами Тиберия и Калигулы, погребение из Шассенара датируют две монеты Калигулы 40 г.³¹ Таким образом, щитки и накладки ремней легионеров с рельефными изображениями следует датировать первой половиной I в. н.э., причем наибольшее распространение они получили в период правления Тиберия и начальный период правления Клавдия³². Несомненно, что производство подобных деталей амуниции осуществлялось в мастерских легионов; так, высказывались соображения об изготовлении блях с изображением капитолийской волчицы в Виндониссе³³. К эпохе Клавдия — Нерона относятся серебряные накладки поясов, найденные в Неаполитанском заливе и украшенные изображениями Солнца, Луны, сценами с изображением Нептуна и Минервы. По мнению Э. Кюнцля, они могли принадлежать моряку Мизенской эскадры³⁴. Предполагается, что мастерская по изготовлению щитков, украшенных рельефными бюстами императоров или биги, существовала во второй половине I в. н.э. в Безансоне, а сами бляхи распространялись не путем торговли, не с продвижением легионов, а раздавались солдатам по особым случаям в качестве поощрения за службу на благо Империи³⁵.

Бляхи, украшенные более скромной орнаментацией, например концентрическими кругами, известны из Виндониссы³⁶, клада в Текие и Сербии³⁷. Наибольшую близость находке из Пантикапея обнаруживают накладки с умбонovidными украшениями с территории Нарбоннской Галлии³⁸, из римского форта в Ход Хилл в Уэссексе, существовавшего, судя по находкам монет и краснолаковой керамики, начиная с 43 г. н.э. не более двух десятилетий³⁹, из раннеримских лагерей Хофхайм, Ристиссен и других

³¹ *Von Gonzebach V.* Tiberische Gürtel- und Schwertscheibenbeschläge mit figürlichen Reliefs // *Helvetia Antiqua: Festschrift E. Vogt.* Zürich, 1966. S. 183—208; *Böhme A.* Metallfunde // *Schönberger H.* Kastell Oberstimm: Die Grabungen von 1968 bis 1971 (Limesforschungen. 1978. Bd 18). S. 208; *Rupprecht G.* Cingulumbeschlag mit Lupadarstellung aus Mainz // *ArchKorr.* 1987. Jg. 17. Ht 2. S. 223—225.

³² *Böhme.* Op. cit. S. 208; *Rupprecht.* Op. cit. S. 224.

³³ *Mutz A.* Cingulum militis legionaris // *Pro Metal.* 1962. № 90. S. 749; *Künzl E.* Cingula di Ercolano e Pompei // *Cronache Pompeiane.* 1977. V. III. P. 177, 178; *Rupprecht.* Op. cit. S. 223, 224.

³⁴ *Künzl E.* Cingula aus Campanien // *Actes du IVe Colloque international sur les bronzes antiques.* Lyon, 1976. S. 83—88.

³⁵ *Feugère M.* Nouvelles observations sur les cabochons de bronze estampés du cingulum romain // *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Seminar / Ed. M.C. Bishop (BAR Intern. Ser., 275).* Oxf., 1985. P. 117—141. См. критику точки зрения М. Фежера: *Haalebos J.K.* Rev.: *The Production and Distribution of Roman Military Equipment // ВЛБ.* 1988. Bd 188. S. 580, 581.

³⁶ *Mutz.* Op. cit. S. 750 f. № 1—2.

³⁷ *Mano-Zisi D.* Nalaz iz Tekije. Beograd, 1957. P. 82. Pl. XIII—XIV.

³⁸ *Feugère M.* Le mobilier de la maison A. Autres objets non céramiques // *Fiches J.-L.* La fouille du secteur IV 1976—1980. Les maisons gallo-romaines d'Ambrussum (Villetelle-Herault) (Documents d'archéologie française. № 5). P., 1986. P. 106 suiv. Fig. 89a; *Depeyrot G., Feugère M., Gauthier P.* Prospections dans la moyenne et basse Vallée de l'Herault: monnaies et petits objets // *Archéologie en Languedoc.* 1986. № 4. P. 146, 147. Fig. 40, 10.

³⁹ *Braisford J.M.* Hod Hill. V. 1 // *Antiquities from Hod Hill in the Durden Collection.* L., 1962. P. VII—VIII, 4 (A 118—121). Fig. 5.

стоянок римских войск в Германии⁴⁰, из Виндониссы⁴¹ и Магдаленберга⁴². Таким образом, интересующие нас накладки также следует датировать временем не позднее середины I столетия н.э.

3. ФИБУЛЫ

Среди металлических находок, сделанных в последние годы на Центральном раскопе Пантикапея, обращают на себя внимание фрагментированные фибулы типа «Авцисса», три экземпляра которых были обнаружены в южной части раскопа в районе улицы, пересекающей западное плато Первого кресла горы Митридат с запада на восток (рис. 3, 1—3).

А.К. Амброзом были учтены примерно 70 фибул этого типа с территории юга европейской части СССР, из которых лишь четыре экземпляра происходят из Керчи и еще три — из других памятников Боспора⁴³. Добавим сюда еще одну не учтенную А.К. Амброзом фибулу из Керчи (ГЭ. II. 1872. 186), несколько фибул из некрополя Горгииппии⁴⁴ и фибулу из некрополя у с. Золотое⁴⁵, и картина находок на территории Боспора, составленная на основании данных погребального инвентаря, будет практически полной. Между тем материалы раскопок городских кварталов Пантикапея дают обратную картину: четыре фрагментированные фибулы типа «Авцисса», обнаруженные на Ново-Эспланадном раскопе в 1957—1958 гг.⁴⁶, и столько же — на Центральном раскопе (к находкам последних лет следует добавить фибулу из раскопок 1972 г.). Интересно, что процент фибул типа «Авцисса», обнаруженных при раскопках городских слоев Пантикапея, чрезвычайно высок по отношению к фибулам других типов (составляет около половины всех фибул), что противоречит нормальному распределению фибул импортных и местных типов, основанному на материалах некрополей⁴⁷ и требует специального объяснения, к которому мы вернемся ниже. Различные варианты фибул «Авцисса», центры изготовления которых традиционны помещают в Северной Италии, суммарно датируют последними десятилетиями I в. до н.э. — I в. н.э. (отдельные находки заходят во II в. н.э.).

Фибулы типа обнаруженных в Пантикапее принадлежат различным вариантам фибул «Авцисса».

---

⁴⁰ Ritterling E. Das frühromische Lager bei Hofheim in Taunus // Nass. Ann. 1912. Wiesbaden, 1913. S. 150. Taf. XI, 48; Ulbert G. Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghofe (Limesforschungen. Bd 1). B., 1959. S. 69. Taf. 61, 22; Behrens G. Neue Funde aus dem Kastell Mainz // Mainzer Zeitschrift. 1912. S. 87. Abb. 3, 17—19; Ulbert G. Das frühromische Kastell Rheingonheim: Die Funde aus den Jahren 1912 und 1913 (Limesforschungen. Bd 9). B., 1969. S. 44—45. Taf. 32, 5. Проведенная недавно Б. Пффердеhirt передатировка времени основания ряда лагерей, таких, например, как Хофхайм (см.: Pferdehirt B. Die römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans — Untersuchungen zur Chronologie Südgallischer Reliefsigillata // JbRGZM. 1986. Jg. 33. Teil. 1. S. 221—320), на основании анализа terra sigillata лишь упрочивает основания для предлагаемой датировки.

⁴¹ Mutz. Op. cit. S. 750, 751. № 3.

⁴² Deimel M. Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg // Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg. Bd 9. Klagenfurt, 1987. S. 87 f. Taf. 77, 5, 7.

⁴³ Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1—30. М., 1966. С. 26, 27.

⁴⁴ Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгииппии // Горгииппия. Т. 2. Краснодар, 1982. С. 150—152. Рис. 1—3, 7, 8.

⁴⁵ Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 65 сл. Рис. 19, 3.

⁴⁶ ГМИИ им. А.С. Пушкина: М-57. НЭ. XXXVI/14. № 883; М-58. НЭ. I XVIII/6; XI VIII; случайная находка (с. н.).

⁴⁷ Трейстер. Ук. соч. С. 158. Табл. 1.

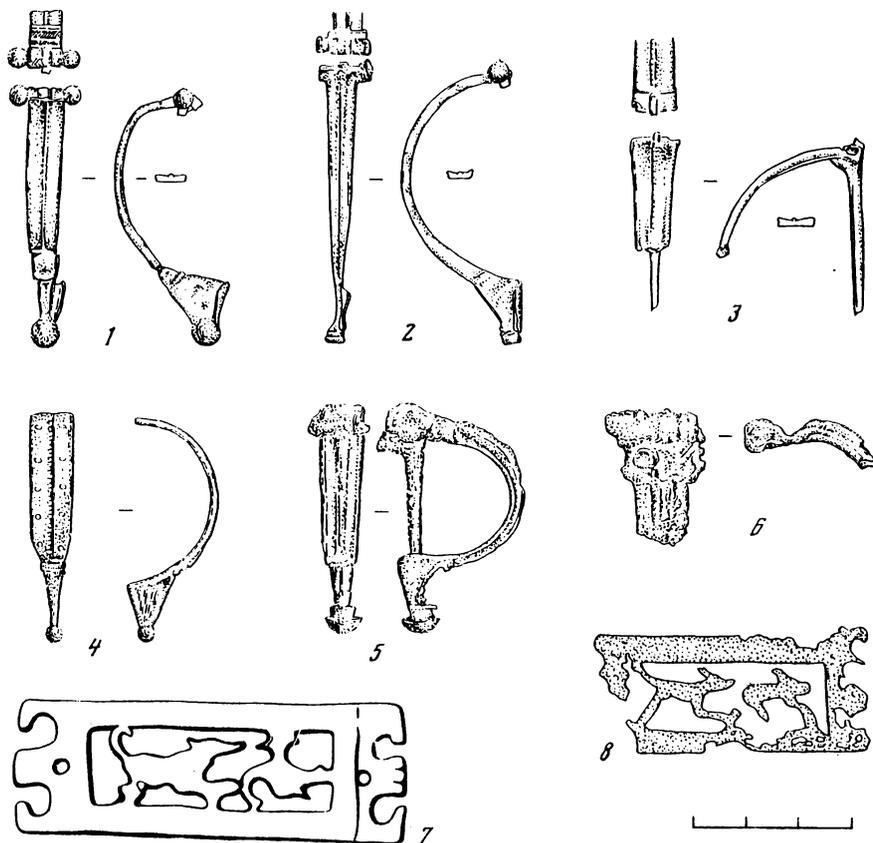

Рис. 3, 1—6. Фибулы типа «Авцисса» из Центрального и Нового Эспланадного раскопа Пантикапея: 1—2 — М-83 Ц, пл. 121/11, над вым. № 82, оп. № 152; 3 — М-82 Ц, пл. 104, зап. часть / подошва 9 шт., 6/№; 4 — М-57 НЭ, пл. 36 /шт. 14, оп. № 838; 5 — М-58 НЭ, с.н.; 6 — М-58 НЭ, пл. 68 / шт. 6, 6/№; 7—8 — бронзовые поясные накладки: 7 — Керчь, ГЭ. П. 1903-4. 4; 8 — Вайсенбург (по Ю. Олденштайну)

Так, пять фибул из Пантикапея (в том числе четыре экземпляра, происходящие с Центрального раскопа) по деталям своей конструкции (рис. 3, 1—4) обнаруживают наибольшую близость к экземплярам, выделенным М. Фежером в вариант 22a2, который датируется исследователем от 20 г. до н.э. до рубежа нашей эры. Отмечается, что подобные фибулы известны в основном в Галлии и Италии, но встречаются также в Греции и Малой Азии. Впрочем, в деталях оформления спинки фибул находки из Пантикапея обнаруживают чрезвычайную близость между собой и, с другой стороны, отличие от западных аналогий⁴⁸. Напротив, единственную полную аналогию фибулам из Пантикапея нам удалось найти в своде А.К. Амброза (фибула из коллекции ГИМа также, вероятно, происходит из Керчи — А.К. Амброз относил ее к так называемым «единичным вариантам» фибул типа «Авцисса»)⁴⁹. Рассматриваемые фибулы из Пантикапея образуют конструктивно и стилистически единую группу, обнаруживающую сходство с фибулами более раннего времени — типа «Алезия». В этом отношении вызывает интерес находка в кургане Ак-Бурун в окрестностях Керчи золо-

⁴⁸ Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale. P., 1985. № 1483. 1486. P. 323.

⁴⁹ Амброз. Ук. соч. С. 26. Табл. 4, 20.

той фибулы типа «Алезия» с крупным шаром на конце ажурной ножки⁵⁰.

Меньшее распространение среди находок из Пантикапея (рис. 3, 5, 6) получили фибулы «Авцисса» классического варианта первой половины I в. н.э. (22b2 по классификации М. Фежера) — наиболее распространенная категория фибул в римских лагерях, расположенных вдоль лимеса: находки фибул этого варианта составляют 40% всех фибул в Ниймегене, 64% — в Хальтерне, 50% — в Майнце. 67% фибул этого варианта, известных в Швейцарии, происходит из Виндониссы⁵¹. Хронологически близки к рассмотренным фибулам типа «Авцисса» находки шарнирных круглых фибул-брошей без эмали с прорезным щитком. А.К. Амброз учел 10 экземпляров таких фибул с территории Крыма и Краснодарского края, датировал их второй половиной I — началом II в. н.э. и отметил, что точные аналогии на Западе фибулам этого типа ему не известны (три из десяти находок, учтенных А.К. Амброзом, происходят из Пантикапея, еще две были найдены в некрополе Ново-Отрадное в Восточном Крыму)⁵². Добавим к этой группе два экземпляра из некрополя Золотое⁵³, два из Горгиппии⁵⁴, один из Тирамбы⁵⁵.

К фибулам этого типа типологически примыкают более редкие экземпляры — с ромбовидным щитком. А.К. Амброз отмечает, что указанные фибулы имеют провинциально-римское происхождение (Паннония, Рейн) и датируются на нашей территории второй половиной I — первой половиной II в. н.э.⁵⁶ Из учтенных А.К. Амброзом восьми фибул пять экземпляров происходят из Пантикапея и некрополей Восточного Крыма. Этот список следует дополнить двумя находками из некрополя Золотое⁵⁷.

К фибулам рассматриваемых групп близок экземпляр со щитком в виде лунницы из того же некрополя⁵⁸.

Наконец, в отдельную группу фибул-брошей с круглым щитком (непрорезным) следует выделить две фибулы из некрополя у д. Ново-Отрадное, условно включенные А.К. Амброзом в группу фибул-брошей без эмали с прорезным щитком.

Типологически все четыре группы фибул-брошей весьма близки. Заметим, что они довольно хорошо представлены в Западной Европе. Карты, составленные М. Фежером, показывают, что фибулы с прорезным щитком наиболее распространены в Швейцарии; отдельные находки их известны на территории Британии, Галлии, по рейнскому лимесу⁵⁹. Более широко

⁵⁰ Щукин М.Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1989. № 3. С. 68.

⁵¹ Böhme A. Die Fibeln der Kastelle Saalberg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. 1972. Bd XXIX. S. 11; Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1979. S. 114, 115; Feugère. Les fibules... P. 319—321. Примером распространения фибул за пределами Римской империи, подобным распределению фибул типа «Авцисса», являются, например, находки глазчатых фибул в Свободной Германии, которые связываются здесь прежде всего с военной активностью римлян. См.: Kramer E. Eye Brooches from Terpen in Friesland // Helinium. 1987. V. XXVII. № 1. P. 105. Впрочем, фибулы римских типов на периферии античного мира могли бытовать очень долго. Интересным примером этого является вторичное использование фибулы типа «Авцисса» в качестве ручки импортного сосуда в Нубии в погребении III—IV вв. См.: Gerharz P. Eine frühromische Fibel als Gefäßshenkel in einem nubischen Grab // ArchKorr. 1985. Jg. 15. Ht 3. S. 385—389.

⁵² Амброз. Ук. соч. С. 31.

⁵³ Корнусова. Ук. соч. С. 65 сл. Рис. 19, 11.

⁵⁴ Трейстер. Фибулы... С. 151 сл. Рис. 1, 4, 5.

⁵⁵ ГМИИ им. А.С. Пушкина: случайная находка.

⁵⁶ Амброз. Ук. соч. С. 33.

⁵⁷ Корнусова. Ук. соч. С. 65 сл. Рис. 19, 4.

⁵⁸ Там же. С. 65 сл. Рис. 19, 8.

⁵⁹ Feugère. Op. cit. P. 341. Fig. 50.

представлены ромбовидные броши, наиболее типичные для Галлии, но встречающиеся также в Германии, Швейцарии, Британии⁶⁰. Близкое распределение имеют фибулы со щитком в виде лунницы⁶¹ и с непрорезным щитком⁶². Данные варианты фибул объединяет общая датировка: неизвестные в комплексах времени Тиберия и Калигулы, эти фибулы получили распространение в эпоху Клавдия и Нерона — их обычно датируют 30/40—60/70 гг. н.э.⁶³

4. СВЕТИЛЬНИКИ

Рассмотрим светильники, найденные в районе алтаря, раскопанного на Центральном раскопе в 1989 г. (см. рис. 4, 1, 2)⁶⁴. Здесь было обнаружено 16 светильников, 14 из которых представлены типичными для первых веков нашей эры краснолаковыми образцами с закрытым вместилищем и щитком, украшенным штампованными рельефными изображениями. Наиболее ранний светильник (рис. 5, 1) относится к типу IV по классификации З. Лешке и может быть соответственно датирован временем Тиберия — серединой I в.⁶⁵; впрочем, светильники аналогичного типа, найденные на территории Швейцарии, датируются от эпохи Тиберия до конца I в.⁶⁶, а находки из Трира — временем от начала I в. до эпохи Флавиев⁶⁷. Самая представительная группа — 10 экземпляров — относится к типу IV по классификации З. Лешке. Все светильники относятся к варианту с ручками, таким образом, они могут быть отнесены к типу VV по классификации

⁶⁰ Ibid. P. 339. Fig. 49.

⁶¹ Ibid. P. 342. Fig. 51.

⁶² Ibid. P. 338. Fig. 48.

⁶³ Ibid. P. 344; *Riha*. Op. cit. S. 180—184.

⁶⁴ Аналогичные маленькие (8,5×4×2,5; 7,2×6,3×6; 8×6,4×4,2 см) известняковые алтари, происходящие на Херсонеса, интерпретируются как домашние и определяются Ю.А. Бабиновым как эллинистические, хотя основания датировки в статье не проводятся. Согласно представленной классификации, алтарь из Пантикапея относится к третьему типу алтарей с профилированными базами и карнизом (*Бабинов Ю.А.* Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 22, 23. Рис. 4). Близкую профилировку имеют алтари из Херсонеса с посвящениями римских легионеров II в. н.э. См., например: *Соломонок Э.И.* Алтарь Немесиды из Херсонеса // ВДИ. 1960. № 2. С. 134—139; *она же.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. № 126; *она же.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. № 6—7. Недавно подобный по профилировке алтарь был опубликован в работе В.М. Зубаря в контексте анализа данных о домашних святилищах Херсонеса (О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 72 сл. Рис. 7.) Аналогичные небольшие известняковые алтари устанавливались в ларариях. См., например, реконструкцию ларария из Аугста в археологическом музее в Аугуста Паурика под Базелем. См. также: *Kohlert-Nemeth M.* Römische Bronzen aus Nida-Heddernheim. Götter und Dämonen (Museum für Vor- und Frühgeschichte Frankfurt am Main. Archäologische Reihe. Römische Bronzen I). Frankfurt, 1988. S. 7. Abb. 2. О возможности существования ларариев в Северном Причерноморье см., например: *Цветаева.* Ук. соч. С. 130. На наш взгляд, это подтверждается находками в Северном Причерноморье некоторых редких типов бронзовых статуэток, например Юпитера Капитолийского на античном поселении в Мысхако, которые в Италии, в частности в Помпеях, обычно находят в контексте ларариев (см. *Трейстер М.Ю.* Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако // ВДИ. 1992. № 2).

⁶⁵ *Loeschke S.* Lampen aus Vindonissa: Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich, 1919. S. 218.

⁶⁶ *Leibundgut A.* Die römischen Lampen in der Schweiz. Bern, 1977. S. 23.

⁶⁷ *Goethert-Polaschek K.* Katalog der römischen Lampen des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz, 1985. S. 35.

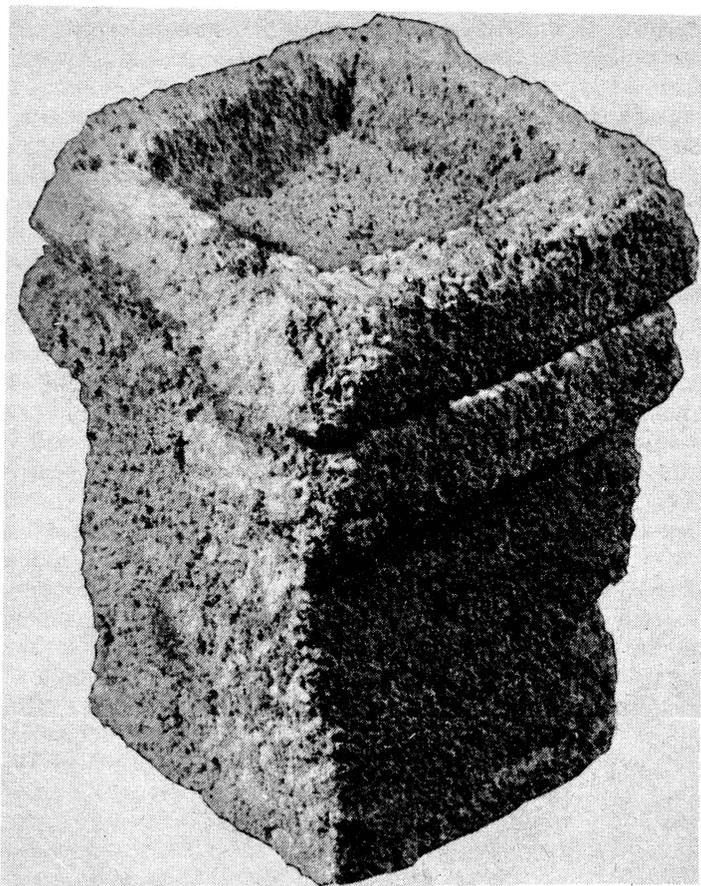

Рис. 4, 1—2. Известняковый алтарь из Пантикапея. ГМИИ. Выс. 8,9 см, верхняя площадка — 7×6,4 см. М-89 Ц, пл. 150 — южн. часть / шт. 4, оп. № 13

Д.М. Бейли, который датирует аналогичные светильники временем Клавдия — Флавиев⁶⁸.

Рассмотрим сюжеты, представленные на светильниках. На одном (рис. 5, 2) изображен гладиатор-фракиец с кинжалом (*sica*) в правой руке и щитом в левой. Два аналогичных светильника, отштампованных в той же форме, что и публикуемый нами, также происходящие из Керчи, хранятся в собрании Эрмитажа⁶⁹. Подобный же светильник из Виндониссы датируется временем Тиберия⁷⁰. Известны светильники с аналогичным изображением с территории Германии и Италии⁷¹.

На двух светильниках представлена сцена нападения охотничьей собаки на кабана (рис. 5, 3, 4). Этот мотив, иллюстрирующий миф, как и бытового сюжет, был распространен на светильниках различных типов, датирующихся от времени Тиберия до начала II в. н.э.⁷² Светильники с подобными изображениями известны в Виндониссе, Трире, в Малой Азии, Египте, Сирии⁷³.

⁶⁸ Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. V. 2. Roman Lamps Made in Italy. L., 1980. P. 180.

⁶⁹ Waldhauer O. Die Antiken Tonlampen. Kaiserliche Ermitage. St.-Petersburg, 1914. № 195—196.

⁷⁰ Leibundgut. Op. cit. № 234. Taf. 41. S. 168. Motiv № 215.

⁷¹ Goethert-Polaschek. Op. cit. № 451. Taf. 54. S. 226. M. 98.

⁷² Leibundgut. Op. cit. № 268. Taf. 46. S. 177. Motiv № 271.

⁷³ Bailey. Op. cit. P. 74. № Q 897. Pl. 14; Goethert-Polaschek. Op. cit. № 145. S. 249. M. 166.

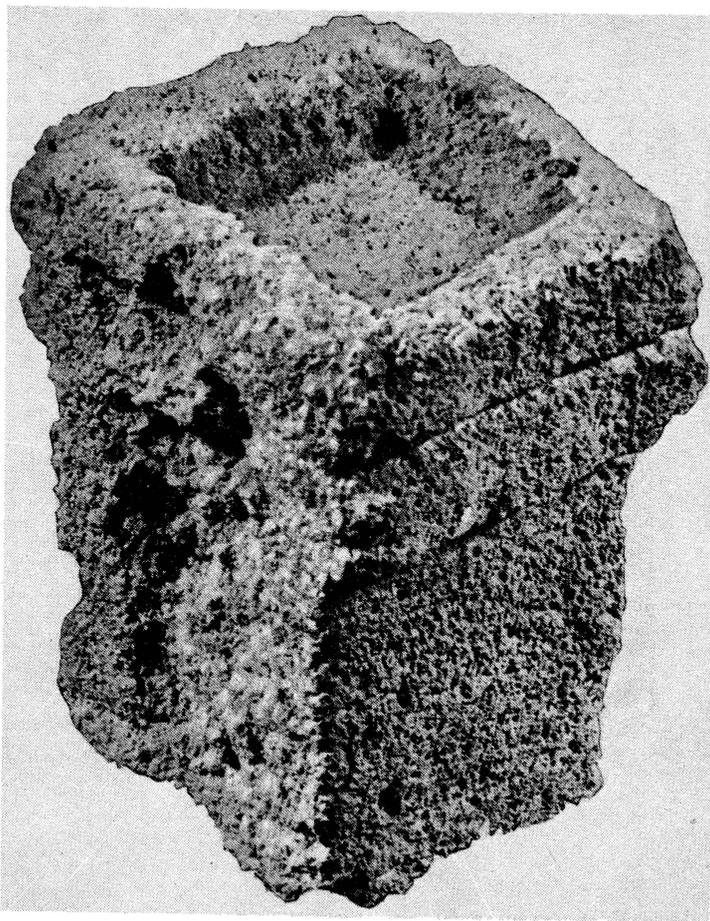

Рис. 4, 2

На двух других светильниках отштампована сцена нападения медведя на кабана (рис. 5, 5—7). А. Лайбундгут датирует светильники с подобными сценами, чрезвычайно распространенные в Швейцарии и Рейнской области, первой половиной I в.⁷⁴ Находки из Трира относят ко времени Клавдия — Флавиев⁷⁵; из Билбилиса (Испания) — ко второй половине I в.⁷⁶

Светильник с изображением петуха в профиль вправо (рис. 6, 1) относится к типу, распространенному во второй трети I в.⁷⁷

Светильник с изображением скифоса между двумя палицами Геракла (рис. 6, 2) имеет аналогии среди находок из Италии, Швейцарии, Рейнской области⁷⁸.

Светильник с плечиками, украшенными орнаментом в виде ов, и с концентрическими рельефными кругами в центре щитка (рис. 6, 3) находит

⁷⁴ *Leibundgut*. Op. cit. № 261—264. Taf. 45. S. 176. Motiv 266.

⁷⁵ *Goethert-Polaschek*. Op. cit. S. 251. M. 170 (отмечается, что штамп принадлежит репертуару Рейнской области).

⁷⁶ *Tafalla M.T.A.* *Lucernas romanas de Bilbilis*. Zaragoza, 1984. P. 36. № 50—52.

⁷⁷ *Cahn-Klaiber E.-M.* *Die antiken Tonlampen des Archäologischen Instituts der Universität Tübingen*. Tübingen, 1977. № 181. Taf. 17. S. 183, 194; *Goethert-Polaschek*. Op. cit. S. 260. M. 198.

⁷⁸ *Ibid.* S. 213. M. 65.

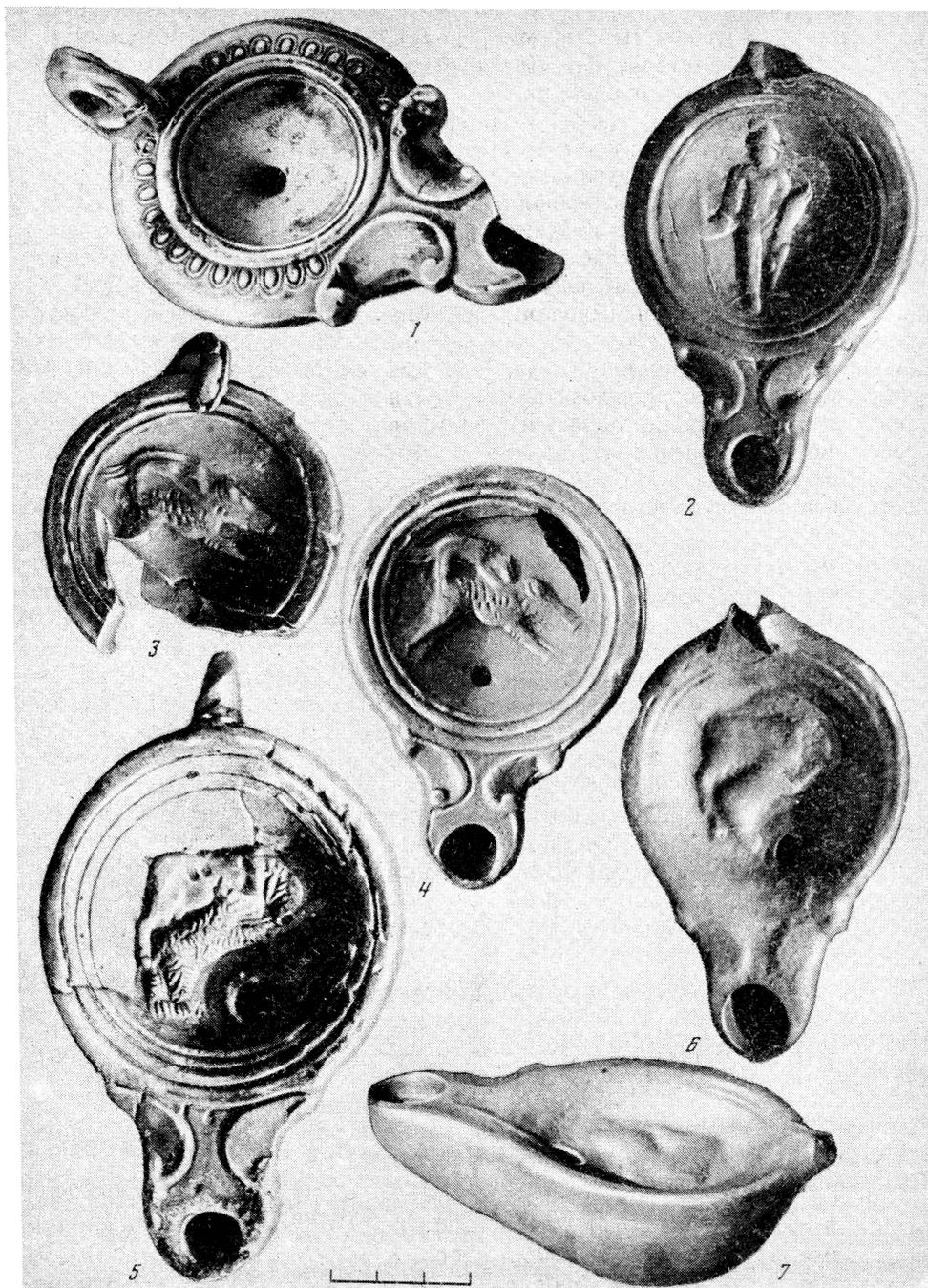

Рис. 5, 1—7. Свечильники из Центрального раскопа Пантикапея 1989 г. (свечильники, место находки которых не указано, хранятся в Керченском музее): 2 — пл. 152 / шт. 4, оп. № 12; 3 — пл. 150 / шт. 4 (слой желтой глины), оп. № 3; 4 — пл. 157 / шт. 7, оп. № 15; 5 — пл. 150 / шт. 4 (слой желтой глины), оп. № 2

Рис. 6, 1—8. Светильники из Центрального раскопа Пантикапея 1989 г. 1 — пл. 150 / шт. 4 (слой желтой глины), оп. № 1; 2 — там же, оп. № 5; 3 — там же, оп. № 4 (на донце светильника имеется клеймо в виде ступни ноги); 4 — пл. 153 / шт. 4 (сброс керамики), оп. № 14; 5 — пл. 150 / шт. 4 (слой желтой глины), оп. № 6; 6 — там же, оп. № 7

аналогии среди образцов из собраний Эрмитажа⁷⁹ и Гос. музеев Берлина⁸⁰, правда, берлинский относится к типу V по классификации З. Лешке.

Два светильника относятся к типу VIII по классификации З. Лешке. Находки этого типа в Швейцарии датируются I в.⁸¹, в Трире они были найдены в погребениях второй четверти — конца I — начала II в.⁸² Д.М. Бейли относит их преимущественно ко второй половине I в.⁸³ Один из найденных светильников, украшенный штампованной 12-лепестковой розеттой на щитке (рис. 6, 5), находит полную аналогию в образце из собрания Мерля де Массоно, происходящего с юга России⁸⁴.

Наконец, близкий по форме образцам типа VIII по типологии З. Лешке светильник с ушками-выступами и 12-лепестковой розеттой на щитке (рис. 6, 7, 8) относится к типу G по классификации Д.М. Бейли, который датирует его распространение второй половиной I в. н.э.⁸⁵

Таким образом, датировка большинства найденных светильников укладывается в интервал второй-третьей четверти I в. н.э.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Древнейшие свидетельства контактов Рима и Боспора, судя по публикуемым новым находкам из Пантикапея, относятся к концу 40-х — началу 30-х гг. до н.э. Как отмечалось выше, находки республиканских ауреусов за пределами Италии уникальны. В эпоху Римской империи такие находки могли быть *Werbung-* или *Soldgeld*, т.е. деньгами, рассчитанными для вербовки крупных контингентов наемников, или суммами, полученными солдатами после службы. Подобные примеры вербовки при помощи золота известны, например, для территории Свободной Германии III в. н.э. Б. Канлифф, рассматривая социально-экономические зоны в Свободной Германии, пришел к выводу, что римское правительство использовало монету, как золотую, так и серебряную, в качестве платежа своим германским сторонникам, и что клады I в. н.э. распределяются в пределах 200-километровой зоны от границы, за пределами которой римский импорт представлен изделиями роскоши из богатых погребений, так называемых *Fürstengräber*⁸⁶. В рассматриваемую же эпоху Цезарь практиковал широкую

⁷⁹ *Waldhauer*. Op. cit. № 215. Taf. XXI.

⁸⁰ *Heres G.* Die römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. В., 1972. № 255. Taf. 28.

⁸¹ *Leibundgut*. Op. cit. S. 34.

⁸² *Goethert-Polaschek*. Op. cit. S. 151—153.

⁸³ *Bailey*. Op. cit. P. 293.

⁸⁴ *Heres*. Op. cit. № 330. Taf. 37.

⁸⁵ *Bailey*. Op. cit. P. 233, 234.

⁸⁶ Автор благодарит за консультацию проф. Х.-У. Нубера (отделение провинциально-римской археологии Университета Фрайбурга). См. также: *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. L., 1988. P. 184, 185. Об интерпретации находок римских ауреусов III в. н.э. в Галлии и Германии см.: *Callu J.-P.* La politique monétaire des empereurs romains de 238 à 311. P., 1969 (BEFAR, fasc. 214), а также: *Hiernard J.* L'interprétation des trouvailles d'aurei romains du IIIe siècle: l'exemple des empereurs gallo-romains // *Studien zu Fundmünzen der Antike*. Bd I. В., 1979. S. 39—77. В недавно вышедшей монографии П. Бастьена исследуются различные золотые предметы, в том числе монеты, которые дарились римскими императорами войскам. Хотя работа посвящена позднему периоду: от Клавдия II до Ромула, во введении анализируются различные термины: *donativum*, *congariatum*, *stipendium* — и рассматривается практика более раннего времени. Касаясь размера *donativa* в предшествующую эпоху. П. Бастьен отмечает, что он не был фиксированным; в то же время в качестве дополнительных выплат императора войскам фигурирует I ауреус или 25 денариев в год. См. *Bastien P.* Monnaie et donativa au bas-empire. Wetteren, 1988 (Numismatique romaine. Essais, recherches et documents. 17). См. также рецензию Д. Кинаста (*Gnomon*. 1990. Bd 62. Ht 3. S. 229—233).

раздачу наград, причем не только своим легионерам, пытаясь путем подкупа привлечь солдат противника в ходе Гражданских войн⁸⁷. При первой вербовке, например, Октавиан в кампании 44 г. до н.э. платил каждому солдату 500 денариев (Cic. Att. 16,8,1; App. Bel. civ. 3,40; Dio. 45,12,2). Вскоре после этого такая же сумма была выплачена солдатам двух легионов Антония, которым в дальнейшем было обещано еще по 5000 денариев (App. Bel. civ. 3,48). В 43 г. до н.э. солдаты восьми легионов, следовавших за ним, получили по 5000 денариев (App. Bel. civ. 3,90; ср. 3,86; Dio. 46,46,6). В 36 г. до н.э. помимо участков земли солдаты-ветераны получили по 500 денариев каждый⁸⁸. Тем не менее нет никаких оснований полагать, что эти выплаты производились золотом.

Вместе с тем ситуация в I в. до н.э. в Северном Причерноморье, как нам представляется, была несколько иной. Можно ли говорить о попытках найма военных сил на Боспоре римлянами? Так или иначе находки ауреусов в Пантикапее абсолютно не противоречат контексту отношений Рима и Северного Причерноморья в рассматриваемую эпоху. Как отмечал М.И. Ростовцев, Цезарю были далеко не безразличны понтийские дела. Предполагаемая кампания против Парфии и необходимость вмешательства в дела Фракии привлекали его внимание к ситуации на побережье Черного моря. Это подтверждается и выводом в 45 г. колоний римских граждан в южнопонтийские порты, Синопу и, возможно, Гераклею. Весьма вероятно, полагает М.И. Ростовцев, что Цезарь планировал даже создание независимого города или гавани, непосредственно связанного с Римом, расположенного на крымском берегу⁸⁹.

После смерти Цезаря ситуация в Причерноморье осложнилась. Предполагается, что сразу же после убийства Цезаря укрепилась власть Асандра на Боспоре, которая, как считает М.И. Ростовцев, была, вероятно, подтверждена Марком Антонием и несомненно стоила Асандру немалую сумму денег. У Асандра, чеканившего полновесную золотую монету, было, вероятно, больше средств, чем у Херсонеса, — М.И. Ростовцев полагал, что, по всей вероятности, Херсонес, подобно Амису, утратил при Марке Антонии приобретенную в 46 г. до н.э. у Цезаря элевтерию, получив ее вновь уже от Августа в 25 г. до н.э.⁹⁰ Точка зрения о том, что Херсонес утратил «первую элевтерию» сразу же после смерти Цезаря либо около 42 г. до н.э., когда Антоний лишил некоторые греческие города на Востоке дарованной ранее «свободы», общепринята, хотя была подвергнута сомнению в последнее время⁹¹. Первая боспорская надпись, в которой упоминается Рим, — посвящение Асандра с титулом *φιλώ-*

⁸⁷ *McDounell M. Borrowing to Bribe Soldiers: Caesar's «De bello civili» 1.39 // Hermes. 1990. Bd 118. Ht 1. P. 60—62.*

⁸⁸ *Wollers R. Zum Anhang der Res gestae divi Augusti // ZPE. 1988. Bd 75. S. 202.* Интересно, что Арминий, приглашая римских перебежчиков в войско германцев, обещал каждому «жен, поля и по сто сестерциев в день, пока не закончатся военные действия» (Тас. Ann. 2.13).

⁸⁹ *Rostovtzeff M.I. Caesar and South of Russia // JRS. 1917. V. 7. P. 41 = Ростовцев М.И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 20.* М.Б. Шукин связывает находку золотой фибулы в Ак-Бурунском кургане с событиями 46 г. до н.э., когда войско Митридата Пергамского (намеревавшегося захватить боспорский престол), в состав которого могли входить вспомогательные соединения цезаревской армии, было разбито в горах Кавказа боспоритами и местными племенами. См.: Шукин. Ук. соч. С. 68.

⁹⁰ *Rostovtzeff. Op. cit. P. 42 f.* См. также: *Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. С. 77; ср. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 14 сл. Ср. Shchukin M.B. Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe: 1st Century B.C. — 1st Century A.D. Part I // BAR Intern. ser., 542. Oxf., 1989. P. 104 f.*

⁹¹ См.: *Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 120, 121.*

μαίος⁹², при этом известна другая его надпись, не содержащая этого титула⁹³. Как известно, первые три года своего правления Асандр, не будучи сувереном и не имея официального признания римлян, именовал себя архонтом, титул βασιλεύς стал употребляться им после его утверждения Марком Антонием⁹⁴. Предполагается, что этот титул Асандр мог получить после заключения дружественного договора (amicitia) с Римом, который был подписан одновременно с признанием его царем⁹⁵.

Анализ золотой чеканки Асандра привел С.Ю. Сапрыкина к следующим наблюдениям. Отсутствие статера 35 г. до н.э. связывается с обострением парфяно-римских отношений и войной между ними. Исследователь считает, что Боспор наряду с другими зависимыми от Рима династиями, материально помогавшими ему (Plut. Ant. 37), вложил лепту в финансовую поддержку римской армии, что в свою очередь вызвало сокращение золотого запаса в царской казне⁹⁶. Нам кажется, что оснований для столь далеко идущих выводов все же недостаточно, находки же ауреусов в Пантикапее скорее свидетельствуют об обратном.

Представляется, что получение боспорской казной (?) золотых ауреусов относится именно к этому времени, вскоре после прихода к власти Марка Антония; этим можно объяснить находки практически не бывших в обращении монет Цезаря, одна из которых была отчеканена за несколько недель до его смерти. Получение золотых монет можно связывать с римской дипломатией этого времени⁹⁷, заинтересованно следившей за событиями на северном берегу Понта, и, вероятно, ставило Асандра в определенную зависимость от Рима. Надо полагать, что Боспор находился в сфере внимания не только Марка Антония, но и других триумвиров; так или иначе, не следует сбрасывать со счетов и будущего императора Августа — Октавиана, литик с портретом которого был найден в одном из сельских некрополей Боспора. Политика подкупа властителей периферийных держав и варварских вождей, успешно проводившаяся Римом позднее, например в период завоевания Германии (см. Tac. Ger. 5), надо полагать сложилась уже к середине I в. до н.э. Во всяком случае, она уже широко использовалась Юлием Цезарем, а впоследствии была расширена⁹⁸. С какой целью золотые монеты поступили на Боспор, остается гадать. Если прав В.М. Зубарь, полагающий, что агрессивная политика Асандра против Херсонеса в начальный период его правления не была санкционирована Римом, а являлась личной инициативой царя⁹⁹, то, очевидно, золото притекало сюда не для проведения такой политики. Впрочем, подобные мероприятия Асандра — укрепление границ Боспорского царства, морские победы над пиратами, — несомненно, были в интересах Рима.

⁹² КБН. 30.

⁹³ КБН. 913.

⁹⁴ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 188 сл. Табл. XLIV, 8.

⁹⁵ Там же; Nawotka K. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. T. XLVIII. Fasc. 2. P. 328. Проблема признания (apellatio) римскими полководцами, императорами и Сенатом рассматривается в монографии Д. Браунда (Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client King. 1984. P. 23 ff.).

⁹⁶ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 210.

⁹⁷ См. Wallmann P. Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43—30 v. Chr.). Frankfurt/Main — Bern — New York — Paris, 1989. В монографии рассматривается среди прочего политическая пропаганда Марка Антония в контексте его восточной политики. См. также рецензию Х. Ботерманн (Gnomon. 1990. Bd. 62. Ht 4. S. 334).

⁹⁸ Caes. De Bell. Gall. I.43; II.21; VIII.49; см. также: Внуков С.Ю., Коваленко С.А., Трейстер М.Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. 1990. № 2. С. 116; Vnukov S.Ju., Kovalenko S.A., Trejster M.Ju. Moulages en plâtre de Kara-Tobe (Crimée) // RevArch. 1990. Fasc. 1. P. 47.

⁹⁹ Зубарь. Ук. соч. С. 120—122.

Аналогичным образом можно интерпретировать находку сервиза из драгоценных металлов и ауреуса в Кайсери. Подобные дары в эту эпоху были, вероятно, разовым явлением и отличались от практики субсидий в форме серебряных денариев, которые, по предположению Н.А. Фроловой, со второй половины II в. н.э. боспорские цари получали от Рима для создания оборонительных рубежей против варваров¹⁰⁰. Впрочем, А.Н. Зограф считал, что субсидии выплачивались золотом — металлом для чеканки золотых статеров на самом Боспоре с помощью мастеров из близлежащего императорского монетного двора с использованием римско-малоазийских традиций монетного двора¹⁰¹. Согласно высказанной недавно точке зрения Н.И. Винокурова, римские императоры предоставляли субсидии боспорским царям не собственннм золотом, а уже начеканенными в римско-малоазийских дворах золотыми монетами, причем первые регулярные выплаты денег римлянами следует относить к началу I в. н.э. (правлению Аспурга); им предшествовали нерегулярные попытки римской денежной помощи Боспору в 14 г. до н.э. — 8 г. н.э. (при Полемоне и Динамией)¹⁰². Однако приведенные выше соображения позволяют из двух теоретически возможных объяснений находки ауреусов в Пантикапее — дипломатический дар или субсидия¹⁰³ — выбрать первое.

Серия находок фибул типа «Авцисса» 22a2 в Пантикапее заставляет задуматься о причинах, во-первых, их появления в столице Боспора, а во-вторых, отсутствия аналогичных фибул среди подобных материалов из Северного Причерноморья. Среди фибул типа «Авцисса», находки преобладают на Северном Кавказе и в Подонье (так, только из раскопок Кобяковского грунтового могильника происходит не менее полутора десятков экземпляров фибул типа «Авцисса» классического варианта), подобных фибул нет. Связывать находки фибул в Пантикапее с событиями середины I в. н.э. или объяснять их торговыми связями у нас как будто бы нет оснований. Если предположить, что найденные в Пантикапее фибулы принадлежали римскому военному костюму, надо попытаться найти объяснение их находки в событиях последнего двадцатилетия I в. до н.э.: в этот период римляне могли ввести ограниченный контингент на Боспор в связи с борьбой за трон между Динамией и Асандром, или речь может идти о войсках, сопровождавших Полемона во время его боспорского похода¹⁰⁴.

Следующая с точки зрения хронологии группа находок из Пантикапея датируется серединой I в. н.э. Найдены щитка пряжки римского легионера, фибул типа «Авцисса» 22b2, также широко употреблявшихся в римском военном костюме¹⁰⁵, светильников следует связывать с событиями 45—

¹⁰⁰ Фролова. О римско-боспорских отношениях... С. 59. Эта же точка зрения высказывается и некоторыми другими исследователями. См., например: *Pitts L.F. Relations Between Rome and the German 'Kings' on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries. A.D.* // *JRS*. 1989. V. 79. P. 53.

¹⁰¹ Зограф. Ук. соч.

¹⁰² Винокуров Н.И. Проблема римских денежных субсидий Боспорскому царству // Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. III. Симферополь, 1988. С. 198 сл.

¹⁰³ Автор благодарит за консультации по вопросу объяснения причин находок римских ауреусов в Пантикапее Н.А. Фролову, Х. Меттингли, Д. Браунда.

¹⁰⁴ Сапрыкин. Ук. соч. С. 211 сл.

¹⁰⁵ Найдены римского оружия и деталей амуниции довольно редко как в античных городах Северного Причерноморья, так и в сарматских погребениях. См.: Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А. Бутероль из Тиры // *СА*. 1989. № 2. С. 250–252; Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989; Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. С. 88.

49 г. н.э., описанными Тацитом, когда войска легата провинции Мёзия Дидия Галла и когорты Юлия Аквилы вторглись на Боспор с целью низложения Митридата VIII и возведения на престол его брата Котиса¹⁰⁶. Недавно было высказано предположение, что когорты Юлия Аквилы принадлежали вифинской армии римлян и что вифинские когорты или их подразделения стояли гарнизонами на Боспоре в начале I в. н.э. Это подтверждается недавней находкой в Синопе надписи с упоминанием *cohors Surlia*, датирующейся скорее всего еще эпохой Юлиев — Клавдиев. Ранее Кипрская, как, впрочем, и Фракийская, когорта была известна только по надгробиям из Пантикапея¹⁰⁷. М. Шпайдель и Д. Френч полагают, что и Кипрская, и Фракийская когорты, подразделения которых были размещены в Пантикапее, базировались в Вифинии — Понте: в Синопе и, возможно, в Никомедии¹⁰⁸. Надо полагать, что вифинские части стояли в Пантикапее и во II в. н.э. Во всяком случае, центурион Элий Секунд получил свое имя от императора Адриана¹⁰⁹. Связывающий, как и мы, находки римских фибул первой половины — середины I в. н.э. в Северном Причерноморье с римской экспансией на Боспор Е.Л. Гороховский отмечал, что их картографирование показывает вероятный путь проникновения

¹⁰⁶ По мнению М.Б. Щукина, одному из участников событий 49 г. н.э. принадлежало погребение 26 в Алитубе, в инвентаре которого имелись предметы, в частности черпак, принадлежавшие ранее римскому легионеру (*Shchukin*. Op. cit. Part II. P. 331). Интересно, что фрагмент ручки бронзового черпака другого типа — труллы был найден и в погребении I в. н.э. некрополя Горгиппии (см. *Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // *Горгиппия*. Т. 2. С. 17. Рис. 11—12). Подобные сосуды относятся к типу «Айслинген» по классификации Й. Вернера — находки их известны в римских лагерях первой половины — середины I в. н.э. в Райнгенхайме, Айслингене и др. (см.: *Ulbert G.* Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghofe. Taf. 23, 5, 6. S. 74; *idem.* Das frühromische Kastell Rheingenheim. Taf. 37, 1—3. S. 47). Находки аналогичных трулл известны в некрополе Эмоны в Словении (*Petru S.* Emonske nekropole. Ljubljana, 1972. Tab. XVIII, 18; XXIV, 18). В Северном Причерноморье еще одна находка подобного сосуда происходит из Ольвии (см. *Ольговский С.Я.* Цветная металлообработка греческих городов Северо-Западного Причерноморья: Канд. дис. М., 1982. Л. 237. Рис. 76, 13).

¹⁰⁷ КБН. 666, 691, 726.

¹⁰⁸ *Speidel M.P., French D.H.* Bithynian Troops in the Kingdom of Bosphorus // *Epigraphica Anatolica*. 1985. Нт 6. P. 97—102. Впрочем, эта точка зрения, правда, в более осторожной форме высказывалась и ранее. См.: *Кадеев*. Ук. соч. С. 19. Гипотеза о вифинском происхождении пантикапейского гарнизона заставляет осторожно относиться к интерпретации недавно введенного в научный оборот В.П. Яйленко рельефа с изображением фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея. По предположению последнего, Авлудзенис, посвятивший рельеф, служил во фракийской когорте, стоявшей на Боспоре, причем рельеф был привезен на Боспор из Фракии и был на месте подпсан. См.: *Яйленко В.П.* Вотив Авлудзениса из Северного Причерноморья // *Terra antiqua Balcanica*. Т. II. Sofia, 1987. С. 250 сл. Впрочем, указанный рельеф вообще вряд ли был найден на Боспоре, тогда как фракийская когорта, вероятно, представляла собой подразделение боспорской армии (см. *Крыкин С.М.* Вотивный рельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 78 сл.). Впрочем, ранее сам С.М. Крыкин, отмечая, что в 45 г. скончался последний одрисский династ и Фракия стала римской провинцией, полагал, что «несколько позже римляне вполне могли перебросить на Боспор какие-то вспомогательные войска, в том числе и фракийские отряды, взамен более удобных для ведения войн с даками боспорских вспомогательных отрядов». (*Крыкин С.* Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // *Tracia*. 1988. Т. 8. С. 80).

¹⁰⁹ *Speidel, French*. Op. cit. P. 100. Not. 17. Существуют различные точки зрения по поводу того, были ли римские войска размещены в городах Боспора в качестве постоянных гарнизонов после римско-боспорской войны 45—49 гг. или нет. См. их обзор в статье Н.А. Фроловой, полагающей, что ни письменные, ни эпиграфические, ни нумизматические данные не дают оснований считать, что на Боспоре с середины I в. н.э. были размещены постоянные римские гарнизоны (*Фролова*. Золотая монета... С. 56—59).

Рис. 7. Бронзовая матрица для чеканки птериг панцирей из Керчи. Археологическое собрание Университета Джона Хопкинса (США)

фибул из восточных провинций через Кавказ и Азиатский Боспор, в меньшей степени через западные центры¹¹⁰.

Кроме обозначенного пути попадания предметов римской военной амуниции на Боспор следует наметить еще несколько возможных. Описывая боспорские войска в 49 г. н.э., Тацит отмечал, что они были вооружены римским оружием (Тас. Ann. XII.16). Надо полагать, что в составе экспедиционного корпуса Дидия Галла были мастера, в задачу которых входило заботиться о ремонте и обновлении амуниции. Мастерские, открытые в римских лагерях, свидетельствуют о наличии оружейных мастерских в структуре римских лагерей¹¹¹. Возможно, такая мастерская была и в составе римских частей на Боспоре в 49 г. н.э. Не исключено, что там было изготовлено определенное количество амуниции, переданной боспорским войскам. В свою очередь оружейные эргастерии Боспорского царства могли по этим образцам наладить массовое производство оружия римского образца. Имеется и археологическое подтверждение данной гипотезе. В собрании Университета Джона Хопкинса (США) хранится бронзо-

¹¹⁰ Гороховский Е.Л. Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (Хронология и периодизация) // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино, 1985. С. 20 сл. Ср. Шукин. Ук. соч. С. 68 сл.

¹¹¹ См., например: Bishop M.C. The Military Fabrica and the Production of Arms in the Early Principate // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. P. 1—42; *idem*. The Distribution of Military Equipment within Roman Forts of the First Century A.D. // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Bd III: 13. Internationaler Limeskongress. Aalen, 1983. Vorträge. Stuttgart, 1986. S. 717—723; Johnson A. Roman Forts of the 1st and 2nd centuries A.D. in Britain and the German Provinces. L., 1983 (раздел «Fabrica»); Oldenstein J. Manufacture and Supply of the Roman Army with Bronze Fittings // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. P. 82—94; Scott I.R. First Century Military Daggers and the Manufacture and Supply of Weapons for the Roman Army // *Ibid*. P. 160—213. О находках отдельных мастерских в римских лагерях см., например: Bonis E.B. Das Militärhandwerk der Legio I Adiatrix in Brigetio // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Bd III. S. 301—307; Fischer T. Eine Bronzegießerei im Lagerdorf des römischen Kastells Pfanz // BayVgBl. 1984. Jg. 49. S. 299, 300; *idem*. Ein Halbfabrikat von der Wangenklappe eines römischen Reiterhelms aus dem Lager von Eining-Unterfeld // BayVgBl. 1985. Jg. 50. S. 477—482; Sarnowski T., Gacuta W. Skarb brązow z zachodniego aearium komendatury w Novae // Archaeologia. 1982. T. 33. P. 125—143.

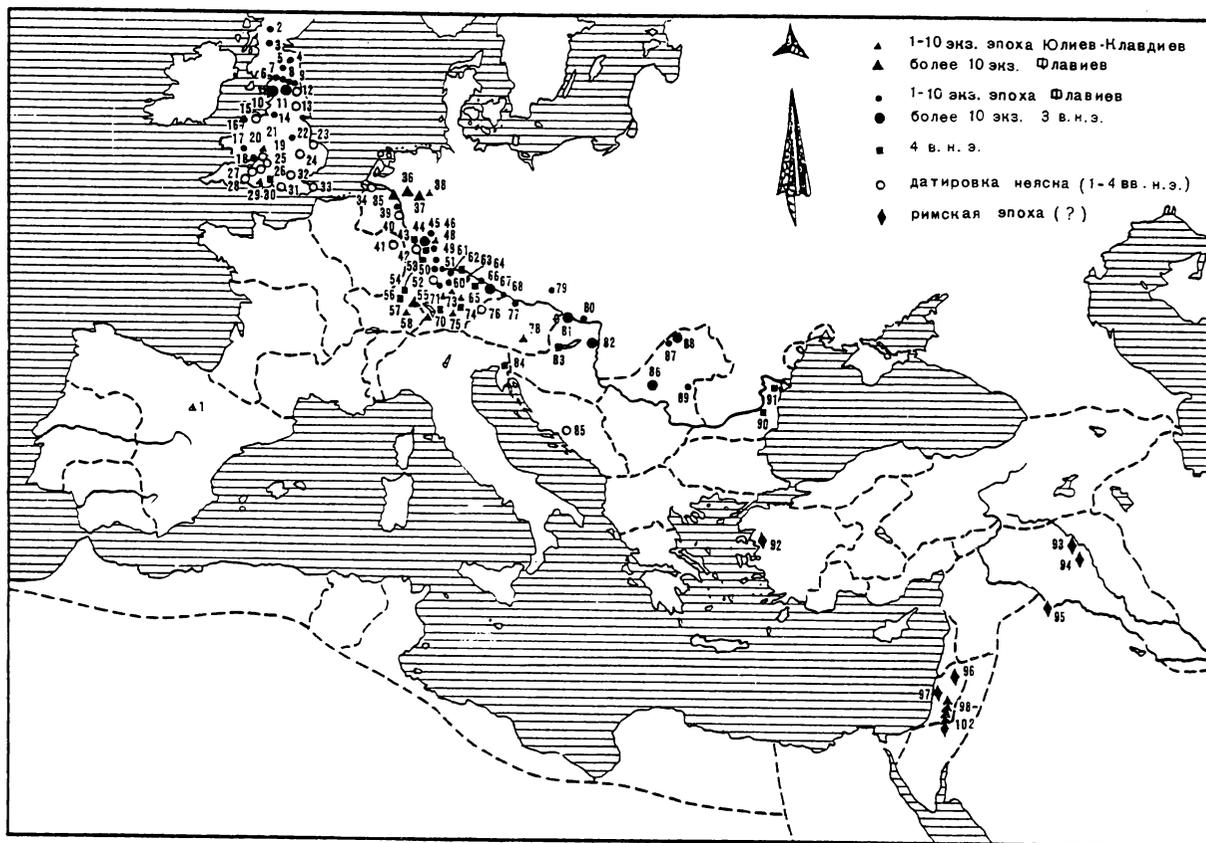

Рис. 8. Распространение железных трехлопастных черешковых стрел по римскому лимесу (по В. Цаньеру)

вая матрица для чеканки птериг панцирей типа, хорошо известного в римской скульптуре (рис. 7), отнесенная издателем к IV в. до н.э., но затем передатированная Э.Р. Вильямс первой половиной I в. н.э.¹¹² Матрица происходит из Керчи — она предназначалась для серийного изготовления деталей панцирей по римскому образцу.

Римское оружие и детали амуниции могли попадать на Боспор вместе с боспорскими воинами, служившими в составе римских вспомогательных частей. Всадники служили в I Боспорской але, известной по надписям I—II вв. из Сирии, Мезии, Верхней Паннонии и Верхней Дакии¹¹³. Последняя по времени находка зафиксировала упоминание этого подразделения в дипломе от 16 декабря 113 г. н.э. из Регенсбурга¹¹⁴. Кроме Боспорской алы существовала и I Боспорская когорта лучников (I cohors Vosporanorum sagittariorum), располагавшаяся в 134 г. н.э. в Каппадокии (Aeg. Aciesc. Alan. 1; 12; 18)¹¹⁵, на вооружении которой, вероятно, находились луки скифского типа¹¹⁶. Встречаемые при раскопках Пантикапея железные трехлопастные черешковые стрелы сарматского типа (рис. 8), как показывают находки вдоль лимеса, были на вооружении римских когорт лучников¹¹⁷. Боспорскому воину, вернувшемуся домой после службы в Подунавье, могла принадлежать бронзовая накладка на пояс с ажурным изображением сцены охоты собаки на птицу, происходящая из пантикапейских находок 1903—1904 гг. (рис. 3, 7)¹¹⁸. Аналогия ей обнаружена в Вайсенбурге (рис. 3, 8)¹¹⁹. Близкие по сюжету и оформлению поясные накладки с изображением собаки и зайца происходили из Карнунта и хранятся в музее Линца. Указанные накладки принадлежали амуниции вспомогательных войск, расквартированных вдоль верхнегерманского и ретийского лимеса во II—III вв. н.э.¹²⁰

¹¹² См.: *Robinson D.M.* A State Seal-Matrix from Pantikapaëum // *Classical Studies Presented to Edward Capps*. Princeton, 1936. P. 306—313; ср.: *Williams E.R.* A Bronze Matrix for a Cuirass Pteryx // *AJA*. 1977. V. 81. № 2. P. 233—235. Автор данной статьи вначале присоединился к точке зрения Д.М. Робинсона о датировке пантикапейской матрицы (*Treister M.Ju.* Матрицы из Пантикапея // *Кочевники евразийских степей и античный мир (Проблемы контактов)*. Новочеркасск, 1989. С. 92—95), однако после углубленного исследования памятника согласился с более поздней датировкой (*Treister M.Ju.* A Matrix from Pantikapaëum // *JWalt*. 1990. V. 48. P. 29—35).

¹¹³ RE. Bd I. 1894 // s. v. Ala. Sp. 1234—1235; *Holder P.A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan // *BAR Intern. Ser.*, V. 70. Oxf., 1980. P. 229, 266, 267; *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na polnocnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988. S. 156, 157.

¹¹⁴ *Roxan M.M.* Roman Military Diplomas 1978 to 1984 (Institute of Archaeology Occasional Publication № 9). L., 1985. P. 148, 149. № 86; *Dietz K.-H.* Das älteste Militärdiplom für die Provinz Pannonia Superior // *BerRGK*. 1984. Jg. 65. S. 218—225; *Strobel K.* Anmerkungen zur Truppengeschichte des Donaumaums in der hohen Kaiserzeit IV: Truppenliste des oberpannonischen Militärdiploms CIL XVI 64 von 116 n. Chr. // *ZPE*. 1987. Bd 77. S. 259.

¹¹⁵ s. v. Cohors // RE. Bd IV. 1990. Sp. 255; *Holder*. Op. cit. P. 229.

¹¹⁶ *Coulston J.G.* Roman Archery Equipment // *The Production and Distribution of Roman Military Equipment*. P. 241 f. Автор замечает, что данных об использовании римлянами сарматского лука нет.

¹¹⁷ См.: *Zanier W.* Römische dreiflügelige Pfeilspitzen // *Saalburg Jahrbuch*. 1988. Jg. 44. S. 5—26 (с библиографией).

¹¹⁸ Гос. Эрмитаж. СПб., 1903 — 4.4. См.: *Treister M.Ju.* Metalworking of Pantikapaion, Kingdom of Vosporus Capital // *Bull. of the Metals Museum*. 1987. V. 12. P. 48. Fig. 14, 17. Благодарим Н.З. Кунину за возможность ознакомиться с материалами из некрополя Пантикапея.

¹¹⁹ *Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // *Ber. RGK*. 1976. Jg. 57. № 785. Taf. 62.

¹²⁰ *Ibid.* S. 193 f. Anm. 651.

ROMANS IN PANTICAPAEUM

M. Yu. Treister

The article is based on the attribution and interpretation of new material finds from the excavations at Panticapaeum which in the author's opinion point not to trade links between Bosphorus and Rome but to diplomatic, political and military contacts connected, in one way or another, with the presence of Romans in the capital of the Bosporan kingdom as well as the stay of Bosporans in the territory of the Roman Empire. They include, first of all, gold aurei of Julius Caesar struck in 45 and 44 B.C. and various fibulae of the «Aucissa» type, a plate of a buckle of a cingulum, a belt of a Roman legionary, etc. The finds of aurei may be linked with the events of the late 40s — early 30s B.C. when a diplomatic contact between Bosphorus and Rome was established as a result of which Roman gold coins got into the Bosporan treasury (?). The finds of «Aucissa» fibulae of the early group may be accounted for by the presence of a contingent of Roman troops in Panticapaeum during the struggle for the Bosporan throne between Dynamis and Asander. The finds of fibulae of the classical «Aucissa» type together with a piece of ammunition and lamps are probably connected with episodes of the Roman-Bosporan war of 45—49. One cannot rule out the possibility of the appearance of Roman armaments and ammunition of a later period through Bosporan soldiers serving in Roman auxiliary troops stationed along the limes in the Danube region, in the middle East and Asia Minor.

© 1993 г.

ГОЛОВНОЙ УБОР И ЕГО СТАТУС В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

(По материалам андроновских некрополей)

«Женщина и общество» — одна из самых популярных тем в исследованиях по истории древнего мира. Наши знания о положении женщины черпаются главным образом из письменных источников, однако и «немые тексты» — в виде вещей (амулеты, украшения, одежда, фигурки и т.п.) — не менее выразительны в информативном плане. Язык вещей и действий в бесписьменных обществах по своей информативной значимости не уступал естественному языку¹.

Одним из редких видов источников, по которому восстанавливается мировосприятие человека бесписьменной культуры, считается погребальный обряд. А поскольку он является социальным регулятором отношений между человеком и природой, то изучение характеристик обряда «может пролить свет на установки людей в отношении к жизни и основным ее ценностям»².

В археологии мы имеем дело с «опредмеченными установками», с вещами и следами действий. Поэтому через анализ артефактов, в частности погребального обряда, можно попытаться воссоздать образ женщины той или иной эпохи и культуры, в данном случае — реконструировать комплекс воззрений, определяющийся положением женщины в среде андроновских племен середины II тыс. до н.э. С этой целью мы обратились к головным уборам из женских погребений алакульской культуры, андроновской культурно-исторической общности, найденных на территории Казахстана. Головной убор — наиболее значимая деталь костюма³, традицией ему приписывается ряд магических функций в ритуалах⁴, поэтому восстановленный по артефактам его знаковый статус способен указать и на статус его носителей.

Погребальный обряд можно понимать как знаковую систему, где информация кодируется при помощи знаков, выраженных в предметном, действенном, речевом обликах⁵ (конечно, последняя характеристика археоло-

¹ Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 5.

² Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1989. С. 114.

³ Арутюнов С.А. Этнографическая наука и культурная динамика // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 53.

⁴ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 145.

⁵ Толстой Н.И. Из грамматики «славянских» обрядов // Уч. зап. ТарГУ. Тарту, 1982. 576. С. 5—7.

гически не фиксируется). В обряде предметы являются знаками, и их комбинация представляет определенный информационный «текст» о поле, возрасте, социальном положении и условиях смерти человека⁶. Такой подход к погребальному обряду позволяет по законам системного анализа представить головной убор и в контексте ритуала, и как самостоятельную знаковую подсистему.

Головной убор в погребениях реконструируется лишь по декору из металлических украшений и фрагментам мягких материалов (кожа, плетеная тесьма — шерстяная некрученая нить). К сожалению, ограбление захоронений еще в древности значительно сузило наши возможности по анализу остатков уборов. Предварительно мы различаем три типа головных уборов, в основе которых лежала полусферическая шапочка (при этом не отрицаем других возможных вариаций). Такая шапочка (с наушниками) фиксировалась в погребении у д. Андроново⁷ и уже послужила прототипом для реконструкции убора из могильника Алексеевский⁸. Именно этот тип головного убора считается этнографами наиболее архаичным у народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья⁹. Головные уборы различаются прежде всего по комплектам украшений для кос — накосникам.

I тип головного убора — шапочка (рис. I, I)¹⁰. В ее декор входят: бусины пастовые и бронзовые; подвески (ракушки, клыки и фаланги пальцев диких животных); пронизи бронзовые, бляшки, очковидные подвески. Накосник крепится к шапочке в затылочной части посредством двух обойм-скрепок. Сам накосник — в виде двух ниток, состоящих из бронзовых бусин (вариант А); пастовых и бронзовых бусин в ритмическом чередовании (вариант Б), бронзовых обойм (вариант В). На концах каждой такой нитки — листовидная бронзовая подвеска. Общая длина накосного украшения — 35—40 см. Возможно, что такие нитки вплетались в косы. В области висков крепились подвески в 1,5 оборота — бронзовая спираль, плакированная золотой фольгой. С каждой стороны зафиксировано по четыре штуки, есть варианты по три и пять. Вместо этих подвесок могли использоваться бронзовые трубчатые кольца, покрытые золотой фольгой. Они могли крепиться посредством глухого пружинного замка как серьги к мочкам ушей по одному с каждой стороны. Случаи совмещения колец и подвесок на головном уборе I типа пока не отмечены.

II тип головного убора — шапочка (рис. I, II)¹¹ (всего три образца) с декором из вышперечисленных элементов (кольца, подвески в 1,5 оборота также сохраняются). Возможен вариант с наушниками. В одном случае (мог. Лисаковский, кур. 1, мог. I) удалось проследить вышивку по верху убора в виде зигзага из пастовых бусин. Этот тип отличается формой своего накосника. Он имеет вид ластовицы, спускающейся по спине; нитки бус крепились к шапочке при помощи скрепок-обойм. Возможен вариант цельнокроеной шапочки вместе с ластовицей, на которую крепились метал-

⁶ Добролюбский А.О. Обзор археологических интерпретаций погребальной обрядности // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 115.

⁷ Сосновский Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 2. С. 92.

⁸ Кривонова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. М., 1947. VII. Рис. 8.

⁹ Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // ТИЭ. 1954. XXI. С. 311.

¹⁰ Местонахождение: мог. Лисаковский (Кустанайская обл.) — огр. 1, мог. 2; кур. 2, мог. 2; огр. 1, мог. 1; мог. Нуртай (Карагандинская обл.) — кур. 2, мог. 2. При реконструкции брались погребания, где вещи находились *in situ*.

¹¹ Местонахождения: мог. Лисаковский — кур. 1, мог. 1; мог. Сатан — огр. 1, мог. 4; мог. Бозенген — кур. 9, мог. 2 (Карагандинская обл.).

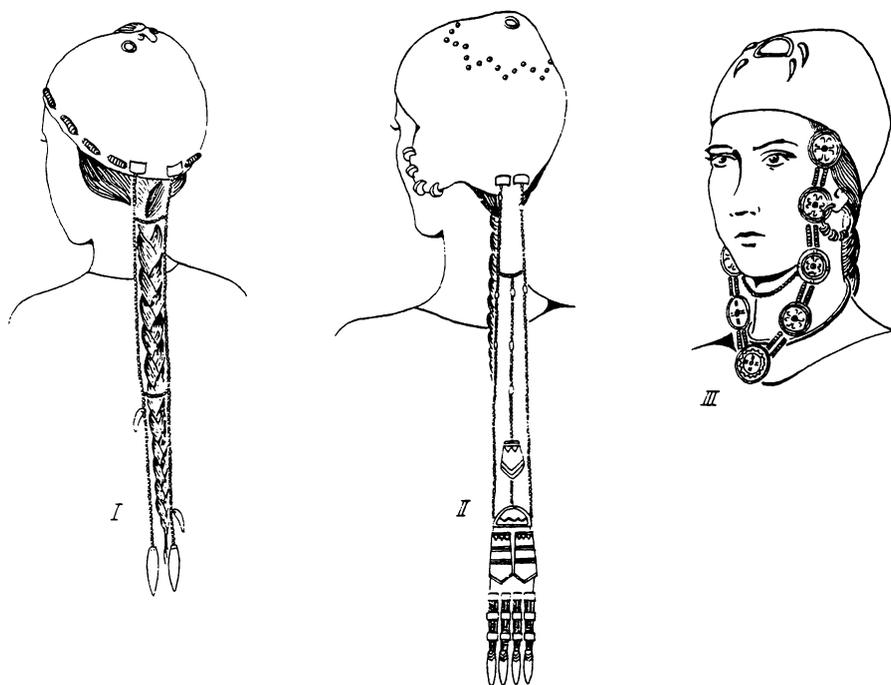

Рис. 1. Головные уборы: I, II — могильник Лисаковский; III — могильник Балыкты.

лические украшения. Такой вариант убора широко известен по этнографическим примерам¹². Бусины в нитках ритмично чередовались — одна бронзовая бочонковидная с четырьмя пастовыми (этот ритм удалось проследить лишь на фрагменте накосника из мог. Лисаковский). Нижняя часть накосника представляет собой сложное украшение в виде комбинации бляшек; линии обойм скреплялись между собой нитками бусин и заканчивались свободно висящими листовидными подвесками в два ряда. Элементы орнамента на пластинах (треугольники, зигзаги, «елочка») выполнены штампом. Центральные пятиугольные бляшки закреплены берестой (мог. Лисаковский). Вся композиция держалась на кроеной кожаной или плетеной основе (скроенной с учетом конфигурации изделия).

Известные нам три накосника конструктивно едины, хотя найдены в могильниках, расположенных в разных районах интересующего нас региона (север Казахстана и центр). Лишь некоторые детали (количество листовидных подвесок, обойм, элементы орнамента) отличают их друг от друга. Единообразие убора с таким накосником может объясняться «единым каноном» и значением убора как ритуализированного объекта в алакульской традиции. Территориальное различие, прослеженное в количественной реализации некоторых элементов, не меняет принципиально его конструкции. Варибельность могла быть следствием индивидуальных особенностей творчества мастера или учета им личности носителя украшения, что отмечено данными этнографии. Индивидуальные особенности головного убора при общей художественной традиции «как конкретной реализации представлений о красивом»¹³ сохраняются и в погребальном ритуале.

¹² Сухарева. Ук. соч. С. 307.

¹³ Чவர்ь Л.А. Ювелирно-ремесленническая и местная художественная традиция в Таджикистане // СЭ. 1972. № 1. С. 51.

III тип головного убора. Нам известны пока три экземпляра¹⁴. Шапочка (рис. 1, III), по всей видимости, сохраняется. К декору убора добавляется новая существенная деталь — лицевая подвеска в виде орнаментированных бляшек, скрепленных между собой нитками бус и рифлеными пронизками. Подвеска, крепившаяся в районе висков, возможно, была нашита на полоску ткани и обрамляла лицо. Бляшки орнаментированы восьмиконечной звездой и крестообразными фигурами с волютами и без них (мог. Балыкты). Техника исполнения — ковка, штамп. Накосники в могильниках Балыкты и Ижевский I отсутствуют. В головном уборе мог. Балыкты конструктивно взаимоувязаны в единое украшение подвески в 1,5 оборота и кольца.

Убор, представленный в материалах мог. Алексеевский, имел лицевую подвеску из девяти бляшек и наконечник¹⁵, соответствующий наконечнику головного убора II типа. Подобный убор (подвески в сочетании с наконечником) известен из погребения мог. Новые Ябалакы (Башкирия), и исследователи считают его андроновским импортом из казахстанских степей в срубную среду¹⁶.

Замечания этнографов по поводу определения функций украшения в costume (эстетическая, религиозно-магическая, функция знака половозрастной и территориальной группы, социальной дифференцированности)¹⁷ и методологические указания П.Г. Богатырева¹⁸ относительно связи «одежда — знак» вполне приемлемы для интерпретации археологических объектов, так как функциональная значимость украшений в одежде весьма устойчива в пространственно-временном континууме. Так как мы используем «тексты мертвой культуры» (археологические объекты), то для их «прочтения» необходимы «тексты-посредники» из области «живых культур». При этом выбор аналогий прежде всего обуславливается сходным в функционально-типологическом отношении местом предмета (головной убор) в ритуальной практике, что определяется близкими общественно-историческими константами человеческого сознания¹⁹. Поскольку проблема этнической и языковой принадлежности племен андроновской культурно-исторической общности остается пока не решенной, то выбор аналогий из области этнографии индоевропейских народов (именно к этой языковой семье большинство ученых относят «андроновцев»)²⁰ может быть неоправданно узким. На наш взгляд, целесообразнее использовать этнографические «метатексты» народов сопредельных территорий в широком диахроническом аспекте, с учетом близости стадияльного развития и традиционной «живучести» ритуализированных объектов.

Дешифровка «текста» погребального обряда и корреляция антропологических данных²¹ с артефактами позволили прийти к следующим выводам. Каждый из указанных типов головных уборов соответствует определенному возрасту погребенных: I тип — от 10—12 до 15—18 лет; II — 15—20 лет;

¹⁴ Мог. Балыкты — мог. 14, мог. Ижевский I — мог. 18 (Целиноградская обл.). Благодарим В. Волошина за предоставленную возможность публикации материалов (Кустанайская обл. мог. Алексеевский — мог. 13).

¹⁵ *Кривцова-Гракова*. Ук. соч. Рис. 7. Первоначально декор был трактован как нагрудное украшение, так как череп не сохранился.

¹⁶ *Кузьминых С.В.* Андроновские импорты Приуралья // *Культуры бронзового века Восточной Европы*. Куйбышев, 1983. С. 136.

¹⁷ *Чевирь Л.А.* Таджикские ювелирные украшения. М., 1977. С. 101.

¹⁸ *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 307 сл.

¹⁹ *Кабо В.Ф.* Теоретические проблемы реконструкции первобытности // *Этнография как источник реконструкции первобытного общества*. М., 1979. С. 78.

²⁰ *Кузьмина Е.Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // *ВДИ*. 1988. № 2.

²¹ Антропологические определения В.А. Дремова.

III — старше 20 лет. Таким образом, вероятно, I тип убора вместе с накосником из двух ниток украшений появляется у девочек в относительно краткий момент перехода в разряд потенциальных матерей. Вполне вероятно, что этот головной убор использовался в обряде инициации.

II тип (с накосником на кожаной или плетеной основе) — мог относиться непосредственно к девушкам-«невестам», так как во время свадебного обряда, согласно данным этнографии, накосники покрывали голову полностью. Исследователи связывают этот акт с магией волос, со стремлением уберечь женщину, продолжательницу рода, от сглаза²².

III тип — головной убор, в который волосы прячутся полностью (нет накосника), видимо, принадлежал замужним молодым женщинам, родившим ребенка. Так, в двух случаях (мог. Балыкты и мог. Ижевский I) женщины были захоронены в одной камере вместе с детьми. В мог. Алексеевский (головной убор с подвеской и накосником) женщина погребена без ребенка. В мог. Новые Ябалаклы этот вариант убора лежал рядом с погребенными женщиной и ребенком²³. Такие ритуальные модификации убора могли отражать особое отношение к умершей, например, связанные с внезапной смертью роженицы до рождения ребенка (мог. Алексеевский) или быть знаком памяти о месте происхождения владельца убора (мог. Новые Ябалаклы). Головной убор с лицевой подвеской индексировал положение молодой замужней женщины. Неслучайно, что лицевая повязка (ленчик) в уборе женщины Средней Азии является деталью головного убора «молодухи»²⁴. К сожалению, неудовлетворительная сохранность предметов пока не дает возможности говорить о другом типе убора, маркирующего группу пожилых женщин. Может быть, это был платок или чалмообразная повязка без украшений.

Итак, выделенные нами типы убора маркируют четыре возрастно-социальные группы: 1) девочка-девушка; 2) девушка-«невеста»; 3) молодая замужняя женщина; 4) женщина, вышедшая из репродуктивного возраста.

Головной убор по своему знаковому характеру в данном случае, по всей видимости, относится к типу «знак-индекс», так как он определяется реально существующей смежностью означаемого и означающего²⁵. Такая индексальная связь прослеживается довольно четко по ритуалам многих этносов (башкир, таджиков, русских, карел, сибирских народов и т.д.)²⁶. Причем головной убор — знак, постоянно действующий в «обрядках перехода» (свадьба, похороны, роины, инициации). Эти обряды роднят общие инициационные истоки, основанные на двухчленном комплексе «смерть-возрождение», идее цикличности и непрерывности жизни человека: каждый после смерти возвращается в тот же клан, возрастную группу и к занятиям, что и на земле²⁷.

²² Сухарева. Ук. соч. С. 323.

²³ Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы // СА. 1977. № 1. С. 156.

²⁴ Сазонова М.В., Морозова А.С., Литкина С.М. Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР // ТИЭ. М.—Л., 1961. Т. 48. С. 88.

²⁵ Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1973. С. 104.

²⁶ Чвырь. Таджикские ювелирные украшения. С. 55; Житова С.Н. Народная одежда башкир // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 163; Зеленин Д. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1927. 5. С. 93; Козлова К.И. Полевые этнографические работы по изучению марийского населения // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. XVI. Йошкар-Ола, 1962. С. 201; Маслова О.С. Народный орнамент верхневолжских карел // ТИЭ. 1951. Т. XI. С. 24; Клюева Н.И., Михайлов И.А. Накосные украшения у сибирских народов // Сб. МАЭ. 1988. Т. XIII. С. 105.

²⁷ Genner A. van. The Rites of Passage // The University of Chicago Press, 1960.

Особенно ярко семантическая общность обнаруживается в свадебном и похоронном обрядах. Здесь каждый из актов рассматривается как двуединный момент смерти — зачатия и воскресения—рождения. Родство свадьбы и похорон двойное. Пересечение этих видов сходства отмечается на примере так называемых «похорон невесты»²⁸. Девушек, не вышедших замуж при жизни и достигших соответствующего возраста, хоронили как невест — для выполнения их основной жизненной функции. При этом в погребение обязательно клали предметы-знаки, маркирующие состояние невесты (венец, платок, пояс, головной убор).

Есть все основания предположить, что алакульский головной убор, маркируя статус девочки—девушки—женщины, имел место в «текстах» других «ритуалов перехода», существовавших в алакульском обществе.

Разбор связи «человек—вещь» позволяет подойти к семантическому анализу головного убора. При этом допустимо рассматривать головной убор отдельно, как самостоятельный «текст», в котором так же, как и в обряде, реализована программа поведения человека и его понимания мира²⁹. Прочтение нашего «текста» крайне затруднено из-за незнания кода (языка). Поэтому для его интерпретации мы решили выделить из «текста» элементы-знаки широкой семантики, причисленные к категории символов³⁰. Они принадлежат не к какому-либо одному синхронному срезу культур, а пронизывают их по вертикали и хорошо соотносятся с этнографическими показателями. К такой категории можно причислить следующие знаки-элементы, составляющие головной убор: 1) цветовая гамма; 2) амулеты (ракушки, кльки, фаланги); 3) подвески в 1,5 оборота; 4) листовые подвески; 5) бляшки с орнаментальными композициями. Семантический разбор сделан на основе реконструкции наиболее информативного головного убора II типа — убора невесты.

Цветовая символика. Три цвета отмечены в декоре: желтый (украшения из золота и бронзы), голубой (пастовые бусины), красный (цвет плетеной ткани)³¹. Такая цветовая гамма в головных уборах и костюме была широко распространена у кочевников Сибири и Казахстана, в костюмах народов Востока. Возможно, что все три цвета входили в единый семантический ряд, обозначающий солнце, небо, огонь. Эта универсальная связь символизировала важнейшие элементы космогонии, обеспечивающие плодородие³². Не случайно, что красный цвет — излюбленный цвет в костюме невесты у многих народов, а огонь³³ (цвет желто-красный) — один из основных атрибутов свадебного и родильного обрядов³⁴. Украшения желтого и голубого цветов также считались оберегами³⁵. Цветовая гамма элементов головного убора вполне отвечала его магическим функциям как оберега³⁶.

²⁸ Байбурун А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 6.

²⁹ Байбурун А.К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры // Сб. МАЭ. Л., 1982. XXXVIII. С. 7.

³⁰ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Уч. зап. Тарту, Тарту, 1987. 754. С. 12.

³¹ При реставрации ткани головного убора из мог. Лисаковский (кур. I. мог. I) была выделена красная краска. Краситель — из корней морены красильной (определение реставратора А.К. Елкиной). В красный цвет была окрашена ткань убора из могильника у д. Андронов (Сосновский. Ук. соч. С. 94).

³² Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 133.

³³ Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. С. 372; Кагорев Е.Г. Свадебные обычаи сирийцев (айсор) // СЭ. 1933. № 1. С. 162.

³⁴ Абрамзон С.М. Рождение в детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. М.—Л., 1949. Т. XII. С. 96.

³⁵ Гафферберг Э.Г. Пережитки религиозных представлений у белуджий // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 231.

³⁶ Маслова. Ук. соч. С. 28.

Амулеты. К амулетам (по сходству с этнографическими объектами) относятся подвески из ракушек, клыков, резцов, пяточных костей животных. Они входили в декор шапочки и накосника. В головных уборах (марийцы, ханты, манси, таджики и др.) в качестве подвесок-оберегов использовались ракушки-каури³⁷. В алакульском уборе также использованы морские раковины (*Codakia tigrina*, *Divaricella divarikata*, *Zopires lactans*). Последние жили в теплых морях, в том числе и в Черном³⁸. Возможно, они транспортировались из степных регионов, прилегающих к Черноморскому побережью. Необычность формы и вероятная их символическая связь с водной стихией сделали ракушку амулетом-оберегом. В погребениях детей также встречаются подвески-ракушки, по всей видимости, служившие оберегами. Традиционность и непереносимое использование раковин в женском и детском костюмах еще раз подчеркивают значение их как оберегов здоровья ребенка и матери³⁹. Клыки, резцы, фаланги, пяточные кости преимущественно диких животных (род *Canis*, *Vulpus* — волк, корсак, лисица)⁴⁰ также входят в магическую сферу амулетов. По способу ношения в женской и детской одежде они сходны с ракушками, но различаются по магической акцентировке. По всей видимости, амулеты из костей животных были связаны с образами тотемных (?) покровителей⁴¹.

Зооморфный и растительный мотивы. Элементы головного убора трудно сопоставлять по внешнему облику с каким-либо явлением окружающего мира. Исключение составляют листовидные подвески и подвески в полтора оборота, где спираль имитирует рога барана. Последний мотив весьма популярен в орнаментальном декоре головных уборов и весьма устойчив в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана⁴². В индоиранской культурной традиции бараний рог служил символом благополучия, богатства и плодородия и соотносился с понятием фарна, обозначающего солнечное, сияющее начало⁴³. Известный на Востоке обычай декорирования могилы рогами означал связь барана с миром мертвых и отвечал схеме переходных ритуалов «смерть-возрождение»⁴⁴. Подвески в 1,5 оборота на головном уборе располагались с каждой стороны виска по четыре штуки. Причем у подвесок с правой стороны спираль загибалась вправо, а с левой стороны — влево.

Листовидные подвески, оформляющие низ композиции накосника, по своей форме ассоциируются с формой древесного листа. Широко распространенные мотивы растительности в головных уборах (венец невесты, новочеркасская диадема, убор шумерской «царицы» Пу-аби и др.), основанные на ассоциации волос и растений, связывались с магией плодородия. Заманчиво было бы соотнести всю вертикальную структуру накосника со струк-

³⁷ *Заднепровская А.Ю.* Марийские украшения XIX — начала XX в. // Сб. МАЭ. Л., 1982. Т. XXXVIII. С. 131; *Клюева, Михайлова.* Ук. соч. С. 26; *Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды. М., 1975. С. 289.

³⁸ Палеонтологи не относят к разряду ископаемых раковины из алакульских погребений (определение палеонтолога Б.Ш. Клиnger).

³⁹ *Заднепровская.* Ук. соч. С. 131; *Морозова А.С.* Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии. М., 1971. С. 205.

⁴⁰ Определение палеозоолога Л.Л. Гайдученко.

⁴¹ *Потапов Л.П.* Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. М., 1958. XXX. С. 136; *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала. 1929. С. 9.

⁴² *Борозна.* Ук. соч. С. 282.

⁴³ Мифы народов мира. Фарн. М., 1982. С. 557.

⁴⁴ *Басилов В.Н.* О пережитках тотемизма у туркмен // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. VII. Ашхабад, 1963. С. 140; *Акишев.* Ук. соч. С. 38.

турой «мирового дерева», где трехчастная композиция — возможная передача трех сфер: подвески в 1,5 оборота — знаки животных, стоящих по обе стороны дерева, числовой ритм 4 в низках и количестве подвесок, соотносимый с горизонтальной четырехугольной моделью мира; цветовая символика. Однако это предположение нуждается в дальнейшей разработке.

Таким образом, в головном уборе невесты рассматриваемые элементы можно расположить в семантический ряд, суть которого сводится к единому значению — «плодородие»: символ неба (цветовая гамма) — символ земли и растительности (листовидные подвески) — символ воды (ракушки) — символ животных, возможных покровителей (подвески, клыки и т.п.).

III тип головного убора, имеющий лицевую подвеску из бляшек, сохраняет основные семантические черты убора невесты, так как он тоже связан с семейным положением женщины и ее функциями как матери. Орнаментальные композиции на бляшках: крестообразные фигуры, зигзаг, треугольники, ромбы, звезды — общеизвестные символы жизненной силы и плодородия, солярно-астрального культа⁴⁵. Возможно, что наличие бляшек закрепляло в знаковой форме факт перехода и принадлежности после замужества женщины к другой семье. По этой причине лицевые подвески отсутствуют в девичьем уборе и уборе невесты. Не исключено, что в этом случае сила оберега заключалась в самих бляшках. Значение формы (круг) и орнаментики бляшек хорошо вписывается в тот же семантический ряд. В качестве амулетов также использовались клыки и ракушки. Следует добавить, что орнаментальный мотив как способ пространственной организации его элементов⁴⁶ на бляшках из разных некрополей остается единым⁴⁷, а вот элементы имеют индивидуальный облик (крест в одном случае имеет волюты, в другом — без них, в третьем сочетается вместе с кругом и т.д.). Наверное, при объяснении такого факта уместно привести замечание С.В. Зотовой о фигурах андроновской орнаментики как о родовых знаках⁴⁸. Вероятно, орнаментальные вариации на бляшках лицевых подвесок фиксировали территориальные и социальные градации, сохраняя общее магическое значение оберегов.

Итак, головной убор в погребальном обряде, как объективированный «текст» культуры, может выступать в качестве символа плодородия и жизни, причем его символическая позиция будет двойкой. С одной стороны, — это знак положения женщины в половозрастной и социальной структурах общества. С другой, — символ плодородия и возрождения в погребальном обряде, обеспечивающий бесконечность, цикличность развития природы. Не случайно, что элементы погребального обряда присущи всем праздникам аграрно-природного цикла. «Умерщвление — есть магический акт, за которым следует возрождение»⁴⁹. Магическое назначение таких уборов не позволяет однозначно трактовать погребения с подобными наборами головных украшений только как «богатые», исходя из количества металлических изделий и их предполагаемой ценности. Такая трактовка является модернизаторской и субъективистской.

В большей степени головной убор отражал социальное состояние женщины, обусловленное ее функцией в первобытном обществе, где культ

⁴⁵ Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анаусской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. С. 16.

⁴⁶ Рудковский И.В. Элементы и мотивы в орнаментике (в печати). Авторы благодарят И.В. Рудковского за помощь в реконструкции головного убора.

⁴⁷ Кузьмина. Ук. соч. С. 52. Рис. 2; Кривцова-Гракова. Ук. соч. С. 114. Рис. 41.

⁴⁸ Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 181.

⁴⁹ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 94.

плодородия был одним из ведущих в комплексе верований. Ввиду особых знаковых функций в costume его символическая интерпретация переживает века, и функции головного убора могут считаться архетипическим в ритуалах евразийских народов.

Э.Р. Усманова, А.А. Ткачев

HEADDRESS AND ITS STATUS IN THE BURIAL RITUAL

(based on the materials of the Andronov Necropoleis)

E.R. Usmanova, A.A. Tkachev

The article is devoted to the interpretation of headdresses in the system of the burial ritual of the tribes of Alakul culture of the Andronov cultural-historical community (mid 2nd millennium B.C.). On the basis of the finds from the burials in the territory of Kazakhstan the authors reconstruct three types of headdresses. The correlation of the types with the ages of the buried persons has made it clear that each type corresponds to a specific age: the 1st type — to 10—15 years of age; the 2nd type — to 15—20 years of age; the 3d — to those older than 20. Having compared the archaeological and ethnographic data the authors have drawn the conclusion that the headdress in the burial ritual reflects the age and the social status of a woman in the Andronov society. In addition, the semantic analysis of the headdress of the 2nd type has revealed its magic meaning connected with the cult of female fertility.

© 1993 г.

О ГОРОДАХ, ПЕРЕДАННЫХ КИРОМ ПИФАРХУ

По сообщению Афиней (30 А), Кир Великий передал семь городов в дар своему другу Пифарху из Кизика. Позже, ослепленный гордыней, тот собрал войско и вознамерился сам стать тираном Кизика, однако жители города оказали ему сопротивление. Все это известно со слов Агафокла «Вавилонянина» из Кизика, на которого ссылается Афиней (472 F6). Агафокл писал, что кизикийцы сплоченными рядами вышли навстречу опасности (πρόκροσσοι). Это слово привлекло внимание Евстафия, который приводит его для объяснения κρόσσαι πύργων в Илиаде М 258 (3.11, 28—30 Lpz, 1829).

В тексте Афиней мы находим всего шесть названий, причем большинство в искаженном виде¹. Все они нуждаются в эмendaции, не говоря уже о том, что необходимо отыскать одно отсутствующее название. В тексте мы читаем: Πήδασον, Ὀλύμπιον, Καμάντιον, Σκῆπτρα, Ἀρτύψον, Τορτύρην. Казобон предлагал читать <A>καμάντιον, как название полиса в Великой Фригии, засвидетельствованное у Стефана (56, 10 Meineke). Кроме того он предположил, что следующее слово Τίον было утеряно вследствие гаплографии и таким образом допускал расширение владений Пифарха в пределы Пафлагонии. Виламовиц, который оказал Кайбелю большую помощь в издании Афиней², восстанавливал три последних топонима как Σκῆπτιν, Ἄστυρα, Γέρυγθα, привлекая внимание в области Троады. Палеографически

¹ *Athen.* I.69. 5—6 / Ed. G. Kaidel.

² См. *ibid.* Praefatio I. XXI.

Γάρυαρον предпочтительнее Γέρυιδα, однако это тоже место в Троаде. Первое из названий, Πήδασον, также соответствует этому региону, поскольку нам известно о Педасе у реки Сатнионента (Ф 87). Упоминание Педаса в Пелопоннесе как одного из семи городов, переданных Агамемноном Ахиллу (I. 152, 294), является случайным совпадением. Остающиеся два названия — Ὀλύμπιον и Καμάντιον скорее всего тоже относятся к Троаде. Первое специально выделяется в RE (W. Ruge. RE. 18.1 (1939). S. 232. s.v. Olympion, № 2), однако его можно восстанавливать как Λαμλόνιον. В более распространенной форме «Лампония» оно встречается у Гелланика Лесбосского (FGtH. 4 F 159). Καμάντιον я предложил бы читать как Σκαμάνδριον. Местоположение античной Скамандрии предлагалось искать в бассейне Скамандра у Ада Тепе, ниже по течению от Скепсиса³. Отсутствующее седьмое название тоже должно относиться к Троаде. Ἀσσόν, утерянное вследствие гаплогграфии после Πήδασον, вполне подходит в данном контексте. Таким образом, предлагаемый нами перечень семи городов выглядит следующим образом: Педас, Асс, Лампоний, Скамандрия, Скепсис, Астира, Гаргар.

Страбон (13.1, 50, 605), следуя за Деметрием из Скепсиса, утверждает, что Педас был покинут жителями, однако, если реку Сатнионент можно отождествить с Тузла Су, лелегийский город Педас и его исторический преемник могли помещаться в Южной Троаде. Там же располагались Асс, Лампоний и Гаргар. Местоположение Астиры не вполне ясно, но она лежала к востоку от Антандра на пути в Адрамиттий (Strabo. 13.1.51, 606; 65, 613)⁴.

Таким образом, список показывает, что Кир передал Пифарху два поселения в долине Скамандра и пять в Южной Троаде. Это вполне реалистичные по размерам и управляемые владения, к тому же удачно расположенные для того, чтобы друг и союзник Кира приглядывал за золийцами в Троаде и на Лесбосе. Однако Пифарх слишком понадеялся на свои силы, пожелав сделаться тираном Кизика. Возможно, он возвратился затем в Троаду залечивать раны и наслаждаться доходами. Не исключено также, что на старости лет он занялся делами где-то вблизи Персеполя — около 500 г. до н.э. один ионийский подрядчик вырезал его имя на скале в известняковом карьере⁵. Сам Кизик так и не избежал тирании: одним из геллеспонтских тиранов во времена скифского похода Дария был Аристагор из Кизика (Herod. IV.138.1).

Обращает на себя внимание отсутствие при перечислении поселений в Троаде упоминания об Антандре. Алкей (Z 13. Fr. 337 Lobel/Page) называл это место лелегийским, но не ясно, говорил ли он о героической эпохе или более позднем времени. Геродот сообщает, что его захватил Отан (V.26), а также, что оно принадлежало пеласгам (VII.42.1), иначе говоря, негреческому населению. Аристотель (Fr. 478 Rose) говорит, что это место имело название Эдонис по расположившимся там эдонийским фракийцам, а также было известно как Киммерис по жившим там около столетия киммерийцам. Оба эти народа должны были появиться там после нашествий второй четверти VII в., а через сто лет были выдворены Алиаттом Лидийским⁶, однако часть варварского населения могла оставаться там вплоть до того, как позднее в том же VII в. эта местность была захвачена золийцами. Стефан (97, 17 Meineke) утверждает, что во главе золийцев стоял некий

³ Cock J.M. The Troad. Oxf., 1972. P. 356.

⁴ Ibid. P. 267; cf. Leaf W. Strabo on the Troad. Cambr., 1923. P. 321.

⁵ Библиографию см.: Fornara C.W. Archaic Times to the End of the End of the Peloponnesian War. Cambr., 1989. P. 47. № 46.

⁶ См.: Kaletsch H. // Historia. 1958. S. 36—38 (Herod. I. 16.2).

Антандр, однако сам топоним может быть сравнен с Антиссой. Не вполне понятно, почему Антадр отсутствует в перечислении Агафокла, однако возможно, что долины еще не появились на сцене, когда Кир одарил Пифарха. В то время поселение могло еще быть «пеласгским», хотя киммерийцы и были прогнаны отсюда Алиаттом четверть века или немногим более того раньше.

Восстановленный список показывает, что Кир даровал местности к северу и югу от гряды Иды. Таким образом, кизикиец получил возможность воспользоваться одним из основных источников богатства в древней Троаде — взиманием дани за перекочку овецких стад на высокогорные пастбища весной и в обратном направлении осенью. В этом он походил на более позднего обладателя покровительства Ахеменидов, Фемистокла, который владел Пелаискеписом, высоко на Иде над верхним течением Скамандра, и получал оттуда одеяния (Heat из Кизика, FGrH 84 F 17 b.)⁷. Пифарх может быть назван, таким образом, одним из первых греческих друзей персидских правителей, получивших земли на территории Западной Малой Азии^{8*}.

Дж. Хаксли

⁷ О местоположении Пелаискенсиса см.: *Cook*. Op. cit. P. 300—304.

⁸ Об этих владениях см.: *Hornblower S.* The Greek World 479—323 B.C.L.—N.Y., 1983. P. 18—19; *Cook J.M.* The Persian Empire. L. 1983. P. 176—180.

* Перевод С.В. Шкунаева.

CITIES GIVEN BY KYROS TO PYTHARCHOS

G. Huxley

In his paper the author tries to define the historical background and geographical connotations of a passage by Athenaios, mentioning the gift of seven cities by Kyros to Pytharchos of Kizikos. The author argues that the cities belonged to the Troad north and south from the Ida range, i.e. to the key region giving the possibility to draw revenues from transhumant sheep and cattle, moving from the high pastures to the lower lands. The seventh name, missing in the text of Athenaios is according to the author Antandros.

© 1993 г.

УТОЧНЕННЫЙ СПИСОК МАГИСТРАТОВ, КОНТРОЛИРОВАВШИХ КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СИНОПЕ

Синопские керамические клейма — одна из самых многочисленных групп археологического материала в эллинистических слоях античных поселений Причерноморья. В рукописи корпуса керамических клейм IOSPE III зафиксировано 9035 синопских клейм¹, в моей картотеке, базирующейся на данных IOSPE III и дополненной материалами ряда музеев и публикаций, насчитывается более 15 тысяч синопских клейм.

Попытки исследователей объединить и проанализировать списки синопских магистратов и гончаров предпринимались неоднократно. Имена астиномов и гончаров можно найти в работе по просопографии Синопы, опубликованной Д. Робинсоном в 1906 г.², однако и для того времени этот

¹ IOSPE III (Архив ИА РАН, P-2). № 2189—2198.

² *Robinson D.* Ancient Sinope. Baltimore, 1906. P. 276—279.

список не может считаться полным. Сводку, насчитывающую 251 имя синопских и херсонесских астиномов, объединенных по типологическому принципу, опубликовал в 1928 г. Е.М. Придик³. В единственной на сегодня монографии, посвященной синопским клеймам, Б.Н. Граков приводит подробные списки магистратов и гончаров с обширными комментариями, где число магистратов колеблется от 189 до 208⁴. Списки Б.Н. Гракова и Е.М. Придика сдублировал в своей книге В. Канарак⁵. В законченной в 1956 г. рукописи IOSPE III число синопских магистратов достигает уже 275, а с учетом сомнительных восстановлений — 300. По подсчетам В.И. Цехмистренко синопских магистратов было около 200⁶. Свой список синопских магистратов по пяти хронологическим группам предложили румынские ученые. По их мнению, общий список насчитывает 183 чиновника⁷.

Несмотря на такой разноречивой в подсчете магистратов, их число уже не раз служило основой для различного рода выводов. Так, число магистратов, превышающее определенное В.И. Цехмистренко количество лет клеймения⁸, не позволило Д.Б. Шелову и И.Б. Брашинскому согласиться с датой прекращения астиномного клеймения в 183 г. до н.э.⁹ Количество магистратов в группах Б.Н. Гракова было положено в основу изменений датировок, предложенных а priori А.Б. Колесниковым¹⁰. Глава западной школы керамической эпиграфики В. Грейс, основываясь на несоответствии числа магистратов и количества лет клеймения, предположила, что астиномная магистратура в Синопе не была годичной и, во всяком случае, не носила эпонимный характер¹¹.

Таким образом, существует целый ряд важных вопросов, решение которых невозможно без уточнения списка магистратов. Кроме того, создание новой хронологической системы, необходимость которой давно назрела, невозможно без проверки и анализа всего накопленного материала. Необходимо отметить, что проведенная В.И. Кацем аналогичная работа с херсонесскими клеймами подтвердила правомерность этой методики изучения клейм¹².

Практическая работа над поставленной проблемой показала, что для уверенного восстановления легенды клейма необходима прежде всего представительная выборка клейм. Такой выборкой является IOSPE III,

³ Pridik E. Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrussland // Sitzungsber. Berlin. Akad. der Wiss. Phil.-hist. Kl. 1928. XXIV.

⁴ Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

⁵ Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957.

⁶ Цехмистренко В.И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1963. С. 6—8. В своей диссертации В.И. Цехмистренко привел списки магистратов не по всем разработанным им периодам, но только 122 имени: Цехмистренко В.И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1962. Архив ГБЛ. ДК 63—7/241.

⁷ Коновичи Н., Аврам А., Познару-Бордя Г. Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 231.

⁸ Цехмистренко В.И. Синопские клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3. С. 68, 75.

⁹ Шелов Д.Б. Керамическое клейма из Танаиса III—I веков до н.э. М., 1975. С. 137; Брашинский И.Б. Экономические связи Синопы в IV—I вв. до н.э. // Античный город. М., 1962. С. 133.

¹⁰ Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1985. С. 11.

¹¹ Grace V., Savvatiannu-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Delos. P., 1970. XXVII. P. 301; Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. V. 54. № 1. P. 21.

¹² Кац В.И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1979. № 3. С. 127—146.

публикация которого в свое время позволила бы решить многие проблемы. Ряд ошибок в восстановлении имен в IOSPE III в значительной степени объясняется включением в корпус чтений легенд, сделанных различными исследователями. Например, клеймо из раскопок Лузановки в 1938 г.¹³ включено в корпус четырехжды, причем имя магистрата каждый раз восстанавливалось по-новому¹⁴.

В данной работе анализируются ошибочно восстановленные и неверно атрибутированные имена магистратов, а также приводится список синопских магистратов, чтение имен которых не вызывает сомнений.

Неверно атрибутированные магистраты

Таких имен сравнительно немного — всего десять. Обычно внешнее сходство глин Синопы и Херсонеса является причиной ошибочного отнесения некоторых магистратов в списки того или иного центра. Кроме того, эволюция клеймения керамических изделий в Синопе находит аналогии в клеймении амфор и черепиц в Херсонесе. Работая с херсонесскими клеймами, В.И. Кац выделил из списка херсонесских магистратов четыре имени и отнес их к Синопе¹⁵. В нашем случае из списка синопских магистратов следует исключить девять имен, которые встречаются на херсонесских клеймах (см. табл. I).

Говоря о различии синопских и херсонесских клейм, необходимо отметить, что клейма Херсонеса, как правило, отличаются большей изящностью шрифта, дорическая форма диалекта, отсутствие в легенде имени гончара и эмблемы.

Тесные торговые связи этих двух центров обусловили влияние и развитие керамического производства. Нет сомнений, что для производства керамики в Херсонес из Синопы доставлялись различного рода необходимые для этого компоненты. Не исключено, что синопские гончары работали и в херсонесских мастерских¹⁶.

Впрочем, состав глины не всегда был причиной для неверной атрибуции: Е.М. Штаерман отнесла к числу синопских клеймо агоранона Пифокрита¹⁷ (табл. I, 7), глина которого существенно отличается от синопской. Впоследствии это клеймо вошло в IOSPE III под № 21 в разделе «Синопа». Верную атрибуцию предложил В. Канарак, считавший, что это клеймо стояло на мерном сосуде, изготовленном в Тире¹⁸. Новые доказательства такой атрибуции привел И.Б. Клейман¹⁹.

Ошибочно восстановленные имена магистратов

В данном разделе представлены только имена несуществующих магистратов. Сюда не вошли те восстановления, которые можно отнести на счет опечаток и неверной передачи транскрипции (например: «Пидокл» —

¹³ П.о. № 21. ОАМ. № 50487.

¹⁴ IOSPE III. № 711 — [Διονύσιος; № 1963 — [Βόρους; № 6960 — [Ποσιος; № 8094 — [...]ος.

¹⁵ Кац. Ук. соч. С. 140—142.

¹⁶ Там же. С. 95

¹⁷ Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тире (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров) // КСИИМК. 1951. XXXVI. С. 34. Рис. 3.9.

¹⁸ В. Канарак (Op. cit. P. 373) привел легенду клейма в несколько измененном виде. Правильное чтение: ἀγορανόμου / Ωδοπρίτου (БДМК. № А3942).

¹⁹ Клейман И.Б. Агораномы Тире // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Тез. докл. конф. Ч. II. Белгород-Днестровский, 1990. С. 38—40.

вместо Пифокл²⁰, «Исти-т» — вероятно, вместо Гистиея²¹), а также те случаи, когда восстановленное имя известно среди магистратов, чтение имен которых безошибочно. Например, в IOSPE III. № 2960 Б.Н. Граков восстановил имя астинома Ἐλίδητος. Правильное чтение — Λεωμῆδων ὁ Ἐλιδῆτος, но Эпидем в список ошибочно восстановленных имен не включен, так как во II хронологической группе хорошо известен другой астином с этим именем (табл. III, 47).

Причиной большинства ошибок в восстановлении имен в синопских клеймах послужила плохая сохранность клейм или в ряде случаев не полностью оттиснутый штамп. Нередки случаи и совершенно произвольных восстановлений, иногда имя гончара принималось за имя магистрата. Критериями надежности сделанных исправлений служат сохранившаяся часть легенды, эмблема и наличие аналогов среди твердо читаемых клейм. Большую помощь в этом оказала практическая работа с оригиналами, а также с рукописью корпуса Е.М. Придика²², где в большинстве случаев приведены прорисовки клейм. Список неверно восстановленных имен со ссылкой на полные аналоги приведен в табл. II.

Некоторые из произведенных исправлений требуют дополнительных комментариев. Е.М. Придик, опубликовавший эсимнетное клеймо (табл. II, 4, рис. 1)²³, вначале неверно истолковал слово αἰσυννήτης как магистратское

Рис. 1. Клеймо Посидея

имя, предположив впоследствии, что это украшающий эпитет. Б.Н. Граков в своей книге поместил Αἰσυννήτης в начало списка имен синопских магистратов²⁴, отметив позднее в специальной заметке, что эсимнетия известна по письменным источникам как чрезвычайная магистратура, а потому он отнес титул эсимнета к имени Никострата²⁵. В.И. Цехмистренко считал эсимнетом и астиномом Посидея, известного чаще с отчеством — как сын Гефестодора²⁶ (табл. III, 134). Ясность в вопрос внес Б.А. Василенко,

²⁰ Самойлова Т.Л. Экономические связи Тира с античными городами в V—I вв. до н.э. // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 57.

²¹ Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 97.

²² Придик Е.М. Свод клейм. Архив ИИМК. Ф. 33. № 22.

²³ В тех случаях, когда указания на литературу приведены в таблицах, отсылки в тексте не даются.

²⁴ Граков. Древнегреческие керамические клейма... С. 183, ср. с. 134.

²⁵ См.: Граков Б.Н. Заметки по греческой керамической эпиграфике // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 101 сл.

²⁶ Цехмистренко В.И. Заметки о синопских клеймах // СА. 1971. № 3. С. 71.

приведший полный оттиск этого клейма из раскопок Никония 1970 г.²⁷:

Νικοστράτου, ἐπὶ Νικία
αἰσυμνήτου, ἀστυνο-
μοῦντος Ποσιδείου
← лук, ← палица.

Таким образом, клеймо содержит уникальное сочетание имен эсимнета Никия, астинома Посидея и гончара Никострата, почему непонятна позиция Т.Л. Самойловой, продолжающей читать в легенде этого клейма имена двух астиномов: Айсимнета и Посидея²⁸. В обобщающей монографии она приводит чтение этого клейма как: Ἀσ[τυνόμου] | Αἰσυμνήτου. Ἀστυνομοῦντος Ποσιδείου²⁹, причем в следующей ее работе та же легенда транскрибирована правильно, хотя автор вновь пишет о редкости этого «двухастиномного клейма»³⁰.

Нередко в синопских клеймах название магистратуры стоит между именами астинома и гончара, что затрудняет атрибуцию того и другого антропонима. В подавляющем большинстве случаев определяющим служит падеж названия магистратуры и имени самого магистрата: чаще всего это gen., однако в отдельных случаях встречается и nom., например, в клейме:

Μιθραδάτου.
ἀστυνόμος
Ἰκέσιος

← птица.

Именно такое чтение воспроизведено в корпусе клейм Е.М. Придика (табл. II, 67). В рукописи IOSPE III Б.Н. Гракова в названии магистратуры ошибочно указан gen., что позволило ему считать Митрадата астиномом. На неверное отнесение Митрадата к числу астиномов указывал В.И. Цехмистренко³¹, однако некорректное чтение этого клейма вошло в публикации Д.Б. Шелова, М. Мирчева и М. Лазарова. Отмечу, что nom. присутствует в клеймах магистрата Аристиона, типологически очень близких к клеймам Гикесия, штемпели которых изготовлялись одним резчиком. Таким образом, в данном случае Гикесий (табл. III, 77) — известный астином IV хронологической группы с эмблемой «птица», а Митрадат — гончар.

Схожее написание имен Аристарха и Кратистарха иногда служило поводом к восстановлению несуществующего астинома Аристарха (табл. II, 14). Характерен пример с клеймом из раскопок Ольвии в 1939 г.³²:

Φιλοκράτης.
ἀστυνόμου
Κρατιστάρχου.

→
ГОЛОВА

²⁷ Василенко Б.А. Керамические клейма из античных поселений на побережья Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н.э.). Архив РАН. Р-2. № 2111. Л. 252. Табл. XIII.

²⁸ Самойлова. Ук. соч. С. 56.

²⁹ Самойлова Т.Л. Тира в VI—I вв. до н.э. Киев, 1988, С. 50

³⁰ Она же. Экономические связи Никония по данным керамической эпиграфики в доримский период // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 64.

³¹ Цехмистренко. Синопские керамические клейма... С. 64.

³² Ольвийский заповедник. № 2147.

В IOSPE III это клеймо приведено дважды, причем в первом случае имя астинома восстановлено как «Аристарх», во втором — «Кратистарх». Клеймо того же штампа опубликовали А.Г. Авдеев и Б.Г. Петерс с неверным чтением «Аристарх», которого среди синопских астиномов нет. В тех случаях, когда чтение «Аристарх» неоспоримо, это — гончар.

Весьма распространено заблуждение и о присутствии среди синопских магистратов астинома Филократа (табл. iI, 88). Б.Н. Граков отнес его к III хронологической группе. В большинстве случаев за астинома принимают гончара Филократа. М. Граматопол и Г. Поенару-Бордя в одном случае в клейме гончара Филократа не восстановили имя астинома Микрия, во втором — астинома Форбанта, М. Лазаров повторил их ошибку. В аналогичной ситуации С. Штеттылло не прочитала имена астиномов Форбанта и Навпона, И.Б. Брашинский не восстановил имена астиномов Апатурия и Пасихара, а того же астинома Форбанта посчитал гончаром, хотя этого имени нет в списках гончаров III хронологической группы³³. А.С. Голенцов и Б.Г. Петерс опубликовали трехстрочное клеймо, где в 1-й и 3-й строках восстановлено имя Филократа. Казалось, что наличие Филократа среди синопских магистратов теперь неоспоримо, однако при внимательном рассмотрении опубликованной фотографии в 1-й стк. уверено читается имя Пасихара — известного астинома III хронологической группы. Как и в случае с Аристархом, Филократа следует исключить из списка астиномов.

Иногда поводом для неверного восстановления имени магистрата служит неполный оттиск штампа, а иногда, как в случае с Гикесием, сыном Бакхия (Ἰκέσιος ὁ Βα | κ<i>i>χίου), — неверное чтение отчества магистрата — Ἰκέσιος ὁ Κιχίου³⁴ (табл. II, 45).

Еще одна причина появления псевдомагистратов — особенности орфографии написания имен. В ряде имен на синопских клеймах можно проследить вариации начальных слогов или гласной: Ἰόβακχος — Ἰόβακχος, Ἰεστιατός — Ἰεστιατός.

Некоторые «новые» магистраты возникли при инкорпорировании рукописи Е.М. Придика в IOSPE III. Так, Б.Н. Граков случайно пропустил отчество магистрата Евхариста, сына Каллисфена, а имя гончара Артемидора ошибочно стало считаться отчеством магистрата Евхариста (табл. II, 39).

Интересен случай, когда имя магистрата было объединено с именем гончара — Ἀριστομάνητος (табл. II, 19) в клейме:

ἐπί Ἀρίστωνος.
Μάνητος τοῦ
Ἐπικράτε(—).

↓ орел на дельфине

На неоправданность чтения имени Аристоманета указывает хотя бы присутствие гончара Манета, сына Епикрата, на других клеймах³⁵.

Известен случай, когда желаемое чтение вместо действительного переносилось автором в иллюстративный материал. Так, В.А. Яцко, публикуя клеймо из собрания Кабинета археологии Одесского университета, в ри-

³³ Граков. Древнегреческие клейма... С. 135.

³⁴ *Canarache*. Op. cit. P. 129. № 288. На ошибочность такого чтения указывал И.Б. Брашинский в рецензии на книгу В. Канарак (ВДИ. 1952. № 2. С. 186), однако М. Лазаров (Синопе и западнопонтийский пазар / ИНМВ XIV (XXIX). Варна, 1978. С. 4. № 11а) отнес это клеймо к Гикесию, сыну Симия, что совершенно неприемлемо.

³⁵ IOSPE III. № 7549 — астином Аристон, № 548—550 — астином Форбант.

сунке вместо имени Гиррита воспроизводит неизвестное синопской эпиграфике имя Сириск (табл. II, 83).

Магистраты, существование которых не вызывает сомнений

В настоящее время с большой долей вероятности можно определить число синопских магистратов — 164 (см. табл. III), из которых только Полон (табл. III, 130) предшествовал регулярному астиномному клеймению. Таким образом, астиномное клеймение в Синопе, при условии непрерывности этого процесса, продолжалось как минимум 163 года, однако, учитывая особенности политической истории Синопы в этот период, число лет клеймения было несколько больше и вполне укладывается в определенные рамки начала и конца магистратного клеймения, т.е. с 370-х по 183 г. до н.э.³⁶

Все представленные в табл. III имена, кроме Формиона и Гераклеяда, сына Геронима, присутствуют в IOSPE III, а подавляющее их число — в книге Б.Н. Гракова. Находки начиная с 1956 г. примерно пяти тысяч клейм не дали существенно нового материала, а накопленный — достаточно представитель для предположения о том, что нам известны почти все синопские магистраты, работавшие в период экспортных поставок вина на Понт и за его пределы. Однако пока не будет известен массовый керамический материал из раскопок самой Синопы, возможность появления новых имен исключать полностью нельзя. Новое имя «Формион» известно на стенке мерного синопского сосуда из раскопок Нимфея³⁷, а Гераклид, сын Геронима, дважды упоминается на ручках амфор из раскопок Пантикапей³⁸.

Работа с клеймами позволила выделить из списка магистратов омонимы и объединить целый ряд имен должностных лиц магистратов, зарегистрированных ранее как с отчеством, так и без него: критерием для такого объединения служит общая эмблема, типологическая близость и единые стилистические особенности, т.е. рука одного резчика.

Алфавитный список синопских магистратов с указанием характерных для них эмблем приведен в табл. III, однако некоторые имена требуют дополнительных комментариев.

Клейма астинома Бория Б.Н. Граков распределил по двум хронологическим группам: в пределах гр. II с эмблемой «голова Геракла» (в IOSPE III — «голова Сатира») и гр. III — с эмблемой «голова лучезарного Гелиоса»³⁹. Различающим их признаком, помимо эмблемы, служат, по мнению Б.Н. Гракова, две схемы построения легенды. Этого мнения придерживается и М. Лазаров⁴⁰. По аналогичным схемам построены легенды магистратов Микрия (табл. III, 107) и Форбанта II (табл. III, 160), среди которых Б.Н. Граков не выделяет омонимы. Несомненно, что схема построения легенды не может в данном случае служить дифференцирующим признаком, так что все варианты клейм Бория должны принадлежать одному магистрату с эмблемой «голова». Особенности в построении легенды объясняются тем, что штампы для клейм этих магистратов исполнялись разными резчиками.

³⁶ Цехмистренко В.И. Из истории изучения синопских керамических клейм // Уч. зап. МГПИ. 1967. 27. С. 264.

³⁷ Федосеев Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 1991. № 2.

³⁸ Пантикапей. 1971. (№ 472) ГМИИ.

³⁹ Граков. Древнегреческие керамические клейма... С. 123, 132.

⁴⁰ Лазаров. Ук. соч. С. 29 сл.

Необходимо внести ясность и в вопрос об астиномах с именем «Гекатей». Их по сути трое: Гекатей с эмблемой «нос корабля», Гекатей, сын Ламаха, с эмблемой «тирс» и Гекатей, сын Посидея, с эмблемой «Геракл между лошадьми». Если атрибутивность клейм с последним из перечисленных имен не представляет особых трудностей при восстановлении соответствующих находок, то первые два имени магистратов являются предметом частых ошибок: И.Б. Брашинский не различал Гекатея с эмблемой «тирс» и его омонима с эмблемой «нос корабля»⁴¹, а Б.Н. Граков атрибутировал к Гекатею с символом «нос корабля» несуществующего магистрата с эмблемой «канфар»⁴².

Разнообразие в типологическом построении легенды клейм астинома I хронологической группы Гистиея (табл. III, 82), различные виды расположения эмблемы и магистратурные аббревиатуры послужили поводом для В.И. Цехмистренко предположить наличие омонимов⁴³, при том, что, по его мнению, Гистией II непосредственно должен следовать за Гистиеем I. К аргументам В.И. Цехмистренко можно добавить следующее: а) отчетливое различие списка гончаров при упомянутых астиномах с именем «Гестией»; б) количество найденных клейм с этим именем примерно вдвое больше соседних с ним по группе магистратов, что заставляет признать реальность существования двух магистратов: Ἰστιατὸς I (табл. III, 83) и Ἰστιατὸς Ζω(—) II (табл. III, 84); весьма возможно, отчество последнего следует дополнить как Ζω(τύρου).

Имя астинома Леокрита было включено Б.Н. Граковым в список II группы⁴⁴, но отсутствие в публикациях достоверного изображения клейма этого астинома, а также наличие в той же группе омонимного магистрата дало повод В.И. Цехмистренко считать данное чтение ошибочным⁴⁵: публикуемая фотография (рис. 3) позволяет реабилитировать Леокрита в списках синопских магистратов.

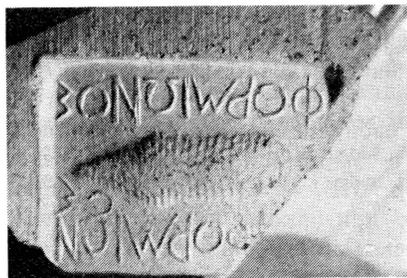

Рис. 2. Клеймо Формиона

Рис. 3. Клеймо Леокрита

Начиная с середины IV группы регулярно встречаются отчества магистратов. По сравнению с данными книги Б.Н. Гракова материалы IOSPE III позволяют определить ранее не известные отчества астиномов (см., например, табл. III, 12, 96, 106). В публикации коллекции из Истрии в легенде клейма магистрата IV группы Кратистарха восстановлено его

⁴¹ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н.э. Л., 1980. С. 184 сл.

⁴² Граков. Древнегреческие керамические клейма... С. 139.

⁴³ Цехмистренко В.И. Синопское клеймо из Горгиипии // КСИА. 1976. № 145. С. 43.

⁴⁴ Граков. Древнегреческие керамические клейма... С. 126.

⁴⁵ Цехмистренко. Клейма как источник... Дис... канд. ист. наук. Л. 263 сл.

отчество — сын Менона⁴⁶. Аналогичное клеймо известно из раскопок Пантикапея 1906—1907 годов (IOSPE III. № 4933), где отчество не было восстановлено. Отсутствие иллюстрации в публикациях и в рукописи IOSPE III заставляет с осторожностью отнестись к возможности восстановления отчества в легенде клейм Кратистарха.

Таким образом, к списку астиномов, представленному в табл. III, могут быть добавлены лишь имена эсимнетов Гефеста (рис. 2) и Никия (рис. 1). На мой взгляд, эсимнета Гефеста не следует отождествлять ни с одним из двух известных астиномов с этим именем (табл. III, 66, 67) — скорее всего, клеймение от имени эсимнета Гефеста осуществлялось в один год с одним из астиномов группы «орел на дельфине»: случаи замены астиномной магистратуры на агораномную (см. табл. III, 12, 57, 69, 72, 88, 124) не служат поводом для выделения новых магистратов — все эти имена хорошо известны и на астиномных клеймах.

Уточнение списка синопских астиномов позволяет с большой долей достоверности восстанавливать легенды синопских клейм, а уточнение числа магистратов позволит с новых позиций подойти к вопросу о хронологии синопских клейм и служит надежной базой для дальнейшего изучения керамической эпиграфики Синоп.

Таблица I

Неверно атрибутированные магистраты

№	Имя магистрата	Источник	Центр производства	Аналогии
1	2	3	4	5
1	Ἀθανόδωρος ὁ Νικήα	Гр. С. 132. № 2; Пр. I. С. 81. № 397	Херсонес	Кац. С. 110. Табл. II, 31
2	Ἀπολλώνιος ὁ Ἴστρωνος	Gram. P. 55/181. № 303. Рис. 303;	»	Кац. С. 109. Табл. II, 15
3	Διονύσιος ὁ Θάγωνος	IOSPE III. № 2669	»	Кац. С. 111. Табл. II, 14
4	Εὔμηλος ὁ Ἀπολλωνίου	Гр. С. 132. № 11. Табл. 14, 4; IOSPE III. № 1397	»	Кац. С. 109. Табл. II, 20
5	Ἡροκράτης ὁ Νευμηνίου	IOSPE III. № 6080—6082; Цех. III. С. 70. № 40. Рис. 40	»	Кац. С. 109. Табл. II, 4
6	Πολύκτωρ ὁ Μήνιος	IOSPE III. № 6463, 6464	»	Кац. С. 112. Табл. II, 28
7	Πυθόαριτος	Шт. С. 34; IOSPE III. № 21	Тира	Сав. Р. 373
8	Πρύτανις ὁ Ἀρίστωνος	IOSPE III. № 7057—7059	Херсонес	Кац. С. 109. Табл. II, 10. Рис. 7
9	Σιμαῖος ὁ Εὐρυδάμου	Гр. С. 153. № 16. Табл. 14.6	»	Кац. С. 111. Табл. II, 20
10	Σώκριτος ὁ Ἀρτεμιδώρου	IOSPE III. № 3403	»	Кац. С. 110. Табл. II, 50

⁴⁶ Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. 1969. XIII. P. 205. № 500.

Неверно восстановленные имена магистратов

№	Οшибочное чтение	Источники	Правильное чтение	Аналогии и примечания
1	2	3	4	5
1	[Αγά]θων δ [Κ]αλλισθένου	IOSPE III. № 614	Ναύπων δ Καλλισθένου	IOSPE III. № 6065—6069
2	Ἀγχίαλος δ Σωσίλειω	IOSPE III. № 615	Гончар	Аналогов нет
3	Αἴνιπος	Gram. P. 60/186. № 341	Φαίνιπος	IOSPE III. № 7504—7509; Лаз. С. 54. № 31a, С. 63
4	Αἰσυμνήτης	Пр. I. С. 94. № 681; Гр. С. 183; Сам. I. С. 56—57; Сам II. С. 50	Название магистратуры	Цех. II. С. 71
5	Αἰσχυρίων δ Λεωμέδοντος	Шт. С. 34. Рис. 3,6	Αἰσχυρίων δ Ἄρτεμιδώρου	IOSPE III. № 945—946, 948—949, 979; Сур. С. 3. № 7
6	[Α]νδρόνικος δ Μήνιος	IOSPE III. № 485	Κλεόνικος δ Μήνιος	IOSPE III. № 4898—4899
7	Ἀντίδωρος δ Ἀρισταγόρου	IOSPE III. № 1041; Гр. С. 152. № 3	Μητροδώρος δ Ἀρισταγόρου	IOSPE III. № 5260—5261
8	Ἀντίμαχος δ Θευ[πρως]	Лаз. С. 36. № 4a Buz. P. 180. № 80.	Ἀντίμαχος δ Θευπεΐθου	IOSPE III. № 1137—1138
9	Ἀντισθεύς	IOSPE III. № 1202	Гончар	IOSPE III. № 3829, 8641
10	Ἀπολλόδωρος δ [Ἔστιαίου]	IOSPE III. № 1388	Ἀπολλόδωρος δ Διονυσίου	IOSPE III. № 1311, 1313—1326, 1328
11	Ἀπολλώνιος I	IOSPE III. № 1392—1393	Гончар	Аналогов нет
12	Ἀπολλώνιος II	IOSPE III. № 1395—1401, 1397	Εὔμηλος δ Ἀπολλωνίου	Херсонесский магистрат, см. табл. I, 4
13	» [Ἀρισ]ταγόρας δ [Θεο]γνή[τ]ου	Сам. P. 164. № 440 IOSPE III. № 1408	Ποσειδώνιος Πρωταγόρας δ Κυνίσκου	Аналогов нет IOSPE III. № 7150—7151
14	Ἀρίσταρχος	IOSPE III. № 1413; Ав. С. 52. № 1. Рис. 1.2; Шт. С. 391. Табл. I, 3;	Κρατίσταρχος	IOSPE III. № 1413—4957 (одно клеймо)
»	»	IOSPE III. № 1412	Κλεομένης δ	Ср.: IOSPE III. № 4878—4891

15	[Ἀριστίων ὁ [Ἀριστίωνος]	Γρ. C. 138. № 16; M. C. 41. № 185	Πλειστάρχου Μικρίας ὁ Ἄρισταγόρου	IOSPE III. № 5475—5514
16	[Ἀρισ]τίων ὁ [Δι]ονυσίου	IOSPE III. № 1470, 3909	Ἴππων ὁ Διονυσίου	IOSPE III. № 4481—4483
17	[Ἀριστο]κλήης ὁ Ἄπολλωνίου	IOSPE III. № 1393	Θηρικλήης ὁ Ἄπολλωνίου	IOSPE III. № 1561—1562, 4146, 4145
18	Ἀριστοκρά[της] ὁ Νι[κηράτου]	IOSPE III. № 1571	Ἀριστοκλήης ὁ Μαντιθέου	IOSPE III. № 1568—1569
19	Ἀριστ[ω] μάνη[τος]	IOSPE III. № 144—145	Ἄριστων	IOSPE III. № 7549
20	[Ἀρχε]στράτης	IOSPE III. № 161	Καλλιστράτης	IOSPE III. № 4799—4801
21	Ἄσπων	Gram. P. 69/195. № 420	Ἀριστίων	Лаз. С. 61. № 5
22	[Βα] κ<i>χ</i>χιος	IOSPE III. № 1802. Πρ. I. C. 101. № 823	Ἴκέσιος ὁ Βακ<i>χ</i>χίου	IOSPE III. № 4344; см. также № 45 настоящей таблицы
23	Βάκχιος	IOSPE III. № 1803—1805	Γονچار	Пр. II. С. 174; Цех. I. С. 77. Рис. 10.1, 10.2
24	[Βόρυ]ς ὁ Ἔστιαίου	IOSPE III. № 1974—1978; Γρ. C. 153. № 3	Ἴφρις ὁ Ἔστιαίου	IOSPE III. № 3871, 4653—4659
25	Βόρυς ὁ [Φιλ.]ωνος	Γρ. C. 153. № 4	Βόρυς ὁ Ζεύξιος	IOSPE III. № 1979—1994, 1996—2008, 2010—2029
26	Γέρων	IOSPE III. № 2031—2032	Γονچار	IOSPE III. № 7862—7863, 7889, 7923
27	[Δεῖος] ὁ Δαιῖσκου	IOSPE III. № 2054	Πόσις ὁ Δαιῖσκου	IOSPE III. № 6996—6999
28	[Δεῖος] ὁ Μήνιος	IOSPE III. № 2068; Γρ. C. 143. № 3	Κλεόνικος ὁ Μήνιος	IOSPE III. № 4908—4909
29	Δημήτριος ὁ Νουμηνίου	IOSPE III. № 2418—2419	Ἄνθεστήριος ὁ Νουμηνίου	IOSPE III. № 1000—1002; An С. 113
30	Διονύσιος ὁ Κλειταγόρου	IOSPE III. № 2666—2668 Γρ. C. 149. № 10; Лаз. С. 43. № 5a, 5b.	Διονύσιος ὁ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου	IOSPE III. № 2648—2649, Gram. P. 96/222. № 633—634
31	Διονύσιος ὁ [Κ]λ[έ]ωνος	IOSPE III. № 2669	Διονύσιος ὁ Θάγωνος	Херсонесский магистрат, см. табл. I.3
32	Δῖος ὁ Ἡκάδου	IOSPE III. № 2716; Γρ. C. 132. № 3	Δῖος ὁ Ἡρακλείδου	Гончар Главк в сочетании с Диём, сыном Гераклейда, ранее незафиксирован

1	2	3	4	5
33	Δάϊσκος	IOSPE III. № 2781; Can. P. 152. № 367.	Δαΐσκος	Магистрат Дий с гончаром Посейдоном не зафиксирован. Лаз. С. 61. № 13. IOSPE III. № 3299—3301.
34	Ἐκαταῖος ὁ Ἄρτεμιδώρου	IOSPE III. № 2914—2916; Gr. C. 153. № 6	Ἐστιαῖος ὁ Ἄρτεμιδώρου	
35	[Ἐδπ]άμωνος	Бес. С. 76. Рис. 50.2	Θεαρῖων	IOSPE III. № 3897—3900, 8600; An C. 112. № 1
36	Ἐπίχαρμος	IOSPE III. № 3158—3159, 3160—3162	Ἐπιδήμος	IOSPE III. № 2996—2998; Szt. II. P. 133. № 18
37	Εὐδ[αμος]	Szt. II. P. 166. № 293	Ἐκαταῖος	IOSPE III. № 2818—2913
38	Εἰρηναῖος	IOSPE III. № 2785—2790; Gr. C. 114. № 12. Табл. 4.7; Тол. С. 53. № 1	Гончар	IOSPE III. № 898—904
39	Εὐχάριστος ὁ Ἄρτεμιδώρου	IOSPE III. № 3403 IOSPE III. № 3404	Σώκριτος ὁ Ἄρτεμιδώρου	Херсонесский магистрат. см. табл. I, 9 IOSPE III. № 3404—3428, 3427; Pr. II. C. 180. № 16 IOSPE III. № 3416; Лаз. С. 60. № 5 An. C. 113
40	Εὐχάριστος ὁ Διονυσίου	Gram. P. 57/183. № 321	Εὐχάριστος ὁ Δημητρίου	
41	Ἡροκράτης ὁ Νουμηνίου	IOSPE III. № 6	Ἄνθεστήριος ὁ Νουμηνίου	
42	Θευξενίδης	IOSPE III. № 4136	Χαριξενίδης	IOSPE III. № 8011—8012
43	Ἰκέσιος ὁ	Szt. I. P. 194. № 7	Διονύσιος ὁ	IOSPE III. № 2592, 2629; Szt. II. P. 152. № 251
44	Ἀριστίωνος —”—	IOSPE III. № 4305—4307	Ἀπημάντου Ποσίδειος ὁ Θεαρῖωνος	IOSPE III. № 6930
45	Ἰκέσιος ὁ Κιχίου	Can. P. 129. № 288	Ἰκέσιος ὁ Βακ<ι>χίου	IOSPE III. № 4344
46	Ἰ(π)πόλοχος ὁ Μεΐκου	IOSPE III. № 4458	Πρόλοχος ὁ Μεΐκου	IOSPE III. № 7038
47	Ἰππός ὁ Ἀρισταγόρου	Gr. C. 149. № 22	Μικρίας ὁ Ἀρισταγόρου	IOSPE III. № 4459—4466, 4509.

48	Ἴππος ὁ	Szt. II. P. 156. № 261	Ἴππων ὁ	IOSPE III. № 4468—4471; Гр. С. 149. № 23. Табл. 7, 8 »
49	Διονυσίου Ἴφης ὁ	Szt. II. P. 156. № 262 IOSPE III. № 4629,	Διονυσίου	
50	Βακχίου Ἴφης ὁ	4672—4674 Szt. II. P. 148. № 237	Ἰκέσιος ὁ Βακχίου Ἴφης ὁ	IOSPE III. № 4341—4343 IOSPE III. № 4666
51	Ζωπυρίωνος [Καλλι]άδης ὁ	Шк. С. 38. № 155. Табл. 20	Ζωπύρου Μιλτιάδης ὁ	Сan. P. 314. № 314; P. 80/206. № 508 »
52	[Αλεξ]άνδρου [Καλλι]άδης ὁ	М. С. 44. № 200	Μιλτιάδης ὁ Τεισάνδρου	
53	[Μεν]άνδρου Κάλλιος	IOSPE III. № 4672—4674	Τεισάνδρου Δελφίνιος ὁ Καλλίου	IOSPE III. № 2092
54	[Καλλι]σι[θένης] ὁ Ἄστιου	IOSPE III. № 4733	Πόσις ὁ Ἄστιου	В сочетании с гончаром Агатоном магистрат Посий, сын Астия, ранее не встречался Ср.: IOSPE III. № 6600
55	Καλλισθένης(ς) ὁ	IOSPE III. № 4684	Гончар	
56	Δημοφῶν(τος) [Καλλισ]θένης ὁ	Гол. С. 219. № 29 Pnc. 3.39	Καλλισθένης ὁ Ἔστιαίου	IOSPE III. № 4739—4740, 4779—4781
57	Κλεαίνετος	IOSPE III. № 4861—4862	Гончар	IOSPE III. № 4946—4947
58	Κράτιστος	IOSPE III. № 4863	Κρατίσταρχος	Шел. С. 142. № 564; Сan. P. 154. № 377. Pnc. 30
		IOSPE III. № 4972—4973	»	IOSPE III. № 4954—4955; Бр. С. 183. № 631; Ан. С. 117. № 1
59	Κρωνίων	IOSPE III. № 4974—4975	Ἡράνυμος	IOSPE III. № 3745, 3775, 5038
60	Κώριττος	IOSPE III. № 4978	Γύριττος	IOSPE III. № 4978—2043 (одно клеймо под двумя номерами)
61	Κώρυλος	IOSPE III. № 4977	Гончар	IOSPE III. № 7735—7742
62	[Λεωγ]όρα(—)	IOSPE III. № 4993	Πρωτοφάνης	IOSPE III. № 1577, 7191—7192
63	Λίκος	Szt. II. P. 133. № 192	Μίκος	IOSPE III. № 5247—5301; Гр. С. 192
64	Μένα(νδρος)	Гр. С. 115. № 17; Зол. С. 118. № 42	Μέναλκος	IOSPE III. № 473—480
65	Μήνις	IOSPE III. № 5187—5188	Μνησις	IOSPE III. № 5846—5848

1	2	3	4	5
66	Μητριδάτης ὁ Ἄριστ[...]	Gram. P. 80/206. № 503; Лаз. С. 42. № 236	Μητροῶδος ὁ Ἄρισταγόρου	IOSPE III. № 5267—5269; Шел. С. 143. № 568. Табл. VIII
67	Μιθραδάτης	IOSPE III. № 4233—4239, 4240; Гр. С. 140. № 20 М. С. 47. Табл. XXVII, 7; Лаз. С. 42. № 569	Гончар	Пр. III. № 2814
68	[Μν]έσιος ὁ Βακχίου	Irim. P. 31. № 5	Ἰκέσιος ὁ Βακχίου	IOSPE III. № 4317; Шел. С. 1 № 562. Табл. VII
69	[Μνη]σίμαχος ὁ [Θε]οπόμπου	IOSPE III. № 5807	Τεισίμαχος ὁ Θεοπόμπου	IOSPE III. № 7460—7461
70	Νευμήνιος	IOSPE III. № 6076—6085; Гр. С. 127. № 33; Лаз. С. 29. № 13 а, 136; С. 59. № 5а	Гончар	IOSPE III. № 4795—4797 Gram. P. 96/222. № 639 См. прим. к № 12 настоящей таблицы одно и то же клеймо)
71	Νίκιας ὁ Πυθοκρίτου	IOSPE III. № 6086—6087	Μικρίας ὁ Πυθοκρίτου	Сочетание Микрия, сына Пифокрита, с гончаром Аполонием — новое
72	Νικόστρα(τος)	IOSPE III. № 5093	Гончар	IOSPE III. № 495—497
73	Νουμήνιος	IOSPE III. № 6088—6089; Бес. С. 46. Рис. 27.4	Гончар	IOSPE III. № 4597—4598 IOSPE III. № 8927—8931; Сальн. С. 210. Рис. 12, 7; Цехм. II. С. 77. Рис. 7, 5
74	Πα(ι)ρισά δης	IOSPE III. № 6141	Νασιχάρης	IOSPE III. № 6207—6208
75	Πλείσταρχος	IOSPE III. № 6383—6385	Κρατίσταρχος	IOSPE III. № 4951—4953, 4971
76	Πολύκτωρ ὁ Μήν[ιος]	IOSPE III. № 6463—6464	Πολύκτωρ ὁ Δημητρίου	IOSPE III. № 6435; Szt. II. P. 149. № 242; Пр. I. С. 77. № 318
77	Πολύκτωρ] ὁ Νο[υμηνίου]	IOSPE III. № 6465	”	IOSPE III. № 6449
78	Πρύτανις	IOSPE III. № 6569	Φόρβας	IOSPE III. № 3740—3741, 7054, 7869—7870
79	Πυθοκλῆς ὁ Ἀπολλωνίδου	Gram. P. 135/261. № 1119. Рис. 1119	Πυθόκληστος ὁ Ἀπολλωνίδου	IOSPE III. № 7374—7376; Gram. P. 135/261. № 1125. Рис. 1125

80	Σάτυρος	IOSPE III. № 7424	Гончар	IOSPE III. № 5736—5737
81	Στέφανος	IOSPE III. № 7436	Гончар	IOSPE III. № 2696—7436 (одно клеймо под двумя номерами), 2697—2698
82	[Στρα]τόνικος ὁ [Ζ]ήνιος	IOSPE III. № 7437—7438; Гр. С. 150. № 43	Κλεόνικος ὁ Μήνιος	IOSPE III. № 4895—4896
83	Συρίσκος	Яц. С. 139. Рис. 1, 7	Γύριττος	IOSPE III. № 2047—2048
84	Τίμαρχος	Sauc. P. 458. № B	Ἄντιμαχος	IOSPE III. № 1133; Бр. С. 182. № 569
85	Τιμαχίδης	Sauc. P. 459. № C	»	»
86	Φα[ήνιος]	Бес. С. 239. Рис. 2, 1	Φαίνιππος	IOSPE III. № 7502—7503
87	Ἵππων ὁ Διονυσίου	Шил. С. 243. Рис. 8, 12	Ἵππων ὁ Διονυσίου	IOSPE III. № 1470, 4481—4483
88	Φιλοκράτης »	Гол. С. 219. № 29. Рис. 3, 29 IOSPE III. № 7649—7650, 7654—7656, 7669, 7673; Бр. С. 193. № 678—679; Бр. С. 192. № 676	Πασιχάρης Гончар	IOSPE III. № 6236—6241 IOSPE III. № 6242—6246; Пр. I. С. 80. № 376
	»	Гр. С. 134. № 29; Бр. С. 193. № 677	»	IOSPE III. № 1259, 1261—1267; Пр. I. С. 85. № 479—480
	»	Szt. II. P. 136. № 202 P. 187. № 358	»	IOSPE III. № 7916—7921; Пр. I. С. 99. № 774
	»	Gram. P. 60/168. № 339,340; Лаз. С. 192. № Con. P. 117. № 13	»	IOSPE III. № 5928, 5993—6010
			Гончар	IOSPE III. № 5450—5462
				IOSPE III. № 2707—2711, 8481, 8642, 2713; Пр. I. С. 88, № 541; Can. P. 157, № 387; Лаз. С. 33. № 17а.
89	[Χάρης]	IOSPE III. № 4725	Βόρυς	IOSPE III. № 1869—1876; Бр. С. 183. № 578

Синопские магистраты, существование которых не вызывает сомнений

№	Имена магистратов	Эмблема
1	2	3
1	Ἀθήνιππος ὁ Μητροδώρου	Восьмилучевая звезда*
2	Αἰσχίνης 1	Орел на дельфине
3	Αἰσχίνης 2	Период нестабильной эмблемы
4	Αἰσχίνης 3	Палица
5	Αἰσχίνης ὁ Ἰφίου	Гроздь
6	Αἰσχροῖον ὁ Ἀρτεμιδώρου	Канфар
7	Ἀνθεστήριος ὁ Νουμηνίου	Украшение носа корабля
8	Ἀντίμαχος 1	Период нестабильной эмблемы
9	Ἀντίμαχος ὁ Θεουπεύθου	Рог изобилия
10	Ἀντίπατρος ὁ Ἀπολλοδώρου	Канфар
11	Ἀντίπατρος ὁ Νίκωνος	Нос корабля
12	Ἀπατούριος ὁ Ἄττα	Канфар
13	Ἀπολλόδωρος 1	Орел на дельфине
14	Ἀπολλόδωρος 2	Гроздь
15	Ἀπολλόδωρος ὁ Διονυσίου	Без эмблемы
16	Ἀπολλωνίδης ὁ Ποσειδωνίου	Гроздь
17	Ἀριστίων ὁ Ἀριστίππου	Сатир с мехом
18	Ἀριστόβουλος	Голова Гермеса
19	Ἀριστοκλῆς 1	Коленопреклоненный бык
20	Ἀριστοκλῆς ὁ Μαντιθέου	Пальмовая ветвь (?)
21	Ἀρίστων	Орел на дельфине
22	Ἀριστοφάνης	Голова льва
23	Ἀρτεμίδωρος 1	Гроздь
24	Ἀρτεμίδωρος ὁ Ἀπολλοδώρου	Кратер
25	Ἄτταλος	Голова
26	Βόρυς 1	Голова
27	Βόρυς ὁ Ζέυειος	Артемиды (?) с факелами
28	Γέρων ὁ Εὐζένου	Голова
29	Γύριττος	Голова быка
30	Δεῖος ὁ Μήνιος	Украшение носа корабля
31	Δελφίνιος ὁ Καλλίου	Колос (?)
32	Δέλφις ὁ Ἀρτεμιδώρου	Нос корабля
33	Δημήτριος ὁ Ἡροξένου	Голова
34	Δημήτριος ὁ Θευγνήτου	Кратер
35	Διονύσιος 1	Орел на дельфине
36	Διονύσιος 2	Венок
37	Διονύσιος ὁ Ἀπολλοδώρου	Канфар
38	Διονύσιος ὁ Ἀπιάντου	Ника с афластоном
39	Διονύσιος ὁ Δημητρίου	Гроздь
40	Διονύσιος ὁ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου	Треножник
41	Δῖος (ὁ Ἡρακλείδου)	Голова Сатира
42	Διόφαντος	Птица, гроздь
43	Ἑκαταῖος 1	Нос корабля
44	Ἑκαταῖος ὁ Λαμάχου	Тирс
45	Ἑκαταῖος ὁ Ποσιδείου	Геракл между лошадьми
46	Ἐνδημος	Орел на дельфине
47	Ἐπίδημος ὁ Ἐπιέλου	Канфар

* В качестве эмблемы там, где это можно было определить, приведена магистратская эмблема, где невозможно — указан «период нестабильной эмблемы». Дополнительные эмблемы, сопровождающие магистратскую эмблему, не указываются. Для первой хронологической группы в качестве эмблемы указан «орел на дельфине».

1	2	3
48	Ἐπίελος 1	Период нестабильной эмблемы
49	Ἐπίελος ὁ Ναύπωνος	Рог изобилия
50	Ἔστιαῖος (Ἰστιαῖος)	Канфар
51	Ἔστιαῖος ὁ Ἀρτεμιδώρου	Кратер
52	Ἔστιαῖος ὁ Δίου	Гроздь
53	Εὐχάριστος ὁ Γυρίττου	Голова
54	Εὐχάριστος ὁ Δημητρίου	Цветок
55	Εὐχάριστος ὁ Καλλισθένου	Гроздь
56	Ζήνις ὁ Ἀπολλοδώρου	Трофей
57	Ζωπυρίων ὁ Πόσιος	Палица
58	Ἥραγένης ὁ Νεικάνορος	Пальмовая ветвь
59	Ἡρακλείδης 1	Лев
60	Ἡρακλείδης ὁ Ἐκαταίου	Зевс, женская фигура прямо
61	Ἡρακλείδης ὁ Ἡρώνυμου	Собака
62	Ἡρακλείδης ὁ Μικρίου	Различные статуи
63	Ἡρώνυμος 1	Период нестабильной эмблемы
64	Ἡρώνυμος ὁ Ἡρώνυμου τοῦ Ποσειδωνίου	Трофей
65	Ἡρώνυμος ὁ Ποσειδωνίου	Трофей
66	Ἡφαίστιος 1	Орел на дельфине
67	Ἡφαίστιος 2	Период нестабильной эмблемы
68	Ἡφαίστιος ὁ Ἐστιαίου	Артемиды с факелами
69	Θεαρίων ὁ Φίλωνος	Гроздь
70	Θεόγειτος	Период нестабильной эмблемы
71	Θεοδωρίδης	Голова
72	Θεοπέιτης	Венок
73	Θηρικλῆς ὁ Ἀπολλωνίου	Собака
74	Ἰκέσιος 1	Слон
75	Ἰκέσιος ὁ Ἀντιπάτρου	Герма
76	Ἰκέσιος ὁ Βακχίου	Нос корабля
77	Ἰκέσιος ὁ Ἐστιαίου	Птица
78	Ἰκέσιος ὁ Ἐτεονίκου	Всадник
79	Ἰκέσιος ὁ Σμίου	Геракл с рогом изобилия
80	Ἰόβακχος (Εἰόβακχος) ὁ Μολπαγόρου	Нос корабля
81	Ἰττων ὁ Διονυσίου	Пальмовая ветвь
82	Ἰσόκριτος	Период нестабильной эмблемы
83	Ἰστιαῖος 1	Орел на дельфине
84	Ἰστιαῖος ὁ Ζω(πύρου)	Орел на дельфине
85	Ἰστικῶν	Амфора
86	Ἴφης ὁ Ἐστιαίου	Голова Сатиры
87	Ἴφης ὁ Ζωπύρου	Гроздь
88	Καλλισθένης 1	Горит
89	Καλλισθένης ὁ Ἐστιαίου	Ника на биге, нос корабля
90	Καλλίστρατος	Период нестабильной эмблемы
91	Καλλίχορος ὁ Πρωταγόρου	Собака
92	Κλείνιος ὁ Ἐκαταίου	Голова
93	Κλεομένης ὁ Πλειστάρχου	Якорь
94	Κλεόνικος ὁ Μήνιος	Трезубец, голова
95	Κρατίσταρχος (ὁ Μένωνος)	Голова
96	Κῦρος	Орел на дельфине
97	Λεώκριτος	Период нестабильной эмблемы
98	Λέων ὁ Λεοντίσκου	Лев
99	Λεωμέδων ὁ Ἐπιδήμου	Всадник
100	Μαντίθεος 1	Период нестабильной эмблемы
101	Μαντίθεος ὁ Πρωταγόρου	Лев (?)

1	2	3
102	Μέναλκος	Орел на дельфине
103	Μενεσθέως ὁ Ἐρπύλλου	Голова
104	Μητρόδωρος ὁ Ἀθηνίππου	Восьмилучевая звезда, голова Гелиоса
105	Μητρόδωρος ὁ Ἀρισταγόρου	Канфар
106	Μίκος ὁ Πυρρίδου	Гроздь
107	Μικρίας 1	Конь
108	Μικρίας ὁ Ἀρισταγόρου	Трофей
109	Μικρίας ὁ Πυθοκρίτου	Гроздь
110	Μιλτιάδης ὁ Τεισάνδρου	Молнии
111	Μνησικλῆς 1	Гроздь
112	Μνησικλῆς ὁ Ἀριστέως	Мужская фигура (Эрот?)
113	Μνήσις 1	Период нестабильной эмблемы
114	Μνήσις ὁ Φορμίωνος	Ника с венком
115	Μόνιμος	Период нестабильной эмблемы
116	Ναύπων 1	Голова
117	Ναύπων ὁ Δίου	Нос корабля
118	Ναύπων ὁ Καλλισθένου	Корабельный руль
119	Νικομήδης	Орел на дельфине
120	Ἐμφάλικος	Период нестабильной эмблемы
121	Πάνφιλος ὁ Ἐστιαίου	Сидящая фигура с рогом изобилия
122	Πασιχάρης 1	Факел
123	Πασιχάρης ὁ Δημητρίου	Кадуцей
124	Πασιχάρης ὁ Φαινίππου	Канфар
125	Πάταικος	Бодающийся бык
126	Πλεισταρχίδης ὁ Ἀπημάμντου	Воин с копьем
127	Πολύκτωρ 1	Голова
128	Πολύκτωρ ὁ Δημητρίου	Голова Сераписа
129	Πολύχαρμος	Канфар
130	Πόλων	Без эмблемы
131	Ποσειδώνιος 1	Орел на дельфине
132	Ποσειδώνιος 2	Палица
133	Ποσειδώνιος 3	Треножник
134	Ποσειδώνιος 4	Змея
135	Ποσειδώνιος ὁ Αἰσχίνου	Гроздь
136	Ποσίδειος ὁ Ἡφαιστοδώρου	Палица
137	Ποσίδειος ὁ Θεαρίωνος	Геракл с рогом изобилия
138	Πόσις 1	Голова Гелиоса
139	Πόσις ὁ Ἀστίου	Гроздь на ветке
140	Πόσις ὁ Δαΐσκου	Гроздь
141	Πόσις ὁ Στρατονίκου	Голова
142	Πρόλογος ὁ Μείκου	Треножник
143	Πρωταγόρας 1	Период нестабильной эмблемы
144	Πρωταγόρας ὁ Κυνίσκου	Ника с афластоном
145	Πρωτοφάνης	Период нестабильной эмблемы
146	Ἰυθοκλῆς	Голова Сатира
147	Πυθόχρηστος ὁ Ἀπολλωνίδου	Афластон
148	Σμίας	Канфар
149	Τεισίμαχος ὁ Θεοπόμπου	Рог изобилия
150	Υλλος ὁ Φιλίσκου	Голова Сераписа
151	Φαινίππος ὁ Πασιχάρου	Артемиды с факелами
152	Φήμιος 1	Гроздь
153	Φήμιος ὁ Θεοπέιθου	Человек, давящий виноград
154	Φήμιος ὁ Θευσίλεω	Корабельный руль
155	Φίλων 1	Период нестабильной эмблемы

156	Φίλων 2	Палица
157	Φιλόνικος	Орел на дельфине
158	Φίντις	Период нестабильной эмблемы
159	Φόρβας 1	Орел на дельфине
160	Φόρβας 2	Канфар
161	Φορμίων	Неясная эмблема
162	Χαβρίας	Период нестабильной эмблемы
163	Χαριξενίδης	Канфар
164	Χορηγίων ὁ Λεωμέδοντος	Квадрига

СОКРАЩЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

- Ав. — Авдеев А.Г., Петерс Б.Г. Клейма на амфорах из поселения у с. Мысовое // КСИА. 1983. 174
- Ан. — Анфимов Н.В. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье // ВДИ. 1951. №1
- Бес. — Бессонова С.С., Бунатян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988
- Бр. — Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н.э. // Л., 1980
- Вес. — Веселов В.В. Археологические разведки в Восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. XXIX—XXX
- Гол. — Голенцов А.С., Петерс Б.Г. Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 гг. // СА. 1981. № 2
- Гр. — Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929
- Зол. — Золотарев М.И. Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса // Античный мир и средневековый город. Свердловск, 1981
- Кац. — Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1
- Лаз. — Лазаров М. Синопе и западнопонтийский пазар // ИНМВ XIV (XXIX). Варна, 1978
- М. — Мирчев М. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958
- Пр. I — Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917
- Пр. II — Придик Е.М. Керамические надписи из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1932—34 гг. // МИА. 1941. 4
- Пр. III — Придик Е.М. Свод клейм / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 33, № 22
- Сальн. — Сальников А.Г. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962 гг.) // МАСП. № 5. Одесса, 1966
- Сам. I — Самойлова Т.Л. Экономические связи Тирь с античными городами в V—I вв. до н.э. // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981
- Сам. II — Самойлова Т.Л. Тира в VI—I вв. до н.э. Киев, 1988
- Сур. — Суров Е.Г. Керамические клейма из раскопок 1960 года в северо-западной части Херсонесского городища // Античная древность и средние века. Свердловск, 1963
- Тол. — Толордава В.А. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми // КСИА. 1977. 151
- Цех. I — Цехмистренко В.И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3
- Цех. II — Цехмистренко В.И. Заметки о синопских клеймах // СА. 1971. № 3
- Цех. III — Цехмистренко В.И. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. № 1
- Шел. — Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н.э. М., 1975

- Шил. — Шилев В.М. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 года // СА. 1965. XXIII
- Шк. — Шкорпил К. Печати върху амфори отъ Черноморского крайбрьжие // ИБАИ. 1934. Т. 8
- Шг. — Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. XXXVI
- Яц. — Яцко В.А. Керамические надписи кабинета археологии ОГУ // Труды ОГУ. Сб. студенческих работ. Т. III. Одеса. 1954
- Buz. — Buzoianu L., Georgescu-Chelută N. Ştampile de amfore inedite de la Callatis // Pontica. 16. 1983
- Can. — Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucureşti, 1957
- Con. — Conovici N. Probleme ale cronologiei amforelor stampilate sinopeene. Stampilele din grupa A IV—A (B.N. Gracov) // SCIVA. Т. 40. № 1. 1989
- Gram. — Gramatopol M., Poenaru Bordea Ch. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. 1969. XIII
- Irim. — Irimia M. Descoperizi noi privind populatia autohtona a Dobrogei şi ligaturile ei cu coloniile grecesti (Sec. V—I I. e. n.) // Pontica. 1973. VI. Constanţa
- Sauc. — Sauciu-Seveanu Th. Calatis. IVe Rapport préliminaire de fouilles et recherches de l'année 1927 // Dacia. 1927. III—IV
- Szt. I — Sztetyllo Z. Przedstawienie figuralne na stemplach amfor z polskich wykopolisk archeologicznych // Rocznik Museum Narodowego w Warszawie. 1963. VII
- Szt. II — Sztetyllo Z. Les timbres céramiques, dans les collections du Musée National de Varsovie. Varsovie, 1983

H.Ф. Федосеев

MORE PRECISE LIST OF THE MAGISTRATES CONTROLLING THE MANUFACTURE OF CERAMICS IN SINOPE

N.F. Fedoseev

On the basis of 15 thousand Synopic stamps the author analyses the list of names of the magistrates who controlled the manufacture of ceramics in Sinope and singles out of the number of the Sinopic magistrates 9 wrongly attributed names belonging to Chersonesus (Table I). The number of mistaken restorations (88) in Table II could have been much larger but for the insufficient data for the corrections due to the absence of the original.

The main outcome of the research is the list of the Sinopic magistrates whose names cause no doubt (Table III). There are 162 such names instead of 300 in IOSPE III. Only three names — Alexander, Polon and Formion — remain outside the framework of permanent stamping by magistrates. If one takes into account the fact that some Sinopic magistrates are not known to us yet, even then the number of magistrates does not contradict the chronological time frame of stamping (370—183 B.C.) set by the data of the chronological complexes.

The research furnishes the basis for the creation of a new chronological system of Sinopic ceramic stamps.

ОБ ОДНОМ ДОКУМЕНТЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ПИСЬМО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА ИОНАФАНА В СПАРТУ

В этой статье речь пойдет об одном из документов своеобразной эллинистической традиции о заключении союза между иудеями и спартанцами на основании родства и общего происхождения двух народов, дошедшей до нас в составе 1 Маккавейской книги (конец II в. до н.э.) В ней сообщается о переговорах между Спартой и Иудеей во времена первых хасмонейских правителей Ионафана и его преемника Симона, причем в качестве иллюстрации к этим событиям приводятся три документа. Наиболее яркий и информативный из них — письмо иудейского первосвященника Ионафана в Спарту о «возобновлении братства и дружбы» (ἀδελφότητα καὶ φιλία) со спартанским народом (1 Макк. 12, 6—20). Поскольку именно оно будет служить основным предметом нашего рассмотрения, приведем его текст полностью:

«Первосвященник Ионафан, и старейшины народа, и священники, и остальной народ иудейский приветствует братьев спартанцев. Еще раньше были посланы письма первосвященнику Онии от Арея, царствовавшего у вас, [сообщавшие о том,] что вы — братья наши (копия прилагается). И принял Ония посланного мужа с честью, и взял письма, в которых ясно говорилось о союзе и дружбе. И вот мы, не испытывая в них [т.е. союзе и дружбе — Л.С.] нужды и имея утешением священные книги, которые в наших руках, решили [однако] послать к вам для возобновления братства и дружбы, чтобы не отчуждаться от вас: ибо много времени прошло с тех пор, как вы посылали к нам. Мы во всякое время: в праздники и в установленных дни вспоминаем вас при жертвоприношениях и в молитвах, как должно и подобает вспоминать братьев. Вместе с тем мы радуемся вашей славе. Сами же мы подверглись многочисленным притеснениям и нападениям, и ополчились против нас окрестные цари. Между тем мы не хотели беспокоить ни вас, ни остальных наших друзей и союзников во время этих войн, ибо есть у нас помощь небесная, помогающая нам; и освободились мы от врагов, и смирились противники наши. И вот, избрали мы Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Ясона, и послали их к Римлянам, чтобы возобновить с ними прежнюю дружбу и союз. И вместе с тем, поручили им отправиться и к вам с приветствием и передать от нас письма о возобновлении нашего братства. Теперь же хорошо сделаете, ответив нам на это».

Письмо Ионафана сопровождается копией послания спартанского царя Арея первосвященнику Онии (12, 20—23). В последнем речь идет о том, что спартанцы признают себя «братьями» иудеев, так как оба народа происходят «от рода Авраамова». Третье письмо (14, 16—23) представляет собой послание спартанцев, адресованное преемнику Ионафана Симону и народу иудейскому — братьям.

Сообщение о заключении союза между Иудеей и Спартой вряд ли привлекало бы на протяжении более полутора столетий столь пристальное внимание исследователей, если бы не своеобразие того идеологического оформления, которое придается этому союзу на страницах 1 Маккавейской книги. Что представляет собой послание Ионафана: подлинный документ или чисто литературный продукт иудейской пропаганды? Или это документальное свидетельство, которому автор 1 Маккавейской книги придал своеобразную и далекую от эллинистических канонов форму? Эти, казалось

бы, сугубо источниковедческие вопросы заключают в себе важнейшую проблему взаимодействия культур эллинистического мира: тех форм, в которых оно проявляется и пределов, до которых оно могло распространяться.

В свое время некоторые из крупнейших ученых начала века предполагали, что большинство документов, в том числе и «спартанские», были интерполированы в текст I Маккавейской книги и, таким образом, либо вообще не отражают исторической реальности и должны рассматриваться исключительно как факт литературной традиции, либо отражают события более позднего времени¹. Возникла оживленная полемика, в результате которой (особенно после выхода в свет детального исследования Эттельсона²) теория интерполяции была отвергнута³, а вместе с ней отошло в прошлое и предположение о неисторичности документального материала, использованного автором I Маккавейской книги. Историческая достоверность сведений о союзе между спартанцами и иудеями во времена первых Хасмонейских правителей в послевоенных работах уже не подвергается сомнению⁴. Итак, письмо Ионафана в Спарту — факт исторический, а не литературный. Однако та форма, в которой оно предстает перед нами на страницах I Маккавейской книги, оценивается исследователями совершенно по-разному.

Сомнение в ее соответствии нормам эллинистической дипломатии высказывал еще Гримм в своем комментарии к I Маккавейской книге, который по праву был признан классическим исследованием по этой теме. По мнению Гримма, такого рода письмо при тогдашних обстоятельствах никак не могло быть составлено самим Ионафаном, особенно учитывая его дальновидность в государственных делах. Автор I Маккавейской книги, скорее всего, располагал сведениями об обмене посланиями со Спартой, но не стремился восстановить письмо в его первоначальном виде. Основным содержанием письма он сделал собственное рассуждение о том, допустимо ли вообще для теократического народа использование помощи иноземных союзников, и за этим рассуждением совершенно теряется настоящее — конкретное — содержание документа⁵. Развивая гипотезу Гримма, Эттельсон выдвигает свое предположение: возможно, автор I Маккавейской книги считал, что, поскольку речь идет об обмене письмами между иудеями и родственным им народом,

¹ *Kautzsch E.* Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments. Bd 1. Tübingen, 1900. S. 27 f.; *Oesterley J.* I Maccabees // *Charles R.H.* The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. V. 1. Oxf., 1913. P. 60; *Willrich H.* Urkundenfälschung in der hellenistisch-jüdischen Literature. Göttingen, 1924; *Жебелев С.А.* Евреи и спартанцы // Доклады Академии Наук СССР. 1928. Вып. 4. С. 65—70; *Momigliano A.* Prime linee di storia della tradizione maccabaica. Roma, 1930.

² *Ettelson H.W.* The Integrity of the First of Maccabees. New Haven, 1924.

³ Краткий, но очень емкий очерк историографии вопроса о достоверности документов, содержащихся в I Маккавейской книге, см. в работе: *Pfeiffer R.H.* History of the New Testament Times with the Introduction to the Apocrypha. N.Y., 1949. P. 489—490.

⁴ См. из комментариев: *Abel P.F.-M.* Les livres des Maccabees. P., 1949; *Dancy J.C.* A Commentary on I Maccabees. Oxf., 1954; *Bartlett J.* The First and Second Books of Maccabees. Camb., 1973; *Glodstein J.* I Maccabees. A Commentary. N.Y., 1976; из общих работ: *Chrimes R.M.T.* Ancient Sparta. A Reexamination of the Evidence. Manchester, 1952. P. 176. *Hadas M.* Hellenistic Culture: Fusion and Diffusion. N. Y., 1959. P. 86; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 206 f.; *Will E., Orrieux C.* Ioudaismos — Hellenismos. Nancy, 1986. P. 92, а также статьи, специально посвященные разбору традиции об иудеях и спартанцах: *Schuller S.* Some problems Connected with the Supposed Common Ancestry of Jews and Spartans and their Relations during the last 3 Centuries B.C. // *Journal of Semitic Studies.* 1956. V. 1; *Cardauns B.* Juden und Spartaner. Zur Hellenistisch-jüdischen Literatur // *Hermes.* 1967. Bd. 95.

⁵ *Grimm K.L.W.* Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zu den Apokryphen des Alten Testaments. Lief. 3. Das erste Buch der Makkabäer. Lpz, 1853. S. 190.

здесь уместно было бы высказать религиозные соображения. Этим объясняется своеобразный «теократический» оттенок письма Ионафана спартамцам в отличие от чисто практического характера документов, связанных с Римом⁶. Из современных ученых подобную точку зрения разделяет Бартлетт: он пишет, что письмо в Спарту, вероятно, нужно рассматривать как составленное автором I Маккавейской книги исходя из его собственного представления о том, как должно было выглядеть это послание. Однако в пользу такого мнения Бартлетт не приводит никаких дополнительных аргументов⁷.

Если Гримм и Эттельсон сомневаются в подлинности документа в силу того, насколько оно проникнуто иудейскими представлениями, Жебелев находит его звучание слишком эллинистическим⁸. Гинзбург считает необычность содержащейся в I Маккавейской книге версии письма результатом его трансформации при двойном переводе⁹. Совершенно особую позицию занимает Голдштейн. Он исходит из общей установки, что все документы, связанные со Спартой, должны быть безоговорочно признаны подлинными. Аргументация его достаточно парадоксальна: она направлена на то, чтобы доказать ориентированность письма Ионафана на греческие понятия и установления, а там, где это не удастся — по крайней мере, продемонстрировать, что оригинальным языком документа был безукоризненно литературный греческий¹⁰.

Такая разбросанность аргументов указывает, как нам кажется, на то, что в историографии пока еще нет единых критериев для оценки документов подобного рода.

Пожалуй, единственным заслуживающим рассмотрения положительным доводом в пользу достоверности письма Ионафана в Спарту служат часто приводимые в литературе «аналогичные» договоры между греческими и эллинизированными восточными городами или государствами того времени, содержащие ссылку на общность родства¹¹. Но уже при самом поверхностном рассмотрении оказывается, что подобные параллели не совсем корректны.

Эллинистические надписи, в самом деле, донесли до нас немало ссылок на мнимое родство, подкрепленных фиктивными генеалогиями. На основании общего родства, подтвержденного мифологической традицией, заключались военные союзы¹², договоры об исополитии¹³, посылались и принимались священные посольства¹⁴, святилищам даровалось право асиллии¹⁵.

⁶ *Ettelson*. Op. cit. P. 356.

⁷ *Bartlett*. Op. cit. P. 167.

⁸ См. *Жебелев*. Ук. соч. С. 69: «Мысль о братстве, по общему происхождению от Авраама, евреев и спартамцев плохо согласуется с основным настроением Маккавеев и их партии, старавшихся отстоять еврейскую самобытность от насильственно навязываемой Селевкидами евреям эллинизации».

⁹ *Ginsburg M.* Sparta and Judea // *Classical Philology*. 1934. V. 29. P. 122.

¹⁰ *Goldstein*. Op. cit. P. 451—455.

¹¹ См. *Bickermann E.* Makkabäerbücher // *RE*. XIV. S. 786; *idem*. Sur une inscription grecque de Sidon // *Mélanges Syriens offerts à Monsieur M.R. Dussaud*. V. I. P., 1939. P. 95; *Abel*. Op. cit. P. 233; *Dancy*. Op. cit. P. 166; *Hadas M.* Hellenistic Culture: Fusion and Diffusion. N. Y. 1959. P. 86; *Goldstein*. Op. cit. P. 450—451.

¹² Союз между Римом и городом Лампсаком в Малой Азии — *Syll*³. 591.

¹³ Милет — Селевкия = *Tralleis: Staatsverträge des Altertums*. III. № 537; Пергам — Тегея: *Inscr. v. Pergamon*. № 156.

¹⁴ Комплекс надписей из Магнезии на Меандре: *Inscr. v. Magnesia*. № 35, 38, 46, 47, 61, 72, 80, 15 а.

¹⁵ *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934. P. 135. № 35. SEG. II. 330.

На родственные связи с каким-либо греческим городом мог претендовать не только другой город, но и частное лицо: правитель или высокопоставленный сановник. Так, пергамский царь Евмен II просит своих ионийских союзников о возведении себе статуи в Милете на том основании, что он является родственником милетцев через кизикийцев¹⁶. В качестве «родственника кизикийцев» упоминается также некий Атен, один из приближенных к царскому дому (Welles. Op. cit. № 66). Насколько мы знаем, самая близкая параллель письму Ионафана, обычно приводимая исследователями как пример «родства» между восточным и греческим городом — надпись, упоминающая о родстве дельфийцев и тирян, датированная последней третью II в. до н.э. (SEG. II. 330)¹⁷. Она представляет собой начало письма, отправленного тирянами в Дельфы. Упоминание о родстве содержится в обращении: Τύρου τῆς ἱερᾶς καὶ ἀσύλου ἢ βουλῆ καὶ ὁ δῆμος Δελφῶν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ τοῖς συγγένεσι χαίρειν. Издатель дельфийской надписи считает, что тиряне отправили посольство вскоре после обретения независимости в 125 г. до н.э., с тем чтобы получить в Дельфах сакральную санкцию, которая подтверждала бы статус городского святилища Геракла как «священного и неприкосновенного», привилегии, дарованной Тиру эллинистическими монархами¹⁸. До некоторой степени похожую ситуацию демонстрирует нам письмо царей Атамании, посланное в конце III в. до н.э. в город Теос. В ответ на просьбу теосцев их новые покровители охотно подтверждают неприкосновенность и освобождение от налогов теосского святилища Диониса. Они делают это не только по причине горячей привязанности и уважения к городу, но также из дружественного расположения ко всем эллинам, поскольку являются родственниками «самого основателя общего названия греков»: καὶ τοῦτο πράσσομεν καὶ διὰ τὸ πρὸς ἄπαντας μὲν τοὺς Ἕλληνας οἰκείως ἔχοντες τυγχάνειν, ὑπαρχούσης ἡμῖν συγγενείας πρὸς αὐτὸν τὸν ἀρχηγὸν τῆς κοινῆς προσαγορίας τῶν Ἑλλήνων¹⁹. Сидонская надпись конца III в. до н.э., представляющая собой блестящее подражание греческой агонистической эпиграмме, подчеркивает аргосское происхождение и родственную связь с Фивами граждан Сьдона, тем самым давая обоснование их законному праву на участие в Немейских играх²⁰. Во всех трех случаях негреческая сторона (будь то эллинизированный восточный город или новоявленный эллинистический монарх) стремится доказать свою причастность к эллинской нации, быть признанной ее полноправным членом.

Итак, как видно из приведенных выше примеров, ссылки на общее родство были призваны скрыть варварское происхождение эллинизированных восточных народов путем возведения их генеалогии к известному греческому центру или какому-нибудь эллинскому герою эпических времен и использовались ими в реальной дипломатической практике для приобщения к чисто греческим институтам, характерным для полисного общества формам международных связей: участия в договорах об исополитии, традиционных спортивных состязаниях, греческих религиозных празднествах, освобождения от налогов собственных эллинизированных святилищ.

Совершенно очевидно, что подобные мотивы дипломатической деятельности были немислимы для первых Хасмонейских правителей. Конечно,

¹⁶ Известно, что Аполлония, мать Евмена, была дочерью кизикийского гражданина, в то время как Кизик признавался колонией Милета. См. Welles. Op. cit. P. 216—217. № 52.

¹⁷ См. работы, указанные в прим. 11.

¹⁸ Promptow H. Neue delphische Inschriften // Klio. 1918. Bd 15. S. 27.

¹⁹ Welles. Op. cit. P. 135. № 35.

²⁰ См. Bickerman. Sur une inscription... P. 94.

с приходом к власти патриотической партии необходимость политических контактов с греками не только не исчезла, но, пожалуй, даже возросла: возрождающееся государство должно было обеспечить себе международное признание и поддержку, однако дипломатический язык должен был измениться: после очищения Храма и упразднения греческой конституции в Иерусалиме исчезла та идеологическая основа, на которой строили свои отношения с греками и государствами эллинизованными восточные города. И действительно, если в дельфийской надписи формула ἡ βούλη καὶ ὁ δῆμος подразумевает коллектив тирян, организованный по образцу греческого полиса²¹, то вступительная формула письма Ионафана в Спарту (ἀρχιερεὺς καὶ ἡ ἑρουσία τοῦ ἔθνους καὶ οἱ ἱερεῖς καὶ ὁ λοιπὸς δῆμος), вне зависимости от того, насколько достоверным мы его считаем, отражает возрождение традиционно иудейских институтов политической власти²². Естественно поэтому, что в письме Ионафана иудеи, обращаясь к грекам, не только не претендуют на присоединение к эллинской цивилизации, но, наоборот, заявляют об исторической принадлежности эллинов к своей собственной, не только не апеллируют к греческим институтам, но оделяют спартанцев своими традиционными почестями²³. Таким образом, эллинистическая идея общего родства действительно (здесь нужно согласиться с Голдштейном) приспособляется к иудейским нуждам, но при этом она трансформируется, как бы переворачивается на иудейский лад, получает своего рода *interpretatio iudaica*²⁴.

В этом смысле доказательством достоверности документа служит, на наш взгляд, как раз не сходство, но различие между ним и тишичными образцами эллинистической дипломатической переписки. Содержание письма Ионафана должно было отличаться от эллинистических образцов в той же мере, в какой положение эллинизированного города или государства, стремящегося разделить привилегии господствующей нации, отличалось от положения Иудеи, добивающейся политической независимости и культурной обособленности от эллинского мира.

Косвенным доказательством того, что идея общего родства могла быть использована в дипломатической переписке именно в той форме, в какой она содержится в письме Ионафана, на наш взгляд, может послужить постановление жителей г. Пергама, которое мы находим в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (XIV. 247—255). По своему содержанию оно выделяется из большой серии декретов (XIV. 185—264), посвященных вопросу о привилегиях иудеев, которые были связаны с соблюдением ритуальных установлений. Ситуация, описанная в постановлении, совершенно аналогична ситуации иудейского посольства в Спарту: послы прибывают в Пергам по пути из Рима на родину, они вручают Совету и народному собранию постановление Сената, а также еще одно письмо, составленное по-видимому, от имени иудейского первосвященника (τὴν ἐπιστολὴν... καὶ τὸ τῆς συγκλήτου δόγμα).. Один из послов, Феодор, на словах «с большой ревностью описывает доблесть и великодушие Гиркана и что тот оказывает

²¹ При Птолемах город получил конституцию греческого образца; см. Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 325.

²² Will, *Orrieux*, Op. cit. P. 183.

²³ Жертвоприношения и молитвы за чужеземцев (как правило, это были иностранные правители) не считались нарушением Закона и во все времена практиковались у иудеев. Упоминания о них мы встречаем в кн. Ездры (6,31); «Письме Аристея» (41—46); 1 Макавейской книге (7, 33).

²⁴ В письме Ионафана и речи нет о какой-либо попытке соотнести отечественную — иудейскую — традицию с греческой мифологией, его логика однозначна: спартанцы родственны иудеям в силу того, что они тоже происходят «от рода Авраамова».

благоденствия всем вообще, а также каждому, кто к нему прибывает». Далее постановление пергамцев повествует следующим образом: «отдав же письмо нашим должностным лицам (τῶν ἡμετέρων στρατηγῶν), Феодор попросил также, чтобы мы послали Гиркану копию постановления с посланиями, которые рассказали бы ему о расположении народа нашего [т.е. пергамцев] и просили, чтобы он сохранил и упрочил дружбу по отношению к нам и при случае всегда оказывал содействие (за что получит должную благодарность), помня о том, что еще во времена Авраама, бывшего отцом всех евреев, наши [пергамцев] предки были им [иудеям] друзьями, о чем и в публичных архивах находим записи»²⁵.

Слова Феодора представляют собой ни что иное, как пересказ, по крайней мере, частичный, текста письма Гиркана. Таким образом, предлагая пергамцам заключить соглашение о дружбе, иудеи (а вовсе не пергамцы, как полагает Голдштейн²⁶) ссылаются на Авраама и его современников, то есть апеллируют к собственной исторической традиции.

Итак, *interpretatio iudaica* идеи общего родства, по-видимому, восходит к подлинному документу. То же самое, как нам кажется, нужно сказать и об упоминании молитв и жертвоприношений за «родственный» народ спартанцев. Как уже было отмечено, они были специфической формой оказания почестей иноземцам. Упоминание о них в дипломатической переписке вряд ли может вызвать недоумение, если мы вспомним другие документы этого времени, в которых речь идет о награждении иудеев традиционными афинскими²⁷ или римскими²⁸ почестями и привилегиями.

Обратимся, наконец, к еще одной особенности письма, вызвавшей в свое время у Гримма наибольшие сомнения в подлинности документа²⁹. Обращаясь к спартамцам с просьбой о восстановлении дружбы и братства, письмо в то же время содержит парадоксальное утверждение о том, что иудеи не нуждаются в военном союзе с язычниками, «имея утешением священные книги» (12, 9) и полагаясь на «помощь небесную» (12, 15)³⁰. Посмотрим, каковы основания считать вместе с Гриммом и Эттельсоном, что в этой части дошедший до нас вариант письма не имеет отношения к оригиналу, и приписывать вышеуказанные высказывания автору I Маккавейской книги.

Ссылка на расплывчатость содержания и «непрактичность» тона Ионафанова послания по сравнению с другими, и прежде всего «римскими» документами, содержащимися в нашем источнике не может служить хорошим аргументом. В самом деле, ответное письмо спартанцев (13, 20—23)

²⁵ Ant. Jud. XIV. 252—255.

²⁶ Goldstein. Op. cit. P. 449: Pergamum even claimed friendly ties with the Jews going back to the time of Abraham and said that proof of the fact lay in the local archives. В то же время, согласно тексту постановления, на дружественные связи со времен Авраама претендовали как раз иудеи, а пергамцы лишь подтверждают эти претензии, *прибавляя после пересказа речи Феодора*: καθὼς καὶ ἐν τοῖς δημοσίοις εὐρίσκομεν ὑράμματα.

²⁷ В афинском декрете в честь Гиркана I (Ant. Jud. XIV. 153): τιμῆσαι τὸν ἄνδρα χρυσῶν ἑτεράνων ἀριστεῖα κατὰ τὸν νόμον, καὶ στῆσαι αὐτοῦ εἰκόνα χαλκῆν ἐν τῷ τεμένει τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων...

²⁸ В декрете Юлия Цезаря о привилегиях иудеев (Ant. Jud. XIV. 210): δεδῶσθαι δὲ Ὑρκανῶ καὶ παισὶ τοῖς αὐτοῦ καὶ πρεσβυταῖς τοῖς ὑπ' αὐτοῦ πεμφθεῖσιν ἐν τε πυγμῇ μονομάχων καὶ θηρίων καθ' ἑξομῆνοις μετὰ τῶν συγκλητικῶν θεωρεῖν...

²⁹ Grimm. Op. cit. S. 190.

³⁰ В I Макк. «священные книги», т.е. книги Закона, выступают прежде всего как символ союза (διαθήκη) между Богом и Его народом, который понимается, в частности, и как союз военный, обеспечивающий иудеям «небесную помощь» в их войнах с иноплемениками. См. Jaubert A. La notion d'Alliance dans le judaïsme aux abords de l'ère chrétienne. P., 1963. P. 81 suiv.

также не содержит ничего, кроме дипломатической формулы вежливости, однако это не мешает большинству исследователей признать его наиболее достоверным из трех «спартанских» документов³¹. Содержание же письма Ионафана вполне конкретно и сводится к просьбе о восстановлении дипломатических отношений, некогда уже установленных между двумя государствами. Проблема, очевидно, в другом: если идею происхождения спартанцев от Авраама мы можем воспринимать как *interpretatio iudaica* эллинистической практики ссылок на общность родства, традиционное иудейское представление о «божественной помощи», характерное для еврейской литературной традиции, не вписывается ни в какие формулы эллинистической дипломатической переписки. По-видимому, дело не в том, что оригинальные иудейские представления не могли отражаться в реальной дипломатической переписке, но в том, что для этого они должны были облекаться в уже существующие формулы дипломатического языка того времени. На основе этого предположения можно попытаться установить критерий для распознавания подлинной основы нашего письма и подобных ему документов эллинистического времени, дошедших до нас в пересказе нарративных источников. Там, где эллинистическая форма заимствуется, но, приспособляясь к потребностям местной идеологии, наделяется новым содержанием (как в случае с идеей общего родства), мы имеем дело с текстом, восходящим к оригинальному документу. Там, где эта связь между формой и содержанием не восстанавливается, текст принадлежит литературной традиции.

Л.В. Семенченко

---

³¹ См. разделы *ad locum* в перечисленных выше комментариях к 1 Маккавейской книге.

ON A DOCUMENT OF HELLENISTIC DIPLOMACY:
A LETTER OF HIGH PRIEST JONATHAN
TO SPARTA

L.V. Semenchenko

The article deals with a letter of the High Priest Jonathan to Sparta, a document cited in the 1 Maccabees, the authenticity of which has been a matter of a long discussion in historiography. The brief analysis of the previous views on the subject shows that surprisingly no definite criteria have been elaborated for the assessment of such kind of documents. The author tries to find these criteria. The conclusion is that the presence in Jonathan's letter of Jewish original ideas characteristic for the ideology of the Hasmonaean party doesn't prove the inauthenticity of the document if they are expressed in terms of hellenistic diplomatic language.

О ВРЕМЕНИ ПРЕБЫВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ V МАКЕДОНСКОГО ЛЕГИОНА В ХЕРСОНЕСЕ

Исследование времени и обстоятельств перемещения римских воинских подразделений в различные населенные пункты Северного Причерноморья имеет принципиальное значение для установления направлений и методов политики Рима в данном регионе. В предлагаемой статье речь пойдет о датировке пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе.

Основные этапы истории данного легиона прослежены Б. Филовым, уточнены Х. ван де Веердом и Е. Риттерлингом¹. Их выводы, базирующиеся на тщательном анализе литературных и эпиграфических источников, приняты большинством исследователей².

Как известно, подразделения V Македонского легиона наряду с другими подразделениями, размещенными в Херсонесе, входили в состав Мёзийской армии и подчинялись легату *pro praetore* провинции Мёзия (с 86 г. — Нижняя Мёзия). Поэтому определение конечной даты пребывания данного легиона в Херсонесе (равно как и в Нижней Мёзии) не вызывает трудностей — в 167/68 г. этот легион в связи со сложной обстановкой, сложившейся в дунайских провинциях в начале Маркоманнских войн, был перемещен в Потаис во вновь образованной провинции *Dacia Prolissensis* (Fil. S. 77—78; Rit. Sp. 1578—1579). Таким образом, 167/68 г. может быть признан конечным годом пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе³. В качестве постановки вопроса отметим лишь, что не исключена возможность более раннего ухода отдельных подразделений этого легиона из Нижней Мёзии и, может быть, из Северного Причерноморья: в 135—137 гг. они участвовали в подавлении восстания Бар-Кохбы, брали штурмом Иерусалим и участвовали в основании на его месте колонии⁴; в 163—167 гг. подразделения V Македонского легиона отправлялись на Римско-Парфянскую войну, хотя местом его дислокации по-прежнему оставалась Нижняя Мёзия⁵.

Вопрос о времени появления подразделений V Македонского легиона в Херсонесе сложен. В дореволюционной историографии эта проблема специально не рассматривалась. Так, в трудах М.И. Ростовцева время появления римского гарнизона в Херсонесе (в том числе и V Македонского легиона как его составной части) определялось суммарно: римские войска были введены в Таврику после экспедиции Т. Плавтия Сильвана, выведены в начале Дакийских войн и вновь возвратились в Херсонес в последние годы правления Траяна или при Адриане⁶. В советской историографии эта

¹ Filow B. Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian // Klio. 1906. Beiheft 6; van de Weerd H. Etude historique sur trois legions romaines du Bas-Danube (Ve Macedonica, XIe Claudia, I^e Italica) suivie d'un aperçu général sur l'armée romaine de la province de Mésie Inférieure sous le Haut-Empire. Louvain-Paris, 1907; Ritterling E. Legio // RE. 1925. Hlbd 24. Sp. 1572—1586. Ниже все ссылки на работы Б. Филова и Е. Риттерлинга даны в тексте с сокращениями Fil. и Rit. соответственно.

² Например: Mann J.S. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principat. L., 1983. P. 135. Tabl. 21, 3.

³ Ср.: Сапрыкин С.Ю. Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 61.

⁴ Meyslan (Mestschansci) J. The Legion which Reconquered Jerusalem in the War of Bar-Kochba // Palestine Exploration Quarterly. 1958. T. 90. Jan.-jul. P. 20—23.

⁵ CIL. III. 7505.

⁶ Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март. С. 149; он же. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 6. 12.

точка зрения являлась общепринятой до конца 70-х годов⁷, когда наметилась тенденция к пересмотру ее основных положений. Так, по мнению Д.Б. Шелова, римские войска находились в Таврике постоянно со времени экспедиции Плавтия Сильвана; перемещались лишь отдельные подразделения⁸.

Позиция В.И. Кадеева, напротив, очень противоречива. Признавая постоянное присутствие римских войск в Херсонесе с 60-х годов I в., он тем не менее считает, что о римском гарнизоне (включая подразделения V Македонского легиона) в данном полисе можно говорить с 40-х годов II в.⁹ Краеугольным камнем его аргументации является надпись, убедительно датированная им этим временем¹⁰. Поскольку в ней упоминается войско (*στρατιῶται*), оказавшееся в безденежье, В.И. Кадеев предположил, что до 40-х годов II в. римского гарнизона в Херсонесе не было, так как безопасность полиса охраняло наемное войско. Но в рассматриваемой надписи все сведения об «оплате» услуг «наемного» войска дополнены издателями (в надписи соответствующие строки утрачены), что, безусловно, не может быть бесспорным аргументом в пользу отсутствия римского гарнизона в Херсонесе. Даже если признать верной гипотезу Б.Н. Гракова и Ю.Г. Виноградова о хроническом безденежье херсонесского войска, то это можно отнести и на счет римского гарнизона, не получавшего содержания из казны.

Специальному рассмотрению вопрос о времени появления подразделений V Македонского легиона в Херсонесе был подвергнут С.Ю. Сапрыкиным, который, справедливо полагая, что подразделения этого легиона были дислоцированы здесь одновременно с размещением их в Трезмисе и Тире, распространяет вероятность данного перемещения на все время правления Траяна, что представляется не совсем верным¹¹.

Таким образом, даты, предложенные исследователями для начального этапа пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе в качестве составной части римского гарнизона, дислоцированного в данном полисе, могут быть уточнены, в чем убеждает и подробное изучение истории этого легиона в связи с изменениями в военно-стратегической ситуации в дунайских провинциях.

Наиболее распространенная точка зрения¹² связывает появление V Македонского легиона в Мёзии с паннонско-далматинским восстанием 6—9 годов, в подавлении которого он будто бы принял участие, после чего стоянкой этого легиона стала крепость Эскус на Нижнем Дунае. Но Х. ван де Веерд и Е. Риттерлинг полагают, что данный легион был дислоцирован в Мёзии позднее, между 23 и 33/34 гг.¹³ Эта точка зрения представляется более верной, так как помимо прямого указания Тацита на перемещение двух легионов в Мёзию в 23 г. н.э.¹⁴ она подтверждена рядом косвенных данных.

⁷ Обзор литературы см.: Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 56 сл.

⁸ Там же. С. 54, 57 сл.

⁹ Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 24, 26—28. Прим. 14.

¹⁰ Публикация: Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127. № 1.

¹¹ Сапрыкин. Ук. соч. С. 61.

¹² Fil. S. 6, 7; Szilágyi J. Les variations des centres de prépondérance militaire dans les provinces de l'Empire Romain // AAntASH. 1953. T. II. Fasc. 1—2. P. 124; Mann. Op. cit. P. 160. Tabl. 33; ср. van de Weerd. Op. cit. P. 52—53; Иванов П. Луха на V Македонски легиона от Эскус // Археология. 1989. № 3. С. 49.

¹³ van de Weerd. Op. cit. P. 53; Rit. Sp. 1573.

¹⁴ Tac. Ann. IV. 5.

Так, в боевых действиях 12 и 15 гг., которые велись в районе Эгис-Трезмис, т.е. в местах предполагаемого размещения подразделений V Македонского легиона, последний не принимал участия: большинство исследователей отдает предпочтение IV Скифскому легиону, прибывшему в район боевых действий по Дунаю¹⁵. Попытка Б. Герова опровергнуть данную точку зрения не представляется убедительной: выводы исследователя базируются исключительно на палеографических и грамматических особенностях одной из надписей, найденных в Эскусе¹⁶. В частности, архаическая форма цифры 50 (V), на основании которой исследователь относит данную надпись ко времени Августа, не может являться объективным показателем: еще Р. Канья указывал на распространенность в это время более архаической формы данной цифры (L), тогда как рассматриваемая форма, по его мнению, характерна для более поздних надписей¹⁷. Таким образом, 23 г. является нижней точкой отсчета, раньше которой вряд ли имеет смысл рассматривать историю V Македонского легиона в связи с римской политикой в Северном Причерноморье.

Вторая четверть I в. еще не стала временем активного вмешательства римлян во внутренние дела северопонтийских государств: со времени Августа по отношению к этому региону политика Рима состояла главным образом в наблюдении за развитием политической ситуации из соседних провинций; как подчеркивал М.И. Ростовцев, «одного присутствия в провинциях военной силы было достаточно, чтобы поддержать порядок в этих местах»¹⁸.

На характер политики Рима по отношению к Северному Причерноморью в это время, без сомнения, повлияли и объективные трудности, связанные с необходимостью замирения вновь присоединенных дунайских провинций. Так, к 46 г. численность римских войск, размещенных в Мёзии, возросла до 60 тыс. человек (против 41 тыс. в 20 г.)¹⁹ и сохранялась на этом уровне до 80-х годов (Fil. S. 53—56). Усиление римского военного присутствия в Мёзии позволило выделить подразделения V Македонского легиона, которые наряду с подразделениями других легионов, дислоцированных в этой провинции, приняли участие в подавлении восстания 46 г. во Фракии (Fil. S. 10 f. Rit. Sp. 1573). Следует отметить, что в Римско-Боспорской войне, начавшейся годом раньше, участвовали не мёзийские легионы, а войска, дислоцированные в провинции Вифиния-Понт²⁰, поскольку Боспор подпадал под юрисдикцию данной провинции, что является еще одним доводом в пользу невозможности появления подразделений V Македонского легиона на территории Северного Причерноморья в середине I в. В 62 г. данный легион был направлен на Восток, где участвовал в военных действиях вначале в Армении и Парфии, затем в Иудее, особо отличившись при штурме и взятии Иерусалимского храма (Fil. S. 20 f., 23; Rit. Sp. 1574 f.). Осенью 71 г. в связи с напряженной обстановкой, сложившейся в Мёзии в результате набегов варварских племен на дунайскую границу, V Македонский легион был отозван с Востока и возвращен в Экусе.

¹⁵ Rit. Sp. 1557; *Златковская Т.Д.* Мёзия в I и II вв. н.э. (К истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951. С. 33. Прим. 3; *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. С. 226. Прим. 732; *Stein A.* Legaten von Moesien. Budapest, 1940. S. 14. Anm. 3.

¹⁶ *Gerov B.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte des Mösischen Limes in vorclaudischer Zeit // AAntASH. 1967. T. XV. Fasc. 1—4. S. 89. Abb 1.

¹⁷ *Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine. P., 1898. P. 31; ср. *van de Weerd.* Op. cit. P. 35.

¹⁸ *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 2. Прим. 2.

¹⁹ *Szilágyi.* Op. cit. P. 147, 157.

²⁰ *Кадеев.* Ук. соч. С. 19; *Шелов.* Ук. соч. С. 61; *Дьяков В.Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 71 сл., 77.

Эти факты свидетельствуют о том, что до начала 70-х годов данный легион не мог принимать активного участия в событиях, развернувшихся в Северо-Западном и Северном Причерноморье, хотя именно в это время пассивная политика «наблюдения из провинций» сменилась активным проникновением римлян в данный регион, причем базой для расширения их экспансии стала Мёзия²¹. В 57 г. в состав данной провинции вошла Тира²², это позволило римлянам установить господство на всем западном побережье Черного моря и создать удобный плацдарм для расширения экспансии в район Ольвии и Херсонеса. Одновременно римские войска, дислоцированные в Малой Азии, были размещены на Боспоре²³.

Между 63—68 годами²⁴ наместник Мёзии Тиберий Плавтий Сильван, разгромив скифов, осадивших Херсонес, оставил в Таврике небольшие гарнизоны, так как численность сухопутных войск, находившихся в его распоряжении, была ограниченной — в военных действиях в данном регионе могли участвовать подразделения одного из двух легионов, оставшихся в это время в Мёзии (Fil. S. 89). По мнению О.В. Кудрявцева, придерживавшегося традиционной датировки похода 57 г., это был IV Скифский легион²⁵. Но если считать, что поход произошел позднее, то более убедительным выглядит мнение В.Н. Дьякова, полагавшего, что под Херсонес пришли воины VIII Августова легиона²⁶. И действительно, в 56/57 г. IV Скифский легион был отозван из Мёзии, сменивший же его VIII Августов в 60-е гг. получил, — возможно, за отражение вторжения сарматских племен в Мёзию и успешные бои в Таврике — почетный титул *bis Augusta*²⁷.

В этой связи весьма убедительной выглядит точка зрения В.М. Зубаря, что, при недостатке в сухопутных силах, основную роль в походе Плавтия Сильвана сыграли корабли Равеннской эскадры и солдаты морской пехоты, впоследствии размещенные в Хараксе²⁸. Таким образом, в первый гарнизон, оставленный римлянами в Таврике (и, может быть, в Херсонесе), с наибольшей долей вероятности могли войти подразделения VIII Августова легиона и корабли Равенской эскадры. И если последние могли задержаться здесь до времени Домициана²⁹, то VIII Августов легион пробыл здесь недолго: осенью 69 г. он был переведен в Сирию (Fil. S. 25; Rit. Sp. 1650). Видимо, относительная краткость пребывания его в Таврике обусловила отсутствие всяких свидетельств об этом.

Подразделения данного легиона были заменены подразделениями I Итальянского, сформированного Нероном в 68 г.³⁰ и переведенного в Мёзию

²¹ Дьяков. Ук. соч. С. 88.

²² Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев, 1985. С. 90.

²³ См. Шелов. Ук. соч. С. 61 сл.

²⁴ СІЛ. XIV. 3608. О походе и его датировке см. Карышковский. Клейман. Ук. соч. С. 91; Шелов. Ук. соч. С. 54. Прим. 13; Блаватский В.Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 231; Zawadzki T. La légation de Ti. Plautius Silvanus Aelianus en Mésie et la politique frumentaire de Néron // La Parola del Passato. 1975. V. 30. P. 65; Conole P., Milns R.D. Neronian Frontier Policy in the Balcans: the Career of Ti. Plautius Silvanus // Historia. 1983. Bd XXXII/2. P. 189. Весьма взвешенной кажется точка зрения В.М. Зубаря, датировавшего поход временем между 63—68 гг. См.: Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вип. 63. С. 20.

²⁵ Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 174. Прим. 22.

²⁶ Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 92.

²⁷ Fil. S. 26; ср.: Rit. Sp. 1650; Дьяков. Оккупация... С. 92.

²⁸ Зубар. Ук. соч.

²⁹ Ростовцев. Римские гарнизоны... С. 157.

³⁰ Dio Cass. LV. 24, 2.

осенью 69 или зимой 69—70 г. (Fil. S. 27; Rit. Sp. 1410, 1412), и в Таврике³¹. Аналогичные перемещения произошли и в Тире. Вероятно, не случайно в Хараксе кирпичи с клеймами I Итальянского легиона найдены совместно с клеймами вексиляции Равенской эскадры³², а в Тире во II в. подразделения трех мёзийских легионов и вспомогательные отряды находились под командованием центуриона I Итальянского легиона³³. Военный трибун данного легиона был в то же время главнокомандующим римскими вооруженными силами, размещенными в Херсонесе³⁴. В целом эти факты говорят о том, что I Итальянский легион дольше других римских воинских подразделений находился в Таврике и в силу этого пользовался особыми полномочиями, а также о том, что V Македонский легион не мог быть дислоцирован в данном регионе раньше I Итальянского.

Косвенным подтверждением постоянного присутствия вексиляций римских легионов в Херсонесе является непрерывный приток сюда римской монеты, чеканенной с середины I в.³⁵ Кроме того, их наличие здесь в последней четверти I в. подтверждается и двумя надписями херсонеситов, установленными в честь легатов Нижней Мёзии³⁶. Численность этого гарнизона, вероятно, была небольшой, и он вряд ли был выведен во время Дакийских войн³⁷. В этой связи напомним, что I Итальянский легион действительно участвовал в дакийских войнах не в полном составе, а высылал на театр боевых действий отдельные подразделения.

В конце I в. римская экспансия в Северное Причерноморье приостановилась: на северных границах империи возник новый очаг напряженности — Дакийская держава, покорение которой затянулось на долгие годы. Самое активное участие в этой борьбе приняли мёзийские легионы, а сама Нижняя Мёзия с начала 80-х годов была превращена в плацдарм для римского вторжения в Дакию³⁸. Исследователи единодушны в мнении о затажном и тяжелом для Рима характере Дакийских войн. Достаточно сказать, что в них приняли участие четыре из пяти дислоцированных в Мёзии легионов, в том числе и V Македонский³⁹, а общая численность подразделений, сосредоточенных на театре боевых действий к началу II в., достигала от 80 до 100 тыс. человек⁴⁰.

Мы не будем подробно останавливаться на ходе Дакийских войн, завершившихся в 106 г. разгромом Дакии, равно как не будем выяснять характер и степень участия V Македонского легиона в боевых действиях. Отметим лишь те моменты, которые важны для нашей темы. В 86 г. данный легион еще находился в Нижней Мёзии и принял непосредственное участие в отражении вторжения даков (Fil. S. 39—41; Rit. Sp. 1576). С полной определенностью можно говорить о пребывании V Македонского легиона в этой провинции до 98—99 гг., когда перед началом боевых действий Траян проводил инспекцию Нижнедунайского лимеса, в ходе которой были намечены меры по его укреплению и, видимо, возможные

³¹ Дьяков. Оккупация... С. 93 сл.

³² Ростовцев. Римские гарнизоны... С. 156; Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1952. № 19. С. 254, 281, 289.

³³ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 99.

³⁴ ЛНХТ. 9.

³⁵ Гилевич А.А. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиСф. 1968. Вып. 3. С. 31.

³⁶ IOSPE. I². 421, 422; Блаватский. О римлянах... С. 231; Кадеев. Ук. соч. с. 24.

³⁷ Шелов. Ук. соч. С. 56 сл.

³⁸ Златковская. Ук. соч. С. 71.

³⁹ Кудрявцев. Ук. соч. С. 176.

⁴⁰ Szilágyi. Op. cit. P. 176; Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 64.

перемещения дислоцированных там легионов в ходе войны⁴¹. В напряженной обстановке, сознательно нагнетавшейся римлянами в этом районе, мы считаем маловероятным выделение еще одного подразделения из мезийских легионов в конце I в. с целью перемещения его в Херсонес для усиления уже размещенных там отрядов I Итальянского легиона. Большой концентрации вооруженных сил в Нижней Мэзии требовала и ситуация, сложившаяся на дунайской границе: при Домициане римлянам удалось укрепиться на левобережье Дуная, где также были размещены гарнизоны, занятые помимо пограничной охраны сбором оперативной информации, заготовкой фуража и провианта⁴². Участие V Македонского легиона в Дакийских войнах Траяна несомненно. Основываясь на надписи CIL.X. 6321, Б. Филлов (S. 54 f.) полагал, что во время войны 101—103 гг. данный легион в полном составе был перемещен из Нижней Мэзии в Дакию. При этом, по мнению Е. Риттерлинга (Sp. 1576), сославшегося на надпись CIL. III. 7433, базой легиона продолжал оставаться Экус.

Напряжение сил, понадобившееся римлянам для победоносного завершения войны, на время отвлекло их внимание от Северного Причерноморья. Малочисленность гарнизона в Таврике, с одной стороны, затяжной характер войны и общий характер политической ситуации в понтийском регионе — с другой, заставил римлян применять по отношению к северопричерноморским государствам главным образом дипломатический нажим. Так, римляне, сохраняя за собой право третейского судьи, усиленно поддерживали курс на принудительную симмахию Херсонеса с Боспором, вносящий в отношения между этими государствами фактор нестабильности⁴³. В то же время присутствие римских войск в Херсонесе позволяло поставить эти отношения под регулярный контроль со стороны империи⁴⁴. Все эти факты позволяют признать маловероятным посылку подразделений V Македонского легиона в Херсонес в последней четверти I — начале II в. Скорее всего крупных перемещений римских вооруженных сил в Северное Причерноморье до конца Дакийских войн не проводилось, исключая замену Равеннской эскадры Мэзийским Флавиевым флотом, реорганизованным в 73 г.⁴⁵ Веспасианом.

Летом 106 г. военные действия в Дакии были прекращены, и V Македонский легион возвратился в Нижнюю Мэзию, но не в Экус, получивший к тому времени статус колонии (Colonia Ulpia Oescus), а в Трезмис, расположенный в низовьях Дуная (Fil. S. 64; Rit. Sp. 1576). Одновременно общая численность войск, дислоцированных в этой провинции, была сокращена в 2—2,5 раза и оставлена на уровне около 40 тыс. человек⁴⁶. Успешное разрешение дакийского вопроса позволило Траяну вплотную заняться решением двух, по нашему мнению, тесно взаимосвязанных проблем: укреплением Нижнедунайского лимеса (в начале II в. мы застаем здесь интенсивные строительные работы)⁴⁷ и обеспечением лояльности северопонтийских государств. Последний вопрос приобрел большую актуальность в связи с подготовкой восточного похода, в ходе которого перед

⁴¹ *Велков В.* Из истории нижнедунайского лимеса в конце I в. н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 80.

⁴² *Бондарь Р.Д.* Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса // ВДИ. 1973. № 3. С. 157 сл.

⁴³ *Ростовцев.* Римские гарнизоны... С. 150; *Фролова Н.А.* О взаимоотношениях Рима, Боспора и Херсонеса в начале II в. н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 16 сл.

⁴⁴ Ср.: *Шелов.* Ук. соч. С. 57.

⁴⁵ *Weynand.* Flavius // RE. 1909. Bd VI. Sp. 2688.

⁴⁶ *Начева В.* Технологично изследване на червения фирнис от римските керамични центрове в с. Бутово, с. Хотница и Павликени, Великотърновски окръг // Археология. 1981. № 3. С. 1.

⁴⁷ *Велков.* Ук. соч. С. 81.

Траяном встала необходимость не только сосредоточения крупных воинских контингентов на границе с Парфией, но и обеспечения прочного тыла. Напомним, что и экспедиция Плавтия Сильвана, приведшая к римской оккупации Таврики, также была связана с политикой Нерона по обеспечению тыла перед планируемой войной с Парфией⁴⁸.

Что же касается Херсонеса, то из-за недостатка источников картина кажется не очень ясной. Вероятно, благодаря постоянному присутствию здесь римских войск сепаратистские тенденции, связанные с попыткой вырваться из-под имперского контроля, если и имели место, то в еще меньшей степени, чем на Боспоре, продемонстрировавшем в ходе Дакийских войн лояльность по отношению к Риму. Важную роль в проримской ориентации Херсонеса сыграла позиция заинтересованной в покровительстве Империи херсонесской аристократии, захватившей в свои руки управление государством⁴⁹. Обращает на себя внимание чеканка золотой монеты в Херсонесе, датируемая 107 г.⁵⁰, проводившаяся с ведома Рима⁵¹ и, видимо, разрешенная в качестве поощрения за какие-то услуги, оказанные после днему со стороны херсонеситов в ходе Дакийских войн. Обращаясь к событиям середины I в., можно отметить, что участие Херсонеса в Римско-боспорской войне 46 г. на стороне Империи, устанавливаемое на основании нумизматических данных, возможно, также было поощрено разрешением золотой чеканки в 47 и 49 гг.⁵² Конечно, можно предполагать и иной вариант развития событий, скажем, как очередной сепаратистской попытки, принятой как раз в тот момент, когда внимание Рима было отвлечено от северопонтийских дел. Однако эту гипотезу опровергает весь контекст херсонесской истории в первые века н.э., связанный с преимущественной проримской ориентацией полиса. Так или иначе, но мы обязаны заключить, что золотой чекан 107 г. явился своеобразным откликом Херсонеса на крупную военную победу Рима.

После Дакийских войн, может быть, был несколько смягчен курс на принудительную симмахию Боспора и Херсонеса, хотя последний остался подвластным боспорским царям и, следовательно, напряженность между государствами сохранялась. Видимо (и это предположение объясняет ход дальнейших событий), во время Дакийских войн Херсонес проявил себя лояльным по отношению к Риму (не исключена возможность прямой помощи — например, продовольствием), что и послужило основой для превращения полиса в опорную базу для расширения римской экспансии в Таврике.

Источники, известные в настоящее время, позволяют сделать предположение, что подразделения V Македонского легиона не были размещены в Херсонесе сразу по окончании Дакийских войн в связи с их участием в работах по укреплению и организации обороны Нижнедунайского лимеса, но их передислокация проходила одновременно с подготовкой войны на Востоке. Именно в 114—116 гг. мы наблюдаем систематические перемещения подразделений, выделенных из нижнемёзийских легионов, к слову сказать, считавшихся наиболее боеспособными в римской армии⁵³. Около 114—115 гг.

⁴⁸ Ростовцев. Военная оккупация... С. 5.

⁴⁹ Кадеев. Ук. соч. С. 42 сл., 54 сл.; Белова Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 104.

⁵⁰ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 34. Табл. XVI, 28.

⁵¹ Фролова. Ук. соч. С. 17.

⁵² Анохин. Ук. соч. С. 63 сл. Табл. XIV, 215—217; Кадеев. Ук. соч. С. 19.

⁵³ Кудрявцев. Ук. соч. С. 177. Прим. 2.

в Нижнюю Мёзию из Паннонии был переведен XI Клавдиев легион⁵⁴, в свое время принимавший участие в Дакийских войнах. Думается, что это мероприятие не было случайным, но входило во внешнеполитические планы Траяна, так как появление нового легиона в этой провинции и размещение его на территории нижнедунайского лимеса с базой в Дуросторуме позволило произвести необходимые перемещения среди войск, охранявших лимес. Около 115 г. подразделения V Македонского легиона были размещены в кастелях по Нижнему Дунаю (Аксиополь, Капидава, Диногегия, Аррубий и др.), обеспечив, таким образом, охрану определенного участка лимеса⁵⁵. В это же время подразделения данного легиона появились в Тире — самая ранняя надпись с именем V Македонского легиона из этого полиса⁵⁶ датируется 116 г. по упоминанию 20-го года трибунских полномочий Траяна (10 декабря 115 — 10 декабря 116 г.), титула «Парфянский», присвоенного императору в 116 г., и имени наместника Нижней Мёзии Кв. Помпея Фалькона, в этом же году вступившего в данную должность. Эта надпись является посвящением Траяну от имени наместника Нижней Мёзии, сделанным в ознаменование каких-то деяний, совершенных при посредстве тирасской вексилляции и ее командующего — центуриона V Македонского легиона М. Энния Илладиана. Этим же годом датируется и вторая тирасская надпись, связанная с данным легионом, — посвящение принципалов легиона тому же центуриону⁵⁷. Вполне вероятно; что мы имеем дело с единым комплексом посвячительных надписей, отметивших факт появления вексилляции римских войск в Тире. В качестве известной параллели можно привести найденное в Альмусе посвящение воинов XI Клавдиева легиона во главе с центурионом наместнику Нижней Мёзии Т. Флавию Лонгину, датируемое 155 г., т.е. как раз тем годом, с которого данный пункт стал местом стоянки этого легиона⁵⁸.

Наряду с отмеченными перемещениями подразделений V Македонского легиона часть их была направлена в Иудею для подавления вспыхнувшего там восстания. Перемещения коснулись и подразделений I Итальянского и XI Клавдиева легионов, которые были также направлены в Иудею и на парфянскую границу (Fil. S. 70 f.; Rit. Sp. 1413, 1699), где сосредотачивалась огромная по тем временам армия в 140—150 тыс. человек⁵⁹.

---

⁵⁴ Ряд исследователей, следуя Б. Филову, считает, что XI Клавдиев легион был размещен в Нижней Мёзии по окончании Дакийских войн. Сам же Б. Филлов (S. 66, 68, 70) высказывался об этом предположительно, полагая, что более или менее уверенно мы можем говорить о присутствии здесь данного легиона со 114 г. (ср. *van de Weerd* Op. cit. P. 186—188). Е. Риттерлинг (S. 1365, 1697 f) высказался за дату после 112 г., не исключая, впрочем, более ранней даты. Данные, полученные позднее (прежде всего надпись An. ép. 1936. № 14), показали, что XI Клавдиев легион был перемещен в Нижнюю Мёзию не раньше 114—115 гг. См.: *Doruțiu-Boilă E. Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunarea de Jos // SCIV. 1972. T. 23. № 1. P. 46—47.*

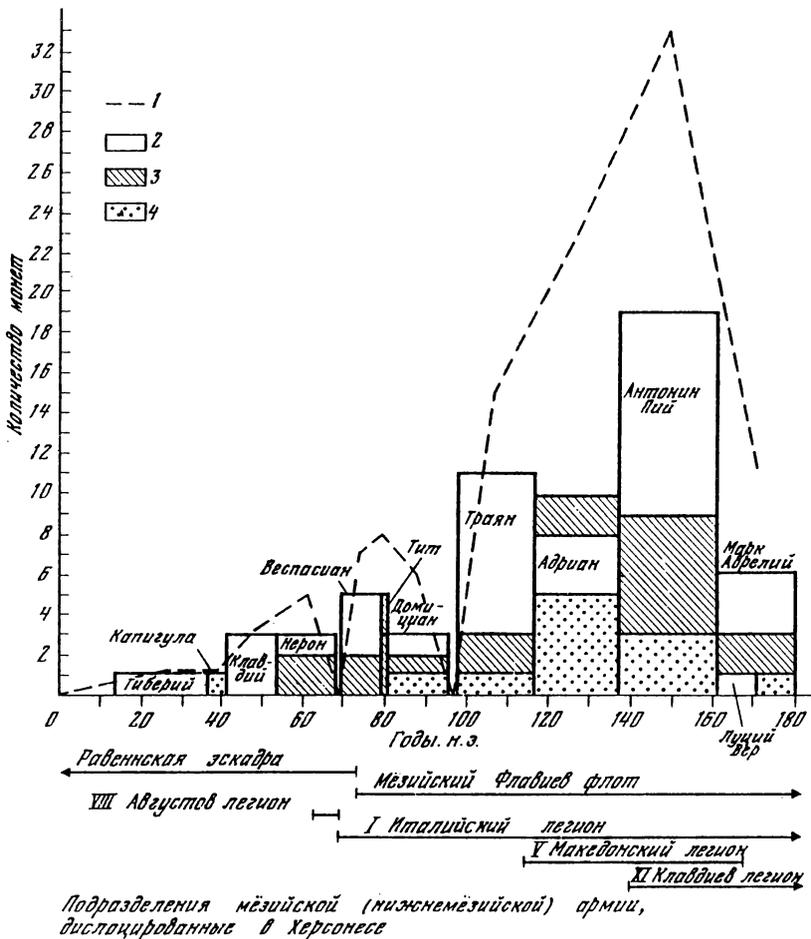
⁵⁵ *Doruțiu-Boilă*. Op. cit. P. 46, 61.

⁵⁶ *Карышковский П.О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. I. Надписи Тире // ВДИ. 1959. № 4. С. 116—117. № 5. Фрагмент данной надписи, восходящий к публикации An. ép. 1934. № 112, недавно переиздан Р. Саксером в неудовлетворительном чтении (*Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des Römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien Bd I. Köln-Graz. 1967. S. 90. № 267*). Исследователю, к сожалению, остались неизвестными последующие публикации П. Никореску и П.О. Карышковского, восстановивших связанный текст надписи из двух обломков.

⁵⁷ *Карышковский*. Материалы... С. 117. № 6.

⁵⁸ CIL. III. 7449.

⁵⁹ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966. С. 234.

Находки римских монет 1—180 гт. н.э. в Херсонесе /по А.М. Гилевич/. 1 — общее количество монет. Из них: 2 — монеты императорского чекана, найденные в слое городища; 3 — монеты императорского чекана, найденные в некрополе городища; 4 — монеты провинциального чекана

Обращаясь к событиям более раннего времени, можно полагать, что для обеспечения безопасности провинции Нижняя Мёзия в мирное время требовалось постоянное присутствие в ней двух легионов, не считая вспомогательных подразделений⁶⁰. Всякое увеличение численности размещенных здесь войск проводилось перед началом военных действий. И теперь увеличение количества нижнемёзийских легионов до трех перед началом Парфянской войны позволило Траяну, не уменьшая обороноспособности Нижнедунайского лимеса, выделить необходимое число подразделений (по-видимому, количественно равное легиону) и направить их на театр военных действий.

Разбирая массовые перемещения подразделений нижнемёзийских легионов, мы сознательно избегали разговора о Херсонесе, хотя, как кажется, именно в это время он принял подразделения V Македонского легиона. В пользу этого предположения говорит и ряд косвенных данных: так, анализ схемы,

⁶⁰ При Септимии Севере сложилась система обороны провинций, при которой наиболее оптимальным признавалось размещение в провинции двух легионов (см. Müller S.N. The Army and the Imperial House // САН. 1939. V. XII. P. 33, 48); очевидно, в основу этой системы были положены нормы более раннего времени.

составленной по данным А.М. Гилевич⁶¹, свидетельствует о резком возрастании притока в Херсонес римской монеты, чеканенной при Траяне (см. рис.). Необходимо отметить, что столь же резкий количественный рост римских монет в херсонесском некрополе падает на время Адриана. Одну из причин этого явления, лежащую вне сферы экономики, мы связываем с усилением римского гарнизона в этом полисе при Траяне и как следствие с увеличением числа умерших (например, по возрасту) легионеров в последующее время. Конечно, римская монета могла попадать и в могилы херсонеситов, жесткой зависимости между местом ее чекана и гражданством умершего существовать не может — и все же именно римской монетой выплачивалось жалование солдатам, составлявшим вексилляцию. Показательно, что на II в. приходится максимальное распространение римских имен в Херсонесе, причем вторым по популярности после Т. Флавия является имя М. Ульпий⁶². Прибавим, что ни одна надпись из северопричерноморских центров с упоминанием V Македонского легиона не старше начала II в.⁶³ Этим же временем датируются и клейма данного легиона на черепице из раскопок Тиры и Орловки (Каргал, Алиобрикс?)⁶⁴.

О поводе для появления подразделений V Македонского легиона в Херсонесе именно в это время нельзя сказать ничего определенного из-за недостатка источников. Исходила ли эта инициатива от римской администрации или же легион был послан в Херсонес по просьбе самих херсонеситов — остается гадать. Херсонесская надпись в честь Аристана Аттинова, датируемая серединой II в.⁶⁵, только подчеркивает сложность внешнеполитической ситуации, сложившейся в это время в Северном Причерноморье. Некоторые косвенные данные можно почерпнуть из боспорских надписей конца I — начала II в., которые упоминают победоносные войны царей Боспора со скифами⁶⁶. Видимо, это свидетельствует об усилившемся давлении варварских племен на северопричерноморские государства, связанном с проникновением в степи Причерноморья новой волны сарматов⁶⁷. В этих условиях обращение херсонеситов за помощью к Риму (благо подобный прецедент, приведший к экспедиции Тиб. Плавтия Сильвана в Таврику, уже имелся) и могло оказаться удобным поводом для расширения военного присутствия римлян в Крыму.

Таким образом, мы полагаем, что подразделения V Македонского легиона были размещены в Херсонесе в последние годы правления Траяна, о чем свидетельствуют как изменения военно-стратегической ситуации в Нижней Мёзии и на Востоке, так и ряд приведенных выше данных. Присоединяясь к точке зрения С.Ю. Сапрыкина об одновременном перемещении подразделений этого легиона в Тиру и Херсонес, мы считаем, что они могли появиться там около 116/117 г. и что это перемещение было составной частью планов Траяна по подготовке Парфянской войны.

А.Г. Авдеев

⁶¹ Гилевич. Ук. соч. С. 54 сл.

⁶² Савостина Е.А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. № 4. С. 136, 139.

⁶³ IOSPE. P. 322; ЛНХТ. 21; Карышковский. Материалы... С. 116—118. № 5—7, 20.

⁶⁴ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 98 сл.; Головки И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. Археологические исследования у с. Орловка Болградского р-на Одесской обл. // КСОГАМ за 1963 г. 1965. С. 78. Рис. 3, 8—9; С. 79.

⁶⁵ IOSPE. P. 423.

⁶⁶ КБН. 32, 33; см. также: Назаров В.В. Архитектурные сооружения на монетах Боспора // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 157.

⁶⁷ Абрамова А.П. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских городищ Нижнего Днепра // МИА. 1962. № 115. С. 283.

ON THE DATING OF THE PRESENCE
OF UNITS OF THE 5TH MACEDONIAN LEGION
IN CHERSONESUS

A. G. Avdeev

The article is devoted to the clarification of the dating of the presence of units of the 5th Macedonian legion in Chersonesus. The final date of their stay in the polis is commonly accepted (A.D. 167—168). Due to the complicated situation which arose in the Danubian provinces at the beginning of the Marcomann wars the 5th Macedonian legion was withdrawn from Moesia Inferior and moved to Potais. In the author's opinion it is the date of the appearance of units of the said legion in Chersonesus that needs clarification. The results of the analysis of various categories of sources enable the author to draw the conclusion that units of the 5th Macedonian legion appeared in Chersonesus ca. A.D. 116—117 and that the movement was part of Traian's plan to prepare the Parthian war.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1993 г.

ИТАЛЬЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИССИЯ IsMEO В ПАКИСТАНЕ: ПОСЛЕДНИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАСКОПОК

Как известно, Миссия, основанная в 1956 г. проф. Джузеппе Туччи, осуществляет свою деятельность в Свате (Северо-Западная Пограничная провинция), районе, очень важном с археологической точки зрения¹. Обзор этой деятельности был представлен на международной конференции, состоявшейся в Душанбе в 1968 г.². Поэтому с особым удовольствием мы хотим воспользоваться новой возможностью подвести итоги, предоставленной нам профессором Г. Бонгард-Левиным, редактором «Вестника древней истории». В течение этого долгого периода Миссия все время стремилась к тому, чтобы посредством междисциплинарных исследований и полевых изысканий добиться комплексной реконструкции жизни, истории и культуры Свата и соседних с ним районов.

Какова структура Миссии? Последняя состоит из трех секторов: первобытной, доисламской и исламской истории. Каждый сектор организован таким образом, чтобы было обеспечено все необходимое для развертывания исследований по профилям, с одной стороны, — археологическому и историческому, с другой — математическому и естественнонаучному. Проблемы, возникшие в ходе исследований по первобытной и доисламской истории, побудили нас обратить внимание на близлежащие районы и таким образом включить культурные слои, выделенные в Свате, в более широкий контекст. В настоящее время осуществляются следующие работы: к югу от Свата, разведка в бассейне реки Калпани и раскопки в гроте Сангао (округ Мардан); к северу от Свата, разведка в долинах Дарела, Тангира и Кандиа, охватывающая также более широкую территорию северных провинций.

Особую значимость до сих пор сохраняют два первых базовых направления исследований: населенный район с городскими постройками и бытовым инвентарем и буддийский священный комплекс с его памятниками, произведениями искусства и вотивными объектами.

¹ *Sir A. Stein*. An Archaeological Tour in Upper Swät and Adjacent Hill Tracts. *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, 42. Calcutta, 1930; *Barger E., Wright Ph.* Excavations in Swät and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. A Detailed Report of the 1938 Expedition. *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, 64. Deehi-Calcutta, 1941; *Tucci G.* Preliminary Report on an Archaeological Survey in Swät // EW. 1958. P. 279 ff.

² *Faccenna D.* Excavations of the Italian Archaeological Mission (IsMEO) in Pakistan: Some Problems of Gandharan Art and Architecture // Central Asia in the Kushan Period (Proceedings of the International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period. Dushanbe, September 27—October 6, 1968). I. Moskva, 1974. P. 127 ff.

В настоящее время составляется компьютеризированный каталог художественной продукции Гандхары в сотрудничестве с Институтом каталогизации и документации Министерства культурных и природных ценностей и с Национальным советом по научным исследованиям. Эта работа будет вестись в рамках международного проекта «Корпус скульптур Гандхары».

Исламский сектор был доверен руководству проф. У. Шеррато, к отчету которого мы и отсылаем читателей.

Мы решили ограничить характер материалов, посылаемых в этот номер, иллюстрацией лишь некоторых, наиболее значимых направлений исследований, проводившихся в этот последний период, — тех, работа в которых продолжается и сейчас и требует времени, экономических затрат, постоянных самоотверженных усилий всех участников. Поэтому мне хотелось, чтобы руководители разных секторов выступили здесь непосредственно со своими сообщениями.

Проф. Дж. Стакуль привлекает внимание к некоторым типам каменных орудий периода IV (ок. 1700—1400 гг. до н.э.) из доисторических и раннеисторических слоев Свата, выделенных им в ходе раскопок скального навеса Гхалегай. Некоторые из этих артефактов вновь встречены при раскопках, которые сейчас ведутся в Калако-Дераи (долина Джамбила). Они имели широкое распространение в Центральной Азии и на севере Китая. Автор предполагает в качестве объяснения дальние или ближние торговые связи, либо миграции населения.

Доктор С. Туза показывает парадигматическую значимость раскопок Алиграмы, подтверждающих и уточняющих предложенную временную последовательность слоев. Он дает общую картину эволюции построек и предметов материальной культуры этого поселения с середины II тыс. до н.э. до V в. н.э., что позволяет представить район Свата в его связях с окружающими культурами, по отношению к которым он развивается самобытно.

Доктор П. Калльери находит, анализируя керамику из раскопок крупного центра Барикот-Гхвандай, те данные, которые могут проиллюстрировать греческое влияние на местную культуру.

Последним следует сообщение автора этих строк, в котором он хочет подчеркнуть важность для изучения эволюции сакральной буддийской архитектуры и искусства Гандхары памятников с надежной археологической привязкой и проследить в Большой Ступе Сайду Шариф I проявления незаурядной творческой личности скульптора.

В конце обзоров прилагается библиографический указатель работ по деятельности Миссии, опубликованных после 1982 г., года, когда в Пешаваре проходила выставка Миссии в связи с Первой Международной конференцией по археологии Пакистана, организованной Департаментом археологии Пешаварского университета. Данные по предшествующему периоду можно найти в каталоге этой выставки^{3*}.

Д. Фачченна

³ Italian Archaeological Mission (IsMEO), Pakistan, Swat 1956—1981, Documentary Exhibition, Rome, 1982.

* Перевод Т.А. Дейнеки.

КУЛЬТУРА СВАТА (ок. 1700—1400 гг. до н.э.) И ЕЕ СЕВЕРНЫЕ СВЯЗИ

В результате исследований и раскопок, осуществленных Итальянской Археологической Миссией IsMEO на протяжении последних лет, возникает новая перспектива предыстории и ранней истории долины Свата.

После раскопок скального навеса Гхалегай, раскрывших непрерывную последовательность культурных слоев, самые ранние из которых датируются примерно 3000 г. до н.э. (Stacul, 1969, 1987: 27—49; см. также Faccenna 1980/81: 757—764), было проведено несколько исследований с целью обнаружения новых данных по культурному периоду IV, датируемому посредством радиоуглеродного анализа промежуток времени ок. 1700—1400 гг. до н.э. Раскопки проводились на местах различных поселений, обнаруженных в долине, таких, как Алиграма, Лоебанр III, Бир-кот-гхвандай и Калако-дерай (Stacul and Tusa, 1977; Stacul, 1976, 1977, 1978, 1980a, 1980b, 1987, 1989).

На основании этих данных период IV Свата был сопоставлен с окружающими культурами Центральной и Южной Азии, и возникшие в связи с этим проблемы обсуждались учеными (Allchin and Allchin 1982: 113—116, 298—308; Dani 1988: 73—75; Debaine-Francfort 1988: 200—202; Francfort 1989: 436; Gupta 1979: 11, 205—219; Jettmar 1970: 42; Mughal 1989: 48, 49; Parpola 1988: 240—248; Сарианиди 1971: 34—38; Thapar 1985: 34—36).

Можно отметить, что культурные компоненты периода IV меняются от одной стоянки к другой в зависимости от факторов окружающей среды, хозяйственной деятельности, а также местных традиций.

Так, например, коричнево-серая обожженная керамика и светло-коричневые горшки для приготовления пищи с гофрированными венчиками и отпечатками циновки на донышках характерны для всех стоянок. Напротив, керамика с росписью черным по красному фону, декорированная фаунистическими и растительными мотивами, а также «предметы роскоши» и «экзотические» находки были обнаружены только в Бир-кот-гхвандай, поселении, расположенном в центре долины, которое может быть идентифицировано как торговый и ремесленный центр.

В этой короткой заметке мы сосредоточим внимание на некоторых типах каменных артефактов, которые встречаются в Свате периода IV и имеют широкое распространение от Центральной Азии до Северного Китая.

Мы имеем в виду следующие типы:

1. Прямоугольные/овальные серпы с выемками на двух противоположных сторонах; в Бир-кот-гхвандай было обнаружено три подобных экземпляра из алевролита и кристаллического сланца (Stacul 1987: fig. 38 a—c) (рис. 1 А, В).

2. Прямоугольные/овальные полированные серпы с отверстием в центре, одной (более длинной) утолщенной стороной и противоположным ей острым краем. Семь подобных экземпляров, сделанных из кристаллического сланца, было обнаружено в Калако-дерай (рис. 1 С, Д).

3. Прямоугольный/овальный полированный серп с выемками на противоположных сторонах и отверстием в центре. Сделан из кристаллического сланца, из Калако-дерай (рис. 1 Е).

За исключением Свата, серпы с выемками не были обнаружены на субконтиненте. Образцы этого типа встречаются в Шортугае в Южной Бактрии, как часть комплекса, датируемого первой половиной II тыс. до н.э. (Francfort, 1989: 11, pl. 67, № 5—18; pl. 68, № 1—15; Debaine-Francfort 1988: 201), подобный экземпляр был также обнаружен в погребении ошкентской культуры в Таджикистане, датируемой концом II тыс. до н.э. (Мандельштам 1968: 150, илл. IX). Можно отметить очень широкое распространение серпов с выемками в Северном Китае начиная с периода неолита (Andersson 1943: pl. 163; Chang 1963: 92; Watson 1970: 24; Debaine-Francfort, 1988).

Несколько прямоугольных/овальных серпов с отверстиями было встречено в неолитических/халколитических комплексах Кашмира, например, в таких поселениях, как Бурзахом и Гуфкраль, датируемых концом III — началом II тыс. до н.э.

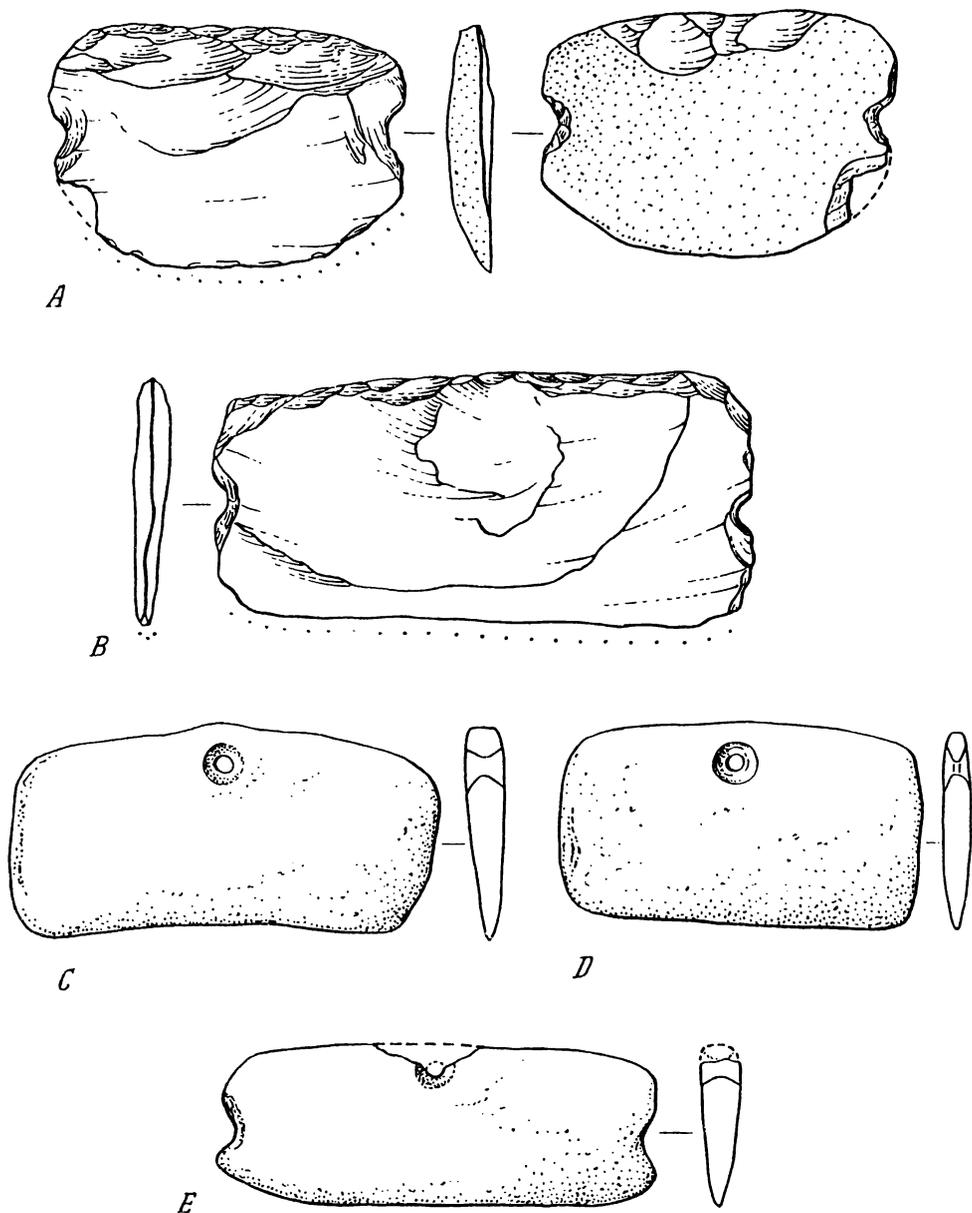

Рис. 1. Каменные серпы из долины Свата. Период IV (ок. 1700—1400 гг. до н.э.) *A*: алеврит; *B—E*: кристаллический сланец. *A*: BKG 922, 7 × 5 см. *B*: BKG 1087. 11 × 5 см. *C*: KL 122, 8,5 × 4 см. *D*: KL 59, 7,3 × 4 см. *E*: KL 39,9 × 3,3 см.

(Sankalia 1974: 302; Sharma 1982/83: 34, 36; Thapar 1985: 34—36). Большинство кашмирских образцов имеет по два отверстия, но встерчаются также и образцы с одним центральным отверстием (Sharma 1982/83:36). Те же типы артефактов составляют часть неолитических комплексов в Сиккиме (Sharma 1978/79:82).

К северу от Индо-Пакистанского субконтинента прямоугольные серпы и отверстиями были обнаружены в больших количествах в нескольких неолитических и халколитических поселениях Северного Китая, от Ганьсю до Шаньдуна (Andersson 1943: pl. 161; Watson 1970: 26; Debaine-Francfort 1988: 200, 204).

Исходя из этнографических данных Андерссон предположил, что серпы с отверстиями, возможно, были снабжены деревянными рукоятками или кожаными

обмотками (1943: 268, 269). Что касается серпов с выемками, то Ватсон считает, что выемки по бокам могли использоваться для прикрепления рукоятки, вместо отверстий; поэтому этот тип в Северном Китае мог представлять собой вариант типа прямоугольных серпов с отверстием (1970:23).

Тем не менее пока не будет произведен трассологический анализ, назначение серпов с выемками и отверстиями остается невыясненным. Чанг предполагает, что «прямоугольные ножи с центральным отверстием или двумя выемками» могли использоваться «для прополки, снятия урожая, свежевания и скобления» (1977:66). Гупта и Шарма считают, что прямоугольные серпы с отверстиями из Кашмира использовались для снятия урожая (Gupta 1979:36, 37; Sharma 1982/83:34). Опираясь на этнографические данные, Санкалия, наоборот, утверждал, что образцы такого рода, с отверстиями, из Бурзахомы в Кашмире могли использоваться скорее как украшения, чем как орудия (1974:302).

Что касается Свата, важным может оказаться тот факт, что все серпы с отверстиями были обнаружены в Калако-дераи, сельском поселении, где производилось сравнительно большое количество земледельческих орудий.

В целом можно констатировать, что эти данные подчеркивают важность северных компонентов в культуре Свата периода IV. Как известно, около середины II тыс. до н.э. для культуры долины были характерны различные внешние контакты, возможно, включавшие спорадические иммиграционные потоки. В этом контексте становится объяснимым не только наличие вышеупомянутых каменных серпов (т.е. некоторых типов орудий, чуждых традиции субконтинента), но также присутствие топоров с отверстиями (Stacul 1987: pl. XXXI f), нефритовых подвесок типа *magatama* (*idem.*: pl. XXXVII e) и костяных булавок с головками в форме символа *t'ao t'ieh* (*idem.*: pl. XXV b).

Принимая во внимание результаты археологических разведок и раскопок в верховьях Свата (Stacul 1970) и в верховьях Инда (Jettmar, 1989: I, XV—XVII), мы можем теперь поставить вопрос, должны ли эти аспекты культуры объясняться именно дальними торговыми связями либо инфильтрацией этнических групп, или же вокруг хребтов Гиндукуша и Каракорума существовал автономный культурный ареал, для которого были характерны вышеназванные черты и с которым население низовьев Свата поддерживало связи «на коротких дистанциях». Разумеется, подобная проблема существует и для неолитических/халколитических общин Кашмира*.

Дж. Стакуль

---

* Перевод Т.А. Дейнеки.

© 1993 г.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДОЛИНЫ СВАТА МЕЖДУ СЕРЕДИНОЙ II тыс. до н.э. И НАЧАЛОМ НОВОЙ ЭРЫ

Одной из проблем, в наибольшей степени интересовавших специалистов по индо-пакистанской предыстории и ранней истории, была проблема понимания того, каким образом превосходили культурные изменения, прослеживаемые в хронологической последовательности слоев этого периода. Одна из теорий, дольше других влиявшая на понимание исторической динамики, базировалась на гипотезе появления извне народов, идей и инноваций, которым суждено было определять основные культурные изменения в различные эпохи. Во всем этом довольно значительный вес имели дедукции историко-легендарного характера, сделанные на основании главных источников, относящихся к этому периоду.

Среди нескольких общераспространенных представлений, оказывавших и продолжающих оказывать влияние на эти исследования, имеется представление об арийском вторжении, которое, согласно традиционной гипотезе, положило конец хараппской цивилизации равнин и определило возникновение локальных культур, в сумме составляющих халколитическую мозаику Центральной и Северной Индии, а также культуры серой керамики Северного Пакистана, известной как культура гандхарских могильников или сватская культура.

Именно это заставило Джузеппе Туччи, человека большой интуиции, обратить внимание в 50-е годы на первые находки тех материалов, которые, за неимением в то время точных хронологических и типологических критериев, определялись обобщенным образом как добуддистские.

В самом деле, Сват благодаря своему пограничному географическому положению представлял и представляет собой один из лучших тестов, позволяющих легче и эффективнее понять историческую динамику событий, перевернувших ситуацию, существовавшую на протяжении II тыс. до н.э.

За прошедшие с тех пор 30 лет научных изысканий картина, конечно, изменилась благодаря значительному числу исследований, осуществлявшихся как в полевых условиях, так и на базе обнаруженных материалов. Среди этих исследований немалую роль сыграли раскопки поселения Алиграма, первого поселения этого периода, подвергшегося всестороннему изучению. Благодаря длинной последовательности стратиграфических слоев стали возможными выявление и тщательное археологическое изучение фаз заселения этого района, следовавших одна за другой с середины II тыс. до н.э. до IV в. н.э. Появилась также возможность датировать эти фазы, используя некоторые радиоуглеродные датировки, подтвердившие и уточнившие хронологию, предлагавшуюся ранее. Перед нами открывается картина общества, которое, после исходного момента возможной полуоседлости, стабильно существует в этом районе, укрепляя со временем экосистемные связи с окружающей природной средой, что позволило жителям Алиграмы достигнуть достаточно высокого жизненного уровня, хотя мы не можем говорить о накоплениях таких излишков, которые предполагали бы организованную redistribution или управление ресурсами. Картина, которую можно вывести, это картина эгалитарного общества, по крайней мере до последних веков I тыс. до н.э.

Но посмотрим более пристально на то, как проявляется последовательность культурных уровней Алиграмы начиная с самых нижних слоев.

Зона поселения, располагавшаяся на 5 м ниже уровня современной деревни, была более непосредственно связана с рекой Сват, теперь отстоящей от нее на расстояние свыше километра. Во многих частях поселения мы обнаружили следы протекания крупной водной артерии, которая, вне всякого сомнения, должна была быть одним из рукавов реки, имеющей на этом отрезке равнины, о чем нам следует помнить, характерное беспорядочное, наподобие женской косы, течение. На берегах этой водной артерии возникли первые жилища Алиграмы. В отличие от того, что мы увидим в следующие периоды, эти постройки являются простыми прямоугольными хижинами, собранными из дерева и соломы, с полами из утрамбованной земли. Внутри или снаружи этих хижин можно заметить множество маленьких или средних размеров углублений, явно предназначенных для хранения продовольственных запасов. Впервые появляется камень, используемый для укрепления краев низких глинобитных скамеек, единственного встретившегося нам элемента функционального оборудования.

Поселение этой первой фазы, которую, вероятно, следует отнести ко времени между XVI и XV вв. до н.э., не очень велико и, главное, его не удалось достаточно полно изучить по причине глубины залегания и наличия вышерасположенных слоев.

В следующие периоды II и III мы видим значительное расширение заселенного района и неуклонный процесс перехода населения к оседлому образу жизни. Постепенно исчезают хижиннообразные постройки и появляются настоящие сложные жилища, состоящие из нескольких квадратных помещений, не соединенных друг с другом, но тем не менее связанных какими-то заранее предусмотренными отношениями.

И вот мы уже в XII в. до н.э., когда, с началом IV периода Алиграмы (XI—X вв. до н.э.), поселение принимает пропорции большой агро-пастушеской

деревни, размеры которой ставят ее во главу иерархии поселений этой центральной части долины Свата.

Но только в V период (VIII—VI вв. до н.э.) Алиграма достигает своего максимального расцвета в смысле размеров территории и уровня жизни. Поселение насчитывает множество зданий, состоящих из нескольких квадратных помещений с очевидной функциональной предназначенностью. Так, появляются помещения, явно приспособленные для хранения продовольственных запасов, другие — для переработки продуктов земледелия и скотоводства, третьи — для приготовления пищи, четвертые — с неясной функцией. В помещениях-складах имеются силосные ямы, стенки и днища которых аккуратно выложены камнями. Для хранения продуктов питания использовались также большие полусферические контейнеры из необожженной глины, прочно прикрепленные к полу. Такие контейнеры, так же как и ямы, часто закрывались тонкой сланцевой плитой, имевшей по краям два маленьких отверстия. Эти отверстия обеспечивали вентилирование находившихся внутри продуктов, но не давали доступа мелким вредителям.

Главными занятиями жителей были земледелие и скотоводство. Об этом свидетельствует большое количество собранных обугленных семян и зернотерки, которые находят в большом количестве, как в их первоначальном положении, укрепленными в утрамбованной земле в углах комнат, так и во вторичном — в мусорных ямах и как строительный материал. О скотоводстве, главным образом разведении крупного рогатого скота и овец, свидетельствуют весьма многочисленные кости животных, собранные в мусорных ямах.

Среди различных родов деятельности, которыми занимались местные жители, есть один, поражающий своей неординарностью. Он связан с производством веществ высокой концентрации и большой ценности. Это подтверждается невообразимым количеством обнаруженных миниатюрных флаконов и раскопками помещения, где, должно быть, осуществлялось подобное производство. В этом помещении, действительно, мы нашли множество миниатюрных вазочек, большие контейнеры для хранения жидкостей и две печи с подставками для дров, все *in situ* и явно предназначено для производства упомянутых веществ.

VI период в последовательности слоев (V — третья четверть IV в. до н.э.) представляет собой последнюю фазу жизни поселения в равнинной части этого района. Для этой фазы следует отметить наличие обширного прямоугольного здания, которое было идентифицировано как строение, приспособленное для нужд культа, возможно, связанного с огнем. Конец этого поселения, должно быть, был насильственным, и можно без особого риска предположить, что он был каким-то образом связан с глубокими политическими изменениями, последовавшими за походом Александра в эту часть Азии (327 г. до н.э.), даже если его точное совпадение с этим событием установить невозможно.

Последняя фаза жизни в районе Алиграмы, соответствующая VII периоду в последовательности ее слоев (середина I — середина V в. н.э.), характеризуется уходом из равнинного района и освоением окружающих возвышенностей. В основном на каменистых вершинах холмов, которые окружают этот район и вплотную подходят к правому западному краю долины, мы находим многочисленные постройки, изолированные или образующие рассредоточенные группы. Ясно, что мы имеем дело со зданиями, укрепленными в соответствии с требованиями обороны, даже если их военное предназначение нельзя с точностью установить. Техника сооружения каменных стен совершенно отлична от той, что употреблялась в предыдущие периоды жизни поселения. Теперь перед нами стены, сооруженные в той аккуратной и регулярной технике, более известной под названием «ромбовидная кладка», которая широко использовалась в гандхарских постройках как светского, так и религиозного характера. Освоение возвышенностей Алиграмы следует рассматривать как следствие политического контроля над этой территорией со стороны Кушанского царства, что подтверждается также найденными монетами.

С более специальной культурологической точки зрения последовательность слоев Алиграмы предлагает нам превосходный «разрез» ситуации в долине Свата с середины II тыс. до н.э. до первых веков н.э. Первая фаза заселения характеризуется материальной культурой, сходной с тем, что мы уже знаем по другим местам Свата, прежде всего, Лоебану III и нижним слоям Бир-кот-гхвандай. Три

эти поселения объединяет их полуседлый характер, а также хорошо прослеживаемые прямые связи с так называемым кашмирским неолитом Бурзахома. Кажется очень вероятным, что наш район является, по крайней мере на уровне культуры, неотъемлемой частью обширного ареала, охватывающего все северо-западные зоны субконтинента.

В последующие периоды Алиграмы центр тяжести культуры постепенно смещается, пока она не поворачивается на 180°, демонстрируя, достигнув полной зрелости, явные элементы иранского происхождения. Речь идет о хорошо известной культуре гандхарских могильников или сватской культуре, характеризующейся серо-черной керамикой и типичными бокалообразными формами в различных вариантах.

Этот период представляет собой, сверх того, затянувшийся момент культурной и, может быть, также политической автономии региона, хорошо вписывающийся в более общую картину культурной фрагментации, выявляющуюся по всей Индии с возникновением во многих регионах субконтинента различных так называемых халколитических культур.

Именно к началу этого периода (ок. XV—XIV вв. до н.э.) можно отнести проблемы, связанные с арийским вторжением. За конкретными волнами миграций, точная идентификация которых невозможна, прослеживается и получает подтверждение факт существенной однородности векторов влияния — от Иранского плоскогорья на восток. Сват является одним из районов, наиболее сильно вовлеченных в эту волну влияний. Попытаться конкретизировать на имеющемся материале арийское нашествие невозможно, если иметь в виду реконструкцию реальных этнических перемещений, в то же время это можно сделать, если посмотреть на события сквозь призму широкого потока иранских влияний на восток.

Эта ситуация фактической автономии продолжится вплоть до VI в. до н.э., когда медленный и нетравматический процесс культурных изменений, о котором свидетельствует переход к преобладанию красной керамики и существенное изменение керамических форм в сторону форм «килеобразных», низких и ребристых, окончательно выявит факт сильного влияния в нашем регионе элементов южного происхождения. Мы рассматриваем этот феномен в связи с возникновением государства Маурьев, имея в виду при этом не столько прямую зависимость Свата, сколько новое перемещение «центра тяжести» культуры в направлении южных равнин, где потрясения социального типа повлекли за собой переход от политических форм городской жизни к системе государственного, полирегионального типа.

Долгий период заброшенности этой местности, последовавший вслед за потрясением, вызванным походом Александра, свидетельствует о кризисе модели агропастушеского развития, действовавшей на протяжении более тысячелетия. Из этой ситуации кризиса поселению так и не удалось выйти. Оно, сократившееся в размерах, перенесенное на возвышенности в первые века новой эры, будет служить ярким примером конфликтных отношений с равниной.

Исходя из того, что мы знаем по другим поселениям Свата, прежде всего Удеграму и Бир-кот-гхвандай, кажется вероятным, что заселение долины прошло стадию концентрации с последующим оставлением некоторых центров, в частности Алиграмы. Вероятно, подобную концентрацию следует рассматривать как следствие политической автономии долины, которая теперь становится структурной частью внешних государственных образований или, во всяком случае, находится под их контролем. Произошла, другими словами, концентрация власти в центрах-гегемонах, прямо или косвенно зависимых от внешних политических образований.

В целом можно сказать, что последовательность слоев Алиграмы, так же как соображения, базирующиеся на других исследованиях и раскопках, проясняют для нас роль долины Свата в рассматриваемый период. Эта долина, в числе прочего благодаря стратегическому положению региона, связывающего между собой субконтинент, Центральную и Среднюю Азию и южные равнины, естественно, испытывает влияние того, что происходит на ее границах. В связи с этим было интересно выяснить основные направления доминирующих культурных влияний, которые, как мы видели, шли то с Востока, то с Запада, то, наконец, с южных аллювиальных равнин. Это не означает, однако, ни того, что культурное развитие Свата было вполне сходным с развитием близлежащих районов, ни того, что оно было

обусловлено происходившими в них культурными процессами. Ясно обнаруживается, что Свату удалось развить собственную автономную культуру, которая, однако, время от времени испытывала влияние процессов, протекавших в соседних областях. То, что больше всего поразило нас в ходе наших раскопок и анализа, — это почти всегда превосходные экосистемные связи, поддерживавшиеся с заболоченной природной средой. Мы видим в этом важное и многое объясняющее соответствие с современной историей долины, почти всегда характеризовавшейся сильной автономией, которая, хотя и привела к тому, что регион находился как бы в стороне от хода событий в центрально- и южноазиатских странах, вовсе не означала ни экономической отсталости, ни общей «провинциализации» жизни*.

С. Туза

* Перевод Т.А. Дейнеки.

© 1993 г.

РАННЕИСТОРИЧЕСКИЙ СВАТ: ПРИМЕР АККУЛЬТУРАЦИИ?

Исследования Итальянской археологической миссии IsMEO в Свате последнего десятилетия возобновили изучение доисламского исторического периода: это раскопки древнего города у Барикота и обследование руин населенных пунктов центральной части долины Свата.

Одним из главных направлений работ в населенных пунктах было изучение керамики. При этом ощущается необходимость выработки аналитического подхода к ее типологической эволюции, что могло бы облегчить хронологическую привязку вновь обнаруженных или уже известных типов. Изучение керамики, для которого длинные последовательности стратиграфических слоев из раскопок в Барикоте явились превосходным источником материалов, сильно продвинулось вперед (см. Callieri, 1990a). Было идентифицировано около 700 различных керамических форм и осуществлен статистический анализ их стратиграфического распределения на материале ок. 30000 фрагментов. Обработка собранных данных еще не закончена, но то, что уже сделано, составит заметную часть ближайшего опубликованного отчета о раскопках.

На основе изучения керамики самых древних фаз доисламского исторического периода (IV — II вв. до н.э.), фаз, совокупность которых мы будем здесь называть раннеисторическим периодом, придерживаясь терминологии, предложенной проф. А. Дани, можно сделать два очень важных наблюдения. Первое заключается в том, что в раннеисторической керамике появляются многочисленные инновации по отношению к керамической традиции доисторического Свата, известной по раскопкам некрополей (Silvi Antonini, Stacul 1972) и жилищ (Stacul 1967b, 1969a; Stacul, Tusa 1975, 1977; Tusa 1979, 1985). Несмотря на то, что можно отметить различные черты преемственности, прежде всего с керамикой периода VI Алиграмы, а именно, сохранение больших чаш так называемого типа thali, кувшинов с простыми отгибающимися наружу венчиками и некоторых декоративных гравированных мотивов (см. Callieri 1990:679), преобладают в раннеисторический период все-таки новые формы. Среди последних можно отметить чаши с прямыми расширяющимися наружу стенками, маленькие чаши с венчиком, выгибающимся наружу под острым углом, грушевидные сосуды с утолщенным снаружи венчиком, кувшины с горлышком и утолщенными плечиками различных типов и большой открытый таз с прямыми стенками и венчиком, отгибающимся наружу под острым углом (рис. 1, 2). Эти новые формы, которые позже мы встретим в больших количествах в Чарсаде и других местах Гандхары и Свата, обнаруживают интересные аналогии с Ай Ханумом (Gardin 1973, 1985); также и наличие черной керамики, представленной немногими формами пиал, наряду с более распространенной красной керамикой

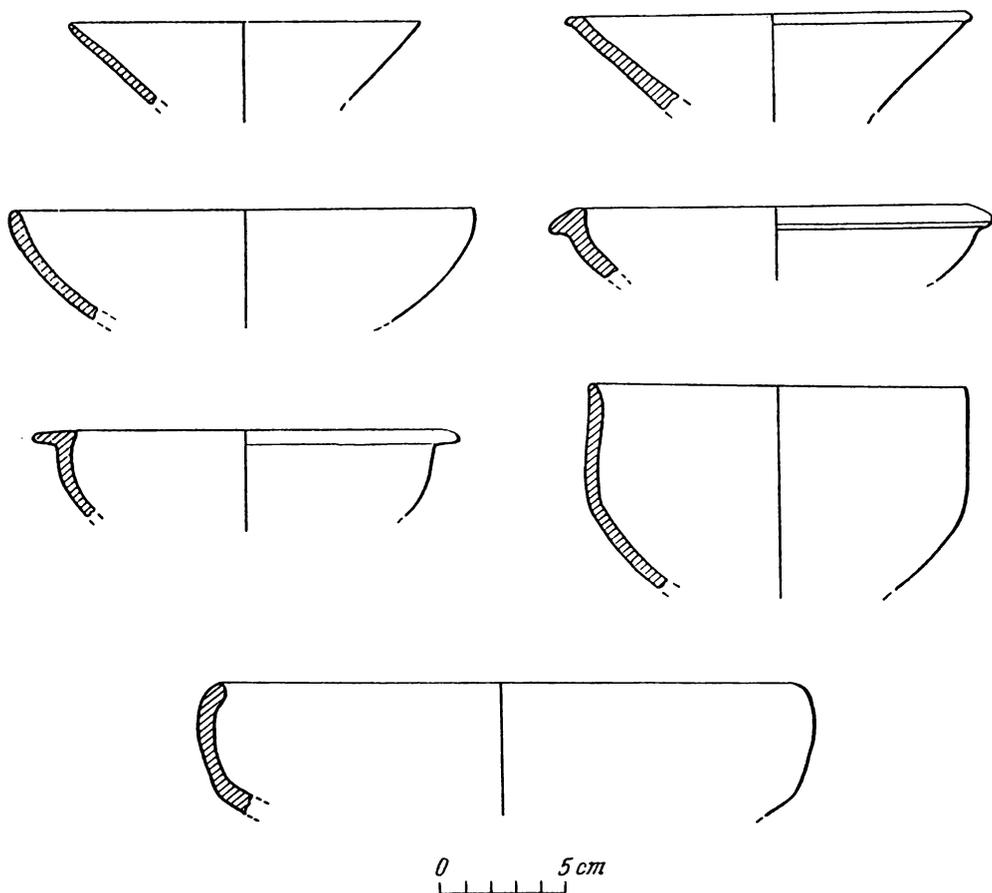

Рис. 1. Образцы керамики из Свата

(в различных хроматических тональностях, часто с примесью ангоба), соответствует известным нам находкам из упомянутого бактрийского поселения. Второе наблюдение связано со стратиграфической привязкой этой раннеисторической керамики из раскопок траншеи ВКГ 3 в Барикоте в 1987 г. Она происходит из слоев, относящихся ко времени сооружения и первой фазы существования городской оборонительной стены, и встречается наряду с традиционной протоисторической керамикой, представленной различными формами, типичными для периода VI Алиграмы. Характер стратификации, а также расширение культурного слоя, находящегося снаружи от фундамента городской стены, как кажется, исключают возможность объяснения факта наличия разнородных материалов вторжениями. Эти данные особенно важны, поскольку до сих пор момент перехода в Свате от протоисторических слоев к историческим не поддавался точному определению. Даже самые недавние исследования, в которых вновь поднимается трудный вопрос абсолютных датировок культурных слоев I тыс. до н.э. в поселениях, раскопанных на северо-западе субконтинента (Dittmann 1984; Vogelsang 1988), показывают, что в действительности единственным местом, в котором возможно проследить последовательность стратиграфических слоев вплоть до начала новой эры, является Чарсада — однако это поселение, как кажется, демонстрирует эволюцию, отличную от эволюции Свата (см. Vogelsang 1988:111).

Датировка, предложенная для времени строительства оборонительных сооружений Барикота, в основном базирующаяся на элементах относительной хронологии, выведенных из самой последовательности слоев, а именно: конец IV — III в. до н.э. совпадает с датировкой окончания периода VI Алиграмы (ср. Туза, в нашей подборке статей). Создается впечатление, что новая ремесленная традиция ранне-

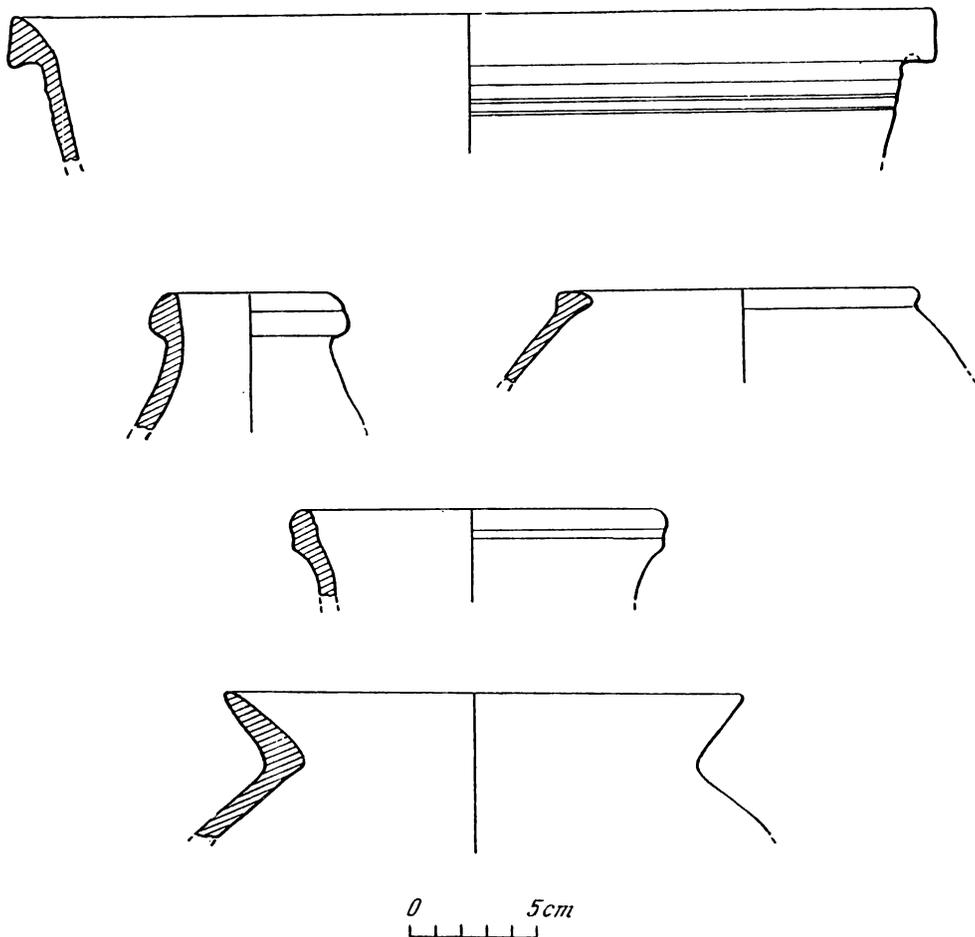

Рис. 2. Образцы керамики из Свата

исторической керамики внезапно наложилась на другую, существовавшую до этого времени традицию.

Если мы хотим понять причины этого явления, мы должны рассмотреть различные связанные с ним обстоятельства. Наиболее важным представляется изучение строения, связанного с этими материалами, а именно, городской стены. Без сомнения, здесь было бы полезно отметить, что это сооружение, до сих пор исследованное лишь в минимальной степени, но которое, судя по его остаткам, можно идентифицировать как оборонительное, запиравшее со стороны юга обширное плоскогорье, ограниченное имеющим форму полумесяца хребтом Барикота, представляет собой массивную каменную стену толщиной 2,70 м, с ядром из необработанных камней и аккуратной облицовкой из блоков и каменных плит. Стена снабжена бастionsами или прямоугольными башнями, выступающими наружу и расположенными на расстоянии ок. 30 м одна от другой; перед ней с внешней стороны имеется земляной ров.

Строительство такого масштаба предполагает большую концентрацию сил и наличие определенных тактических задач. Каковы же были в тот период, к которому относят сооружение городской стены (конец IV—III в. до н.э.), известные нам в этом регионе политические силы? В III в. до н.э. Гандхара находилась под властью Маурьев, и очень вероятно, что Сват также входил в орбиту их политического влияния. Мы, однако, знаем слишком мало о военной архитектуре Маурьев, чтобы быть в состоянии определить степень ее близости к оборонительным сооружениям Барикота. Совсем по-другому обстоит дело с эллинистическим миром,

вошедшим в контакт с этим регионом в результате вторжения Александра Великого в 327 г. до н.э.; принципы фортификации Барикота, начиная с использования естественных рубежей и наличия акрополя, кончая некоторыми архитектурными особенностями, находят явные аналогии с другими оборонительными сооружениями эллинистического Востока, такими, как Ай Ханум и Мерв, а также с их средиземноморскими прототипами (см. Adam 1982; Leriche, Treziny 1986). Кроме того, от Арриана мы знаем, что Базира, город, который Стейн и Туччи отождествили с Барикотом, был окружен оборонительной стеной и что в нем находился гарнизон (см. также Thomas 1974: 13, 16—17).

Тот факт, что за истекший период в Барикоте было обнаружено два фрагмента греческих надписей на керамике (Callieri 1984a, 1984b), следует, без сомнения, рассматривать как важное свидетельство. С ним можно сопоставить и другие материалы, относящиеся к более позднему времени, но имеющие столь же большую культурную значимость, например, некоторые терракотовые изделия, которые указывают на постоянную восприимчивость жителей поселения к элементам эллинистической культуры.

Вернемся, однако, к первоначальной теме. В свете всего вышесказанного мне не кажется излишне рискованным предположение о том, что появление раннеисторической керамики в Свате следует рассматривать скорее в контексте феномена внезапной аккультурации, чем как результат внутренней эволюции. Незавершенность анализа керамики делает невозможным на данный момент более детальное сопоставление этих двух точек зрения. Однако указанная выше связь с Ай Ханумом должна стать важнейшим элементом подобной оценки, поскольку в последнем поселении происхождение местной керамики от керамики эллинистической было подробнейшим образом доказано (Gardin 1985; Lyonnet 1985).

Таким образом, экспедиция Александра в Сват предстает уже не как простой «транзит», лишенный последствий, но как начало стабильного владычества, продолжившегося некоторое время и успевшего оказать влияние на материальную культуру. В недавнем исследовании (Bosworth 1983) было высказано хорошо обоснованное предположение о том, что около 324 г. до н.э. «территория македонского господства ограничивалась узким коридором между Центральным Гиндукушем и долиной Инда. Она находилась под сильной охраной гарнизонов, как это бывало и ранее, и управлялась македонским сатрапом Пейтоном, имевшим армию наемников. Это была относительно небольшая область, где армия была в состоянии удерживать под своим контролем или властью местные племена...» (Bosworth 1983:45). По крайней мере до 321 г. Пейтон оставался в долине Кабула (ibid., 38—39; см. также Bosworth 1988:239; Heckel 1988:65). О более позднем периоде мы не имеем историографических данных; но, впрочем, верно и то, что античные источники дают очень скудную информацию даже по такой колонии, как Ай Ханум, расцвет которой продолжался вплоть до середины II в. до н.э.

И последнее свидетельство, отчасти неясное, возможно, заслуживает того, чтобы быть включенным в эту картину. В районе буддийского монастыря Сайду Шариф I, в Свате, под монастырскими постройками был обнаружен некрополь, для которого была характерна практика погребений, совершенно отличная от той, что существовала в доисторических некрополях Свата, но обнаруживающая, напротив, явные черты сходства с кладбищем Сарай Кхола близ Таксилы. Для этого кладбища, где отсутствовал погребальный инвентарь и почти не было других находок, пакистанские археологи предложили предварительную датировку временем около 1000 г. до н.э. (Halim 1970—71:34). Однако У. Бернард, антрополог, изучавший костные останки, предложил на основе радиоуглеродного анализа датировку временем около III в. до н.э. Кроме того, он отметил в антропологических характеристиках погребенных черты, присущие жителям Запада, что побудило его высказать мысль о возможности атрибуции останков колонистам, происходящим из эллинистического мира (Bernhard 1981).

Очевидно, что ни одно из приведенных здесь свидетельств не является однозначным и что было бы неосторожно строить логическую конструкцию, основываясь только на предположениях, по видимости подкрепляющих друг друга, но которым недостает элемента неопровержимости. Только появление новых надежных данных, которые позволят, прежде всего, уточнить предложенную датировку городской стены Барикота и связанных с нею слоев, даст возможность проверить, действительно ли и в ранне-

историческом Свате имел место тот феномен аккультурации, связанный с распространением на Восток эллинистической культуры, который сыграл такую значительную роль в Гандхаре последующих веков (ср. Brilliant 1989, особенно 59—61).

-
- Adam J.-P. (1982) *L'architecture militaire grecque*. Paris.
- Agrawal D.P. — Kusumgar S. (1974) Prehistoric Chronology and Radiocarbon Dating in India. P. 120—124.
- Allchin R. (1982) How old is the city of Taxila? // *Antiquity*. 56. P. 8—14.
- Allchin B. and Allchin R. (1982). *The Rise of Civilization in India and Pakistan*. Cambr.
- Andersson J.G. (1943) Researches into the Prehistory of the Chinese // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 15, P. 1—304.
- Bernhard W. (1981) Ethnic and Morphological Affinities of the People of the Iron Age Cemetery of Sarai Khola Near Taxila (Pakistan) // *Journal of Mediterranean Anthropology and Archaeology* 1/2. P. 180—210.
- Bosworth A.B. (1983). *The Indian Satrapies under Alexander the Great* // *Antichthon*. XVII. P. 37—46.
- Bosworth A.B. (1988). *Conquest and Empire. The reign of Alexander the Great*. Cambr.
- Brilliant R. (1989). *Resistance and Receptivity to Greco-Roman Art*. World Art. Themes of Unity in Diversity. Ed. I. Lavin, P. 59—65. Pennsylvania State University.
- Chang K. (1963). *The Archaeology on Ancient China*. New Haven and London.
- Dani A.H. (1964) Sanghao Cave Excavation. The First Season: 1963 // *Ancient Pakistan* I, P. 1—50.
- Dani A.H. (1967) Timargarha and Gandhara Grave Culture // *Ancient Pakistan* III.
- Dani A.H. et alii (1971) Chakdara Fort and Gandhara Art. *Ancient Pakistan* IV.
- Dani A.H. (1988) Recent Archaeological Discoveries in Pakistan. Paris—Tokyo.
- Debaine-Francfort C. (1988) Étude comparative de matériels lithiques protohistoriques chinois (Chine métropolitaine et Asie centrale). *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Âge du Fer*. Actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19—26 novembre 1985. Paris.
- Dittmann R. (1984) Problems in the Identification of an Achaemenian and Mauryan Horizon in North-Pakistan // *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 17. P. 155—191.
- Francfort H.P. (1981) The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria). *South Asian Archaeology 1979* (H. Härtel ed.). P. 191—202. Berlin.
- Francfort H.P. (1984a) The early periods of Shortughai (Harappan) and the western Bactrian culture of Dashly. *South Asian Archaeology 1981* (B. Allchin, ed.). P. 170—175. Cambr.
- Francfort H.P. (1989) Fouilles de Shortughai. *Recherches sur l'Asie Centrale Proto-historique I—II*. Paris.
- Franz H.G. (1982) Butkara. Die italienischen Ausgrabungen des Buddhistischen Stüpa-Heiligtums // *Afghanistan Journal*. IX / 4. P. 124—126.
- Gardin J.C. (1973). Les céramiques. Fouilles d'Ai Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). MDAFA. XXI. P. 121—188. Paris.
- Gardin J.C. (1985) Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'antiquité, d'après des données céramologiques inédites. De l'Indus aux Balkans, Recueil Jean Deshayes. Ed. J.L. Huot. P. 447—460. Paris.
- Gulzar M.K. (1973) Excavations at Zarif Karuna. *Pakistan Archaeology* 9. P. 1—94.
- Gulzar M.K. (1983) Hathial Excavation (A Preliminary Account) // *Journal of Central Asia* 6/2. P. 35—44.
- Gupta S.P. (1972). *Disposal of Dead and Physical Types in Ancient India*, New Delhi.
- Gupta S.P. (1979). *Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands*. I—II. Delhi.
- Halim M.A. (1970—1971) Excavations at Sarai Khola. Part I // *Pakistan Archaeology*. 7. P. 23—89.
- Halim M.A. and Mughal R. (1972) Excavations at Sarai Khola. Part II. *Pakistan Archaeology*. 8. P. 1—112.

- Heckel W. (1988). The Last Days and Testament of Alexander the Great: a prosopographic study. Stuttgart.
- Jettmar K. (1974) Iranian Influence on the Culture of the Hindukush. Cultures of the Hindukush (K. Jettmar and L. Edelberg eds.). Wiesbaden.
- Jettmar K. (1989) Antiquities of Northern Pakistan, 1. Rock Inscriptions in the Indus Valley. I—II. Mainz.
- Khan G.M. (1979) Excavation at Zarif Karuna // Pakistan Archaeology 9. P. 1—94.
- Кузьмина Е.Е. (1972) Культура Свата и его связи с Северной Бактрией // КСИА. 132. С. 116—121.
- Kuz'mina E.E. (1976) The 'Bactrian Mirage' and the Archaeological Reality. On the Problem of the Formation of North Bactrian Culture // EW. 26. P. 111—131.
- Leriche P., Treziny H., eds. (1986) La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris.
- Lyonnet B. (1985) Contributions récentes de la céramologie à l'histoire de l'Afghanistan // Arts Asiatiques XL. P. 41—52.
- Мандельштам А.М. (1968) Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 145.
- Mizuno S. (1962) Haibak and Kashmir — Smast. Kyoto.
- Mizuno S. (1969) Mekasanda. Buddhist Monastery in Pakistan Surveyed in 1962—1967. Kyoto.
- Mizuno S. and Higuchi T. (1978) Thareli. Buddhist Site in Pakistan Surveyed in 1963—1968. Kyoto.
- Mughal R. (1972) Excavation of Zarif Karuna // Pakistan Archaeology 8. P. 125—126.
- Mughal R. (1977) Cultural Links between Pakistan and Iran during the Pre-Historic Period (5000—1000). Iran, Pakistan. A Common Culture. P. 33—82. Islamabad.
- Mughal R. (1989) The Development of Protohistorical Research in Pakistan: 1970—1985 // Journal of Central Asia. 12/1. P. 47—73.
- Müller-Karpe H. (1983) Jungbronzezeitlich-früheisenzeitliche Gräberfelder der Swät-Kultur in Nord-Pakistan. AVA-Materialien 20. München.
- Pande B.M. (1970) The Neolithic in Kashmir: New Discoveries // The Anthropologist. 17. P. 25—41.
- Parpola A. (1988). The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dāsas // Studia Orientalia. 64. P. 195—302.
- Rahman A. (1969) Excavation at Damkot // Ancient Pakistan IV. P. 103—250.
- Ranere A.J. (1982) Human Occupation in Northwest Pakistan During the Late Pleistocene // Anthropology in Pakistan (S. Pastner and L. Flam eds.). P. 124—144.
- Sankalia H.D. (1974). Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona.
- Sarianidi V. (1971) North Afghanistan in the Bronze Period // Afghanistan. 24. P. 26—38.
- Sharma A.K. (1978—1979) Prehistoric Explorations in Sikkim // Purātattva. 10. P. 82—83.
- Sharma A.K. (1982—1983) Gufkral 1981; An Aceramic Neolithic Site in the Kashmir Valley // Asian Perspectives, XXV/2. P. 24—41.
- Stein A. (1929) On Alexander's Track to the Indus. London — New York.
- Stein A. (1930) An Archaeological Tour in Upper Swāt and Adjacent Hill Tracts. MASI 42. Calcutta.
- Stein A. (1937) Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran, London.
- Thapar B.K. (1985) Recent Archaeological Discoveries in India. UNESCO. Tokyo.
- Thomas C.G. (1974) Alexander's Garrison: A Clue to his Administrative Plans? // Antichthon. VIII. P. 11—20.
- Vogelsang W. (1988) A Period of Acculturation in Ancient Gandhara // South Asian Studies. 4. P. 103—113.
- Watson W. (1970) Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh.
- Wheeler M. (1962) Chārsada, a Metropolis of the North-West Frontier, Oxford University Press.

П.-Ф. Кальери

* Перевод Т.А. Дейнеки.

ПРОБЛЕМЫ СВЯЩЕННОЙ БУДДИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГАНДХАРСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Священный буддийский участок — одна из главных тем, которые Миссия наметила в рамках своих исследований с самого начала своей деятельности. Раскопки нескольких священных участков в районе Свата позволили со значительно большим объемом данных подойти к изучению этой проблемы в самых разных аспектах: технических, конструктивных, архитектурных, планиметрических, декоративных, а затем и с большей точностью и полнотой провести анализ различных типов памятников, в сумме составляющих подобный участок: ступы, вихары, колонны. Эти памятники встречаются повсюду, но тем не менее при попытках определения некоторых их частей, их эволюции во времени и пространстве обнаруживаются большие неясности и пробелы.

Сразу же были начаты раскопки священного участка Буткара I, затем — участка Панр I и, наконец, участки Сайду Шариф I; первые два находятся в долине Джамбила, последний — в долине Сайду; обе долины богаты архитектурными памятниками, произведениями искусства, свидетельствами повседневной жизни¹.

Первый священный участок, примыкающий к восточным границам столицы Менг-Чхье-ли, располагается на плоской поверхности и относится к числу священных участков городского типа. Второй и третий состоят из монастыря и двора со ступой, располагающихся на нескольких террасах. Буткара I открывает перед нами многоэлементную картину долгого и сложного развития, с достаточно надежной относительной и абсолютной хронологией; поэтому она является отправным пунктом для изучения истории архитектуры, охватывающей период с III в. до н.э. по X в. н.э. Два других участка, обогащая картину новыми данными, в целом укладываются в ее рамки, располагаясь во временном промежутке от середины I до V в. н.э.

Мы можем с большим интересом проследить не только эволюцию каждого типа памятников, но и планиметрическую трансформацию священного участка, от первоначальной застройки до последующих расширений, изменения ориентации, связанные со сменой путей, ведущих к самому участку и главному памятнику. Сосредоточив внимание на формировании первоначальной застройки, а также на последующих добавлениях к ней, мы можем выявить концепцию, лежавшую в основе архитектурной композиции всего комплекса, и соотношение, внутри его частей, между отдельными памятниками. В подобных вещах находят отражение символические формы религиозного мышления, как бы «переведенные» на язык архитектуры.

Колонна в этой картине играет очень значительную роль и находится в прямой связи со ступой². В Буткаре I Большая Ступа, круглая в плане, во все периоды своего существования, отмеченные реконструкциями, при которых каждая новая включала в себя предыдущие, выступает в окружении все более тесно примыкающего к ней кольца колонн. В период 3 на северном фасаде, по бокам от лестницы, выстраивается прямой ряд, соприкасающийся с кругом, из колонн, пилястр и ступ, чередующихся между собой. Этот ряд обращен на север к Большому Зданию, прямоугольному в плане, с широкой лестницей. Два комплекса, гармонирующие друг с другом благодаря одинаковому материалу (стеатит, зеленый сланец) и технике кладки (ашлар), отражают также единую архитектурную концепцию.

¹ Sacred Area of Butkara I: *Faccenna D.* Butkara I (Swät, Pakistan) 1956—1962) (IsMEO Reports and Memoirs, III 1—5.2). Rome, 1980—1981. Sacred area of Pänr I: *idem.* A Guide to the Excavations in Swät (Pakistan) 1956—1962, Roma, 1964. P. 53 ff.; Italian Archaeological Mission (IsMEO), Pakistan, Swät, 1956—1981, Documentary Exhibition; *idem.* Pänr 'I (Swät, Pakistan) (IsMEO) Reports and Memoirs, XXV 1) (in press). Sacred Areas of Saidu Sharif I: Italian Archaeological Mission... *Callieri P.* Saidu Sharif I (Swät, Pakistan) 1. The Buddhist Sacred Area. The Monastery (IsMEO Reports and Memoirs, XXIII 1). Rome, 1989; *Faccenna D.* Saidu Sharif I (Swät, Pakistan), 2. The Buddhist Sacred Area. The Stüpa Terrace (in press.).

² *Faccenna D.* Lo stüpa a colonne dell'area sacra Buddhistica di Saidu Sharif I (Swät, Pakistan) // Brucher G., Müller W.T. Sweigert H. Wagner B. (edd.) Orient und Okzident im Spiegel der Kunst (Festshrift Heinrich Gerhard Franz zum 70. Geburtstag), Graz, 1986. S. 55 ff.

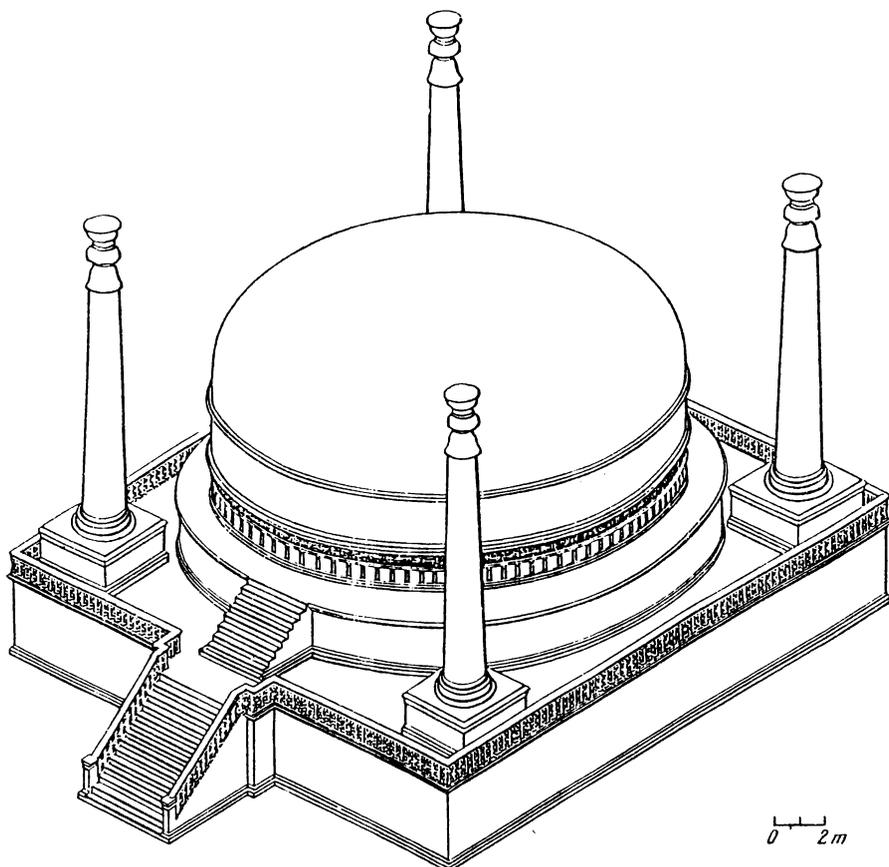

Рис. 1. Священный участок Сайду Шариф I. Большая Ступа I: реконструкция. Аксонометрическая проекция

В Панр I главная ступа на верхней террасе, четырехугольная в плане и с лестницей на южной стороне, имеет расположенные по диагонали от углов колонны и между ними, на ортогональных осях, ступы.

В Сайду Шариф I Большая Ступа, четырехугольная в плане, с лестницей с северной стороны, имеет колонны по бокам от лестницы; колонны, кроме того, возвышаются по углам четырехугольного здания, демонстрируя еще более тесное единство этих двух типов памятников.

Раскопки священных участков к настоящему времени предоставили большой объем данных по оформлению этих памятников. Огромно число скульптур, большей частью выполненных из зеленого мелкозернистого сланца³. Типичный для этого района, он является, собственно говоря, хлористым сланцем. С помощью геолитологических изысканий сейчас осуществляются поиски древних выработок и исследуются способы и средства добычи камня.

Буткара I можно охарактеризовать как художественный центр, наверняка главный в этой зоне; наряду с ним существовали меньшие центры — Панр I и Сайду Шариф I, развивавшиеся временами в том же русле, временами автономно. Хотя материал в основном происходит из разрушенных слоев и был вновь использован в более поздних, сохранившихся до настоящего времени постройках, тем не менее оказалось возможным расположить его по группам, основываясь на анализе внешних и внутренних элементов, осуществляемом посредством комбинированного метода. Внутри этих

³ *Faccenna D. Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swät, Pakistan), Photographs by Francesca Bonardi, Descriptive Catalogue by Maurizio Taddei (IsMEO Reports and Memoirs, III 2,3) Roma, 1962—1964.*

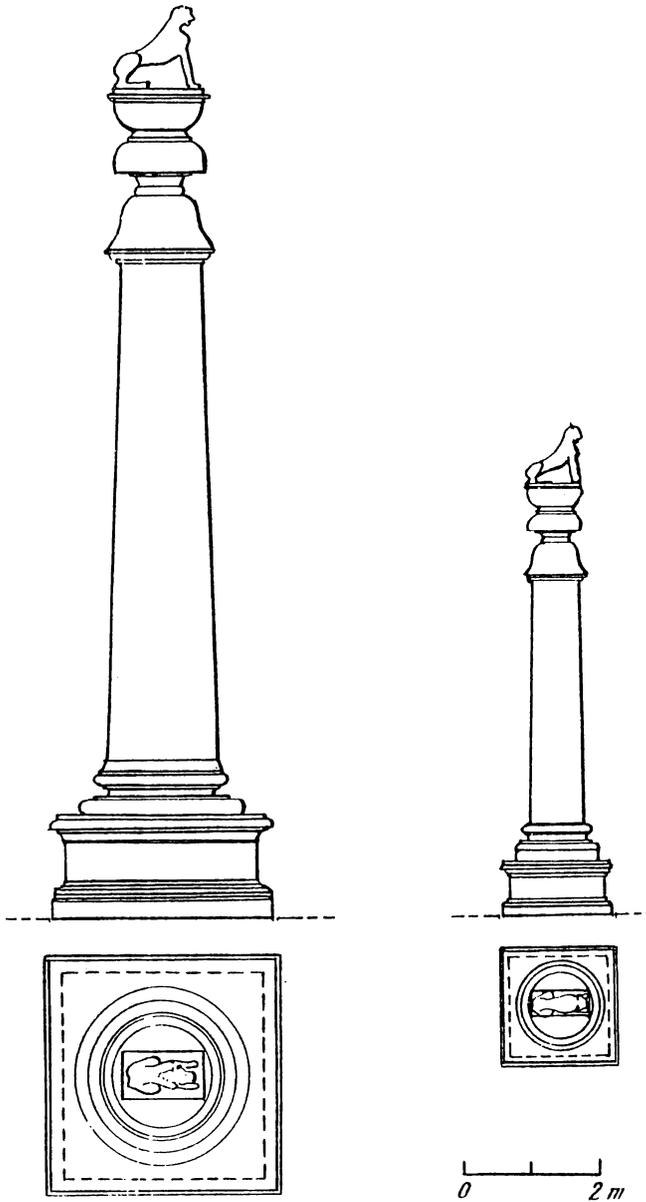

Рис. 2. Реконструкция колонны I Большой Ступы, священный участок Сайду Шариф I (слева) и колонны № 8 священного участка Панр I (справа)

групп были выделены серии скульптур, некоторые из них определенно вышли из рук одного мастера; другие создавались разными мастерами, но в одной мастерской. Исследуя переделанные скульптуры, мы располагаем группы относительно друг друга, в то время как раскопки дают материал, позволяющий установить абсолютную хронологию некоторых входящих в них памятников⁴.

⁴ *Faccenna D.* Excavations of the Italian Archaeological Mission (IsMEO) in Pakistan: Some Problems... P. 173 ff.; *idem.* Note Gandhariche-2. Sulla ricostruzione di un grande rilievo da Butkara I raffigurante la partenza di Siddhārtha da Kapilavastu // Gnoli G. Lanciotti L. (edd.) *Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata*. 1. Roma, 1985. P. 325 ff.

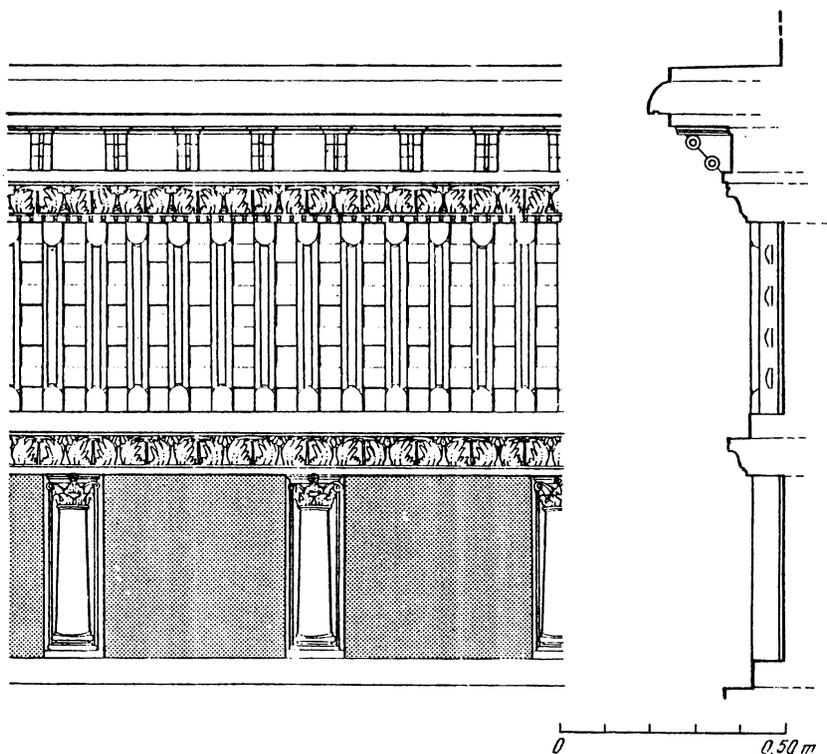

Рис. 3. Священный участок Сайду Шариф I: реконструкция декоративного фриза, состоящего из двух регистров

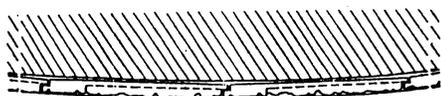
Редко бывает так, что каменные скульптурные блоки сохраняются на своем первоначальном месте. Чаще мы сталкиваемся со случаями их вторичного использования для украшения стен памятников, когда они оказываются вырванными из своего естественного контекста.

Так, свое первоначальное место занимают, например, карнизы ступ № 14 и 17 в Буткаре I⁵. Они составляют часть серии блоков, располагающихся по бокам северной лестницы Большой Ступы 3, серии, к которой относится и пилястра № 135 со своей гандхарско-коринфской фигурной капителью⁶. Все они датируются началом I в. н.э.

Другой памятник, демонстрирующий подобную ситуацию, — это Большая Ступа Сайду Шариф I с ее фризом. Она имеет совершенно особое значение. Архитектурные и декоративные характеристики, соединенные в ней, делают ее точкой пересечения двух направлений работы Миссии: исследования священной архитектуры и гандхарской скульптуры. Предваряя финальный отчет о раскопках террасы ступ и отдельно детальное исследование этого памятника — обе работы сейчас готовятся к печати, — мы здесь рассмотрим проблему ее реконструкции (рис. 1). Построенная в технике «ашлар» из стеатитовых блоков средней величины, она сохраняет сильно разрушенный четырехугольный корпус с лестницей и небольшую часть стены второго надстроенного корпуса, круглого в плане, с остатками меньшей лестницы, продолжающей лестницу, расположенную ниже. Первый корпус, высотой 3,32 м, имеет размеры основания: вост. — 21,14, зап. — 21,09, юг — 20,34, сев. — 20,22 м. Лестница имеет длину 4,79, ширину 4,29 м. Второй корпус имеет максимальную сохранившуюся высоту 0,90, диаметр 16,34 м; лестница — ~ 2,10, ширину 2,75 м. В ядре первого корпуса находился тайник-реликварий из двух отделений, заключавший в себе маленькую круглую

⁵ *Idem.* Butkara I. Pls. 132 ff.

⁶ *Idem.* Note Gandhariche-1. Ricostruzione di un pilastro con cakra nell'area sacra di Butkara I (Swât, Pakistan) // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. 1984. 44. P. 319 sgg.

0 0,50m

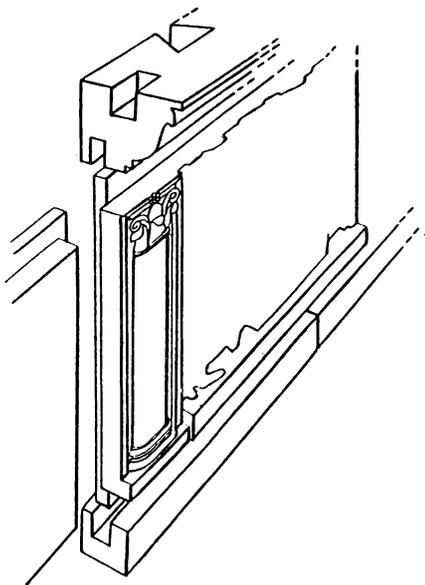
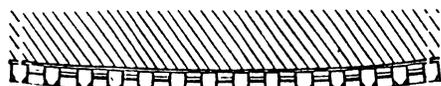

Рис. 4. Реконструкция нижнего регистра фриза с изображениями

0 0,50m

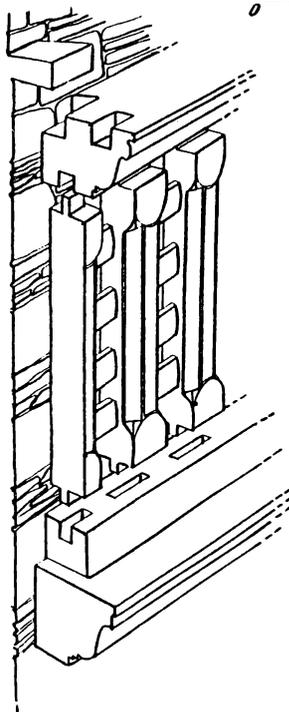

Рис. 5. Реконструкция верхнего фриза в виде псевдоограждения

серебряную шкатулку, в которую в свою очередь была помещена золотая шкатулка с жемчужинами, золотыми и серебряными пластинами.

Отвалившиеся архитектурные детали, найденные поблизости от ступы, позволили реконструировать карниз первого корпуса с орнаментом яйцевидно-шнурового типа и балюстраду с маленькими стеатитовыми пиястрами, соединявшимися с карнизом и перилами, которые поднимались вдоль лестницы и далее шли вдоль верхнего края четырехугольного корпуса. Наверху этого последнего, по углам, возвышались колонны, некоторые элементы которых (капитель, верхняя часть ствола) были найдены в виде обломков поблизости, к югу и северо-востоку. Сравнение с колоннами того же времени, стоявшими по бокам лестницы, позволило сделать реконструкцию: они состояли из пьедестала, суживающегося кверху ствола, имевшего базу с обломом типа скоции, и гандхарско-персеполитанской капители канонического типа (из трех элементов: «колокол», «гриб», «чаша»), на капители помещалась статуя льва (ср. колонну № 8 из Панр I) (рис. 2). Были вычислены размеры отдельных частей, а также их пропорциональные соотношения. Общая высота колонны равнялась 13,45 м. Ступа с колонками сопоставима со ступой из Токар-дара близ Наджирама (Сват), которая до сих пор существует, бросая вызов времени и, в еще большей степени, яростной погоне людей за реликвиями, статуями, строительным материалом. Элементы колонн последней были исследованы нами в ходе систематических рекогносцировочных работ⁷; аналогичные пропорции могут быть использованы для реконструкции нашей ступы.

⁷ *Sir A. Stein. An Archaeological Tour... P. 15 ff. Figs 8—10. Pl. 3.*

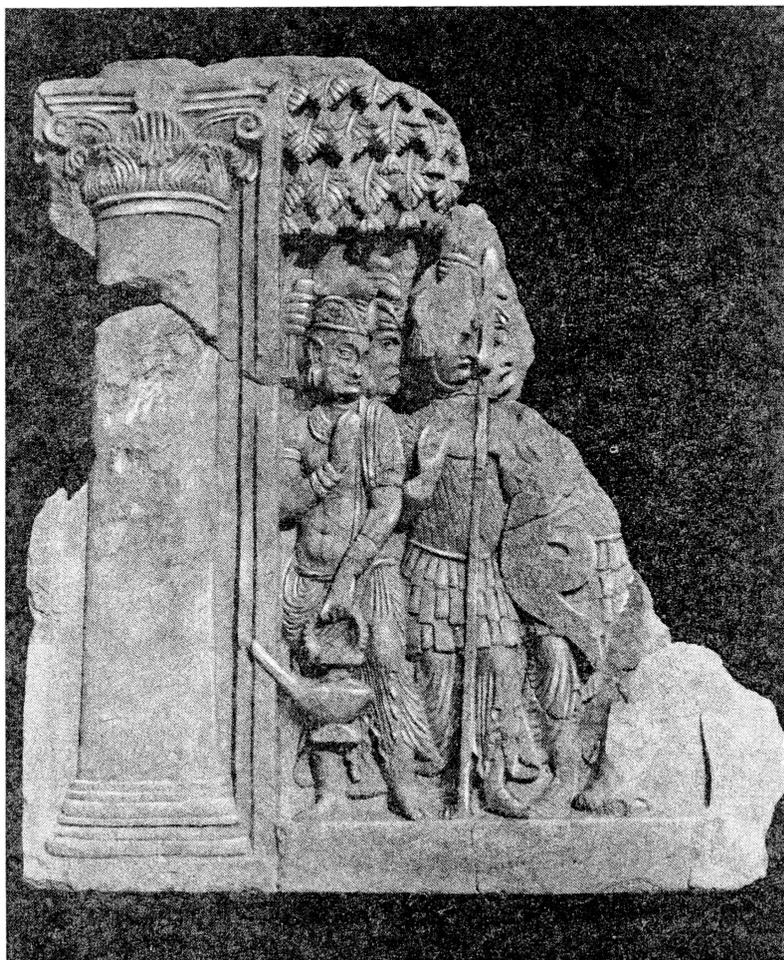

Рис. 6. Visvantara jataka (?)

Один из цилиндрических корпусов (может быть, третий) был украшен двухрегистровым фризом, многочисленные фрагменты которого, отвалившиеся в разное время, найдены поблизости. Тщательный анализ элементов, относившихся к разным частям фриза, базирующийся на сопоставлении с рельефными изображениями и миниатюрными моделями ступ, позволил сделать реконструкцию, которую мы можем считать если и не вполне точной, то очень вероятной.

Большой фриз (общей высотой 1,51 м) состоит из двух регистров (рис. 3): нижнего — с изображениями, высота 0,60 м (рис. 4) и верхнего — в виде псевдоограждения, высота 0,62 м (рис. 5), каждый из регистров имеет карниз в виде листьев аканта; наверху фриз оканчивается карнизом с консолями, высота 0,286 м. Фриз состоит из элементов, выполненных из зеленого сланца, изготовленных заранее, до начала основных отделочных работ, и уже потом укрепленных на стене ступы в соответствии с пометками каменщика. Они соединены между собой посредством шиповых гнезд разного типа, в то время как штыри в виде ласточкина хвоста и костыли, забитые в стену, удерживают их прочно прикрепленными к ней.

Сейчас нас особенно интересует нижний регистр с изображениями. На основе многочисленных фрагментов (122 обломка), встреченных большей частью в слоях строительного мусора, прилегающих к ступе, мы можем реконструировать этот регистр, состоявший из длинной серии панелей. Каждая панель представляет собой изобразительное поле, ограниченное с левой стороны гандхарско-коринфской полуколонкой, заключенное в рамку, высотой 0,445, длиной 0,60 м. Эти панели в

Рис. 7. Обращение Нанды (?)

количестве 70—71 штуки были прикреплены к стене вокруг цилиндрического корпуса диаметром 13,48, окружностью 42,30 м; 21 из них была идентифицирована, поскольку сохраняла часть, по высоте равную полуколонке. На них представлены сцены из жизни Будды. Эпизоды на некоторых из них идентифицируются однозначно (Сон Майи, Рождение Сиддхартхи, Состязание в борьбе, Встреча с охотниками, Прощание Кантхаки, Распря из-за реликвий, Перевозка реликвий), на других — лишь предположительно (Сцена дворцовой жизни, Обращение Нанды и др.); на третьих — не идентифицируются вообще (мужские и женские фигуры, молодые воины, монах, аскет, городская стена и др.).

Принимая во внимание место, где были найдены фрагменты, но в то же время учитывая тот факт, что падавшие обломки перемешивались, мы можем сказать, что фриз начинался с северной стороны здания к востоку от оси, соответствовавшей лестнице, может быть, от ниши или изображения, которое, как мы можем предположить, располагалось на периметре корпуса и к которому вела вторая лестница. Фриз, шедший по часовой стрелке, начинался в этом месте сценами из прошлой жизни, циклом рождения, а заканчивался сценой Паринирваны и раздела реликвий, располагавшейся к западу от лестницы. Это — канонический цикл, имевший широкое распространение в северо-западных районах субконтинента,

Рис. 8. Состязание в борьбе

известный нам по сохранившимся текстам и по многочисленным изображениям подобного рода. Важно подчеркнуть, что наши рельефы относятся к начальному периоду этой традиции, но уже демонстрируют хорошо известные впоследствии схемы.

На очень длинном фризе, включенном посредством карнизов и полуколонок в общую архитектурную конструкцию, сцены занимают отдельные поля. Анализ трактовки фигур, создающей ощущение толпы, и композиции сцен приоткрывают нам личность скульптора. Мы смутно угадываем ее, рассматривая отдельные фрагменты. Изображения выполнены в технике низкого рельефа. Поверх него обозначены складки одежды — врезанными линиями, с тенденцией к параллелизму, иногда прерывающимися, чтобы можно было обозначить мелкие детали (рис. 6). У паридханы четкие уплощенные складки загибаются вверх на правом боку и вертикально спадают вниз на левом, украшенные внизу корнеобразными кончиками, а по бокам — раструбами в форме колокольчиков. У уттарийи короткая юбочка из полосок материи и накидка на левом плече. Такими же параллельными, аккуратными, четкими линиями передаются волосы у мужчин и женщин.

Фигуры, едва выступающие над поверхностью, удлинены и стройны: они показаны фронтально или в ракурсе. Сидящие фигуры опираются руками и локтями на колени, в результате чего их туловища и головы оказываются в сложном развороте (рис. 7). Вообще ракурсы, как средство художественной выразительности,

Рис. 9. Сцена состязания

используются широко и с большим умением. Мы видим это по изображению юноши, брызгающего водой из сосуда находящегося в руке его товарища, на атлета, упавшего на землю, по игре линий плеч и ног⁸ (рис. 8).

Сцены плотно заполнены фигурами. В предполагаемой сцене состязаний (рис. 9) фигуры первого ряда сидят, упершись локтем в колено и головой опираясь на поднятую руку; за ними в несколько рядов стоят остальные зрители, причем лучше всего видны те, что находятся впереди, в то время как у стоящих сзади различима, полностью или частично, только голова, в большей или меньшей степени выступающая над поверхностью — фоном, и таким образом создается ощущение множественности фигур и пространственной глубины. Некоторые вариации в положении голов смягчают единообразие выражений лиц присутствующих. Все взгляды обращены вправо, в направлении центра, находящегося за пределами правого края панели, занятого изображением молодого знаменосца. Как мы предполагаем, центр должен был находиться на примыкающей панели с изображе-

⁸ *Taddei M. Il mito di Filottete ed un episodio della vita del Buddha // Archeologia Classica. 1963. XV. P. 198 sgg.*

Рис. 10. Выступление всадников из города

ниями главных персонажей, соревнующихся. Сцена занимала несколько панелей (исходя из соображений симметрии, по крайней мере три), вероятно, общей длиной 1,80 м. Эта последовательность нарушает схему деления, налагаемую полуколонками, превращающимися таким образом из разъединительных элементов в свободные элементы колоннады, за которой и разворачивается наша сцена. Прием приобретает добавочную ценность в связи с расположением фриза: зритель как бы вовлекается в события, разворачивающиеся позади колоннады. То же самое мы встречаем на некоторых, меньшего размера, фризах, персонажи которых также движутся за колоннадой⁹. В истории этой композиционной схемы наш фриз отмечает очень важный момент, если учесть его хронологическое положение, предшествующее времени выработки жесткой схемы со сценами внутри панелей, отделенных друг от друга пилястрами либо полуколонками.

Мы вновь сталкиваемся с ощущением толпы в сложной и большой композиции, в сцене выступления всадников из ворот города (рис. 10): их головы изображены на нескольких поверхностных уровнях и в разных ракурсах. То же ощущение присутствует в сцене с кавалькадой всадников, движущихся налево. Они показаны в нескольких планах, соседствующих друг с другом, самый дальний план образован рядом деревьев с густыми кронами (рис. 11); некоторые всадники держат в руках

⁹ *Faccenna*. *Sculptures...* II. 3. Pls. 374 ff.

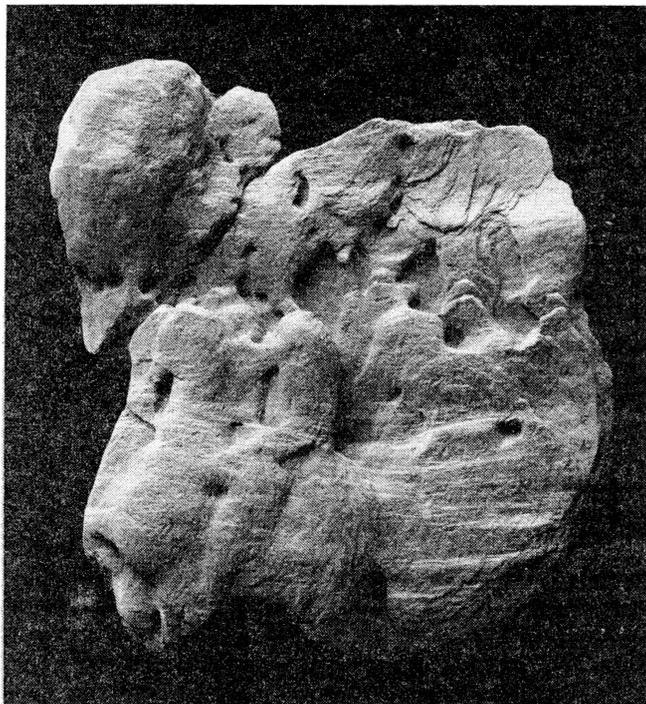

Рис. 11. Вереница всадников

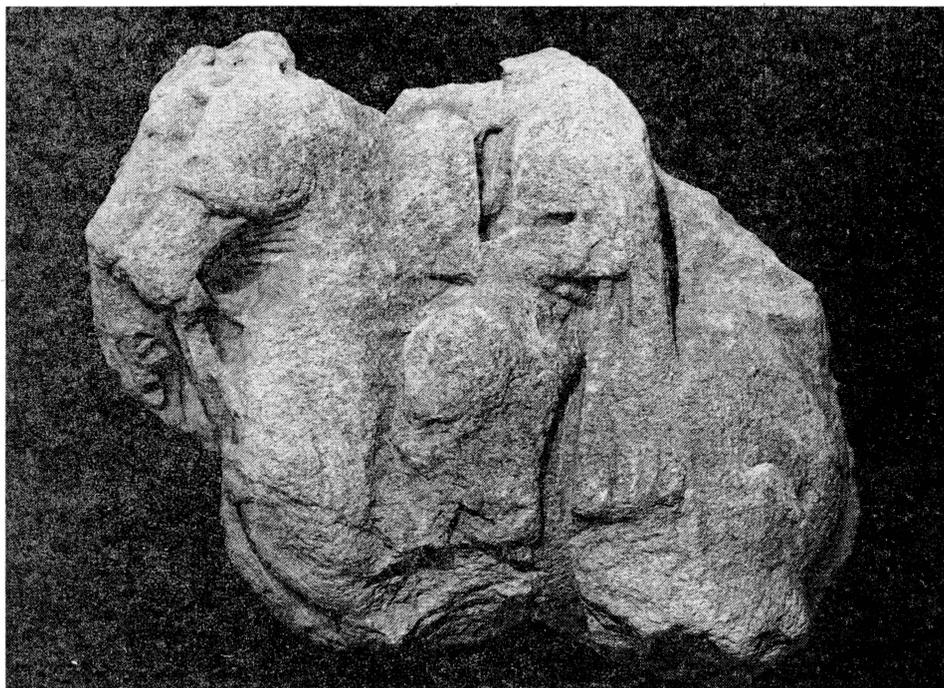

Рис. 12. Всадники с реликварием

Рис. 13. Возвращение царя Уттарасены

реликварии (рис. 12); присутствует и царь Уттарасена на слоне, в соответствии с легендой, все еще популярной в Свате во времена Сюан Цзана, который ее пересказал¹⁰ (рис. 13).

Нагромождения фигур, объединенных в плотные изокефальные группы, разнообразие ракурсов, тонкая проработка поверхности рельефа, предусматривающая планы, выступающие над фоновой поверхностью на разную высоту, умелое изображение перекрещивающихся рук, ног и тел — все это создает ощущение пространства. Общее видение — точное, изысканное, может быть, именно в силу этих качеств немного холодное, кристально-четкое в передаче каждой детали; в одеждах, лицах, мускулах персонажей, в изображениях животных и их сбруи, в пейзажах с деревьями, у которых различимы отдельные ветки и листья, в предметах — аккуратно выписывается все.

В огромном фризе, некогда опоясывавшем ступу, можно различить индивидуальный почерк каждого из исполнителей — принимая во внимание различия в трактовке некоторых деталей, ясно прослеживаемые, например, даже в гандхарско-коринфских капителях полуколонок. Мы, следовательно, имеем дело с мастерской, работавшей под руководством мастера, замыслившего это произведение, и с учетом его общей концепции. Наш мастер владел огромными художественными возможностями, позволяющими назвать его «Мастером из Сайду». Мы сможем лучше понять его личность, если сопоставим его труд с другими аналогичными комплексами,

¹⁰ Stein. An Archaeological Tour... P. 30 ff.; Tucci. Preliminary Report... P. 293 ff.

например, с рельефами ступы в Сикри или с рельефами из Лориян-Тангаи¹¹. Последние демонстрируют совершенно другое художественное видение и средства выразительности.

Его произведение, разумеется, не является изолированным и вписывается во вполне определенный период художественной жизни Свата, обозначенный нами как «период описательного стиля». Он длился весь I в. н.э.; расцвет стиля падает приблизительно на его середину, истоки относятся к началу века¹². Этот период с его рельефами и фризами, в том числе фризами огромных размеров, представляет нам художников, занятых в работах большого масштаба, требующих технических и организационных способностей; художников, привычных к грандиозным замыслам и к осуществлению широко задуманных работ.

Скульптурные блоки, которые занимают первоначальное положение в датированном памятнике (в № 14 и 17 из Буткары I), или блоки, локализация которых может быть установлена благодаря надежной реконструкции (в № 135 из Буткары I и в Большой Ступе из Сайду Шариф I), являются отправными пунктами для разработки различных проблем, касающихся этих рельефов. Таковы, среди прочего, проблемы техники, общей композиции (панельная, со сценами, занимающими по несколько панелей, и др.), композиции отдельных сцен и средств художественной выразительности, исходных моделей и их последующей разработки с привнесением индивидуальных черт, содержания, взаимоотношений между художником и заказчиком, выбора сюжетов и его обусловленности религиозной общиной и местными верованиями и т.д. Только с помощью анализа, основанного на достаточно надежной хронологической привязке памятников, можно добиться прояснения этих проблем и понимания их развития во времени и в историческом контексте. В решении этой задачи Миссия своими исследованиями вносит посильный вклад*.

Д. Фачченна

¹¹ Stūpa di Sikri (Lahore Museum): *Foucher A.* Les bas-reliefs du stūpa de Sikri (Gandhāra) // *Journal Asiatique*. 1903. P. 185 ff. Stūpa di Loriyān-Tangai (Indian Museum, Calcutta); *Foucher A.* L'art gréco-buddhique du Gandhāra I. P. 1905. Figs. 213, 265, 277; *Majumdar N.G.* A Guide to the Sculptures in the Indian Museum. II. Delhi, 1937. Pl. Ха.

¹² См. прим. 4; *Lohuizen de Leeuw J.E. van.* New Evidence with Regard to the Origin of the Buddha Image // *Härtel H.* (ed.), *South Asian Archaeology 1979*, B., 1981. P. 376 ff.; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Гандхары. М., 1982; *Cribb J.* The Origin of the Buddha Image — the Numismatic Evidence // *B. Allchin* (ed.), *South Asian Archaeology 1981*, Camb., 1984. P. 231 ff.; *idem.* A Re-examination of the Buddha Image on the Coins of King Kaniṣka: New Light on the Origins of the Buddha Image in Gandhara Art // *A.K. Narain* (ed.) *Studies in Buddhist Art of South Asia*, Delhi, 1985. P. 59 ff.; *Huntington S.L.*, *The Art of Ancient India*. New York — Tokyo, 1985. P. 109 ff.; *Härtel H.* The Concept of the Kapardin Buddha Type of Mathura // *Schotsmans J., Taddei M.* (edd.) *South Asian Archaeology 1983*, Naples, 1985. P. 653 ff.; *Fabrègues C.* The Indo-Parthian Beginnings of Gandhara Sculpture // *Bulletin of the Asia Institute*. 1987. 1. P. 33 ff.; *Nehru L.* Origins of the Gandhāran Style, Delhi, 1987; *Fussman G.* // Numismatic and Epigraphic Evidence for the Chronology of Early Gandhāran Art // *Yaldiz M., Lobo W.* (edd.), *Investigating Indian Art (Proceedings of a Symposium on the Development of Early Buddhist and Hindi Iconography, Berlin, May 1986)*. B., 1987. P. 67 ff.; *idem.* Chroniques et études bibliographiques. Chronique des études Kouchanes (1978—1987) // *Journal Asiatique*. 1987. P. 333 ff.; *MacDowell D.W.* The Development of Buddhist Symbolism on the Coinage of the North West // *Yaldiz, Lobo* (edd.), *Investigating Indian Art*. P. 179 ff.; *Carter M.L.* A Gandhāran Bronze Buddha Statuette: Its Place in the Evolution of the Buddha Image in Gandhāra. *Marg*, 1988. P. 23. ff.; *Krishan Y.* The Emergence of the Buddha Image, Gandhāra versus Mathura // *Oriental Art*. XXXIV. 4. 1988/89. P. 255 ff.

* Перевод Т.А. Дейнеки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Здесь приведены библиографические данные о работах членов и сотрудников Миссии в хронологическом порядке начиная с 1982 г. см. более раннюю библиографию: Italian Archaeological Mission (IsMEO), Pakistan, Swat, 1956—1981. Documentary Exhibition. Roma, 1982. P. 1—6, p. 30—42. Tavv. 14—17; Catalogo della mostra allestita a Peshawar in occasione della First International Conference on Pakistan Archaeology.

Tusa S. Distribuzione delle ricchezze ed agricoltura ad Aligrama (Swat, Palistan) nel II millennio a. C. Uomo e Agricoltura (Seminario di Scienze Antropologiche). Supplemento 1. Firenze. 1982. P. 75 ss.

Archaeological Mission of IsMEO in Pakistan, in *IsMEO Activities* // EW. 1982. 32. P. 217 ss.

Stacul G. Painted 'Horse' from the Swat Valley (Middle of 2nd mill. B.C.) // P. Snoy (ed.). *Ethnologie und Geschichte*. (Festschrift für K. Jettmar). Wiesbaden. 1983. S. 602 ff.

Stacul G. Richiamo al Gandhara: testimonianze di una iconografia 'rigvedica' (c. XV sec. a. C.) // *Atti dei Civici Musei di Storia ed Arte di Trieste*. 1983. 13.11. P. 1 ss.

Stacul G. Cultural Change in the Swat Valley and Beyond, c. 3000—1400 B.C. // B. Allchin (ed.) *South Asian Archaeology 1981*. Cambr., 1983. P. 205—211.

Stacul G. Harappan Post-urban Evidence in the Swat Valley // B.B. Lal, S.P. Gupta (edd.) *Frontiers of the Indus Civilization*. New Delhi, 1984. P. 271—276 (Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume).

Stacul G. Preistoria e Protostoria della valle dello Swat nel Pakistan (c. 3000—1400 a.C.). Parte I. Pubblicazioni dell'Istituto di Storia Antica dell'Università di Trieste. Trieste, 1984.

Faccenna D. Note Gandhariche, 1. Ricostruzione di un pilastro con cakra nell'Area Sacra Butkara I (Swat, Pakistan) // *AIUON*. 1984. 44. P. 319—338.

Callieri P. A Potsherd with a Greek Inscription from Bir-kot (Swat) // *Journal of Central Asia*. 1984. VII. 1. P. 49—53.

Archaeological Mission of IsMEO in Pakistan, in «*Ismeo Activities*» // EW. 1983. 33. P. 324 ff.

Callieri P. Bir-Kot Ghwandai. Trench BKG 1 // EW. 1984. 34. P. 484 ff.

Filigenzi A. Bir-Kot Ghwandai. Trench BKG 2 // *Ibid.* P. 493 ff.

Faccenna D. La Missione Archeologica Italiana dell'IsMEO in Pakistan // *Scavi e ricerche archeologiche degli anni 1976—1979, Quaderni de «La Ricerca Scientifica» (CNR), № 112*. I. Roma, 1985. P. 303 ff.

Stacul G. Scavi a Loebanr III e a Bir-Kot-ghundai (Swät) // *Ibid.* P. 305 ff.

Tusa S. L'insediamento protostorico di Aligrama (Swät) // *Ibid.* P. 315 ff.

Callieri P. Il monastero dell'area sacra buddnistica di Saidu Sharif (Swät) // *Ibid.* P. 327 ff.

Faccenna D. An Inscribed Stele from Peshawar // *Journal of Central Asia*. 1985. VIII, 1. P. 93 ff. (Atti dell'International Conference on Karakorum Culture, Gilgit, 1983).

Tusa S. An Archaeological Survey in Darel // *Ibid.* 1985. VIII. 1. P. 179 ff.

Stacul G. Mutazioni culturali nella Valle dello Swät alla metà del secondo millennio // *Studi di Palethnologia in onore di Salvatore M. Puglisi*. Roma, 1985. P. 291 sgg.

Stacul G. Excavations at Bir-Kot Ghwandai: the Protohistorical Layers // EW. 1985. 35. P. 430 ff.

Forni G. in «*Recensioni*» // *Rivista di Storia dell'Agricoltura*. 1985. 1. P. 168 sgg.

Forni G. Irregolarità dei solchi fossili e presunta presenza dell'aratro asimmetrico ad Aligrama (Nord Pakistan) nel secondo millennio a. C. // *Rivista di storia dell'agricoltura*. 1985. 1, P. 73 sgg.

Faccenna D. Note Gandhariche, 2. Sulla ricostruzione di un grande rilievo da Butkara I raffigurante la partenza di Siddhartha da Kapilavastu // Gh. Gnoli, L. Lanciotti (edd.) *Orientalia Josephi Tucci Memoriae Dicata*. Roma, 1985. P. 325 sgg.

Callieri P. Osservazioni su un rilievo su roccia presso Bunerwal (Puran, N.W.F.P., Pakistan) // *Ibid.* P. 199 sgg.

Faccenna D. Note Gandhariche, 3. Lo stupa a colonne dell'area sacra buddhistica di Saidu Sharif I (Swät, Pakistan) // G. Brucher et alii (edd.) *Orient und Okzident im Spiegel der Kunst* (Festschrift H.G. Franz zum 70. Geburtstag). Graz, 1986. S. 55 ff.

- Tusa S. Report on the First Archaeological Survey in the Kalpani Valley and on the Soundings in the Sanghao Cave (1986) // EW. 1986. 36. P. 473. sgg.
- Stacul G. rec. a H.Müller-Karpe. Jungbronzezeitlich früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord-Pakistan, 1983 // *Præhistorische Zeitschrift*. 1986. 61. 1. S. 90 ff.
- Taddei M. In Memoriam: Giuseppe Tucci (1894—1984) // *Journal of Central Asia*. July 1986. IX. 2. P. 159 ff.
- Archaeological Mission in Pakistan, in «IsMEO Activities» // EW. 1986. 35. P. 430 ff.
- Archaeological Mission in Pakistan, in «IsMEO Activities» // EW. 1986. 36. P. 473 ff.
- Faccenna D. Note gandhariche, 4. An Inscribed Stele from Peshawar Depicting a Male Figure in Kusāna Dress // *Annali Istituto Orientale di Napoli*. 1986. 46. P. 441 sgg.
- Callieri P. Una stele post-gandharica nel museo dello Swāt/Annali Istituto Orientale di Napoli. 1986. 46. P. 433 ff.
- Faccenna D. Catalogue of the Material from the Excavations Carried Out by the Italian Archaeological Mission of IsMEO in Pakistan. Corpus of the Sculptures of Gandharan Art // EW. 1986. 36. P. 351 ff.
- Stacul G. Prehistoric and Protohistoric Swāt, Pakistan (c. 3000—1400 B.C.) (Reports and Memoirs, IsMEO, XX). 1987.
- Compagnoni B. Faunal remains in G. Stacul, Prehistoric and Protohistoric Swāt (Pakistan) (c. 3000—1400 B.C.) (Reports and Memoirs, IsMEO, XX). Roma 1987. P. 131 ff.
- Costantini L. Vegetal remains // *Ibid.* P. 155 ff.
- Passarello P., Macchiarelli R. La necropoli protostorica di Katelai (Swāt, Palistan). Analisi antropologica del materiale scheletrico con riferimento al contesto paleobiologico umano dell'area medio-orientale // *Rivista di Antropologia*. 1987. LVI. P. 5. sgg.
- Callieri P. Taxila. I centri dello Swāt e del Gandhara // *Città Sepolte*. 1987. VII. P. 1835 sgg.
- Tusa S. Note sulla produzione metallica nella valle dello Swat alla luce del rinvenimento di alcune matrici ad Aligrama // *Orientalia Josephi Tucci Memoriae Dicata* (SOR LVI. 3). Roma, 1988. P. 1493 sgg.
- Stacul G. Transhimalayana. Testimonianze archaeologiche della prima metà del II millennio nelle valli del Kashmir e dello Swat // *Ibid.* P. 1385 sgg.
- Tusa S. Exploration in the Kalpani Valley and Soundings in the Sanghao Cave — 1986 // *Pakistan Archaeology*. 1987—88. 23. P. 58 ff.
- Faccenna D. Catalogue of the Material from the Excavations Carried Out by the Italian Archaeological Mission of IsMEO in Pakistan. Corpus of the Sculptures of Gandharan Art // EW. 1987. 37. P. 461 ff.
- Faccenna D. id. // EW. 1988. 38. P. 313 ff.
- Stacul G. Continuity of Forms and Traditions at Bir-kot-ghundai // K. Frifelt, P. Sorensen (edd.) *South Asian Archaeology*. 1985. L., 1989. P. 321 ff.
- Callieri P. Saidu Sharif I (Swat, Pakistan), 1. The Buddhist Sacred Area. The Monastery (Reports and Memoirs, IsMEO, XXIII. 1). Roma, 1989.
- Faccenna D. Foreword // *Ibid.* P. VII ff.
- Callieri P. Archaeological Activities at Bir-Kot-ghwāṇḍai, Swat: Contribution to the Study of the Pottery of Historic Age from N.W.F.P. // M. Taddei (ed.) *South Asian Archaeology 1987*. Rome — Naples, 1990. P. 675 ff.
- Stacul G. On Charsada and Beyond: What is Wrong with Sir Mortimer // *Ibid.* P. 605 ff.
- Tusa S. Ancient Ploughing in Northern Pakistan // *Ibid.* P. 349 ff.
- Callieri P. Il Buddha sulle rocce // *Archeo*. 1990. 63. P. 118 sgg.
- Callieri P. Excavations of the Italian Archaeological Mission of the IsMEO at Bir-kot-ghwāṇḍai, Swat, Pakistan // *Vestnik drevnej istorii*. 1990. № 4.
- Faccenna D. La Missione Archeologica Italiana dell'IsMEO in Pakistan: recenti risultati della sua attività di ricerca e di scavo // *Vestnik drevnei istorii*. 1993. № 2.
- Faccenna D. Problemi di architettura sacra buddhistica e di scultura Gandharica // *Ibid.*
- Stacul G. The Swat Culture (c. 1700—1400 B.C.) and its Northern Connections // *Ibid.*
- Tusa S. Sviluppi storico-culturali della valle dello Swat tra la metà del II° millennio a.C.e. gli inizi della nostra era // *Ibid.*

В ПЕЧАТИ

Faccenna D. A type of Composite Gandharan Capital // A.H. Dani Felicitation Volume.

Faccenna D. et alii (edd.). Tucci, On Swāt.

Faccenna D., Callieri P., Noci E., Scerrato U., Tusa S., Valente I., Zolese P. // Atti della First International Conference on Pakistan Archaeology, Peshawar, 1982.

Faccenna D., Callieri P., Stacul G., Scerrato U., Tusa S. Relazioni al Congresso Internazionale dell'IsMEO: Eurasia un continente, Roma, 12—16 dicembre 1983.

Faccenna D. The Buddhist Sacred Area of Pānṛ I (Swat, Pakistan), (Reports and Memoirs, IsMEO, XXV, 1), Roma, 2 volumi (testo e tavole).

Callieri P. Bir-kot-ghwaṇḍai: an Early Historic Town in Swat (Pakistan), South Asian Archaeology 1989 / Ed. C. Jarrige.

Callieri P. Preliminary notes on the study of the pottery from Bir-kot-ghwaṇḍai (Swāt) // Pakistan Archaeology.

Callieri P., Filigenzi A., Stacul G. Bir-kot-ghwandai, Swat: 1987 Excavation Campaign. A Preliminary Report // Pakistan Archaeology.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Tusa S. et alii, Aligrāma (Swāt, Pakistan), (Reports and Memoirs, IsMEO) Rome.

Callieri P. et alii, Bir-kot-ghwandai (Swāt, Pakistan), 1984—1990.

Faccenna D. Saidu Shārif I (Swāt, Pakistan), 2. The Buddhist Sacred Area. The Stūpa terrace (Reports and Memoirs, IsMEO, XXIII, 2). Rome.

Noci F., Macchiarelli R. Saidu Sharif I (Swāt, Pakistan), 3. The Protohistoric Graveyard (Reports and Memoirs, IsMEO, XXIII, 3). Rome.

© 1993 г.

АРХЕОЛОГИЯ И БУДДИЗМ — ВКЛАД ИТАЛЬЯНСКОГО ИНСТИТУТА СРЕДНЕГО И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (IsMEO)

Многолетняя работа Итальянских археологических миссий в Пакистане и Афганистане дала внушительное количество новых фактов, касающихся самых различных аспектов древних культур этого региона. Во многих отношениях этот регион, лежащий между Гиндукушем и долиной Инда, представляет собой единое целое. Мы не собираемся подводить здесь итоги проделанной работы. Что касается Пакистана, читатель найдет необходимую информацию в этом выпуске «Вестника древней истории», а за сведениями об Афганистане он может обратиться к предварительным отчетам, опубликованным в журнале «Восток и Запад»¹, а также к кратким сообщениям, публиковавшимся в других изданиях², или к нескольким специальным исследованиям, которые будут названы далее.

Цель, которую авторы ставили перед собой в данной статье, — указать на некоторые особенности местных произведений искусства, обнаруженных нашими

¹ *Taddei M.* Tapa Sardār: First Preliminary Report // EW. 1968. 18. P. 109—124; *Taddei M., Verardi G.* Tapa Sardār: Second Preliminary Report // EW. 1978. 28. P. 33—135.

² *Taddei M., Verardi G.* Buddhist Sculptures from Tapa Sardār, Ghazni // *La Parola del Passato*. 1981. 199. P. 251—266; *idem.* La Missione Archeologica Italiana in Afghanistan, 1976—1979 // *Quaderni de La ricerca scientifica*. 1985. 112. P. 273—301; *idem.* The Italian Archaeological Mission in Afghanistan: Brief Account of Excavation and Study. 1976—1981 // *Studi di storia dell'arte in memoria di Mario Rotili*. Napoli, 1984. P. 41—70.

экспедициями, которые позволяют нам пересмотреть или расширить наши представления о буддизме.

Хотя в последние годы фольклористы и литературоведы уделяли значительное внимание повествовательным структурам, понятие «повествование», кажется, не вызвало большого интереса у историков изобразительного искусства. Тем не менее они часто употребляют выражение «повествовательное искусство», противопоставляя его искусству «символическому», «иконографическому» и т.п. Так, английский ученый Джон Ирвинг, которого очень интересуют символический, космологический и в особенности космогонический аспекты индийского искусства, пишет: «Художники Гандхары работали в основном на тексты; то, что они оставили нам, это литературные повествования в камне, а не искусство, говорящее своим собственным эстетическим языком»³. Позднее мы еще вернемся в этому высказыванию.

Сначала постараемся разобраться с самим понятием «повествование». Оно может применяться как для мифов, так и для выдуманных историй, сказок. Различие между «мифом» и «сказкой» становится очевидным благодаря тому обстоятельству, что хотя все мифы являются сказками, далеко не все сказки — мифы. Конечно, в сказке может содержаться то или иное количество мифических элементов, так же как в любом мифе есть «сказочное» начало, выраженное в большей или меньшей степени в зависимости от вкусов повествователя. Поэтому мы будем использовать термин «сказка», («выдуманная» история) (англ. tale) для обозначения «повествований, в которых нет или мало мифического содержания», иными словами — для повествований, которые не являются явно мифическими, а задумывались для передачи и описания событий, случившихся в исторические времена. При этом вовсе не обязательно, чтобы рассказчик был прямым свидетелем этих событий.

Как бы то ни было, под категорию «повествовательного изобразительного искусства» могут подпасть столь разные произведения, как рельеф с изображением сошествия Будды с Неба 33-х богов (Tṛāyastriṃśa) и какая-нибудь сцена на колонне Траяна в Риме. В обоих случаях мы видим повествование о некоем событии; в первом случае рассказывается миф, во втором — «сказка», имеющая прочные основания в истории, даже можно было бы сказать — в хронике. В последнем случае на рельефе представлены обычные предметы: оружие, укрепления, топи, мосты, тогда как на буддийском рельефе ступени, составляющие основу изображения, отнюдь не обычная вещь, которой персонажи повествования пользуются по своему усмотрению, здесь они (ступени) — чистые символы.

Мы сознаем, что понятие «повествовательное изобразительное искусство» в этом отношении остается весьма расплывчатым, будучи противопоставляемо лишь тем изображениям, которые застыли в иконной строгости, иными словами — иконам, в которых отсутствует элемент становления. Эти последние являются средством передачи рассказа, использующим только пространство, но не развивающимся во времени, потому что время принадлежит относительному, человеческому, чувствующему, тогда как икона стремится представить абсолютное — либо по опыту самого художника, либо так, как художник выучился воспроизводить его из учения того, кто имел опыт общения с Богом; в этом отношении художник выступает посредником между Истиной и верующими⁴.

В Индии, как и в Гималаях, соответствие между Божественным и его образом (иконой — *pratimā* или *mūrti*) обеспечивается либо мистическим опытом художника,

---

³ *Irwin J.* The Mystery of the (Future) Buddha's First Words // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 1981. 41. P. 633.

⁴ О роли и назначении образов (икон) в европейской культуре см. работу: *Freedberg D.* The Power Images. Studies in the History and Theory of Response. Chicago — London, 1989. Отношению к иконам христиан Восточной Европы посвящены проникновенные страницы в работе: *Флоренский П.* «Иконостас» // *Богословские труды*, 1972. IX (мы ознакомились с ней по итальянскому переводу: *Zolla E.* Le porte regali: saggio sull'icona. Milano, 1977). Из самых последних работ на эту тему см. *Pelikan J.* Imago Dei. The Byzantine Apologia for Icons. New Haven — London, 1990.

либо традицией, сохраняемой жрецами или же в некоторых случаях деревенской общиной⁵.

Если бы мы захотели найти в различных религиозных контекстах некий неизменный элемент, позволяющий нам определить икону, мы могли бы сказать, что таковым является свидетельство божественного присутствия и неподвижность *par excellence*. Не случайно правители, желавшие заявить о божественном происхождении своей царственности или даже о своей прямой причастности к божественной природе, использовали те же формальные приемы, которые характеризуют икону: фронтальность, неподвижность, строгость, яркость, двухмерность.

Теперь мы думаем, стало очевидным коренное различие между иконой и повествовательным изображением. Но столь же очевидным должно быть и то, что мы совершили бы ошибку, полагая, будто эти две категории полностью различаются между собой и нигде не перекрывают друг друга. Достаточно будет привести один пример: когда в Индии, да и в Гандхаре, стали отдавать предпочтение (вероятно, под влиянием идей зрелой махаяны) отдельным или — во всяком случае — не включенным в повествовательный контекст образам Будды или бодхисаттв, покровители-заказчики не прекратили окончательно использовать эпизоды из жизни Будды или из джатак в назидательных целях. Но эти «сказки» кристаллизировались в очень упрощенные формы, которые служили лишь целям напоминания о том или ином событии. Так обстоит дело с одной стелой из Капиши⁶, на скальных рельефах, подобными тем, что находятся у входа в пещеру 19 в Аджанте, вероятно передающими джатаки о Дипанкаре (*Dīpaṅkara Jātaka*) и «Приношении пыли»⁷, или некоторыми стелами Палов с эпизодами из жизни Будды⁸. Эти сцены отличались тем, что они были сведены до уровня изображения каких-либо атрибутов, подобных свинье в иконографии Св. Антония Отшельника (Великого) или усаженному остриями колесу в иконографии Св. Екатерины Александрийской, хотя они и не имели такого глубокого этноисторического смысла, как последние.

Здесь изображение Будды преобладает над всем и его колоссальные размеры указывают, на то, чем оно является в действительности, несмотря на его включение в «сказку»; это именно образ (в истинном смысле слова), к которому приложено повествование, переданное очень условно и едва ли вызывавшее большой интерес у тех, кто его видел.

Мы должны признать, что, говоря о повествовательном изобразительном искусстве в связи с искусством Гандхары, мы лишь утверждаем, что оно лучше всего проявляет себя в повествовательных эпизодах, *fabulae*. Эта, быть может, важная его черта не объясняет однако всей его специфики. Интересен другой вопрос: чем же гандхарское искусство отличается от индийского в манере передавать подобные рассказы, обычно эпизоды из жизни Будды?

При изучении искусства Гандхары основное внимание исследователей привлекали греко-римские «влияния», воспринимаемые как перенесение важных характеристик искусства средиземноморского мира к границам Индии. По существу обсуждались иконографические модели и такие формальные признаки, как драпировка и архитектурные и декоративные элементы. Обнадеживает то обстоятельство, что довольно скоро удастся выработать удовлетворительную стилистическую и хронологическую классификацию памятников искусства Гандхары⁹. Однако, по-видимому, не был в

⁵ Как свидетельствует *Mānasāra*. Cp. *Sarasvati S.K. An Ancient Text on the Casting of Metal Images // Journal of the Indian Society of Oriental Art. 1936. IV. P. 140.*

⁶ Например, стела из Шоторака: *Franz H.G. Buddhistische Kunst Indiens. Lpz, 1965. P. 103. Pl. 1176* (с ошибочной подписью).

⁷ *Hallade M. Inde. Un millénaire d'art bouddhique. P., 1968. P. 138. Fig. 101.*

⁸ Например, *Paul D. and P.G. Just the One Finger Yet: A Rare Representation of Angulimāla in Pāla Art. Nalinikanta Śatavārṣiki / Ed. D. Mitra and G. Bhattacharya. Delhi, 1989.*

⁹ С этой точки зрения вклад Итальянской археологической миссии в Свате будет исключительно важен.

полной мере учтен тот факт, что повествовательные рельефы Гандхары передают события из жизни Будды таким образом, как этого никогда не делалось в Индии и даже, вероятно, в греко-римском мире. От внимания исследователей ускользнуло то, что можно определить как повествовательную структуру гандхарской скульптуры¹⁰.

Разумеется и в ранних индийских художественных произведениях, предшествовавших школе, обычно именуемой «греко-буддийской», не было недостатка в сценах из джатак или в эпизодах из жизни Гаутамы Будды. Знаменитые рельефы на ступе I в Санчи и на ступе в Бхархуте представляют собой великолепные образцы полностью развившегося повествовательного изобразительного искусства, на которых повествование разворачивается с обилием деталей и элементов фона, не всегда строго необходимых для понимания передаваемого события. Главный персонаж — Будда или Бодхисаттва — на них не представлен; его присутствие незримо, он — «недвижный» центр, который не действует сам, но придает смысл действиям других персонажей. Принимая форму символа, Будда отказывается от всего случайного.

Верно, эти представляемые сцены тесно соотнесены с буддийскими литературными текстами, но они важны скорее с точки зрения того, что Будда *говорит*, а не того, что он делает. В этом отношении даже беглый взгляд на «Дигха-никаю» может прояснить очень многое. Обратимся, например, к началу «Саманья-пхала-сутты» (*Sāmaññaphala-Sutta*) с ее изумительными описаниями двора Аджатасатты, придворных, собравшихся в ночь полнолуния и решивших посетить Просветленного, прибытия Аджатасатты и его свиты на слонах в манговую рощу Дживаки, удивления царя полнейшей тишине и открывшейся картине — Будда находится в окружении полутора тысяч погруженных в медитацию монахов. Эти описания обладают литературными достоинствами и сами по себе производят большое впечатление, вне зависимости от философского смысла рассказа. Философское содержание и повествовательное обрамление вовсе не обязательно связаны между собой. Читателя подготавливают к святости откровения рассказом, в котором Будда не играет активной роли: он не совершает никаких поступков, он не более чем слово, *lógos*.

Бхархутский скульптор уловил важнейшие моменты рассказа¹¹: царь и его спутницы подъезжают на слонах к манговой роще; царь спрашивает, где же Будда и его безмолвные последователи; царь, а за ним Дживака и женщины при свете светильника опускаются на колени перед Буддой. Как всегда на таких рельефах, Будду представляют символы: зонт, пустой трон, следы ступней. Рельеф превосходно передает структуру рассказа. Излишне задаваться вопросом, почему Будда не представлен в человеческом облике? Выбор решения был сделан художником совершенно сознательно, и тут даже не следует думать о каких-либо прямых канонических запретах: Будда представлен символически, потому что это наилучший способ показать его роль в данном рассказе. Использование символов несколько не уменьшает повествовательности изображения, цель которого напоминать эпизод из «Дигха-никаи»; оно воздействовало на верующего, напоминая ему о том, как могучие владыки должны смирять себя перед мистическим средоточием, каким является слово Будды.

Если мы рассмотрим изобразительный контекст более широко, то заметим, что эти рельефы размещены на колоннах не в хронологическом порядке. Возможно, нам никогда не удастся полностью постичь ни «программы» (логики размещения

¹⁰ Некоторые пронизательные наблюдения на этот счет можно найти в работе: *Nehru L. Origins of the Gandhāra Style. A Study of Contributory Influences. Delhi, 1989.* См. также статью, хотя и неудовлетворительную со многих точек зрения; *Eichenbaum-Karetzky P. Hellenistic Influences on Scenes of the life of the Buddha in Gandhara // Oriental Art. 1989. XXXV. 3. 1989. P. 163—168.*

¹¹ *Coomaswamy A.K. La Sculpture de Bharhut P., 1956. P. 52—53. Figs. 30, 33.*

изображений) на ведике (vedikā) в Бхархуте, ни «программ» других одновременных или чуть более поздних комплексов вроде ступы I в Санчи. Но мы сказали бы, что можем уверенно отвергнуть возможность того, что хронологическая последовательность эпизодов сильно занимала художников или их патронов-заказчиков — не более чем составителя «Дигханаикаи».

В то же время известно, что тексты, подобные «Буддхачарите», «Лалитавистаре», «Дивья-авадане» и некоторым другим сочинениям, дошедшим до нас в индийских оригиналах или в китайских переводах, дают историю жизни Будды или по меньшей мере некоторые элементы, намечающие такую идеальную историю. Эти тексты, как и диалоги Будды и, возможно, другие более ранние «истории», которые не дошли до нас, привлекали к себе внимание индийских скульпторов всех региональных «школ»: от Санчи до Амаравати, от Бхархута до Гандхары мы встречаем один и тот же корпус текстов, на которые ориентировались скульпторы, выбирая то или иное в зависимости от пожеланий патронов-заказчиков.

Приведем в качестве примера рельеф из Амаравати¹². На нем даны три сцены: центральная — эпизод из жизни Будды, усмирение слона Налагири; справа — одна из джатак, а слева эпизод из «Сарвандааваданы» (Sarvaṃdadāvadāna). Сцены отделены друг от друга четырьмя сферическими выступами, но общее впечатление от рельефа остается такое, будто перед нами единое развертывающееся изображение, хотя между этими тремя эпизодами и нет временной связи. Это поучительные сцены, можно было бы сказать *exempla* или *grāeis*, которые могут быть включены в назидательный контекст независимо от какой-либо хронологической последовательности.

Такое использование подобных сцен можно обнаружить и в Гандхаре, но там мы видим явно выраженное предпочтение к последовательному размещению сцен по горизонтали, что образует некий «рассказ».

К сожалению, у нас очень мало данных о декоративных «программах» гандхарских ступ, вроде той из Лориян Тангай, что хранятся в Индийском музее в Калькутте (ее рельефы повествуют о жизни Сидхартхи от Рождения до Отречения)¹³, или ступы из Сикри в Лахорском музее, рельефы которой иллюстрируют весь жизненный путь основателя буддизма¹⁴; даже если данные рельефа располагаются не в «хронологическом» порядке, это, кажется, произошло потому, что ступу вновь собирали после сноса.

Й.Э. ван Лохейзен де Леу пишет: «По их назначению эти панели можно сравнить с кальвариями в римско-католических церквях; и те и другие служили своеобразными иллюстрациями к жизни Учителя и в то же время — предметами для медитации во время прадакшины»¹⁵. Такая параллель может показаться совершенно очевидной, но это не так: напротив, она заставляет нас внимательнее рассмотреть существо дела.

Самый проникательный анализ был сделан Санто Маццарино, писавшим, что явно выраженный интерес к каждому эпизоду из жизни Будды, который мы видим в искусстве Гандхары, «и греческий, и негреческий /.../. Греки тоже не проводили в скульптурных повествованиях различия между мифическими и историческими фактами, рассматривая их как одновременно происходящие события. Но идея представления различных эпизодов, относящихся к жизни и личности Учителя, принадлежит буддизму. Более того: идея *строгой последовательности*, сценария, близко следующего определенным текстам, может быть греческой, но классическая форма имеет свое продолжение — в индийской среде в иллюстрированных историях жизни Будды, а в христианском мире — в создававшихся по мотивам преданий декорах поздней

¹² Barrett D. Sculptures from Amaravati in the British Museum. L., 1954. P. 73. Pl. XIVa.

¹³ Majumdar N.G. A Guide to the Sculptures in the Indian Museum, II: The Graeco-Buddhist School of Gandhāra. Delhi, 1937. P. 116. Pl. XIV.

¹⁴ Ingholt H. Gandhāran Art in Pakistan. P. 17. Pl. I, 1.

¹⁵ Van Lohuizen-de Leeuw J.E. The «Scythian» Period. Leiden, 1949. P. 108.

империи и средних веков. В этой эволюции, очень важной для истории мировой культуры, /.../ эллинистическая эпоха сыграла заметную роль /.../. Однако только зрелый классицизм сумел представить в виде сложных композиций не сцены битв или охоты, а эпизоды, которые выражают *внутреннюю природу* жизни в ее религиозном *развитии*. То ощущение *биографии духа*, которое есть в искусстве Гандхары, предполагает, что классический мир нашел способы передавать биографию, состоящую уже не из одних только примеров для подражания (*gráxeis*): и это, вообще говоря, приводит нас скорее к эпохе Римской империи, чем ко II в. до Р.Х., времени Деметрия и Менаандра, греческих царей в Индии»¹⁶.

Отличие искусства Гандхары от искусства собственно Индии состоит не в том, что оно более «повествовательное», нежели «символическое» («литературное повествование в камне», — говорил Джон Ирвинг), а в том, что оно вводит тип повествования, который можно определить как «исторический» или «линейный», совершенно новый в сравнении с индийским искусством, но новый и в сравнении с искусством Запада, потому что история, которую нам рассказывают, это история созревания религиозной личности и поэтому должна восприниматься как единое целое. Мы согласны с мнением С. Маццарино о том, что гандхарская манера рассказывать о жизни Будды не могла возникнуть уже во II в. до Р.Х., но обязательно ли было для этого дожидаться эпохи Римской империи? Наверное, нет.

Итальянские раскопки в Буткаре в Свате дали большую группу рельефов со сценами из жизни Будды. Это рельефы относят теперь к концу I в. до Р.Х. или к началу I в. Р.Х. на основании археологических данных¹⁷, а также по стилистическим признакам (следует особо отметить, что благодаря находкам в Буткаре мы стали лучше понимать фрагменты рельефов с других памятников, таких как комплекс Дхармараджика в Таксиле)¹⁸. На этих сценах Будда иногда изображается лишь в виде символа. К сожалению, мы не знаем контекста, частью которого они являлись, но форма плит подсказывает нам, что они были выстроены в последовательный ряд, характерный для Гандхары.

Если это так и если мы вспомним, что такой текст, как «Буддхачарита», относящийся почти несомненно лишь к чуть более позднему времени (т.е. к периоду кушан), имеет повествовательную структуру, сходную со структурой гандхарских рельефов, то почему бы нам не допустить, что зрелый эллинизм «изобрел» «духовные биографии» под влиянием столь действительно проникающего при всей его кажущейся периферийности (удаленности) опыта, какой представляет собой северо-западный буддизм?

Мы думаем, что пришла пора посмотреть на искусство Гандхары не как на феномен «влиятельный» каких-то жанров, а как на продукт прямого контакта эллинизма с буддизмом. Разумеется, буддизм был не единственной религией, с которой имел дело эллинизм, и нам, быть может, стоит задаться вопросом, было ли это только результатом эллинистического влияния на буддийское искусство, или мы должны

¹⁶ *Mazzarino S.* Il pensiero storico classico. II, 1. Bari, 1966. P. 239—240.

¹⁷ *Faccenna D.* Excavations of the Italian Archaeological Mission (IsMEO) in Pakistan: Some Problems of Gandharan Art and Architecture // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. I. Душанбе, 1968. М., 1974. С. 126—176.

¹⁸ *Van Lohuizen de Leeuw J.E.* New Evidence with regard to the Origin of the Buddha Image // South Asian Archaeology. 1979 / Ed. H. Härtel. B., 1981. P. 377—400; *Huntington S.L. and J.C.* The Art of Ancient India: Buddhist, Hindu, Jain. New York, Tokyo, 1985. P. 109—124; *Fabrègues Ch.* The Indo-Parthian Beginnings of Gandhara Sculpture // Bulletin of the Asia Institute. N.S. I. 1987. P. 33—43; *Nehru.* Op. cit. Мы хотели бы отметить, что Хантингтоны придают огромное значение предполагаемому «парфянскому» стилистическому компоненту и, как кажется, игнорируют наиболее важное в этих рельефах, а именно — то, что в них обнаруживается знакомство с индийскими стилистическими приемами, особенно с приемами бхархутской школы.

также говорить и о повествовательной структуре, созданной буддизмом в северо-западных районах, которую эллинизм, легко придав ей ряд наиболее подходящих формальных приемов, сумел развить и позднее перенести на другие, более западные разновидности религиозного опыта?

Пожалуй, именно это нововведение в повествовании, а не просто создание определенного образа Будды, дает нам при изучении взаимоотношений Азии и Европы «такую блестящую возможность восторженно говорить об одном из высочайших свершений, которыми их сотрудничество обогатило человечество»¹⁹. И этот критически важный момент в развитии буддийской мысли получает должную оценку благодаря археологическим данным, обнаруженным раскопками миссии IsMEO в Свате.

* * *

Было бы слишком рискованно пытаться выявить специфические особенности вероисповедания и религиозной практики в Тапа Сардар в ранний период (приблизительно до VI в.) на основании того, что мы знаем о его памятниках. Все, чем мы располагаем, — набор плохо связанных между собой эпизодов, который не позволяет нам восстановить органическое целое.

Есть, однако, одно исключение, причем огромной важности, а именно — ступа 64. В ней как таковой нет ничего необычного, и все же она представляет собой поразительно ясную «модель» космоса. На квадратном основании, представляющем земной мир, стоит восмигранник, представляющий восемь направлений в пространстве, в котором Будда выступает в промежуточном мире. Третий, небесный, мир был представлен несохранившимся яйцеобразным куполом (арфа). Необычность данного памятника заключается в том, что он находится в центре небольшого кольца, образованного стенами, представлявшими город. Быть может, лучше назвать их городской стеной в обратной перспективе, так как то, что мы видим, это как бы внешняя сторона городской стены, которая должна была быть видна изнутри, т.е. так, как ее мог видеть поклоняющийся, когда он совершал ритуальный обход ступы, расположенной внутри замкнутого пространства.

На обмазанном глиной полу между ступой и юго-западной стороной ограды была надпись, выполненная письмом брахми. С. Парлато читает ее так²⁰: gha (или ya) na rthe hvap ra, где hvap и ra должны быть двумя мистическими слогами (bīja) мантры, созданной для какого-то человека по имени Гхама или Яма, или чье имя кончалось на -гхама или -яма.

С. Парлато и К. Сильви Антонини²¹ пытались истолковать надпись в терминах некоей мандалы, что представляется вполне вероятным. Г-жа Сильви Антонини указала также на то, что разграничительные стены нередко ставились при погребальных сооружениях; вероятно, нам следует провести соответствующие исследования, с тем чтобы лучше понять характер небольшого святилища ступы 64. Быть может, этой был «рай», что привело бы нас к сложной религиозной феноменологии, способной прояснить многое в самом значении ступы, воспринимавшейся как источник жизни (fons vitae). Возможно, с этим связаны некоторые упоминания об «огражденных со всех сторон»²² Чистых Странах с «дворцами (или

¹⁹ Foucher A. L'origine grecque de l'image du Bouddha // Conférences faites au Musée Guimet. Annales du Musée Guimet. Bibliothèque de Vulgarisation. XXXVIII. P., 1912. P. 272.

²⁰ Parlato S. A Brāhmi Inscription on a Mud-Plaster Floor at Tapa Sardar // EW. 1979. 29. P. 265 ff.

²¹ Silvi Antonini Ch. Note su un'area sacra di Tapa Sardār // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 1979. 39. P. 480 ff.

²² Меньшая Sukhāvati-vyūha в Buddhist Mahāyāna Texts, Part II (Sacred Books of the East). P. 92; в прим. 2 Макс Мюллер замечает, что «огражденный» — санскр. anuparikshipta, и отсылает читателя к слову *parikkhepa* в Childers' Dictionary со значением *paridaēza* — «парадиз» (райский сад).

башнями)», дающими приют всем пришедшим²³. Это подкрепляло бы предложенную С. Парлато интерпретацию, так как мантра оказалась бы связанной с введением ревностных приверженцев в «Поле Будды» (Buddhakṣetra).

К последней фазе раннего периода этого сооружения относится комната 100, в которой некогда доминировала огромная фигура сидящего Будды (или, может, быть, Майтрейи). Слева и справа от нее находились два бодхисаттвы, представлявшие его «сострадание» (kaṣṭhā) и «мудрость» (praññā)²⁴, или лучше сказать — представлявшие два различных проявления Будды, восходящее и нисходящее²⁵. Им поклоняются две семьи, люди одеты в «кушанские» костюмы. «Кушанские» персонажи появляются также в часовне позднего периода, где находилось колоссальное изображение Паринирваны Будды²⁶. (Была ли там Паринирвана и в ранний период? Этого мы не знаем.) Существование подобной комнаты со всей определенностью свидетельствует о том, что уже начинал утверждаться буддийский *бхактизм*. Правда, тут есть одна важная деталь, а именно — присутствие одних лишь представителей политической элиты ясно указывает на то, что они действовали как своего рода «фильтр» между рядовыми приверженцами вероучения и божеством.

Разумеется, большую информацию мы извлекаем из более многочисленных и менее фрагментированных находок, относящихся к позднему периоду. Среди наиболее примечательных находок и открытий следует назвать весьма своеобразное сооружение, так называемый «алтарь огня»²⁷, расположенный в нижних слоях на террасе к югу от основных построек. Это сооружение состоит из трех помещений, которые были пристроены к стенам разрушенного святилища раннего периода.

Самой важной, несомненно, была комната № 87, последняя, расположенная в глубине, прямоугольная; входили в нее через узкий проход в юго-западном углу. Проход был наспех заложен кирпичами. Кирпичная суфа шла вдоль трех стен, не было ее только у дальней, восточной стены. На суфе, шедшей вдоль южной стены, сохранились отпечатавшиеся следы двух сосудов (возможно, для ссыпки золы) или подставок с круглыми основаниями. На глиняном полу, ближе к дальней стене находился глиняный восьмигранный алтарь с вогнутыми сторонами, что делало его похожим на восьмиконечную звезду. Явные следы горения в центральном углублении со всей определенностью указывают на то, что здесь поддерживался огонь. Кроме того, следы огня были обнаружены в нескольких местах в соседнем помещении 89, которое М. Таддей предложил назвать «ризницей».

Пока мы можем сравнивать это сооружение с «алтарем огня», открытым экспедицией университета Киото на Тапа Скандар²⁸, хотя оно и отличается по

²³ Saddharma-puṇḍarīka / Trans. l. by H. Kern (Sacred Books of the East). P. 146; ср. с «высокими зданиями» рая, сложенными из драгоценных камней, в другом месте — Saddharma-puṇḍarīka (p. 194).

²⁴ Все изображения, найденные на Тапа Сардар (за исключением нескольких изображений из штука), сделаны из необожженной глины. Те, что были сделаны в поздний период, покрыты снаружи характерным слоем красноватой глины; это придает фигуркам вид терракот. В слоях, относящихся к раннему периоду, мы нашли много фрагментов статуэток, ставших «терракотами»: фигуры были вылеплены (иногда изготовлены в формах) из необожженной глины, которую обжог вовсе не огонь керамической печи, как могло бы показаться с первого взгляда, а пожар, положивший конец существованию первого святилища. Об этом см.: Verardi G. Osservazioni sulla coroplastica di epoca kuṣāṇa nel Nord-Ovest e in Afghanistan in relazione al materiale di Tapa Sardâr // Annali dell' Istituto Universitario Orientale. Napoli, 1983. 43. P. 479—502 (с англ. резюме — с. 503—504).

²⁵ Miyaji A. Iconography of two flanking Bodhisattvas in Gandhāran Buddhist triads // Ed. A. Miyaji. Iconographical Study of Buddhist Art in India and Pakistan. Hirosaki University. 1985. P. 9.

²⁶ Taddei M. A Note on the Parinirvana Buddha at Tapa Sardâr // South Asian Archaeology / J.E. van Lohuizen de Leeuw and J.M.M. Ubaghs. eds. Leiden, 1974. P. 111—115.

²⁷ Idem. Evidence of a fire cult at Tapa Sardâr // South Asian Archaeology 1981 / Ed. B. Allchin. Cambr., 1984. P. 263—270.

²⁸ Kuwayama S. The fifth excavation at Tapa Skandar // Japan-Afghanistan Joint Archaeological Survey in 1978. Kyoto, 1980.

внешнему виду. Любопытно однако отметить, что и на Тапа Скандар помещение с алтарем имело характер как бы частного святилища, и доступ к нему был весьма затруднен. Д-р Земарялай Тарзи, бывший генеральный директор Института археологии Афганистана, любезно сообщил нам, что он открыл несколько похожее сооружение на Тапа Шотор в Хадде²⁹, хотя оно и отличается по своей планировке и другим архитектурным приемам.

Еще более близкую параллель, как кажется, представляет собой культовое помещение, раскопанное в жилых кварталах на Зар-тепе в Узбекистане (см. работу В.А. Завьялова³⁰). Здесь также суфа идет вдоль трех стен комнаты, которая была жилым помещением. Несомненно, что здесь, как и на Тапа Сардар и Тапа Скандар, огонь не был связан с какими-либо изображениями или статуями. Более вероятным представляется, что объектом поклонения был сам огонь. Но что это был за огонь?

Ни Тапа Сардар, ни Зар-тепе не дают нам никаких указаний на религиозный контекст. Алтарь на Тапа Сардар (к нему мы сможем добавить и алтарь на Тапа Шотор, когда материалы раскопок будут опубликованы) в этой группе памятников пока остается единственным, который может быть как-то связан с буддизмом. Короче говоря, это мог быть *agniśāla*³¹, место, где поддерживался священный огонь. Дж. Верарди указал тут на связь с *Dhūnighar*, где шиваитские общины вроде *Gorakhnatis* поддерживают неугасимый священный огонь; он представлял собой символ мировой оси *par excellence* и, таким образом, мог почитаться как шиваитами, так и буддистами. Это является еще одним аргументом, подкрепляющим позицию тех, кто видит в религиозной феноменологии огня на северо-западе Индийского субконтинента проявление местной индийской традиции, которую вовсе нет нужды объяснять иранскими влияниями³².

Но Тапа Сардар дает нам и прямое свидетельство буддийско-шиваитского «синкретизма». Речь идет о часовне 23 с разрушенным главным изображением Будды или бодхисаттвы на цветке лотоса, который поднимается из вод, окруженных горными скалами. В этой же часовне находятся и два необычных изображения, которые были добавлены позднее и стояли у боковых стен: слева — украшенный драгоценными камнями Будда, на плечах которого расходящиеся на три конца облачение, а справа — Дурга Махисасурамардини. Образ очень сильно пострадал, но, по-видимому, богиня изображалась восьмирукой (*aṣṭabhuja*)³³. М. Таддей, частично отвергая прежние интерпретации (украшенный драгоценностями Будда — *saṃbhoga-kāya*), предложил политико-религиозное истолкование декоративной программы часовни 23³⁴: украшенный Будда есть напоминание об исполнении обряда панчаваршики (*pañca-vārṣika*), утверждение идентичности Будды и правителя; Махисамардини напоминает о жертвоприношении буйвола, совершенном в честь этой богини (умилостивительная жертва божеству, способному предотвратить хаос, которым в данном случае угрожало вторжение иноземцев, вероятно мусульман).

Мы ограничимся здесь лишь несколькими замечаниями о часовнях 17 и 37, которые расположены к юго-востоку от часовни 23.

В часовне 17 у дальней от входа стены была статуя сидящего «по-европейски»

²⁹ Письмо датировано 27.10.86. Краткая справка в работе: *Tarzi Z. Hadda à la lumière des trois dernières campagnes de fouilles de Tapa-é-Shotor (1974—1976) // CRAI. 1976. P. 382 (Phase I and Phase II).*

³⁰ *Завьялов В.А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. // *СА* 1979. № 3. С. 141—153.

³¹ *Verardi G.* The Buddha's Dhūni // *Investigating Indian Art.* P. 369—383.

³² *Taddei M.* The Mahisamardini image from Tapa Sardar, *South Asian Archaeology / Ed. N. Hammond L., 1973. P. 203—213; Taddei, Verardi.* Tapa Sardar: Second Preliminary Report. P. 47 ff.

³⁴ *Taddei M.* The Jewelled Buddha and the Mahisāsūramardini: Religion and Political Ideology in Pre-Muslim Afghanistan // *South Asian Archaeology. 1989 / Ed. C. Jarrige Madison, Wisconsin, 1992. P. 457—464.*

человека, от которой сохранилась только нижняя часть ног. Трудно сказать, было ли это изображение Будды Гаутамы, Майтреи или кого-то из татхагат, но мы точно знаем, что по сторонам от этой статуи находились четверо бодхисаттв, по-видимому, стоящих и, возможно, помещенных довольно высоко, над сводчатыми входами, ведущими в задний коридор. Боковые стены до самой пяты свода были украшены разнообразными изображениями будд и дэвов. По нашему мнению, все это можно сопоставить с росписями в Пещере апсар (Apsaras) в Кумтуре, где изображается «Чистая Обитель» Майтреи на небесах Тушиты (Tuṣita)³⁵.

Планировка часовни 37 (здесь также были найдены фрагменты росписи³⁶) очень напоминает планировку часовни 23 в ее первоначальном виде (т.е. без украшенного драгоценностями Будды и Михишамардини). Здесь на высоком пьедестале тоже изображены скалистая местность и пруд, из которого поднимается тройной стебель лотоса; только тут сохранились фигуры двух нагов, выходящих из воды и поддерживающих стебли. Более того, обнаруженные обломки позволяют нам со всей определенностью говорить о том, что боковые стебли служили опорой двум бодхисаттвам, а в центре был Будда, сидящий в падмасане и окруженный огненным ореолом. Вокруг этой центральной группы располагались фигурки меньшего размера (включая некоторых животных), но теперь уже невозможно восстановить, как они размещались.

Быть может, попытки точно идентифицировать эту сценку окажутся тщетными, но все же у нас есть достаточно оснований предполагать, что это могла быть «Чистая Обитель» или явление Татхагаты на горе Гридх-раку Ута. Мы, конечно, должны исключить любую интерпретацию, толкующую подобные изображения как повествовательные сцены, — такое толкование было недавно предложено П.Палом на основании обломка фигурки медитирующей обезьяны³⁷.

Продолжение раскопочных работ, возможно, позволит объяснить смысл «маршрутов», выложенных галькой на обмазанном глиной полу и образующих некую грубую мозаику. В некоторых случаях они, по-видимому, указывали поклоняющемуся, как ему нужно двигаться, совершая прадакшину, чтобы подойти к объекту поклонения с правильной стороны³⁸, или же просто отмечали определенную важную дорожку, которую нельзя было пропустить. В этой связи заметим, что часовни на юго-западной стороне террасы на Тапа Сардар, в отличие от обычных среднеазиатских святилищ, связаны задним коридором, который позволял совершать полный обход образов, помещенных в конце часовен. В самом деле, эти изображения покоились, лучше сказать — сидели, на коридорных сводах.

Пожалуй, самую перспективную область для религиозической интерпретации предоставляет типология ступ³⁹. Однако, являясь наиболее перспективной, она остается и самой рискованной.

Есть несколько весьма «странных» ступ вроде ступы 11 (если только это вообще ступа), у которых квадратная верхняя часть выступает над нижним восьмигранником. Эта восьмигранная часть представляет собой сооружение раннего периода, которое было просто подправлено снаружи добавлением слоев красного кирпича, придавших сторонам восьмигранника вогнутую форму и укрепивших постройку. Странной представляется и другая ступа № 75, стоящая посередине очень узкого помещения, которое выглядит совсем уж тесным из-за стоящих по углам статуй Будды и бодхисаттв. Дж. Верарди предполагает, что форма

³⁵ *Gaulier S., Jera-Bezard R. and Maillard M. Buddhism in Afghanistan and Central Asia. I. Leiden, 1976. P. 24. Fig. 42.*

³⁶ *Silvi Antonini Ch., Taddei M. Wall Paintings from Tapa Sargār // South Asian Archaeology. 1979 / Ed. H. Härtel. B., 1981. P. 429—438.*

³⁷ *Pal P. A Meditating Monkey from Tapa Sardar // EW. 1984. 34. P. 353—355; cp. Taddei M. Two Notes on Gandharan Iconography // EW. 1985. 35. P. 271—272.*

³⁸ *Taddei A Note on the Parinirvāṇa...*

³⁹ *Taddei M., Verardi G. Clay Stūpas and Thrones at Tapa Sardār. Zinbun: Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies. Kyoto University. 1985. 20. P. 17—32.*

этой ступы говорит об индивидуальном процессе реинтеграции, yantra в истинном смысле; тринадцать полукруглых выступов могли означать тринадцать чувств, известных индийским философам⁴⁰.

Расположение образов, чередующихся с небольшими глиняными ступами, на юго-восточной и юго-западной сторонах Большой Ступы⁴¹ также, по-видимому, скорее указывает на процесс реинтеграции, чем воспроизводит космический порядок. На деле эти статуи скорее обращены лицом к Большой Ступе, а не прислонены к ней спинами, как это бывает в подобных случаях в Средней Азии.

Эти ступы относятся к типу, который Дж. Туччи определил как *avatāra stūpa*. Они имеют много вариантов, но сам тип воспроизводится довольно точно.

Именно в подобных рядах ступ и образов достигается полная гармония формальных и символических ценностей, нарушающая всю архитектурную традицию. Наши ступы типа аватар (*avatāra stūpas*), порождаемые из цветков лотоса, которые поднимаются из земли, как с поверхности воды, не были архитектурными памятниками, наделенными символическим значением, какими были ступы раннего периода. Они представляли собой естественное цветение символов, райский сад, в котором каждый цветок говорит поклоняющемуся что-то свое*.

М. Таддеи, Дж. Верарди

---

⁴⁰ *Verardi G.* La excavación del santuario de Tapa Sardâr: Algunos problemas Histórico-religioso del N.O. de la India y Afganistán // *Revista de arqueología* (Madrid). 1984. V. 41. P. 58.

⁴¹ *Taddei, Verardi.* Clay Stūpas... P. 31.

* Перевод И.С. Клочкова.

© 1993 г.

ИТАЛЬЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИССИЯ IsMEO В ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕЗОН 1989—1990 гг.

По завершении первого пятилетия (1983—1987)¹ археологического сотрудничества с Йеменской республикой IsMEO в соответствии с соглашением, подписанным с Генеральной дирекцией Сотрудничества ради развития при МИД Италии, провел осенью 1989 г. мероприятия, связанные со вторым пятилетним циклом; по соглашению, заключенному между Италией и Йеменской республикой в Санае 3 марта 1988 г., предусматривается завершение программы археологических исследований и переход к крупным проектам реставрации памятников.

В первый из пяти предполагаемых сезонов работы велась на йеменской территории с 3 сентября 1989 г. по 3 марта 1990 г. В работах, которыми наряду с местным Генеральным управлением древностей и библиотек руководил глава миссии проф. А. де Мэгре в Центре итальянско-йеменского археологического сотрудничества в Санае, приняли участие следующие эксперты IsMEO: 1. По доисламскому периоду: а) археология — проф. Алессандро де Мэгре, проф. Марио Ливерани, д-р Сабина Антонини, д-р Виттория Буффа Алоизи, б) эпиграфика — проф. Кристиан Робэн, проф. Герардо Ньюли, в) история — проф. Луиджи Каньи, проф. Джiovanni Петтинато. 2. По доисторическому периоду: а) прибрежный район — проф. Маурицио Този, д-р Маурицио Каттани, б) горный район — проф. Франческо Феделе, д-р Джилл Моррис, в) пустынный район — д-р Франческо ди Марио. 3. По мусульманскому периоду: а) архитектура — проф. Умберто Шеррато,

---

¹ См. ВДИ, 1989. № 3. С. 155—163.

проф. Джованна Вентроне Вассало, б) градостроительство — проф. Паоло Кунео. 4. По геологии: а) геоморфология — проф. Бруно Марколонго, б) минералогия — проф. Винченцо Франковилья, в) геофизика — Франко Бранколеоне. 5. По биоархеологии: а) антропология — д-р Алфредо Коппа, Стефани Дамадио, б) палеоботаника — д-р Лоренцо Константины, в) палеозоология — проф. Шандор Бёкёни, проф. Ф. Феделе. 6. По технической документации: а) монументальные рельефы и керамика — архитекторы Эдуардо Гатти и Винченцо Лабьянка, чертежница Никола Оливьери, б) рисунки предметов — Патриция Смит, в) топография — Марио Машеллани, фотография — Антонио Солацци.

Обучение кадров проводилось частично в Центре археологического сотрудничества в Сане, частично — в полевых условиях. Оно заключалось, в первую очередь, в лекционных курсах и семинарах, которые итальянские специалисты проводили с йеменскими слушателями, главным образом с сотрудниками Управления древностей, студентами и недавними выпускниками Санского университета. Они были посвящены в основном методам и процедуре научной обработки материалов, добытых во время раскопок, проведенных ранее Итальянской археологической миссией.

В связи с большим количеством керамики, происходящей из раскопок, проводившихся в 1987 г. на сабейском городище Йала (древний Хафарай), наглядная демонстрация приемов обработки материалов была сосредоточена, прежде всего, на операциях очистки, описания, сборки и реставрации, а также на операциях маркировки, каталогизации на карточках и типологической классификации тех же предметов. В результате этой работы были реставрированы и реконструированы около 70 сосудов, что составило самую большую на сегодняшний день коллекцию архаической сабейской керамики (С. Антонини, В. Буффа Алоизи, А. де Мэгре).

На материале этой керамики была затем выполнена серия палеоботанических анализов для определения культурных растений, использовавшихся жителями этого поселения (Л. Константины). Комплекс палеоэкономических исследований был завершен изучением костей животных, обнаруженных в ходе тех же раскопок (Ф. Феделе).

Для студентов был организован специальный курс по типологической классификации предметов домашнего обихода из шлифованного камня (жернова, песты, ступки), извлеченных на свет в Йала и являющихся наиболее частыми из находок, которые встречаются в йеменских городищах доисторической и классической эпох (В. Буффа Алоизи).

Учебный цикл, посвященный материалам из Йала, завершился несколькими лекциями по стратиграфии сабейских городищ, о методах датировки с помощью С 14, по методике систематического учета керамических материалов в различных археологических контекстах (А. де Мэгре).

Специалисты по физической антропологии (А. Коппа, С. Демадио) тем временем провели полное обследование скелетных остатков, обнаруженных в 1986—1987 гг. в башенных гробницах сабейского периода в ал-Махдаре (Сирвах) и в 1985—1986 гг. в подземных погребениях химйаритского периода в Харибат ал-Ахдар (Замар). Анализ и изучение различных данных, полученных при этом, позволяют на первом этапе определить модель питания, демографическую структуру и возможные причины различных патологий, характерных для отдельных групп йеменского общества в доисламское время. Эта же работа стала первым шагом для проведения исследования генетических связей между жителями древних поселений изучаемого периода, что, в конечном итоге, ведет к пониманию структуры населения всей йеменской географической области.

В последний месяц сезона в Центре велись завершающие исследовательские работы и была закончена работа по интерпретации эпиграфического материала, добытого в ходе раскопок майнского города Баракиш (Г. Ньюли, К. Робэн).

Следует, наконец, отметить, что специалисты-историки, работающие в итальянской миссии, провели лекционные курсы и семинары по общим вопросам культуры древнего Ближнего Востока для студентов гуманитарного факультета Санского Университета (Л. Каньи, Дж. Петтинато).

Описав характер деятельности, проводившейся в стационарных условиях, я предполагаю описать полевую работу и ее основные результаты так, как их изложили специалисты, ответственные за конкретные исследования.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТИХАМЫ

Археологические исследования на побережье Тихамы проводились с 27 октября по 15 ноября 1989 г. Научное руководство исследованиями было поручено проф. М. Този, в них участвовали д-р М. Каттани и М. Машеллани. Богатые коллекции фауны из раннеголоценового местонахождения аш-Шума в вадии Рима изучались проф. Ш. Бёкёни, директором Института археологии Академии наук Венгрии.

Главной целью четвертого сезона полевых исследований в Тихаме было изучение южных, наименее исследованных во время предыдущих работ районов области. Особенно тщательно обследовалась вадия Рима, лишь предварительно изученная в 1985 и 1987 гг. Радиоуглеродные анализы раковин из бескерамических отложений памятника аш-Шума, расположенного на краю северного берега вадии примерно в 23 км от высокогорного шоссе Та'из Ходейда, дали очень раннюю дату — 6684—6475 гт. до н.э. (дата калиброванная).

Разведочная траншея (размеры: 2,0×14,0 м), наполовину пересекающая местонахождение в направлении север—юг и включившая в своей южной части небольшой разведочный раскоп 1987 г. (его размер 1×1 м), вскрывший край раковинной кучи, была заложена на одной из террас вадии. Траншеей разделили на семь квадратов размером 2×2 м, обозначенных последовательным трехбуквенным кодом (эти квадраты составляют часть общей топографической сетки, сделанной на всем местонахождении М. Машеллани в первый день работы). В направлении с юга на север эти квадраты получили следующие наименования: RUX, RUS, RUN, RUI, RUD, RPX и RPS. Раскопки были начаты 2 ноября 1989 г. в квадрате RUX (в него оказался включен разведочный раскоп 1987 г.) и закончены в квадрате RUN.

Стратиграфия, полученная в раскопе, следующая: S — рыхлый дефляционный слой, содержащий раковины *Terebralia palustris*, небольшое количество интрузивных камней и золотый песок; 1 — отложения плотного опесчанного суглинка водного происхождения толщиной 4—8 см (перекрывающие потревоженный археологический слой, очень бедный материалом); 2 — песчаный слой, насыщенный раковинами, костями, обработанными камнями, его толщина — 10—15 см. Для того, чтобы исключить непреднамеренное смешение материалов, первые 2—3 см слоя, обозначенные как 2-верх, снимались отдельно; 3 — материковый слой, состоящий из плотного сероватого крупнозернистого песка.

Совершенно очевидно, что в квадрате RUX слой 2 представляет собой хорошо сохранившиеся культурные отложения. Именно поэтому наносный слой 1 был убран с большой осторожностью, чтобы не повредить материал из верхней части слоя 2. Кости и раковины из слоя 2-верх найдены в плотно спрессованных напластованиях, содержащих и некоторое количество каменных находок. Последние состояли из нескольких небольших округлых галек, крупных галечных отщепов со следами воздействия огня на их поверхностях, неожиданно малого количества каменных отщепов — отходов производства при изготовлении орудий — и нескольких галек со следами сработанности.

Остатки, расчищенные в слое 2 в квадратах RUX/RUS, могут быть охарактеризованы как свалка пищевых отходов древних обитателей поселения. Происхождение небольших галечных отщепов выяснилось после удаления верхней части слоя. Территория, расчищенная под верхними пятисантиметровыми напластованиями, может быть определена как жилая площадка с остатками легкого наземного жилища типа хижины. В центральной части квадрата, сохранившейся лучше, непосредственно на материковом песке обнаружено скопление подобных отщепов. Свидетельством того, что здесь найдены остатки какой-то конструкции, являются два углубления от стоек, открытые в северо-восточном углу квадрата (остатки хижины занимают также и юго-восточный угол соседнего квадрата RUS). Углубления от стоек, обозначенные как ph1 и ph2, имели округлую и овальную формы диаметром 17—20 см. Они сохранились на глубине 30—35 см. Их стенки ровные, вертикальные. Углубления почти целиком заполнены толчеными раковинами, смешанными с тонкодисперсным песком.

В соседнем квадрате RUS, также под верхним слоем из выброшенных раковин *Terebralia palustris* и костей, расчищена жилая площадка. На ней обнаружена небольшая яма, заполненная обгоревшей землей, что свидетельствует о ее исполь-

зовании в качестве очага. В заполнении этого очага найден также древесный уголь, что дает возможность определить вид древних растений.

В западной части квадрата RUS под слоем 2 была частично раскопана крупная яма. Размеры ее раскопанной части (в квадрате RUS) — 70×50 см, глубина — 20 см (ее нераскопанная часть расположена в квадрате RUR). Яма заполнена песком, раковинами и некоторым количеством костей. В различных частях раскопа были открыты другие углубления от стоек (рН 3—7), однако у нас мало данных для того, чтобы судить об их принадлежности к одному либо нескольким жилищам.

В заключение надо сказать, что раннеголоценовый культурный слой местонахождения аш-Шума хорошо сохранился благодаря комбинированному воздействию различных причин, в числе которых надо назвать наличие верхнего наносного слоя с раковинами и песчано-суглинистого перекрытия слоя 1, а также плотность напластования сезонных отбросов. Местонахождение аш-Шума безусловно заслуживает в будущем полного исследования на всей своей площади около 3000 кв.м и по всей толще своих культурных напластований.

В дополнение к жилым постройкам, оказавшимся в пределах разведочной траншеи, в результате эрозии на западном склоне раковинной кучи обнажились разрозненные кости человеческих скелетов (в двух местах, на расстоянии примерно 8 м друг от друга). Они были предварительно обозначены как погребения 1 и 2. Если в погребении в квадрате QTD сохранились семь фрагментов длинных костей, то погребение 1 содержит компактное скопление черепных и длинных костей в квадрате QTK/P. Кости находятся в рыхлом золотом песке.

Раскопками удалось открыть индивидуальное погребение, в котором захороненный лежал на спине, головой на север, в неглубокой яме, вырытой в твердом материковом песке. Череп несколько сдвинут относительно шейных позвонков, так как нижняя челюсть была найдена смещенной на уровне костей ключицы. Кости правой руки не сохранились, так же как и кости правого бедра и большая часть костей правой ноги. Весьма вероятно, что ноги были согнуты в коленях, что послужило причиной их раннего разрушения. Однако кости средней и левой частей скелета оказались непо потревоженными. Они довольно хорошо сохранились, их выходившие на поверхность части покрыты темно-серой патиной. Левая рука была согнута в локте, ее кисть лежала на правой стороне лобка.

В погребении 1 никакого сопроводительного инвентаря не найдено. В погребении 2 после расчистки в небольших углублениях («карманах») в дне ямы, под скоплениями костей было найдено шесть предметов из раковин. Это неглубокие чашечки из створки раковины *Pinctada (margaritifera)*, по форме напоминающие половинки фасолей. Изделия тщательно обработаны по внешнему краю. Их наибольшие размеры — 6—8 см. Пять целых изделий были найдены недалеко друг от друга около северного скопления костей, фрагмент еще одного изделия найден недалеко от южного скопления.

Крайне важно для будущей функциональной оценки местонахождения аш-Шума отметить факт очень небольшого количества находок, обнаруженных как на поверхности местонахождения, так и в разведочной траншее. Однако качество этих нескольких находок исключительно высокое. Уже в 1987 г. на поверхности в западной части местонахождения был найден превосходный экземпляр удлиненого двусторонне-необработанного острья из зеленой яшмы. В этом году в слое 1 в квадрате RQ1 был найден длинный двусторонне-обработанный наконечник копья из красной яшмы. У подножия западного склона памятника найден небольшой черешковый наконечник стрелы с расширяющимися краями также с двусторонней обработкой, изготовленный из черного кремня. Превосходные скребки изготовлялись также из яшмы и кремня, в то время как для более грубых экземпляров использовался риолит (*rhyolites*) и другие местные метаморфические породы (они сохраняются в материальной культуре населения Тихамы вплоть до бронзового века). В аш-Шума отсутствует обсидиан.

Тщательное проиесеивание грунта из разведочной траншеи позволило обнаружить лишь несколько кремневых и яшмовых отщепов. Таким образом, пока нет данных для того, чтобы говорить о местном изготовлении этих замечательных орудий. Галька использовалась для изготовления из нее терочников и отбойников различных размеров. Наличие в материале плоских галек с сработанным краем позволяет предполагать, что обработка камня велась непосредственно на этом местонахождении. Наибольший интерес представляет находка обломка каменного терочника со

значительным углублением, который мог использоваться для растирания растительных продуктов.

Производство из раковин включает изготовление маленьких неглубоких «чашечек» из *Pinctada (margaritifera)* и бусин из различных раковин, в частности из просверленных улиток *Engina mendicaria* (широко распространенная практика повсюду в Индо-тихоокеанском регионе).

Косторезное производство засвидетельствовано несколькими полированными осколками костей, однако изделий из кости пока не обнаружено.

Предварительное обследование костных остатков из раскопок, проведенное проф. Ш. Бёкёни, дало дополнительные сведения об экономике доисторического населения. Были определены все костные останки животных, собранные во время раскопок 1989 г.

Костные останки животных сохранились плохо: в основном это зубы, эпифизы длинных костей и небольшие «короткие» кости. Наибольшее количество костей — около 90% — принадлежит дикому ослу. Большая вариабельность размеров костей и стертости боковых зубов особей связана с примерно равным количеством костей от проксимальных (богатых мясом) и дистальных (бедных мясом) частей туши. Это может служить определенным доказательством того, что часть убитых особей принадлежала к как-то контролируемой (доместицированной?) популяции. Из домашних животных определены кости крупного рогатого скота и, возможно, собаки. Овцы и козы отсутствуют, хотя безоаровый козел, дикая форма домашнего козла, обитал в соседних горах. Перечень диких животных очень короток: кроме дикого осла охотились на зубров и газелей. Исходя из этих данных мы можем предположить, что кроме морских и прибрежных пищевых ресурсов (моллюски, раковины, рыба) дикий осел обеспечивал примерно 90% мяса, потреблявшегося доисторическим населением. Зубры находились на втором месте, газели не представляли существенного значения.

М. Този

2. ИССЛЕДОВАНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ХАУЛАН АТ-ТИЙАЛ

Исходя из данных предварительного обследования 1987 г., тщательные исследования были проведены в этом году на новой территории к северу от уже обследованных районов. Этой областью является район вади Хамар в Сухмане, к востоку от аль-Байад (Гихана), между вади Мисвар и вади Йана'им.

Археологические обследования включали общее изучение, сбор подъемного материала и предварительные раскопки на двух поселениях. Работа являлась частью более обширной программы, имеющей целью полное изучение раннего доисторического человека на территории Йемена. В частности, исследования были сосредоточены на «песчаниковом поясе» Восточного Нагорья, особой геологической зоне, связанной с группой Тавила и идущей узким поясом через большую часть Йеменского нагорья.

Цели исследования были следующие: 1) составление карты доисторических местонахождений «образцовой зоны» нагорья; 2) сбор информации о возможном неолитическом заселении высокогорий и «маргинальных» (долинных) территорий Йемена; 3) поиски пещерных стоянок с подходящим для раскопок культурным слоем. Эти три основные задачи исследования были выполнены. Дополнительные исследования, представляющие значительный интерес, сделаны в области ландшафтной геологии и неолитической археологии.

Полевая работа проводилась 5—11 февраля 1990 г. В ней участвовали д-р Ф. ди Марио, Дж. Моррис, М. Машеллани и автор в качестве руководителя проекта.

Для археологического картирования район вади Хамар был разделен на два «сектора»: нижний, обозначенный А1 по названию селения Бейт Абу Гайда, и верхний, обозначенный НМ по названию Хамар. В целом было нанесено 31 археологическое местонахождение, из которых 21 — в секторе А1 (А11 — А121) и 10 — в секторе НМ (НМ1-НМ-10). Все местонахождения относятся к доисторическому времени либо несут следы очевидного доисторического обживания (за исключением А120, которое является хисном—крепостью исторического времени).

Ограниченные раскопки были проведены на А11 и А12 в вади ал-Фар' с

целью установить возможности для будущих исследований. В большой пещере А11 скальное основание обнаружено в 10—30 см от современной поверхности. В А12 среднеголоценовая палеопочва в верхней части «серого слоя» дала обсидиановые и кремневые артефакты. Они относятся к неолитическому периоду обводненных долин примерно 7000—5000 лет назад, времени, когда откладывалась серая формация, т.е. «серый слой», и ландшафт нагорья характеризовался некоторым, более интенсивным, чем сейчас, растительным покровом и слабо текущими реками. Вместе с артефактами были обнаружены древесный уголь, обожженные кости животных, плохо сохранившиеся, но целые кости козла (фаланга каменного козла?). Эти пробные раскопки составили примерно 4 кв.м в А11 и 3 кв. м в А12.

Во многих частях обводненной долины и в низовьях боковых долин района вадии Хамар обнаруживаются аллювиальные напластования возраста около 12000 лет или более, которые близко соответствуют уже изученным отложениям Таййила (от вадии ат-Таййила в местности А'руш). Главной особенностью как геологии, так и доисторической археологии является серый (до черного) глинистый слой, так называемый серый слой, в целом трансформировавшийся в своей верхней части в палеопочву («палеопочва Таййила», возможно относящаяся к середине голоцена, как в А'руш).

Очень важно, что доисторические местонахождения, в основном представленные неолитическим материалом, найдены в непосредственной связи с серой палеопочвой в вадии ал-Фар' и вадии ал-Ахлад, подтверждая таким образом, что все громадное пространство гор было заселено человеком в неолите. На основании собранного материала кажется вполне вероятным, что неолитические люди широко расселились в возвышенных и маргинальных районах Восточного Нагорья, даже в тех, которые, как, например, в некоторых частях района вадии Хамар, не лежат на очевидных путях передвижения и сейчас полностью необитаемы.

Обнаружение поселений неолитического времени в этих небольших и отдаленных долинах, только частично пригодных для земледелия, должно указывать на более переменчивую экономику, чем можно было ожидать, экономику, в которой и скотоводство и охота могли играть важную роль.

Кажется также возможным, что большинство новых поселений, открытых нами в районе вадии Хамар, представляет собой новый тип поселения, нечто похожее на временный лагерь возле навеса или пещеры либо на древнем берегу реки (см. большое количество каменных артефактов, найденных в сером палеозоле). Среди местонахождений представлены также такие типы, как место добычи сырья для каменных орудий, мастерские и другие поселения «специального назначения».

Ф. Феделе

3. ОБСЛЕДОВАНИЕ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РАМЛАТ АС-САБАТЕЙН

В группе, принимавшей участие в археологических исследованиях этого года, были Хасан ал-Хамрани из ГОАЛ и автор сообщения.

Целью исследования было установить наличие доисторических поселений, принадлежащих так называемому «неолиту Руб аль-Хали» в районе вадии Хариб-ал-Хагла ал-Хамра.

В течение трех дней группа обследовала примерно сорокакилометровый район, протянувшийся от Сафира до окрестностей Джабал Булайк, в направлении вадии Хариб-ал-Хагла ал-Хамра. Мы также обследовали некоторые пустынные долины (шакка) к западу и востоку от вадии (шакка ал-Рийан ал-Гарбийя и шакка ал-Хелева).

Первый день наша группа провела в Марибе, получая разрешение на поездки в районе вадии Хариб-ал-Хагла ал-Хамра. На второй день мы выехали из Мариба в район Сафира (к востоку от Мариба, на северной стороне вадии) и обследовали шакка ал-Рийан ал-Гарбийя и направление вадии. В первом районе по находкам отдельных каменных орудий и отходов производства мы обнаружили поселение, которое было бы очень интересно раскопать в ближайшем будущем. На третий день мы обследовали шакка ал-Хелева, к северо-востоку от вадии ал-Хагала ал-Хамра, где

обнаружили крупное поселение с богатым археологическим материалом. Это поселение дало значительную коллекцию каменного материала и минерализованных костей животных. Мы также обследовали вадии ал-Хагла ал-Хамра (недалеко от водяной скважины), определили местонахождение двух крупных поселений с каменным инвентарем и минерализованными костями животных. На одном из этих поселений мы нашли несколько шлифованных каменных орудий.

В результате трехдневной работы основная цель была достигнута: обнаружено четыре новых местонахождения, все предположительно относятся к одному времени (неолиту), богатым находками и иным материалом. Мы собрали столько материала, сколько было возможно (каменный инвентарь и кости животных).

Анализ каменного инвентаря позволит в будущем прояснить вопросы о наборе орудий древних обитателей этого района, о том, как они соотносятся с другими находками в районе Руб эль-Хали. Изучение костей позволит узнать, каким животным они принадлежат, и начать изучение экономики древних людей: были ли эти животные дикие или домашние? Это один из наиболее важных вопросов, который предстоит решить.

Мы также видели много осадочных отложений вдоль русла вадии и в пустынных долинах. Все они слоистые и свидетельствуют о существовании здесь в древние времена (возможно, между 9000 и 6000 лет назад) озер в пустынных долинах и о безусловном присутствии когда-то воды в вадии, что ясно указывает на более влажный климат, нежели в настоящее время. Данные, полученные нами во время наших исследований в этом сезоне, мы надеемся преумножить в будущем.

Ф. ди Марио

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПЛОСКОГОРЬЕ

24 октября д-р Юсуф Абдалла, вице-директор ГОАЛ, предоставил мне возможность посетить памятник, недавно открытый йеменскими исследователями неподалеку от Бейт Мигали в области Райда.

Поездка подкрепила гипотезу, которую я выдвинул за несколько дней до этого, после знакомства с материалом, происходящим с указанного памятника (бронзовые кинжалы, керамика, бусы) и хранящемся в Университете Сана. Это был погребальный инвентарь эпохи йеменского бронзового века.

Мадина Ваха'ис — поселение, относящееся к той же культуре бронзового века, что была открыта Итальянской археологической миссией в 1981 г. в Хаулан ат-Тиййале. Заслуживают внимания два главных достоинства поселения: его размеры, которые превышают все подобные поселения в Хаулане, и наличие неподалеку от поселения некрополя того же времени.

Приведенные выше данные подтверждают наши предложения рассматривать культуру Хаулана только как часть более крупного феномена, чей центр должен быть обнаружен в северной части Йеменского нагорья. Эти материалы впервые дают нам возможность сравнить эту йеменскую культуру с другими, не йеменскими культурами: документальные свидетельства из подземных гробниц в Мадинат Баха'ас находят, насколько мы можем судить по только что осмотренным экземплярам, прямые аналогии в палестинских погребальных обычаях (Иерихон, Тел ал-Аггул, Баб ад-Дара и др.) так называемого «промежуточного раннебронзового — среднебронзового века», датированного последними веками III тыс. до н.э.

Мадинат Баха'ис, таким образом, важен не только потому, что представляет собой первое поселение, обнаруженное в центральной области культуры йеменского бронзового века, но и потому, что показывает, как продолжение исследования этой культуры может помочь пониманию широко дискутируемых исторических и археологических проблем (хананей или аморрей?), касающихся культур бронзового века всего древнего Ближнего Востока.

А. де Мэгре

5. РАСКОПКИ В БАРАКИШЕ, ДРЕВНЕМ ЙАТИЛЕ

Этот первый сезон раскопок проходил с 30 декабря 1989 по 25 января 1990 г. В работах кроме директора древностей Мариба Мухаммада ал-'Иззи и группы из пяти сотрудников Управления древностей, проходивших практику, участвовали следующие эксперты с итальянской стороны: автор этих строк, археологи Марио Ливерани и Сабина Антонини, эпиграфисты Герардо Ньюли и Кристиан Робэн, архитекторы Эдуардо Гатти и Винченцо Лабанка, топограф Марио Машеллани, чертежница Патриция Смит, геологи Бруно Марколонго и Винченцо Франковилья, биоархеолог Лоренцо Константины, геофизик Франко Бранкслеони, фотограф Антонио Солацци и студентка-практикантка Роника Риччи.

Раскопки, проводившиеся на площади 16×15 м, обнаружили значительное каменное культовое сооружение из известняка (храм А), состоящее из больших монолитных квадратных в сечении пилястров, высотой около 4 м, окруженных стеной высотой более 6 м и увенчанной сложным каменным фризом, сохранившимся в центральной части храма до самого верха. Многоколонное прямоугольное сооружение (12×11 м) покоилось на основании высотой в 1,3 м, различимом снаружи благодаря повышающимся выступам рядов кладки основания наружной стены. Ориентированный углами по четырем сторонам света, храм имел главный вход с северо-запада, обрамленный двумя высокими основаниями арки, свидетельствующими, вероятно, о наличии монументальной лестницы. От нее идет центральный неф, выстланный большими квадратными известняковыми плитами и окаймленный двумя рядами пилястров, по три в ряд, и ведущий в глубину к возвышающейся целле, которая обрамлена двумя основаниями арок из квадратных блоков, прислоненных к каменной стене и опирающихся на нее. На уровне, слегка возвышающемся над центральным нефом, расположены четыре боковых нефа, по два с каждой стороны. Они несколько уже, чем центральный неф, отделены еще двумя рядами, включающими по три монолитных пилястра, и ограничены снаружи окружной стеной.

Ближе к задней части храма четыре боковых нефа теряют свое разделение из-за отсутствия пилястров, которые бы соответствовали тем, что обрамляют центральную целлу, и превращаются в два просторных квадратных помещения, от середины поднимающиеся вглубь, создавая как бы боковые целлы. Обводная стена составлена двумя рядами прекрасно отесанных больших блоков, соединенных гипсовым заполнением и украшенных слабыми насечками по полированному карнизу. Она прерывается вторыми дверьми, много меньшими по размеру, чем первые, с юго-западной стороны храма.

Двери, сохранившиеся почти до архитрава, возвышаются над маленькой наружной платформой и узкой лестницей, ведущей к западному углу здания. Дверь открывается в помещение, ограниченное с юго-востока стеной, которая закрывает пространство за первыми пилястрами двух правых нефов. В пространстве, ограниченном первым и вторым пилястром, как и в двух левых нефах, обнаружены симметрично расположенные поперек них два трапезных места. Они состоят из закрепленных каменных скамеек, окружающих два длинных тяжелых монолитных стола, каждый из которых состоит из трех плоских квадратных блоков, врытых в плиты пола.

Часть стола, обращенная к центру храма, украшена стилизованными головами горных козлов, а видимая сторона внутренней правой опоры стола содержит длинную надпись.

Кровля храма частично сохранилась и состоит из тяжелого основного фриза из длинных блоков (около 4,5 м), формой и украшениями похожих на пилястры и опирающихся, параллельно оси здания, на такие же средние пилястры, закрепленные в камне.

Второй, более плотный, но менее тяжелый вторичный фриз опирается на основные балки и на наружную стену. Метопы, украшенные мотивом зубчиков, заполняют регулярные интервалы между балками и на поворотах между плитами, скрепленные гипсом, составляют, наконец, верхнее завершение кровли. Гипотетическая реконструкция, основанная на изучении различных сохранившихся архитектурных деталей, по-видимому, показывает, что крыша опущена весьма глубоко относительно трех помещений храма. Вертикальное пространство, образуемое разницей между двумя уровнями, видимо, создавало отверстие, служившее для освещения и вентиляции здания.

Храм находится в нескольких метрах от городской стены, и тяжесть наслоений мусульманской эпохи, постепенно скопившихся вдоль нее, создала значительное давление в направлении внутренней части города, медленно и неотвратно наклоняя в том же направлении все сооружение храма. В результате этого многие пилястры были сломаны или наклонены до крайнего предела устойчивости. Раскопки внутреннего пространства храма пришлось временно приостановить до осуществления комплекса реставрационных работ.

Эти работы были продолжены у внешнего пространства храма, между ним и окружной стеной, позволило облегчить давление на его конструкции, а также изучить стратиграфию как исламских, так и маинских слоев.

Анализ обнаруженной керамики позволяет датировать мусульманский период обитания (слои А—С) временем XII—XVII вв. Ему предшествует естественное заполнение, указывающее на долгий период заброшенности (от Рождества Христова до XII в.), в ниже находится собственно маинский период (слой Д), относящийся ко времени использования храма.

Что же касается до эпохи строительства городской стены, то раскопки обнаружили массивную внутреннюю стену и лестницу, которая поднимается в направлении одной из башен окружной стены. В пространстве между стеной и храмом находится сооружение из камней неправильной формы, два из них — помещения, прилегающие к храму, в которых были найдены многочисленные предметы, в том числе фрагменты надписей на камне, красивая женская голова из гипса, две курительницы с надписями, два ожерелья (одно золотое, другое из стеклянной пасты с двойным изображением человеческого лица — краской и углем), кости животных, керамический бой.

Изучение этих сооружений позволило выделить в слое Д по меньшей мере четыре периода, более точная датировка которых будет возможна в результате радиоуглеродного анализа. Керамика же, как кажется, указывает на датировку времени использования храма второй половиной I тыс. до н.э.

Надписи, исследованные в полевых условиях профессором Герардо Ньюли, с палеографической точки зрения подтверждают, как представляется, эту датировку. Текст, вырезанный на блоке, поддерживающем жертвенник левого стола во внутренней части храма, оказался особенно интересным, ибо свидетельствует о том, что храм посвящен Накраху, божеству-покровителю Йатиля.

Тип гипостильного храма известен в Южной Аравии и за пределами Джауфа, в Хадрамауте, где раскопанные (Хурайда) и раскапываемые (Райбун) памятники, по-видимому, на несколько веков старше. В целом, однако, прямые стилистические параллели и прямых культурных предшественников в других районах древнего Ближнего Востока обнаружить трудно (Египет?).

Храм Накрахы, без сомнения — самый внушительный из всех известных нам, являет собой образец значительной художественной оригинальности. Раскопки позволили выделить его различные структурные особенности и характерные конструктивные элементы. Прекрасная сохранность и тип архитектуры, состоящей исключительно из квадратных элементов, ровно составленных и соединенных, делают его прекрасным образцом творческой силы маинской цивилизации. Он представляет собой конкретное и весомое свидетельство художественного потенциала, который, на наш взгляд, достоин быть прямо сопоставленным с современными ему великими творениями Сирии, Палестины, Египта и Месопотамии.

Однако история Йатиля более продолжительна, чем та, на которую указывают раскопки, проведенные в этом сезоне. Два шурфа, заложенные снаружи и позади храма (Ф. Бранколеоне, В. Франковилья) показали, что маинский слой (Д) лежит на других более ранних слоях, общая толщина которых превышает 7,5 м. Различные фрагменты керамики, происходящей из шурфов, ясно показывают, что почти все ранние слои относятся к сабейскому периоду. Большая толщина глубинных слоев, суть археологической природы «телля» Баракиш, указывает на то значение, которое Йатиль имел в сабейский период; это, в свою очередь, почти полностью совпадает со сведениями, содержащимися в южноаравийских эпиграфических памятниках.

Одновременно с раскопками продолжались работы по палеоэкологической реконструкции округа Баракиша (Б. Марколонго). Были обнаружены четыре различные системы орошения, выделяемые по размерам ориентации полей, по архитектурным чертам гидравлических сооружений (плотины, шлюзы и т.д.). На основе

изучения найденных надписей (Г. Ньюли) можно предположить, что эти системы были соответственно связаны с современными им различными периодами обитания городища — сабейским, майнским, и исламским (две системы).

А. де Мэгре

6. ОБСЛЕДОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПАМЯТНИКОВ В РАЙОНЕ ИББА И ТАИЗЗА

В рамках работы Итальянской Археологической миссии в ходе кампании 1989 г. с 21 ноября по 20 декабря, исламская группа, состоявшая из руководителя проф. Умберто Шеррато (Университет «Ла Сапиенца», Рим), проф. Джиованни Вентроне Вассало (Восточный университетский институт, Неаполь) и проф. Паоло Кунео (Университет Аквилы), при очень эффективном участии сотрудников Управления древностей Али Сайда Сайфа и Садика Сайда Османа, провели обследование религиозных памятников в районе Ибба и Таизза, посетив также некоторые памятники в Замаре и Губане.

Исследованием было охвачено 44 городища и 84 памятника (мечети, мадрасы, мавзолеи). Более 70 из этих сооружений, как представляется, не были ранее известны западным ученым и зафиксированы здесь впервые.

Сезон 1989 г. позволил снова расширить нашу типологию, добавив к ней несколько новых типов.

Среди важных результатов обследования 1989 г. укажем на определение монументального типа мадрасы/мечети, называемого «тип Каабы» (группа II АЗ по нашей классификации), особо отмеченный для района Ибба. Этот тип, как кажется, достиг своего архитектурного завершения в аййубидское время и стал особенно популярен при Расулидах.

Мы также выделили наличие в районе Таизза очень интересного типа II В6 — девятикупольной мечети — мадрасы, самого старого из известных сейчас датированных образцов этого типа в Йемене. Этот памятник, возведенный шейхом Абд ар-Рахманом в 815/1412-13 г., находится в селении ал-Фарави. Тот же самый тип зафиксирован в виде более поздних образцов в том же самом районе в Малхуки, Рамаде, ар-Рифаи и, как уже сказано, в Тихаме. Мадраса в ал-Фарави также важна своим многоцветным декором куполов.

Среди зданий, заслуживающих особого интереса, мы укажем мадрасы и мечети в следующих пунктах: Джибла. Масджид ал-мадраса; Айкара, ал-Мадраса; Дунва, ал-Мадраса; Дирас ас-Суфла, ал-Мадраса; Зу Укайб, Мадраса Хурра Марйам; Мидйа, ал-Мадраса; Рибат ал-Бурайхи, ал-Мадраса ал-Йакутия; Зу Сифал, ал-Мадраса ал-Фахирийа; Зу Сифал, Мадраса, кубба и мечеть комплекса Имад ад-дин*.

У. Шеррато

---

*Перевод М. Пиотровского и А. Седова.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Знакомство с неопубликованным наследием С.А. Жебелева после выхода в свет воспоминаний о его наставнике Ф.Ф. Соколове целесообразно продолжить публикацией его автонекролога, дающего возможность познакомиться, что называется, из первых рук с главными фактами научной биографии патриарха отечественного антиковедения XX в. Автонекролог был составлен в июне-сентябре 1932 г. по случаю собственного 65-летия и содержит неоценимые сведения не только о деятельности самого С.А. Жебелева, но и о его учителях и коллегах, о научном и политическом климате в стране, его весьма откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. Эта автобиографическая работа представляет для нас исключительный интерес, так как характеризует жизненное и научное кредо С.А. Жебелева и дает объективную оценку всего им содеянного. В свое время Д.П. Каллистовым были опубликованы выдержки из автонекролога С.А. Жебелева¹, но теперь настало время познакомить публику с полным текстом этого оригинального сочинения со всеми приложениями.

Автонекролог С.А. Жебелева замечателен полнотою обзора и редкой объективностью оценки собственной деятельности, как научной и преподавательской, так и общественной. Со страниц этого удивительного по своей честности произведения встает портрет русского ученого, чья жизнь пришлось на самый, может быть, драматический отрезок отечественной истории, кто, начав с весьма скромного исходного пункта, собственным упорным трудом создал себе видное положение в ученом мире России, кто пережил революцию, гражданскую войну и полосу террора, и, в общем, остался верен первоначально усвоенным принципам житейской и научной порядочности. Немногие вынужденные от них отступления (как, например, отречение от собственного своего друга М.И. Ростовцева) не скрываются автором и даже не оправдываются ссылкой на всем известные обстоятельства.

По честности самооценки этот автобиографический очерк С.А. Жебелева не знает себе равных. Но он замечателен не только заявленными в нем высокими истинами. Это произведение драгоценно для нас богатством своих реалий, подробностями из старого, безвозвратно канувшего в Лету гимназического и университетского быта, характеристикой учителей и коллег — историков и филологов старой школы, обстоятельным рассказом об этапах ученой карьеры и, конечно же, откровенным разъяснением тех научных взглядов, которых С.А. Жебелев вел за своим наставником

¹ Каллистов Д.П. «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелева // ВДИ. 1968. № 3. С. 152—158.

Ф.Ф. Соколовым, в русле строгого историко-филологического направления, придерживался всю жизнь.

Конец 1920-х — начало 1930-х годов стали для С.А. Жебелева самыми тяжелыми годами его жизни. Они ознаменованы изгнанием из Ленинградского университета (1927), «делом» Жебелева (1928), травлей в марксистской печати, бесконечными чистками в АН СССР и ГАИМК. Из этих испытаний ученый вышел не без потрясений: в начале 1930-х годов ему пришлось пересмотреть традиционную научную позицию и засвидетельствовать свою лояльность по отношению к торжествующему в науке марксизму соответствующими публикациями. Именно так мы расцениваем появление работ С.А. Жебелева, развивающих тему рабских восстаний в русле, уже указанном марксистской историографией². Его трижды переиздававшаяся статья о восстании Савмака была поднята на щит официозной исторической наукой, а сам сюжет вошел даже в школьные учебники по истории СССР. Но эти события относятся к более позднему времени, чем дата написания авто nekролога.

Авто nekролог С.А. Жебелева публикуется в обрамлении сопутствующих ему материалов: вначале дается специально написанное для него автором предисловие, где указываются поводы и обосновывается жанр повествования, а в конце присоединяются дополнительно набросанные С.А. Жебелевым комментарии по отдельным сюжетам, к сожалению, оставшиеся незавершенными. Заключается подборка материалов комментарием авторов публикации, где проясняются лица и даются полные описания изданий, упомянутых С.А. Жебелевым. Текст издается по автографу с многочисленными вставками и правками автора. Первые отмечены «звездочками» и оговорены в подстрочных примечаниях. Сокращенные слова дополнялись без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

² Жебелев С.А. Первое революционное восстание на территории СССР. (Историческая справка) // СГАИМК. 1932. № 9—10. С. 35—37; он же. Последний Персид и скифское восстание на Боспоре. Л., 1933 (то же: ВДИ. 1938. № 3(4). С. 49—71); он же. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953. С. 82—115); *idem*. L'Abdication de Pairisades et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore // Revue des études grecques. 1936. Т. 49. № 229. Р. 17—38; он же. Источники изучения рабских восстаний в древнем мире // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 9—10. С. 45—55; он же. Выступление в прениях по докладу на пленуме ГАИМК от 20—21 мая 1933 г., посвященного проблеме социальной революции в античном обществе // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 185—189; Жебелев С.А., Ковалев С.И. Великие восстания рабов II—I вв. до н.э. в Риме // ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 139—180.

[С.А. Жебелев ПРЕДИСЛОВИЕ К АВТОНЕКРОЛОГУ]

На своем веку мне пришлось написать немало количество nekрологов или поминальных статей. Приходилось писать nekрологи лиц мне близких или более или менее хорошо мне знакомых, но приходилось писать nekрологи и таких лиц, особенно из числа иностранных ученых, с которыми я ни разу в своей жизни не встречался и даже не видел их портретов. Если при писании nekрологов первого вида все же была некоторая возможность запечатлеть образ покойного на основании не только оставленного им ученого наследия, но и на основании личных о нем впечатлений, как бы подчас ошибочны они ни были, то при составлении nekрологов

второго вида всегда приходилось испытывать некоторое затруднение: можно было высказать свое впечатление о покойном, как об ученом, но уже совершенно невозможно было дать какое бы то ни было представление о нем как о человеке. Между тем для того, чтобы более или менее правильно обрисовать деятельность ученого, необходимо, конечно, считаться с тем, что он был прежде всего не ученый, а человек со всеми его положительными и отрицательными, сильными и слабыми сторонами. В последнем из написанных мною некрологов, в некрологе Виламовица, мне многое выяснилось в его ученой деятельности именно благодаря тому, что Виламовиц опубликовал свои «Erinnerungen» [1], где он много говорит и о себе, и о той обстановке, в которой протекала его ученая деятельность. Правда, Виламовиц не скупился иногда на те или иные «высказывания» субъективного характера и в своих ученых трудах, но огромное большинство ученых делает это в своих трудах чрезвычайно редко, что и затрудняет правильную оценку их ученой деятельности, когда приходится писать их некролог.

Писать свои воспоминания я не собираюсь по многим причинам, главным образом потому, что у меня для этого нет *фактического* материала в виде каких-либо более или менее регулярных записей в виде дневников. В различные эпохи своей жизни я пробовал вести такого рода дневник, но скоро же бросал это, потому что на писание дневника входило много времени и обыкновенно сообщались многие совершенно неважные, нехарактерные факты. С другой стороны, с течением времени некоторые важные факты или совершенно улетучивались из памяти, или приобретали неясный или ничтожный для меня самого образ, иными словами, уклонялись от того, чем должен быть факт как нечто действительно случившееся. Да и вообще, всякие «воспоминания», как бы ни была свежа память у составляющего их, дают лишь отчасти фактический материал, гораздо чаще же передают лишь впечатления, сложившиеся в уме составителя, о тех фактах, о которых он рассказывает, причем — и это очень важно — излагаются эти факты с точки зрения не того времени, когда факты имели место, а с точки зрения того времени, когда воспоминания составляются. Если даже допустить, что впечатления в данном случае довольно близко отражают фактическую истину, все же это будет только отражение ее, а не она сама. Повторяю, всякий, пишущий воспоминания не для себя, а для других, должен располагать, помимо хорошей памяти, фактическим, документальным материалом, современным или, во всяком случае, близким по времени к моменту, к которому факт относится. Что же касается воспоминаний, заключающих в себе лишь впечатления, оставленные в памяти их составителя происшедшими фактами, то при всей их важности и ценности эти впечатления не могут еще заменить документального фактического материала и всегда будут носить неизбежно субъективный, а не объективный характер.

Вся жизнь человека состоит из фактов, крупных и мелких. Ясно, что крупные факты запечатлеваются в памяти сильнее и крепче, а значит и надежнее, чем мелкие факты, хотя иногда последние в жизни человека имели очень важное значение, могут в некоторых случаях помочь уяснить *ἦθος* человека даже лучше, чем факты крупные. Но, с другой стороны, последние несомненно лучше запечатлеваются в памяти, в особенности если они имели не преходящее, а более длительное значение в жизни человека. Таких крупных фактов в жизни каждого человека едва ли бывает очень много. Поэтому и память о них в его голове более устойчива и более надежна. Идеалом всяких воспоминаний было бы то, если бы человек в своих воспоминаниях при передаче их на бумаге исходил из этих крупных фактов, присоединяя к ним факты мелкие, но характерные, помогающие лучше уяснить или обрисовать факты крупные. Составление таких «идеальных» воспоминаний — дело далеко не простое, и оно требует от составителя

большого таланта и даже художественного воплощения. Составление таких «идеальных» воспоминаний по плечу лишь Виламовицам.

К числу их я не могу отнести себя и в малой мере. Поэтому я и раньше затруднялся даже приступить к составлению своих воспоминаний, а после того, как прочитал «Erinnerungen» Виламовица, и совершенно отказался от мысли писать их. Но, с другой стороны, мне всегда хотелось дать *отчет*, прежде всего самому себе, о прожитой мною жизни и дать ту оценку ей, и положительную, и отрицательную, которую я составил о ней сам. Дать же оценку человеческой жизни можно лишь тогда, когда эта жизнь оборвалась, когда человек умер и когда другие начинают судить о ней в устной или в письменной форме, иными словами, когда пишут о покойном его некролог. Как я уже упоминал, мне приходилось писать немало некрологов и в них давать оценку и характеристику покойных лиц. Я сознавал всю ответственность, какую я беру на себя, давая эту оценку и характеристику с моей личной точки зрения. И я не раз задавал себе вопрос: а как бы отнесся к даваемой тобой оценке и характеристике тот человек, некролог которого ты пишешь, человек, который не может уже опровергнуть или поправить тебя, если ты на него в своем некрологе напал, приписал ему то, что он сам о себе никогда и не думал, на что он, может быть, даже рассердился бы на тебя за то, что ты ему все это приписываешь. Покойный Н.Д. Чечулин [2] любивший пускать «крылатые слова», иногда называл некролог «некроложью», хотя бы и бессознательно, и очень может быть, что в некоторых случаях составленные мною некрологи и являются «некроложью», являлись бы, во всяком случае, ею, если бы покойный мог ознакомиться с составленным мною его некрологом, с данною мною ему оценкою и характеристикой его деятельности. Так как, по моему убеждению, всякий несомообольщенный и несомовлюбленный человек является прежде всего наилучшим судьей прожитой им жизни и проявленной им в ней деятельности, то он и должен в первую голову сам дать себе отчет в ней, охарактеризовать и оценить ее. Иными словами, если бы мертвые могли составлять свои некрологи, то это было бы и лучше, и прежде всего поэтому мне и думалось, что если не возбраняется писать автобиографии, то почему бы заблаговременно и не составлять «автонекрологи», хотя бы в виде отчета в прожитой жизни самому себе. Скажут, что это и будет автобиография. Нет! Автобиография пишется в тот момент, когда жизнь еще продолжается и когда она не может еще подлежать полной оценке. «Автонекролог» предполагает, что жизнь человека, по крайней мере на данном отрезке времени, закончилась, что он вправе подвести итоги ей, оценить ее и охарактеризовать на основании главных этапов или отделов его деятельности. И если автор «автонекролога» ошибается в самооценке, самохарактеристике, то он, только он повинен в этом и несет за это ответственность. И мне думается, что если теперь дозволены «авторецензии» (само слово вошло даже в новое издание академического «Словаря русского языка»), то должны быть дозволены и «автонекрологи». Страшного в этом ничего нет, с филологической же точки зрения «автонекролог» звучит даже более приемлемо, чем «авторецензия», которую правильнее было бы во всяком случае заменить термином «автокритика»¹. «Автонекролог» и есть своего рода

¹ Под автокритикой я понимаю не то, что связано теперь с понятием «самокритики». Последняя, насколько я мог заметить, состоит исключительно в подчеркивании и признании отрицательных сторон и соответствует, до известной степени, самобичеванию. Автокритика же предполагает выявление не только отрицательных, но и положительных сторон, поскольку те и другие ощущаются «самокритиком». Самокритика носит в себе характер самообличающий и покаянный, автокритика содержит ответ самому себе и указывает, что у меня хорошо, что худо.

«автокритика» жизни человека, составленная им самим в ту пору, когда голова у него работает, а рука держит еще перо.

Мысль о своевременности составления «автонекролога» особенно крепко засела в моей голове приблизительно год тому назад, когда на гражданской панихиде по Б.Я. Владимирцову я услышал в речи Н.Я. Марра [3] указание на то, что известное «*de mortuis aut bene aut nihil*» — «буржуазная мораль»². Понятию «буржуазной морали» я, разумеется, не сочувствую. Из ходячего «*de mortuis aut bene aut nihil*» я, во всяком случае, не склонен, из чувства безразличия какой морали выводить то заключение, что покойного можно и даже должно ругать. Если пословица рекомендует «лежащего не бить», то тем паче нельзя согласиться с тем, что лежащего в могиле можно злословить: ведь первый все-таки может, встав, накласть бывшему его, второй же лишен возможности что-либо ответить злословившему на него. И вообще к покойнику следует относиться бережнее, чем в живущему. Я думаю, это и повело к тому, что мораль предписывает автору некролога не расписывать и не подчеркивать в нем отрицательные стороны покойного. Иное дело — автор «автонекролога». Он не только может, но и должен, если хочет быть искренним пред самим собою, что пожалуй, труднее, чем быть искренним в отношении других, открыто заявить об отрицательных свойствах своих, поскольку они сказались в тех или иных проявлениях его деятельности. Да они ему и виднее чем кому бы то ни было другому. Ведь автор «автонекролога» дает отчет о себе и своей деятельности, прежде и главное всего, самому себе, своей совести, если она у него есть. Этот «самоотчет» — допустимость его едва ли есть нужда доказывать — поможет и другим желающим правильнее оценить путь жизни, пройденный автором «автонекролога».

Через три месяца исполняется 65 лет моей жизни. Этот пункт ее признан у нас теперь в отношении ученых тою гранью, переступив которую ученый может ходатайствовать о назначении ему пенсии «по возрасту», иными словами 65 лет признается достаточным сроком, чтобы ученый мог «выйти в отставку» по достигнутому им возрасту. Все это тем более является подходящим сроком для подведения итогов прожитой жизни и для критической оценки их. Сколько суждено мне прожить еще, я не знаю; но я знаю, что сколько бы я ни прожил, главное и существенное уже позади, что моя оценка прожитого и сделанного не изменится и что, следовательно, вполне настала пора ее зафиксировать, прежде всего для себя, а затем и для других, кому это будет интересно. Мой «автонекролог», с одной стороны, облегчит мое сознание, с другой стороны, избавит всякого другого, который захотел бы составить мой некролог, от неособенно приятной обязанности или поручения тратить время на его составление. А если даже и нашелся бы кто-либо, кто пожелал бы составить мой некролог, мой «автонекролог», я уверен, облегчит ему его задачу. Но я сомневаюсь, чтобы такой человек нашелся. Из людей, которые близко знали меня, многие умерли. Я имею в виду Я.И. Смирнова, В.К. Мальмберга, Н.П. Кондакова, А.В. Никитского, Б.А. Тураева [5], — это, пожалуй, все лица моего круга и моих интересов, с которыми я поддерживал

² Кстати сказать, я не мог отыскать, кому принадлежит эта максима. В бывшем у меня под рукою сборнике крылатых слов Бюхмана [4] (18-е изд. Берлин, 1895) я нашел лишь указание на то, что «*de mortuis nil nisi bene*» представляет собою, вероятно, перевод приписываемого Диогеном Лаэртским Хилону изречения «*τὸν τεθνηκότα μὴ κακολογεῖν*», «покойного не злословить». Но это еще не значит, что о покойном нужно обязательно говорить лишь хорошее. Последнее, пожалуй, можно вывести из слов Фукидида (II, 45) в его «*Ἀλόγος ἐπιτάφιος*»: «*τὸν γὰρ οὐκ ὄντα ἅπας ἔλωθεν ἑπαινεῖν*» — «покойного обыкновенно всякий хвалит». Это «обыкновенно» указывает, во всяком случае, что в сознании Фукидида похвала умершему представляется чем-то общепринятым, но не обязательным.

близкие связи (в особенности с тремя первыми из вышеназванных). Остаются, правда, в живых два лица, которые также много соли со мною съели: И.И. Толстой [6] и М.И. Ростовцев [7]. Однако первый, по свойству своей природы, не захотел бы в некрологе говорить об отрицательных сторонах моих, а второй за время, истекшее со дня его отъезда в 1918 г., ничего не мог бы сказать обо мне за последние 14—15 лет, кроме разве того, что я публично отрекся от него, отрекся конечно вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающ их меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни. К тому же и М.И. Ростовцеву, как и другим близким мне людям, я никогда не открывал своего «я». Его я хочу теперь открыть прежде всего самому себе, а о последующем не забочусь. Нужно прежде всего отчитаться перед самим собою, а уже после того пусть отчитывают тебя другие.

Свой «автонекролог» я буду составлять так, как если бы я был не я, а какое-то постороннее мне лицо, некролог которого я составляю. Заниматься ни самовосхвалением, ни самобичеванием я не собираюсь. Я постараюсь оставаться на почве фактов, и если буду пояснять эти факты, то буду ссылаться лишь на ту обстановку, среди которой эти факты происходили и среди которой я жил.

Если успею, я напишу к «автонекрологу» особые «приложения» характера мемориального, со всеми особенностями, мемуарам свойственными, о которых я выше говорил. Иными словами, может быть, к тексту «автонекролога» я дам комментарий. В составлении его я буду чувствовать себя свободнее, как всегда бывает при составлении комментария, где возможно делать и отклонения в сторону. Но самый «автонекролог» я, как филолог, хотел бы составить прежде всего по правилам критических изданий древних авторов, т.е. установить текст, дать его *recensio* без особого увлечения в сторону конъектуральной критики.

23 июня

С.А. Жебелев

АВТОНЕКРОЛОГ

10/23 сентября автору исполняется 65 лет — возраст, с наступлением которого советское законодательство предоставляет право ученому, независимо от выслуженных им лет, возбудить ходатайство о назначении ему пенсии. Осенью же должно исполниться 50 лет с того времени, когда автор, будучи гимназистом V класса, начал давать частные уроки, продолжая заниматься этим в последующие гимназические и следовавшие за ними студенческие годы, по окончании которых он поступил на государственную службу.

Эти два внешних обстоятельства послужили поводом к составлению давно задуманного автором автонекролога, который, по мысли автора, должен подвести итоги всей его деятельности. Автор не собирается прекращать ее, поскольку он не считает еще себя инвалидом труда. Но вместе с тем он убежден, что в направлении его деятельности в дальнейшем существенных перемен не произойдет, что будущее будет продолжением прошлого. Избранная автором форма несколько необычна. Но если разрешается составлять автобиографии, писать даже авторецензии на свои книги, то что могло бы служить препятствием составить свой автонекролог? Ведь пишет же человек в предвидение своей смерти духовное завещание, т.е. делает

распоряжения насчет своего будущего. Тем более он не только вправе, но и обязан «отчитаться» в своем прошлом. Отчитаться прежде всего перед самим собою, а затем и перед общественною средою, в которой протекала и протекает его деятельность.

Отсчет в форме автонекролога носит исключительно формально-фактологический характер и говорит исключительно о деятельности автора на тех поприщах, на которых она протекала. От той или иной оценки своей деятельности автор, конечно, отказывается, равно как и от ее автокритики³. И то, и другое носило бы субъективный характер, автор же стремится быть объективным. Равным образом он не касается подробностей, носящих индивидуальный характер, поскольку они могли бы представлять интерес лишь для тесного круга лиц, более или менее хорошо знающих автора. Для них автор напишет, если позволит время и будет настроение, несколько «приложений» к автонекрологу.

Главным своим призванием Жебелев считал свою ученую деятельность. Подготовку к ней он получил исключительно на Историко-филологическом факультете С.Петербургского университета, куда он поступил в 1886 г., по окончании курса С.Петербургской 2-ой классической гимназии (1876—1886), где его учителями по греческому языку были О.Ю. Клеменчич, по латинскому языку — Н.В. Рубинский и О.О. Кениг. В университете (1886—1890) Жебелев слушал лекции по классическому и историческому отделениям; его главными учителями были Ф.Ф. Соколов, В.К. Ернштедт и П.В. Никитин⁴. По окончании университетского курса Жебелев был оставлен при университете по кафедре классической филологии, причем стипендией, как в бытность свою студентом, так и в бытность свою оставленным, не пользовался. Равным образом не мог Жебелев воспользоваться и заграничною командировкою, т.к. почти сразу же по окончании университета поступил на службу для добывания средств жизни для себя и для семьи, состоявшей из матери и младших своих сестры и брата. О том, что Жебелев не «штудировал» в заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, т.к. считал пройденную им в С.Петербургском университете «школу» вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобно большинству его соотечественников по специальности, два-три года в классических странах — Греции и Италии — он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке. Последующие пребывания в Греции, в Италии и вообще за границей, продолжавшиеся в общей сложности год с небольшим, многому Жебелева научили, но это было не то, если бы ему пришлось на заре его ученой деятельности позаниматься в чужих краях, не отвлекаясь ничем другим, длительный срок. В общем нужно сказать, что Жебелев — «доморощенный ученый», подготовка которого обошлась казне всего в 1500 руб., полученных им от университета

³ Ученая деятельность автора была за последние годы характеризована не раз другими: В.П. Бузескул во 2 ч. его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.» (Л., 1931); он же в напечатанной на правах рукописи в «Протоколах» Общих собраний Академии наук за 1927 г. «Записке» об ученых трудах автора при избрании его в действительные члены Академии наук; Н.М. Беляев в I т. сборника «Seminarium Kondakovianum» (Прага, 1927); И.И. Толстой в статье, предшествующей «Списку» печатных трудов автора, изданному по случаю 35-летия его ученой деятельности (Л., 1926); к помещенным в списке 212 номерам трудов прибавилось номеров 40, появившихся после 1925 г. [8].

8/21 сентября 1932 г.

С. Жебелев

⁴ См. статью Жебелева «Из университетских воспоминаний» (Анналы. 1922. № 2. С. 168—187) и составленные им для ЖМНП некрологи Ф.Ф. Соколова (1909. № 9. С. 17—64), В.К. Ернштедта (1902. № 10. С. 50—63), П.В. Никитина (1916. № 8. С. 43—71) [9].

на заграничные поездки в 1896, 1900 и 1905 гг. (остальные поездки за границу Жебелевым были совершены на свой счет).

«В лице Жебелева мы видим сочетание филолога-классика, эпитафиста, археолога и историка» (В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России. Ч. 2. С. 147). Это гребует уточнения и пояснения.

Историком Жебелев является постольку, поскольку некоторые из его работ, правда самые большие по размеру, написаны на исторические сюжеты. Но: 1) эти работы касаются только истории Греции, отчасти истории Рима; 2) они посвящены рассмотрению проблем, связанных почти исключительно с т.н. внешней, политической историей; 3) они почти исключительно аналитического, а не синтетического характера. В своих исторических работах Жебелев занимался, главным образом, установлением фактов как таковых; тут он всецело ученик «Соколовской школы». Если Жебелев и может быть квалифицирован как историк, то его работы в этом направлении скорее историко-филологического, чем строго исторического характера.

В бытность свою студентом Жебелев археологией не занимался, да и не мог заниматься, т.к. в то время никаких курсов по археологии не читалось. О тех внешних благоприятных обстоятельствах, которые привели Жебелева к занятиям археологией, пробудили в нем интерес к ней, он подробно говорит в предисловии к своему «Введению в археологию» [10]. Из этих обстоятельств едва ли не самым главным было установление близких сношений с Н.П. Кондаковым, которого Жебелев считает если не своим учителем, то крестным отцом в области археологии. Однако и тут, как и в отношении истории, у Жебелева слишком узок исторический горизонт: его интересовала по преимуществу классическая, отчасти раннехристианская археология. Самое же главное состоит в том, что Жебелев далеко недостаточно, чтобы считать себя археологом, занимался вещественными памятниками как таковыми. Он привлекал, где это нужно было, археологический материал, он читал археологические курсы, он опубликовал даже «Введение в археологию», но все это результаты скорее «книжных занятий», чем изучения вещественных памятников в их натуре. А последнее для археолога — прежде всего.

То же и в отношении эпитафики. Эпитафистом может считаться тот, кто имеет постоянное общение с самими «камнями», с их эстампажами, кто публикует впервые надписи, кто предлагает к ним восстановления. Такими заправскими эпитафистами были у нас В.В. Латышев [11], А.В. Никитский. Жебелев ни одной надписи не опубликовал впервые. Правда, он немало предложил восстановлений к ним, еще больше он занимался их толкованием, вообще привлекал их, и не как подсобный, а как руководящий материал, в своих работах. Лишь с таким ограничением Жебелев мог бы считать себя эпитафистом, и то лишь в области греческой эпитафики.

Ученый титул Жебелева, самый дорогой для него из всех его титулов, — «доктор греческой словесности», или, что то же, доктор греческой филологии. Единственно на такую квалификацию он считал бы себя вправе претендовать. Однако и здесь нужно уточнение в двух направлениях. Так как, с одной стороны, греческую филологию нельзя изучать, не соприкасаясь с филологией римской, то Жебелев не чуждался и ее, и в этом случае вправе был бы причислить себя к «филологам-классикам». С другой стороны, классическая филология делится на филологию формальную и филологию реальную. Жебелев был только филологом-реалистом. Изучение таких ветвей классической филологии, как историческая грамматика, метрика, палеография и пр., не входило в круг научных интересов Жебелева. Конечно, он стоял на той точке зрения, что без основательного знания обоих древних языков всякие занятия, касающиеся изучения античного мира, — покушение с негодными средствами, но специального уклона в сторону изучения их, как таковых, an und für sich у

него никогда не было, да и не должно было быть, т.к. кто желает изучить древние языки с этой формальной точки зрения, тот должен быть лингвистом, а лингвистической подготовки у Жебелева не было, и в лингвистической сфере, если ему приходилось забираться в нее, он не чувствовал себя хозяином, сознавая, впрочем, что и при занятиях реальной классической филологией этой сферы, без ущерба для дела, не миновать. Но в таких случаях Жебелев стоял уже на чужих, более компетентных, чем он, плечах. Но даже и в области реальной классической филологии была большая и важная отрасль ее, не привлекавшая специальных интересов Жебелева: история литературы. Если уж быть абсолютно точным, предметами его изучения была античная история и так называемые древности, преимущественно греческая история и греческие древности. Для изучения их Жебелев старался привлекать всю античную традицию, т.е. источники литературные, документальные и вещественные, причём главную свою задачу усматривал в критическом анализе этой традиции, в установлении, на основании ее разбора, фактов и только фактов. Он не только не смутился бы, но был бы очень польщен, если бы к нему применили кличку «фактопоклонник». Ибо, по его мнению, в установлении фактов заложены фундамент цель и назначение научного знания — узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию.

При этом характер самой метóды, посредством которой эта цель достигается, не играла во мнении Жебелева большой роли, лишь бы эта метóда была *строго научная*. Не метóду, а самое значение, получение его Жебелев ставил выше всего. Он был вполне согласен с Вилламовицем-Меллендорфом, сказавшим (Platon...): «Die Methode um ihrer selbst willen ist eine Mühle, die sich dreht, ohne zu malen» [12]; а в чем строгая филологическая метóда состоит, он мог бы сослаться на слова Моммзена: «Безоговорочно честное исследование истины, не останавливающееся ни пред каким трудом ни в малом, ни в большом, не скрывающее ничего сомнительного, не замалчивающее никакой лакуны ни в предании, ни в собственном знании, всегда во всем дающее отчет себе и другим» [13].

Та традиция, которая дошла об античном мире, страдает большими лакунами, полною неравномерностью, нарочитой, в некоторых случаях, некритичностью. Это обязывает исследователя, с одной стороны, дорожить буквально каждой строчкой предания, вчитываться и вдумываться в него, но вместе с тем постоянно относиться к нему с трезвою критикою, и лишь после тщательного проведенной аналитической работы, устанавливать факты с тем, чтобы затем освещать их. Из фактов должно создавать это освещение, а не из каких-либо теоретических предпосылок, аналогий и тому подобных вспомогательных средств исследования. С другой стороны, отмеченные свойства античной традиции при всяких попытках исследователя к воссозданию более или менее ясной картины далекого прошлого, неизбежно наталкивает его на путь гипотез. И это не беда даже в глазах фактопоклонника. Нужно только уметь твердо различать область положительного от области предположительного. Где и последнее не помогает, там лучше держаться правила Готфрида Германа [14]: *est quaedam etiam nesciendi ars et scientia*. От ошибок и заблуждений в научной работе никто не застрахован. Узенер [15] даже любил говаривать: «Man muss den Muth haben zu irren». Но раз ошибка указана другим или замечена самим исследователем, последний должен в ней открыто признаться. И этого Жебелев не боялся: он, например, открыто признал печатно, когда к тому представился случай, ошибочность данного им построения событий первого года второй Македонской войны.

Вот те основные принципы, каким *старался* следовать Жебелев в своей

научной работе. В какой мере удалось ему осуществить их на практике, он сам судить отказывался, предоставляя это другим.

Внешнюю форму своих работ Жебелев не оставлял без внимания, полагая, что ученая работа составляется не для ее автора, а для ее читателя; она должна быть изложена удобочитаемо, по возможности с опущением всего, прямо не идущего к делу: нужно уметь беречь время читателя. Поэтому все свои работы при окончательной их отделке подвергались Жебелевым обыкновенно не распространению, как это иной раз бывает, а возможному сокращению. Идеалом в этом отношении для Жебелева служила писательская манера П.В. Никитина. От свойственной более ранним работам Жебелева скверной привычки уснащать основной текст обилием примечаний — в большинстве случаев внешняя и дешевая ученость, в особенности при наличии всякого рода Handbuch'ов и энциклопедий по *klassische Altertumswissenschaft*, бурсиановских Jahresbericht'ов и т.п. — он старался всячески освободиться в своих работах более поздних.

Хотя Жебелев старался если не охватить, то не оставлять вне своего кругозора всю область греческой древности, но конечно разрабатывать самостоятельно он мог только некоторые ее отделы. Из них главными должны быть считаемы два: эллинистический и римский период истории Греции и греческие сакральные древности. К первому отделу должны быть отнесены, помимо мелких статей, следующие работы: «К истории диадохов» — разбор только что опубликованных тогда отрывков из «Τὰ μετ' Ἀλέξανδρον» Арриана (ЖМНП. 1889. № 11. С. 13—32; первая печатная работа); «К истории образования после-клизфеновских фил» (Στέφανος в честь Ф.Ф. Соколова. СПб., 1895. С. 11—48); «Из истории Афин. 229—231 гг. до Р.Х.» (СПб., 1898. С. XVI+365; магистерская диссертация); «Zur Geschichte von Lemnos» (Klio. 1902. Bd. 2. s. 36—44; единственная статья Жебелева, написанная не по-русски): «Ἀχαϊκά. В области древностей провинции Ахайи» (СПб., 1903. С.Х.+392; докторская диссертация); «Союз островитян» (ЖМНП. 1905. № 5. С. 219—260); «Афинские архонты III, II и I вв. до Р.Х. Устойчивые и неустойчивые основы их каталогизации» (ЖМНП. 1909. № 7. С. 287—314). Результаты работ Жебелева, посвященных истории эллинистических Афин, вошли в научный обиход, как в этом можно убедиться по ссылкам на них в монументальном издании Прусской Академии наук «Inscriptiones Graecae», t. 2 (ed. minor) [16]. «Ἀχαϊκά» Жебелева охарактеризована Бр. Кейлем в кн.: Gercke-Norden. Einleitung in die Altertumswissenschaft [17]. Bd. 3.S. 430 как «sehr sorgfältige Untersuchungen». В области изучения греческих сакральных древностей Жебелева заинтересовал, еще со студенческой скамьи, вопрос о так называемом религиозном врачевании, вопрос, имеющий также отношение и к истории греческой медицины. Из большого «кандидатского» сочинения Жебелева на тему «Исследования об инкубации и инкубационных оракулах в древней Греции» [18] удалось напечатать, кроме нескольких мелких статей, трактат «Религиозное врачевание в древней Греции» (СПб., 1893. 64 с.), в котором Жебелев, вопреки обычному в то время мнению, показал, что практика религиозного врачевания, хотя оно и овеяно было религиозным налетом, построена была на применении основ рациональной медицины. К вопросам, связанным с религиозным врачеванием, Жебелев вернулся и в своих последних работах («Эпидаврская ареталогия» и «Эпидаврская терапевтика») [19]. Сюда же относится статья Жебелева «Чудеса св. Артемия» (Сборник в честь В.И. Ламанского. СПб., 1907. Ч. 1. С. 451—474).

С давних пор Жебелева привлекало также изучение классического прошлого нашего юга. К этой области относятся его работы «Пантикапейские Ниобиды» (СПб., 1901. 57 с.); в сотрудничестве с Вл.К. Мальмбергом

«Три архаических бронзы из Херсонской губ.» (СПб., 1907, 35 с.); «Возникновение Боспорского государства» (ИАН. 1930. № 10. С. 799—820) и несколько мелких статей. После смерти В.В. Латышева Жебелевым было подготовлено не вышедшее в свет новое издание 2-го тома *IosPE* «*Inscriptiones regni Bosporani*» [20].

Остальные работы Жебелева исследовательского типа не связаны единством основной темы и посвящены различным вопросам в области классической древности — истории, археологии, эпиграфики.

Из наиболее крупных работ можно было бы отметить «О композиции "Описания Эллады" Павсания» (ЖМНП. 1909. № 10. С. 395—440); «Афина и Афины» (ЗВОРАО. 1925. Т. 26. С. 255—280); «Фрагмент элевсинской надписи» (ИАН. 1930. 7 сер. № 4. С. 251—264).

Достаточно поработал Жебелев и над переводом классических произведений древних писателей, желая внести лепту в дело нашего просвещения. Им была переведена, с примечаниями, «Политика» Аристотеля (М., 1911. С. XII+465; в приложении очерк о греческой политической литературе и «Политике» Аристотеля); переработан перевод, исполненный в свое время Ф.Г. Мищенко, истории Фукидида [21], причем многие отделы этой истории переведены заново (М., 1915. Т. 1—2. 848 с.; примечания к переводу и вступительные очерки к нему (С. 69+86) составлены были Жебелевым заново); для предпринятого издательством «Academia», но далеко не доведенного до конца издания нового перевода Платона Жебелев успел [сделать] переводы с вводными статьями и примечаниями «Пира», «Федра» (Пг., 1922. 173 с.), «Евтифрона», «Апологии Сократа», «Критона», «Федона» (Пг., 1923. 215 с.). Переведены, но остались в рукописи «Государство» и письма; остались также в рукописи исполненные для «Памятников мировой литературы» переводы Ксенофонта — «Домостроя», «Апологии Сократа» и «Пира».

Раннее христианство, возникшее на иудейской почве, но в греко-римском окружении, должно быть близко с исторической точки зрения сердцу филолога-классика. Немудрено, что оно интересовало и Жебелева. Он мечтал в свое время о новом, точном переводе Нового завета, исполненном на основе критического изучения его текста трудами, главным образом, немецких ученых (Бласса и Зодена) [22]. Мечте этой не суждено было осуществиться. Зато после революции, когда, казалось, изучение Нового завета, бывшее до того исключительно в руках богословов, может происходить в благоприятной обстановке и в обстановке строго научной, Жебелев поспешил воспользоваться создавшимся положением. Он издал общий очерк «Евангелия канонические и апокрифические» (Пг., 1919. 123 с.) и «Апостол Павел и его Послания» (Пг., 1922. 197 с.), разошедшиеся без остатка, и небольшие исследования «Христос-плотник» (Христианский Восток. 1922. Т. 5. С. 303—314), «Иконографические схемы Вознесения и источники их возникновения» (*Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov*. Prague, 1926. С. 1—18), «Оранта. К вопросу о возникновении типа» (*Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. I. С. 1—7). В рукописи готов перевод греческих апокрифических евангелий и собран большой материал для темы «Восхищение (ἀρραυμός) Христа».

Для истории классической филологии и археологии в России могут пригодиться составленные Жебелевым некрологи А.Н. Шукарева (1900), Д.Ф. Беляева (1901), В.К. Ернштедта (1902), И.В. Помяловского (1907), Ф.Ф. Соколова (1909), Е.К. Редина (1910), И.В. Цветаева (1914), А.В. Прахова (1916), П.В. Никитина (1916), гр. И.И. Толстого (1916), В.В. Латышева (1926), Я.И. Смирнова (1918), Б.В. Фармаковского (1929), И.В. Нетушила (совместно с В.П. Бузескулом; 1929), Ф.И. Успенского (1929), В.П. Бузескула (1932), отзывы об ученых трудах, касающихся юга России, Э.Р. фон Штерна (1901) и Б.В. Фармаковского (1915), равно как и большое количество рецензий и

библиографических заметок о трудах и русских, и иноземных ученых (о некоторых из последних имеются также и их некрологи). В течение без малого 10 лет Жебелев вел в журнале «Филологическое обозрение» «Археологическую хронику эллинского Востока».

В области научно-популярной литературы Жебелевым были составлены биографические очерки Сократа (Берлин, 1923. 191 с.), Демосфена (1922. 171 с.) и Александра Великого (1922. 171 с.) [23] (последний очерк переведен на эстонский язык). Сюда же должно отнести 6 книжек из предпринятой издательством «Наука и школа» серии «Введение в науку»: «Эллинизм» (Пг., 1920. 128 с.), «Эллинизм» (Пг., 1922. 112 с.), «Древний Рим. Царская и республиканская эпохи» (Пг., 1922. 119 с.) и «Императорская эпоха» (Пг., 1923. 142 с.), «Введение в археологию» (Пг., 1923. Ч. 1. 199 с. Ч. 2. 172 с.), а также свыше 200 статей, лишь отчасти подписанных, в 29 томах «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона. В общей сложности «печатная продукция» Жебелева выражается цифрой свыше 400 печатных листов.

Разумеется, те из работ Жебелева, которые имели временное, а иногда и скоропреходящее значение, теперь должны быть признаны антиквированными. Но его большие работы продолжают сохранять актуальное значение, поскольку они не заменены пока новыми. Его книгу «Из истории Афин» не заменил соответствующий отдел книги Фергюсона «Hellenistic Athens» (1911) [24], так как последняя представляет собою не аналитическое исследование, а синтетический очерк состояния Афин в эллинистическую эпоху со времени Александра Великого до взятия Афин Суллою в 86 г. до н.э. Книга Герцога «Die Wunderkuren von Epidaurus» (1931) [25] касается некоторых вопросов, связанных с религиозным врачеванием, но не рассматривает его полностью. Что касается «Ἀρχαία» Жебелева, то и до сих пор нет исследования, посвященного провинции Ахайя. Исполненные Жебелевым переводы «Политики» Аристотеля, истории Фукидида, шести диалогов Платона не заменены пока новыми. И даже «Введение в археологию», квалифицированное одним московским критиком как «компиляция», а некоторыми ленинградскими учеными признанное «плагиатом», не имеет по вложенному в книгу содержанию аналогичной работы ни в русской, ни в иностранной литературе [26].

В работах Жебелева не встретится выражение «русская наука» [27], потому что по его воззрению наука — международное понятие. Но поскольку каждый народ проявляет и в науке свою индивидуальность, постольку и себя самого, и своих русских собратьев по науке Жебелев считал русскими учеными. Культивированная Жебелевым отрасль научного знания — классическая филология, классическая археология, древняя история — никогда не имели у нас многочисленных адептов. Все же то время, когда пришлось работать Жебелеву, совпало с временем наивысшего ее расцвета, начавшего клониться к упадку лишь за последние 15—10 лет не потому, что изучение античного мира встречало какие-либо препятствия сверху, а потому, что ряды «классиков» сильно поредели, а главное потому, что большинство из числа оставшихся сошли с того пути, по которому они раньше шли и стали искать, но вряд ли нашли пути новые. Печальным образом должно было отразиться и то обстоятельство, что прекратили свое существование те специальные органы, которые ранее обслуживали у нас науку о древнем мире.

Пока они существовали, Жебелев отдавал много времени и сил на их поддержку, и не столько своими работами, сколько редактированием чужих работ, в них помещавшихся. Редакционная работа с давних пор привлекала Жебелева. Его учителем в ней был В.В. Стасов, привлечший его к редактированию в 1892—1894 гг. труда Н.П. Кондакова «Византийские

эмали» [28]. С тех пор за короткими перерывами Жебелев не расставался уже с редакционной деятельностью. В последние годы XIX и в начале XX в. он неоднократно редактировал, из-за болезни В.К. Эрнштедта, тогдашнего редактора отдела классической филологии ЖМНП, этот отдел. После смерти В.К. Эрнштедта в 1902 г. Жебелев был приглашен Э.Л. Радловым [29] тогдашним редактором ЖМНП, всецело взять в свои руки «классический отдел». Жебелев редактировал его, а иногда в летние месяцы, когда разъезжалась немногочисленная редакционная коллегия ЖМНП, и весь журнал до прекращения его существования в конце 1917 г. Под редакцией Жебелева вышло 15 томов (35—40 листов каждый) «Сборника статей по классической филологии», составившегося из статей, а иногда и целых книг, из этих статей получавшихся, печатаемых в «классическом отделе». Еще ранее, с 1895 г. Жебелев по званию секретаря Классического отделения Русского археологического общества (этим секретарем он состоял в период 1894—1919 гг., а затем до 1922 г. был председателем того же общества), редактировал сначала «Труды», потом «Записки» этого отделения, обслуживавшего также византийскую и западноевропейскую археологию, и проредактировал до 1917 г. 14 томов (приблизительно того же объема, что и указанный «Сборник»). Позже, когда стал издаваться «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза—Ефрона. Жебелев редактировал во всех 29 успешных появившихся томах словаря отдел «Изыянные искусства». Помимо этих сериальных изданий Жебелев редактировал «Сборник статей В.К. Эрнштедта» (СПб., 1907), «Труды Ф.Ф. Соколова» (СПб., 1910), «Στέφανος. Сборник статей в честь Ф.Ф. Соколова» (СПб., 1895), перевод «Истории Греции» Пёльмана (СПб., 1910), перевод «Истории греческой литературы» братьев Круазе (СПб., 1912. 2 изд.: СПб., 1916), IX, XIII и XIV тт. предпринятого «Academia» издания перевода Платона (Пг., 1923—1924), IV и V тт. «Известий» и I и II тт. «Сообщений» Академии истории материальной культуры (Л., 1925—1928), посмертный труд Ф.И. Успенского о Трапезунте [30] и 2-я часть книги В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России» (Л., 1930—1931), [31], а также и другие издания. Жебелев не жалел о затраченном им времени на редактирование, потому, что оно помимо того, что служило на пользу нашего просвещения, являлось и для самого редактора одним из источников расширения и углубления его познаний.

Другим, еще более мощным и живым, таким же источником была для Жебелева его преподавательская деятельность, продолжавшаяся с 1891 по 1927 г. Первой, однако, по времени («службой») Жебелева была его служба в университетском Музее древностей (музей, строго говоря, состоял только из библиотеки), куда он поступил с начала февраля 1891 г. «вольнонаемным писцом» с жалованием 20 руб. в месяц и где он с 1899 по 1903 г. состоял хранителем. Обстоятельства сложились так, что сначала из-за болезни, а затем выхода в отставку заведующего музеем Н.П. Кондакова его обязанности номинально перешли в руки И.В. Помяловского [32]. Последний в сущности передал библиотеку музея всецело в руки Жебелева, причем он должен был заботиться не только об ее инвентаризации и каталогизации, но и об ее пополнении. Библиотечному делу Жебелев выучился исключительно на практике. Результатом его работы в музее явился печатный «Каталог» (СПб., 1896) и первое прибавление к нему (СПб., 1901) [33], продолжения к которому не последовало, — к сожалению потому, что библиотека Музея древностей была в свое время наилучшей археологической библиотекой у нас. Оставив Музей древностей, второй, так сказать, дом Жебелева, где он провел в общем очень много времени и где он потом читал все свои лекции и вел практические занятия в университете, Жебелев продолжал принимать близкое участие в жизни Фундаментальной библиотеки университета, неоднократно исполняя обязанности члена библиотечной комиссии и ее председателя.

Свою преподавательскую деятельность Жебелев начал в 1891 г. в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, где он читал лекции по истории быта до 1903 г. В 1894—1905 гг. Жебелев читал лекции по истории древнего, а в течение двух лет также и по истории средневекового ренессансного искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств [34]. Читая лекции в С.Петербургском университете в звании приват-доцента, будучи уже магистром, Жебелев начал с 1 февраля 1899 г. вступительную лекцию на тему «Классическая археология как предмет университетского преподавания» и курсом «Введение в классическую археологию». По защите докторской диссертации Жебелев был назначен экстраординарным, а в 1913 г. был избран ординарным профессором по кафедре классической филологии. В революционное время, когда всякие «экстраординатуры» и «ординатуры» были отменены, Жебелев числился профессором, пока осенью 1927 г. ему не предложено было перейти в приват-доценты, на что Жебелев не согласился и расстался с университетом, проведя в нем, если считать время студенчества, непрерывно 41 год, из которых 37 лет Жебелев на разных постах и в разных званиях служил университету. За эту службу Жебелев в дореволюционное время никакими высокими чинами и орденами награжден не был, а по окончании службы никакой пенсии не получил. И единственной наградой Жебелева по университету был перевод его из попов в дьячки [35].

Курсы, читанные Жебелевым в университете, распались на общие и специальные. Кроме того он вел постоянно практические занятия просеминарского и семинарского типов. Предметами общих курсов служили греческая и римская история, интерпретация различных греческих авторов. Предметами специальных курсов Жебелев выбирал греческое государственное право, греческую эпиграфику, различные отделы классической археологии. Для практических занятий избирались для перевода и интерпретации греческие тексты или литературные, или эпиграфические; сверх того студенты, в целях лучшего усвоения греческого языка, упражнялись в переводах с русского на греческий. Все «конспекты» университетских лекций Жебелева им были уничтожены; конспекты же лекций по древней истории и, отчасти, археологии были им переработаны в упомянутые выше книжки серии «Введение в науку». Жебелеву пришлось пропустить через свою аудиторию немалое число студентов, еще большее число их пришлось проэкзаменовать, причем в глазах студентов он пользовался репутацией экзаменатора строгого. В общем, однако, никаких недоразумений у Жебелева со слушателями не было никогда, хотя он и был к ним требователен и так называемой популярности у них не искал. Хорошо ли он учил или плохо, могли бы сказать только его слушатели. Среди последних нашлись и такие, которые пожелали пойти по ученой дороге. Некоторые из них теперь уже вполне созревшие ученые, заявившие себя печатными учеными трудами. Некоторые подвизались на преподавательском поприще в С.Петербургском университете. Некоторые продолжают подвизаться на нем и теперь, но в зарубежных университетах (Дерптском, Ла-Платском, Берлинском).

Свой взгляд на дело университетского преподавания Жебелев формулировал так: оно «заключается не в том, чтобы научить слушателей науке, а в том чтобы "вести" их в изучение той или иной науки; последняя должна быть изучаема индивидуально каждым из них; роль профессора сводится, в конце концов, лишь к руководству их знаниями и к облегчению последних». Указывал Жебелев слушателям также и на то, что «при занятиях всякой наукой, в особенности исторической, нельзя ограничиваться только чтением ученой литературы, но необходимо изучать при этом и те источники, которые служат главным фундаментом при всякого рода исторических построениях».

Кроме университета Жебелев читал лекции в 1909—1920 гг. в бывшем Историко-филологическом институте. Два года читал он лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. И после того как Жебелев расстался с университетом, он не прекратил преподавательской деятельности. «Privatissime et gratis» он занимался в Академии истории материальной культуры с группой лиц, желавших выучиться греческому языку или усовершенствоваться в нем.

Публичных лекций Жебелев прочитал только три: одну в конце XIX в. в бывшем Александринском театре для воспитанников средней школы, две других — в 1921 г. в фойе имени Направника в бывшем Мариинском театре для артистов русской оперы.

Всякого рода ученых и полуученых докладов в обществах Русском археологическом, Классической филологии и педагогики, Кружке друзей греческого языка, в Академии истории материальной культуры и др. Жебелев прочитал достаточно; еще большее количество их прослушал.

В качестве официального оппонента Жебелев выступал на диспутах в университете С.П. Шестакова, Н.Г. Адонца, Г.Ф. Церетели, Б.Л. Богаевского, И.И. Толстого, М.И. Максимовой, неофициального — на диспутах Д.В. Айналова и А.В. Никитского.

Административная деятельность никогда не привлекала Жебелева, и он ее не искал, но и не считал возможным уклоняться, когда его к ней привлекали. В университете он прошел, по избранию, все административные должности, полагающиеся для профессоров: секретаря (1905—1909) и декана (1918—1919) факультета, проректора (1911—1912) и ректора (август-сентябрь 1919) университета. В Педагогическом институте, возникшем из Историко-филологического, был деканом Гуманитарного отделения и исполнял обязанности ректора. В 1919 г. Жебелев состоял председателем Совета Эрмитажа, в 1920—1921 гг. был помощником заведующего Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе. Последняя административная должность Жебелева была — товарищ председателя Академии истории материальной культуры (1923—1928) [36]. В административной деятельности Жебелев считался «формалистом», если понимать под формализмом неуклонное следование законным нормам, а не решение дела «по душе», с обращением взора на «лицо человеческое».

Классическая филология и археология, имевшая в свое время в Академии наук обыкновенно двух, а иногда и трех представителей, в течение пяти лет, с 1921 г., когда скончались В.В. Латышев и А.В. Никитский, не имела в Историко-филологическом отделении представителя. В.П. Бузескул вскоре же после своего избрания в академики возбудил вопрос о замещении вакантной кафедры классической филологии и археологии и указал кандидатом на нее Жебелева. Мысль В.П. Бузескула встретила сочувствие со стороны Ф.И. Успенского. Однако против кандидатуры Жебелева выступил со своими возражениями П.К. Коковцов, поддержанный Ф.И. Щербатским [37]. Оба они указывали на то, что во «Введении в археологию» Жебелева имеются некоторые места, целиком заимствованные из других сочинений без ссылок на них («плагиат»). Дело об избрании Жебелева, тянувшееся несколько лет и вызвавшее целое «dossier», окончилось его избранием 7 мая 1927 г., причем к записке об ученых трудах Жебелева, составленной В.П. Бузескулом, дали свои подписи из наличного тогда числа 10 академиков Историко-филологического отделения, помимо В.П. Бузескула, пять академиков. В Общем собрании Жебелев был избран большинством 21 голоса против 8 [38]. Судьбе угодно было устроить так, что Жебелев оказался последним из числа академиков, избранных по старым академическим правилам [39].

Но прошел год с небольшим, как Секция научных работников при

Рабпресе, усмотревшая в появившемся в 1928 г. некрологе Я.И. Смирнова, составленном Жебелевым и напечатанном во 2 т. пражского издания «*Seminarium Kondakovianum*» некоторые выражения, избличавшие Жебелева в контрреволюции, не только не привлекая Жебелева к каким-либо объяснениям — исключила Жебелева из состава секции, но и возбудила вопрос о применении к Жебелеву того параграфа академического устава, по которому академик лишается своего звания, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР». Возник «инцидент», горячо обсуждавшийся советской общественностью и прессой. Он был благодаря энергичному вмешательству президиума Академии наук, в особенности в лице С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана [40], улажен. Жебелев не только остался академиком, но и Секция научных работников, удовлетворившаяся объяснением Жебелева, напечатанным в газетах, восстановила его в правах члена секции без перерыва в стаже [41].

Благополучно прошел Жебелев и «чистку» РКИ в 1930 г. в Академии истории материальной культуры, во время которой к нему предъявлены были снова не только те же обвинения в «плагиате», но и допущенные им «злоупотребления» при приобретении, санкционированном правлением Академии, библиотеки покойного Б.В. Фармаковского [42].

Упомянутый «инцидентами» и закончилось 40-летие научной и административной деятельности Жебелева.

В 1926 г. на торжественном заседании в Академии истории материальной культуры, устроенном по случаю 35-летия деятельности Жебелева, в приветственных речах по его адресу со стороны многих учреждений, где эта деятельность протекала, со стороны его учеников и других лиц говорилось о нем как и о человеке. Как на «юбилеях» и полагается, говорилось только хорошее. *Sed audiat et altera pars*. В появившейся в 1931 г. книге «Ленинградское отделение Коммунистической Академии. Институт истории и Общество марксистов. Г. Зайдель и М. Цвибак. Классовый враг на историческом фронте. Тарле, Платонов и их школы» (С. 167—170) устами С.А. Семенова-Зусера Жебелеву дана такая аттестация: он — «махровый реакционер», «плагиатор», «фальсификатор», способен на «циничскую откровенность», «апологет дворянской исторической науки» и т.д.; самый термин «ученый» взят автором этой аттестации в приложении к Жебелеву в кавычки [43]. В заключительном слове, предоставленном Жебелеву во время упомянутой «чистки», он сказал, что в его 40-летней деятельности было, конечно, немало всякого рода отрицательных сторон, но были, по его мнению, и два положительных качества: первое — то, что Жебелев неуклонно и напряженно трудился, второе — то, что он никогда не претендовал на какие-либо для себя льготы и привилегия и ими не пользовался раньше, не желает пользоваться и теперь.

СПИСОК УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ ЖЕБЕЛЕВА

(составлен на основании печатного университетского «Обозрения преподавания»)

Весна 1899. Введение в классическую археологию.

Осень 1899. 1. «Афинская полития» Аристотеля.

2. Классическая археология.

3. Практические занятия: «Разговоры мертвых» Лукиана.

Весна 1900

1. «Ликург» Плутарха.

2. Классическая археология (продолжение).

3. Практические занятия: «Гимны» Каллимаха.

- Осень 1900. 1. Классическая археология (продолжение).
2. Практические занятия: Александр Великий — чтение и разбор источников.
- Весна 1901. 1. Классическая археология (продолжение).
2. Практические занятия: Александр Великий — чтение и разбор источников.
3. Практические занятия: «Медея» Еврипида.
- Осень 1901. 1. XII книга Полибия, с введением о греческой историографии.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: «Картины» Филострата.
4. Практические занятия: «Пир» Платона.
- Весна 1902. 1. XII книга Полибия и пр.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: «Картины» Филострата.
4. Практические занятия: «Ахарняне» Аристофана.
- Осень 1902. 1. «Политика» Аристотеля.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: избранные отрывки из Афиней.
4. Практические занятия: Илиада.
- Весна 1903. 1. «Политика» Аристотеля.
2. Классическая археология (продолжение).
3. Практические занятия: Афиней.
4. Практические занятия: «Одиссея».
- За осень 1903 и весну 1904 г. сведений добыть не мог.
- Осень 1904. 1. «Ахарняне» Аристофана.
2. История греческой литературы.
3. Введение в классическую археологию.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» [44] Виламовица.
- Весна 1905. 1. «О мистериях» Андокида.
2. История греческой литературы.
3. Введение в классическую археологию.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» Виламовица.
- Осень 1905 — весна 1906.
1. «О венце» Демосфена.
2. Дельфы.
3. Практические занятия: литературные и археологические источники мифа о Филоктете.
4. Практические занятия: отрывки из «Lesebuch» Виламовица.
- Осень 1906. 1. Гомеровский эпос.
2. I книга Павсания.
3. Просеминарий: Гомеровские гимны.
- Весна 1907. 1. Киклический и Гесиодовский эпос.
2. I книга Павсания.
3. Просеминарий: Ксенофонт.
- Осень 1907. 1. Введение в классическую археологию.
2. Павсаний. Афинский акрополь.
3. Семинарий: греческие диалектические надписи.
4. Просеминарий: «Киропедия» Ксенофонта.
- Весна 1908. 1. «Пир» Платона.
2. Греческая эпиграфика.
3. Семинарий: греческие диалектические надписи.
4. Просеминарий: «Киропедия» Ксенофонта.

Осень 1908 — весна 1909.

1. «Политика» Аристотеля.
2. Греческая мифология.
3. Семинарий: мифы о метаморфозах.
4. Просеминарий: евангелие от Луки.

Осень 1909 — весна 1910.

1. Основы греческого государственного права.
2. Классическая археология юга России.
3. Семинарий: «Политические наставления» Плутарха.
4. Просеминарий: переводы с русского на греческий.

Осень 1910 — весна 1911.

1. История Афинского государства до Александра Великого.
2. Топография и памятники Афин.
3. Семинарий: греческие надписи.
4. Просеминарий: переводы с русского на греческий.

Осень 1911 — весна 1912 г. — сведений добыть не мог.

Осень 1912 — весна 1913.

1. История Греции в V в. до Р.Х.
2. Семинарий: Павсаний.
3. Просеминарий: избранные речи Фукидида.

Осень 1913 — весна 1914 г. — сведений добыть не мог [45].

Осень 1914 — весна 1915.

1. Основы греческого государственного права.
2. Просеминарий: Псевдоксенофонта «Афинская полития».
3. Практические занятия по греческой эпиграфике.

Осень 1915 — весна 1916.

1. Введение в историю Греции.
2. Семинарий: греческие надписи.
3. Практические занятия: «Федр» Платона.

Осень 1916 — весна 1917.

1. История Греции до Пелопоннесской войны.
2. Просеминарий: Демосфен.
3. Практические занятия: документальные источники греческого государственного права.

Осень 1917 — весна 1918 г. — сведений добыть не мог.

Весна 1918 — осень 1919.

1. Античная республика.
2. Семинарий: греческие исторические надписи.
3. Практические занятия: жизнь Косьмы и Дамиана.

Лето 1918. Общедоступный курс «Евангелия канонические и апокрифические».

В период времени с 1920 по 1925 г., помимо курсов по истории Греции и Рима, разбора греческих надписей, читались и объяснялись следующие авторы: 1. Аристофан (6 комедий); 2. Аристотель («Поэтика», «Риторика» — вся); 3. Феокрит (все идиллии); 4. Геронд (все мимиямбы); 5. Геродот (книги VI—IX); 6. Фукидид (книги VI—VIII); 7. Греческие апокрифические евангелия; 8. Гораций «*Arts poetica*».

КОММЕНТАРИИ С.А. ЖЕБЕЛЕВА К АВТОНЕКРОЛОГУ

1. По поводу «*de mortuis aut bene aut nihil*». Говорят и пишут, что это изречение — отзвук «буржуазной морали». Меня заинтересовало его происхождение. В «*Geflügelte Worte*» G. Büchmann'a (18 изд. Berlin, 1895. С. 281) оно приводится в форме «*de mortuis nil nisi bene*», причем

указывается, что это «вероятно перевод передаваемых Диогеном Лаэртским слов Хилона «τὸν τεθνηκότα μὴ κακολογεῖν». Но это значит «умершего не злословить», что далеко не совпадает с «о мертвых только хорошее». Ни Хилон, ни по другому преданию Солон не рекомендовали обязательно хвалить умершего, а запрещали лишь его злословить, ругать. И это с точки зрения какой бы то ни было морали правильно. Ибо если «лежащего не бьют», то тем паче не следует поносить мертвого. «Лежащий», когда встанет, может воздать бившему его. Мертвый — безгласен, и ругать его хуже еще, чем лаять из подворотни или наносить удар в спину. Иная мысль у Фукидида в его «Λόγος ἑπιτάφιος» (II, 47): «всякий привык хвалить умершего». Но это обычай, а вовсе не правило.

2. *О моем социальном происхождении и имущественном положении.* Я — петербуржец по рождению, воспитанию, образованию, всей своей деятельности. Но отец мой, Александр Васильевич Жебелев, был родом из г. Вереи Московской губ., где Жебелевы прозывались и продолжают прозываться двойной фамилией, Жебелев-Корсаков. Этой двойной фамилией ни мой отец, ни его дети никогда не пользовались. Мой покойный двоюродный брат Иван Андреевич Жебелев-Корсаков занялся генеалогическими разысканиями о нашем «роде», поручил составить рисовальщику «родословное древо», фотографический снимок с которого у меня имеется. Если произведенные генеалогические разыскания правильны, оказывается род Жебелевых-Корсаковых ведет свое начало с XVI в. Но, несомненно, это был не знатный род. Во всяком случае мой дед с отцовской стороны, которого я еле-еле припоминаю, был мещанином Вереи.

Отец мой в ранней юности был привезен в С.Петербург и отдан в «мальчики» в суровский [46] магазин Самохвалова в Гостином дворе. Из мальчиков он вышел в приказчики, потом записался 2-й гильдии купцов и, в компании с Силантьевым, открыл свой мануфактурный магазин на Банковской линии Гостиного двора. Тогда же отец мой женился на петербургской мещанке Елене Егоровне Костиной. Я был первенцем этого брака.

Отец мой умер в 1876 г., когда я готовился поступить в гимназию.* Его я плохо помню, как плохо помню и свое детство вообще*. По тогдашним правилам матери моей, оставшейся вдовой с 4 малолетними детьми и с более чем ограниченными средствами, предстояло или остаться самой с дочерью в купеческом сословии, а троих сыновей записать в мещане, или поступить наоборот. Мать моя, со свойственной ей практической мудростью, выбрала первое, и таким образом я оказался петербургским мещанином. Когда я поступил в университет, мне нужно было подавать прошение в Мещанское общество об увольнении меня из его, заплатить за это какие-то небольшие деньги.

По окончании университета, поступив на государственную службу, я тем самым стал личным дворянином. Потомственного дворянства я не имел, т.к. не дослужился до «генеральского» чина. Судьба меня спасла от него. Дело в том, что к 1 января 1916 г. до меня дошла очередь быть представленным по университету, где я тогда состоял ординарным профессором, к чину действительного статского советника. Тогдашний секретарь Совета университета, покойный М.Н. Никитин спросил меня, не соглашусь ли я уступить свою очередь одному из моих коллег, проф. В.Ф. Дерюжинскому, для которого почему-то важно было стать «генералом». Я, ни минуты не раздумывая, согласился поменяться «очередями» с Дерюжинским. Поэтому революция застала меня статским советником — чин, который присвоен был мне по должности ординарного профессора. И это-то счастливое обстоятельство освободило меня в дальнейшем от необходимости куда-то ходить и

* Фраза зачеркнута.

регистрироваться, как это полагалось тогда для «генералов». Таково мое социальное происхождение и «чиновная карьера».

После смерти отца мать моя получила от его компаньона 10000 руб. И с этим капиталом стала она воспитывать оставшуюся семью. Конечно на прожить, до тех пор, когда дети подрастут, их не хватило бы. Поэтому мать моя стала зарабатывать сама деньги. Она открыла «красильню» на Загородном проспекте и держала ее до окончания моего университетского курса. *Матери моей я, как вся наша семья, обязан тем, что «вышел в люди».* Плату за учение в гимназии вносило за меня С.Петербургское купеческое общество. Общество вспомоществования недостаточным ученикам 2-й гимназии, где я учился, снабжало меня учебниками пособиями и верхним платьем.** Моему духовному развитию в бытность мою гимназистом, я многим обязан одному из преподавателей гимназии Михаилу Алексеевичу Сокову, приходившемуся мне дальним родственником. В семье его я был принят как родной и много хорошего от нее видел.**

Будучи гимназистом 5 класса стал я заниматься, как сказано, репетиторством, давать частные уроки, и занимался этим непрерывно вплоть до 1895 г., хотя по окончании университета сразу же поступил на службу в училище Штигилица, где получал 65 руб. в месяц.*** Первым моим учеником был сын повара Училища глухонемых. За свою работу я получал 8 руб. в месяц. В течение гимназического курса я не переставал давать уроки, то же, когда был в университете и первые 5 лет по окончании университета. Последней моей ученицей в 1894-1895 гг. была А.П. Дурново, вышедшая потом замуж за гетмана Скоропадского. Ей я прочитал полную историю искусства, от пирамид до передвижников, и получал за каждую лекцию (в неделю было две лекции) по 5 руб.***

Но первое мое жалованье в университете, когда я служил вольнонаемным писцом в Музее древностей, было 20 руб. в месяц, потом, как хранитель его, я получал 50 руб. в месяц. Стало жить легче, когда я в 1894 г. поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств, где я получал за 6 недельных лекций 100 руб. в месяц. Приват-доцентом вознаграждения я не получал. Став профессором, получал столько, сколько полагается по штату. В университете, как экстраординарный профессор — 2000 руб. в год, как ординарный — 3000 руб., потом 3600 руб. в год. В революционное время, когда установился твердый денежный курс, мое ежемесячное вознаграждение не доходило свыше 110 руб., но бывали полосы, когда оно доходило всего до 25 руб. в месяц. Сколько я получал в Историко-филологическом институте, точно не припоминаю, кажется от 75 до 150 руб. в месяц.

За редакторскую работу я имел от Журнала Министерства народного просвещения 60 руб. в месяц, от Энциклопедического словаря — 100 руб. за том. Вся остальная выполненная редакторская работа — бесплатная.

За печатные работы, помещенные в ЖМНП, я получал по 40 руб. с печатного листа, в Энциклопедическом словаре — по 200 руб. с листа. За работы, напечатанные в «Записках Русского археологического общества», «Филологическом обозрении», в «Гермесе» и прочих периодических изданиях, я гонорара не получал. За «Политику» Аристотеля я получил от издательства Сабашникова 1000 руб., за Фукидида — от того же издательства 3000 руб. Сколько мне заплатили «Огни» за «Евангелия» и за «Павла» не припоминаю. За книжки, вышедшие в «Науке и школе», сколько платили тоже не припоминаю. Твердого денежного курса тогда не было. А.А. Кроленко, представитель издательства «Academia» платил мне за исполненные мною переводы

** Фраза зачеркнута.

*** Фраза зачеркнута.

Платона по 10 руб. с листа, за редакцию переводов, исполненных другими лицами — 5 руб. с листа.

Вообще же главным источником моих доходов была получаемая мною зарплата. Все, что было сверх того, составляло приработок. Благодаря ему я мог приобретать себе в дореволюционное время ученую заграничную литературу, причем единственным поставщиком моим был Гессель (Voss Sortiment) в Лейпциге. В доходные годы я мог тратить на книги 500—700 руб. в год. В конце концов у меня составила довольно хорошая научная (и отчасти беллетристическая) библиотека [47], но с значительной частью ее я, начиная с 1917 г., периодически должен был расставаться. У меня образовалась, между прочим, довольно хорошая библиотека периодики. Всю иностранную ее часть я продал Пермскому университету, но она не дошла до назначения, а погибла в Ярославле во время бывшего там вооруженного восстания. Последнюю большую порцию книг я продал в 1931 г. «Красной газете» за 650 руб. Вынудила меня к этой продаже необходимость «самоуплотниться».

Не отказывая себе и семье ни в чем необходимом, но вместе с тем и не позволяя себе никакой роскоши или транжирства, я мог кое-что и скопить себе на черный день. К 1 января 1917 г. у меня лежало на текущем счету в Международном банке 2531 руб. Когда частные банки были ликвидированы, деньги эти пропали, и даже в ходатайстве моем засчитать эти деньги в счет особого революционного налога в 1918 г. мне было отказано. Никакими ценностями в виде процентных бумаг или золотых вещей, за исключением безделушек, я никогда не обладал. Пропали и эти памятные для меня безделушки. Они были помещены в Ссудную кассу на Фонтанке на хранение. В особенности огорчает меня то, что в числе их пропал и мой докторский знак, поднесенный мне в день моего докторского диспута моими друзьями.

И по своему социальному происхождению, и по своему имущественному положению я должен причислить себя к числу «средних». Недостатка я никогда не испытывал, так как старался всегда жить по средствам.**** Никакими капиталами или земельными угодьями я никогда не обладал.**** Домов я не имел и не имею, но кое-кто мне остался должен.

Теперь я получаю зарплату по Академии наук 400 руб. в месяц, по Академии истории материальной культуры с недавнего времени 220 руб. Иных источников дохода не имею. Ввиду царящей дороговизны жить должен очень скромно.

24 сентября 1932 г.

3. *О моем семейном положении, детстве и отрочестве; о церковных, музыкальных и театральных увлечениях.* После смерти отца в 1876 г. наша семья состояла из матери (ум. 1918), сестры Марии (род. в 1871 г.), брата Владимира (род. 1873, ум. 1926), брата Александра (род. 1875, утонул в пруду в Петергофе в 1889 г.). Сестра окончила гимназию Ставиской и до 1931 г. занималась педагогической деятельностью, служа учительницей сначала в гимназии Ставиской, затем Таганцевой, и давая частные уроки. За свою педагогическую 25-летнюю деятельность она получила пенсию в 20 руб. Мои отношения с сестрой были всегда самые дружественные и никогда ничем не омрачались. Брат Владимир окончил курс Петровского училища, служил сначала в С.Петербурге, затем со времени Японской войны переехал в Сибирь, где служил в Иркутске, там и женился; после него остался сын. С братом я никогда в дружественных отношениях не состоял. С 1911 г. у нас живет наша воспитанница Анна Ивановна Царькова (род. в 1906 г.) дочь крестянина.

****—**** Фраза зачеркнута.

Обзавестись своей семьей, т.е. жениться я «не удосуужился», хотя и не оставлял мысли об этом лет до 40—45. Потом я перестал и думать об этом, т.к. пришел к убеждению, что жениться нужно молодому, 20—30 лет, чтобы иметь время вырастить детей. Бездетного брака я не понимаю: это не брак, а простой конкубинат. Если бы я вздумал жениться, я никогда не женился бы на «ученой», тем менее — на «ученой» одной со мною специальности. Удивляюсь прозорливости Пушкина, который правильно сказал: «Жена и дети, друг, поверь, — большое зло: от них все скверное для нас произошло». Теперь на склоне дней своих считаю единственным своим абсолютно умным поступком то, что я не женился. Конечно и здесь, как и во многих других случаях моей жизни, и важных, и не важных, свою благодетельную роль сыграла *ἡ ἀσπίς τῆς ψυχῆς*.

Свое детство до поступления в гимназию я помню очень смутно. И о моем отце почти не сохранилось у меня воспоминаний. По общему отзыву, он был достойный большого уважения человек. Первым урокам грамоты, чтению, письму, началам арифметики я обязан своей матери. В гимназию подготовлял меня гимназист VIII класса 2-й С.Петербургской гимназии Константин Константинович Соколов — любопытное совпадение: моим и первым, и последним учителем был Соколов. Во время гимназического курса я был принят как родной в семье одного из преподавателей гимназии Михаила Алексеевича Сокова, прекрасного и благородного человека. Ему, равно как и его семье, я считаю себя обязанным в очень многих отношениях.

Из моих гимназических учителей я вспоминаю с особенно добрым чувством латиниста Николая Васильевича Рубинского, обучавшего меня элементам латинского языка в первых четырех классах. В четырех старших классах латыни меня учил немец (заграничный) Осип Осипович Кениг, человек очень умный; его знания я оценил в университете, где они мне очень пригодились. Греческому языку я учился все время у чеха Осипа Юрьевича Клеменчика, хорошего учителя и доброго человека. В трех старших классах гимназии русскому языку нас обучал молодой и толковый преподаватель Алексей Осипович Круглый, которому я во многом обязан любовью к русской литературе. Из гимназии я вынес довольно хорошие знания обоих древних языков, русского языка и литературы, отчасти истории. Плохо давались мне математика и физика. Новым языкам в гимназии учили плохо, и я выучился им сам уже потом, в университете. Не буду говорить о «толстовской гимназии» — ее недостатки, ее неправильные и фальшивые установки достаточно хорошо известны. Укажу лишь на одно положительное ее качество: толстовская гимназия приучила нас к труду, приучила нас не бояться труда, не отступать перед ним. Эта привычка к труду заставила меня полюбить его, и вне постоянного и упорного труда я не представлял и не представляю себе человеческого существования, которое становится тогда бессмысленным, а в общественном отношении вредным. К числу некоторых своих положительных качеств я должен отнести и поставить, пожалуй, на первое место отсутствие у меня лени.

Мои родители были люди религиозные, любили церковь. И мне они привили эту любовь к церкви. Будучи еще мальчиком, я читал за дьячка на клиросе в Коневской часовне, против которой мы жили. Когда в гимназии открыта была церковь, я и там был причетником. И даже позже иногда я подвизался в этом занятии. Частое посещение церкви и церковей сделало меня довольно хорошим знатоком церковной службы, большим любителем *хорошей* церковной службы, *хорошего* церковного пения. Я с удовольствием вспоминаю о тех прекрасных впечатлениях, которые оставили во мне и служба и, в особенности, пение в Исаакиевском соборе, где был в свое время отличный регент И.А. Соколов, и — в револю-

ционные годы — в храме Воскресения на крови, где регентом был артист-художник А.П. Рождественский. После того как храм этот перестал функционировать, я перестал ходить в церковь к службам, хотя от церкви как таковой никогда не отрекался и не отрекаюсь.

***** — Еще будучи гимназистом, я сильно увлекался также театром, в особенности оперой, и будучи гимназистом 7 класса имел уже абонемент в Итальянской опере, в Мариинском театре, на 6-й скамейке галереи, заплатив за абонемент в 22 спектакля 11 руб. Первая из иностранных опер, которую мне пришлось услышать, был «Дон Жуан» Моцарта, первою русской оперой — «Снегурочка» Римского-Корсакова в тогдашнем Большом театре. Так как музыка играла большую роль в моей жизни, скажу несколько слов и*****

4. *О моих музыкальных, театральных и иных увлечениях.******

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—15. Автограф.

КОММЕНТАРИИ

[1] Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры. См.: Жебелев С.А. Памяти Виламовица-Мёллендорфа // ИАН. 1933. 7 сер. № 1. С. 61—96. Здесь и далее речь идет о книге: Wilamowitz-Moellendorff U. v. Erinnerungen 1848—1914. Leipzig, 1928—1929.

[2] Чечулин Николай Дмитриевич (1863—1927), историк России, член-корреспондент РАН (1921).

[3] Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931), монголовед, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик АН СССР (1929); Марр Николай Яковлевич (1864—1934), советский востоковед, лингвист и археолог, председатель РАИМК—ГАИМК, академик Петербургской АН (1912).

[4] См.: Büchmann G. Geflügelte Wörter. В., 1895.

[5] Смирнов Яков Иванович (1869—1918), археолог, историк искусства, византист, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа, профессор Петербургского-Петроградского университета, академик РАН (1917); Мальмберг Владимир Константинович (1860—1921), историк античного искусства, директор Музея изящных искусств, профессор Московского университета; Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), византист, историк искусства, археолог профессор Новороссийского (1877—1888, 1919), Петербургского (1888—1897) университетов, действительный член Петербургской Академии художеств (1893), академик Петербургской АН (1898), эмигрировал в 1920 г.; Никитский Александр Васильевич (1859—1921), филолог-классик, историк античности, эпиграфист, профессор Новороссийского, Юрьевского и Московского университетов, академик Петербургской АН (1917); Тураев Борис Александрович (1868—1920), востоковед, египтолог, профессор Петербургского университета, академик РАН (1918).

6. Толстой Иван Иванович (младший) (1880—1954), филолог-классик, историк античной культуры, эпиграфист, профессор Петроградского-Ленинградского университета, академик АН СССР (1946), сын министра народного просвещения И.И. Толстого (старшего), ученик С.А. Жебелева.

[7] Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, профессор Петербургского-Петроградского университета (1901—1918), акаде-

*****_***** Абзац зачеркнут.

***** На этом рукопись обрывается.

мик РАН (1917), эмигрировал в 1918 г. С ним С.А. Жебелева связывали многолетние дружеские отношения, прервавшиеся в 1928 г. в связи с т.н. «делом» Жебелева (см. комм. 41). Развязанная в советской прессе политическая травля, обвинения в пособничестве эмигрантским кругам. требования исключить С.А. Жебелева, наряду с М.И. Ростовцевым и П.Б. Струве, из числа действительных членов АН СССР заставило руководство Академии искать выход из сложившейся ситуации. С помощью секретаря С.Ф. Ольденбурга С.А. Жебелевым было написано покаянное заявление, опубликованное как в центральной, так и местной прессе, где он фактически отрекался от коллеги: «Мои слова о М.И. Ростовцеве, как "общем нашем с Я.И. Смирновым друге и соратнике" относятся определенно к тому времени, когда мы все трое работали в России и в начале революции в Союзе. Разумеется, что с того времени, как М.И. Ростовцев покинул нас и занял враждебную антисоветскую позицию, наши пути разошлись и он перестал быть мне соратником и другом» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 90). С.А. Жебелев сильно переживал случившееся и написал М.И. Ростовцеву письмо, прося извинений. По словам Г.В. Вернадского, М.И. Ростовцев всю эту историю принял близко к сердцу и очень огорчился из-за унижений, перенесенных С.А. Жебелевым. См.: *Graham L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932.* Princeton, New Jersey, 1967. P. 107—108.

Высказанное недавно утверждение, что С.А. Жебелев якобы сам внес на Общем собрании АН СССР предложение об исключении М.И. Ростовцева и П.Б. Струве из числа действительных членов (см.: *Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России / Публикац. и коммент. В.Ю. Зуева и И.А. Левинской // ВДИ. 1990. № 2. С. 197*), не соответствует действительности. Еще в феврале — июне 1928 г. на заседаниях Президиума АН СССР, членом которого С.А. Жебелев не являлся, под давлением Отдела научных учреждений при СНК СССР рассматривался вопрос «о порядке фиксирования выбытия из состава АН некоторых почетных и действительных членов и членов-корреспондентов». Было решено, что все члены Академии, уехавшие после 1917 г. за границу без соответствующего разрешения властей, или просрочившие заграничные командировки (как М.И. Ростовцев), на основании ст. 22 Устава АН СССР (см. комм. 39) должны считаться выбывшими из ее состава. 7 июня появилось соответствующее постановление Президиума, утвержденное Общим собранием АН СССР 15 декабря 1928 г. См.: ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 191. Л. 22 об. § 8; Л. 39 § 5; Л. 86 § 3; Ф. 1. Оп. 1—1928. Д. 250. Л. 99—100. § 245.

[8] Точнее: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы). Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Ч. 2. С. 143—147, 192; *Беляев Н.М.* Сергей Александрович Жебелев // *Seminarium Kondakovianum.* Prague, 1927. Т. 1. С. 308—312; *Бузескул В.П., Успенский Ф.И., Бартольд В.В., Платонов С.Ф., Марр Н.Я., Крачковский И.Ю.* Записка об ученых трудах проф. С.А. Жебелева // ИАН. 1927. Сер. 6. Т. 21. С. 1541—1545 (с приложением списка трудов: С. 1546—1557); *Толстой И.И.* [Вступительная статья] // Список печатных трудов Сергея Александровича Жебелева / Сост. А.И. Доватур. Л.: б.и., 1926. С. 5—11 (№ 1—212). Дополнение к нему (№ 213—293) за 1926—1940 гг. составлено *Е.Г. Кастанаян*: СА. 1941. Т. 7. С. 13—15. См. также: Биография академика Сергея Александровича Жебелева и список его печатных трудов // ВДИ. 1940. № 1. С. 176—187 (264 номера). Оба списка не могут считаться исчерпывающими.

[9] Статья С.А. Жебелева «Из университетских воспоминаний» переиздана: ВДИ. 1968. № 3. С. 158—175. Соколов Федор Федорович (1841—1909), историк античности, эпиграфист, профессор Петербургского университета и Петербургского Историко-филологического института; Ернштедт Виктор

Карлович (1854—1902), филолог-классик, специалист по античной палеографии, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1898); Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, эпиграфист, профессор и ректор Петербургского университета, академик (1898) и вице-президент (1900—1916) Петербургской АН.

[10] См.: *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1. История археологического знания. С. 5—9.

[11] Латышев Василий Васильевич (1855—1921), филолог-классик, эпиграфист, историк античности, директор Петербургского историко-филологического института, товарищ председателя Императорской Археологической комиссии, академик Петербургской АН (1893).

[12] См.: *Wilamowitz-Moellendorff U. v.* Platon. Bd 1—2. В., 1919.

[13] Моммзен Теодор (1817—1903), немецкий историк античности, автор фундаментальных трудов по истории Рима. Приведены слова из составленного Моммзеном некролога Отто Яна (O. Jahn). См.: *Mommsen Th.* Reden und Aufsätze. В., 1905.

[14] Герман Готфрид (1772—1848), немецкий филолог-классик, представитель «чистой», преимущественно текстологической филологии.

[15] Узенер Герман (1834—1905), немецкий филолог-классик, специалист по истории античных религий.

[16] См.: *Inscriptiones Graecae... Editio minor.* V. 1—4. В., 1913—1929.

[17] См.: *Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke,* E. Norden. Bd. 1—3. Lpz.—В., 1910—1912.

[18] Полная рукопись этой работы сохранилась (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—197 об.). К ней приложен отзыв Ф.Ф. Соколова: «Сочинение г. Жебелева далеко выдается из ряда обычных кандидатских диссертаций и должно быть поставлено наравне с лучшими сочинениями, удостоенными золотых медалей. Самое полное знакомство с источниками и многосторонней литературой избранной обширной темы возбуждает удивление...» (Там же. Л. 61 об.).

[19] См.: *Жебелев С.А.* Эпидаврийская ареталогия // ИАН. 1931. 7 сер. № 3. С. 321—345; *он же.* Эпидаврийская терапевтика // ИАН. 1933. 7 сер. № 1. С. 61—96.

[20] После смерти В.В. Латышева рукопись 2-го тома второго издания *IoсPE* была взята С.А. Жебелевым на доработку и ныне хранится в его архиве (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34). Однако и он не успел подготовить книгу к печати. Работа была продолжена в 1950—1952, 1956—1965 гг. коллективом авторов из ЛОИИ и ЛОИА АН СССР и вышла на русском языке под названием «Корпус боспорских надписей» (М.-Л.: Наука, 1965).

[21] Мищенко Федор Герасимович (1847—1906), филолог-классик, историк античности, профессор Киевского и Казанского университетов, член-корреспондент Петербургской АН (1895). Речь идет об издании «Истории» Фукидида в его переводе (М., 1887—1888).

[22] Бласс Фридрих (1843—1907), немецкий филолог-классик, исследователь и издатель текстов античных и раннехристианских авторов (в частности «Деяний апостолов»); Зоден Герман фон, немецкий филолог-классик начала XX в., исследователь и издатель текстов Нового завета.

[23] Точнее: *Жебелев С.А.* Сократ (Биографический очерк). Берлин: Госуд. изд-во РСФСР, 1923; *он же.* Демосфен. Берлин-Пг.—М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922; *он же.* Александр Великий. Берлин-Пг.—М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.

[24] См. *Ferguson W.S.* Hellenistic Athens. L., 1911.

[25] См. *Herzog R.* Die Wunderheilungen von Epidauros. Ein Beitrag zur

Geschichte der Medizin und Religion // Philologus. 1931. Supplbd 22. Ht 3. S. 1—164.

[26] См. *Miller M.A.* Archaeology in the USSR. N.Y.: F.A. Praeger, 1956. P. 54. См. также опубликованные рецензии: на первую часть — Н. Целеша (Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 63), на вторую часть — В.Е. Данилевича (Червоний шлях. 1925. № 3. С. 275—277), Н. Щербакова (Печать и революция. 1924. Кн. 2. С. 196—197).

[27] С.А. Жебелев не случайно касается этого вопроса, так как он принимал участие в подготовке сборника «Русская наука», идея которого зародилась среди ученых Петербургской АН еще в 1916 г. Цель задуманной книги — в кратких, сжатых очерках, написанных специалистами в разных областях знаний, дать характеристику становления, развития и современного положения основных направлений отечественной науки. Еще весной 1918 г. им был написан очерк «Археология и общая история искусства» (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 5. 47 л.), а М.И. Ростовцевым — статья «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря». Однако из-за социальных потрясений той эпохи сборник «Русская наука» так и не увидел свет.

[28] Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, почетный член Петербургской АН (1900). Речь идет о книге: *Кондаков Н.П.* Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892.

[29] Радлов Эрнст Львович (Леопольдович) (1854—1928), философ, директор Публичной библиотеки, вице-председатель Философского общества при Петербургском университете, редактор философского отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона и ЖМНП, член-корреспондент РАН (1920).

[30] Успенский Федор Иванович (1845—1928), историк-византист, славяновед, профессор Новороссийского (1879—1894) и Петроградского-Ленинградского университетов (1922—1927); директор Русского археологического института в Константинополе (1894—1914), редактор «Византийского временника» (1915—1928), академик Петербургской АН (1900). Речь идет о книге: *Успенский Ф.И.* Очерки по истории Трапезунтской империи. Л., 1929.

[31] Бузескул Владислав Петрович (1858—1931), историк античности, историограф, профессор Харьковского университета, академик РАН (1922) и АН УССР (1925). Речь идет о книге: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л.: изд-во АН СССР, 1929—1931. Ч. 1—2. Первая часть вышла в «Трудах Комиссии по истории знаний» (вып. 7) под редакцией акад. В.И. Вернадского, вторая — в сильно сокращенном виде под редакцией С.А. Жебелева, третья осталась неопубликованной. Авторы настоящей публикации готовят к печати книгу В.П. Бузескула в полном виде по рукописи, хранящейся в ПФА РАН.

[32] Помяловский Иван Васильевич (1845—1906), филолог-классик, эпиграфист, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1890).

[33] См.: *Жебелев С.А.* Каталог библиотеки Музея древностей. СПб.: И.Н. Скороходов, 1896; *он же.* Каталог библиотеки Музея древностей. Прибавление I. СПб., И.Н. Скороходов, 1901.

[34] В 1910 г. С.А. Жебелев был избран действительным членом Академии художеств. См.: *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. [СПб., 1915]. Ч. 1. С. 281.

[35] В рамках проводившейся Главпрофобротом кампании по изгнанию дореволюционной профессуры из стен Ленинградского университета осерью

1927 г. С.А. Жебелеву было предложено перейти с должности профессора в приват-доценты, что было несправедливо по отношению к крупному ученому. Он, естественно, не согласился и покинул университет, а его место на кафедре занял профессор-марксист. В личном деле С.А. Жебелева сохранилось письмо Канцелярии Правления ЛГУ в Управление делами АН СССР с извещением, что с начала 1927—1928 учебного года он «оставлен без поручений» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 55). Предложение о понижении в должности было сделано и археологу, члену-корреспонденту АН СССР А.А. Спицыну, что послужило причиной его ухода на пенсию. См.: *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // *Вестник ЛГУ.* 1988. Сер. 2. Вып. 3. № 16. С. 13.

[36] Здесь автор ошибается. Последняя административная должность С.А. Жебелева в Академии наук до событий ноября 1928 г. — исполняющий обязанности директора Библиотеки АН СССР (7 октября — 20 ноября 1928 г.). Он вынужден был покинуть этот пост в связи с пресловутым «делом» (см. комм. 41) (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 32). 5 августа 1919 г. С.А. Жебелев был избран членом ГАИМК, где он занимал следующие должности: товарищ председателя (март 1923—15 ноября 1928), заведующий разрядом Эллады и Рима (5 июля 1920 — 13 ноября 1929), председатель Библиотечно-библиографической комиссии III (организационно-методологического) отделения ГАИМК; 20 ноября 1929 г. введен в состав разряда древних культур Причерноморья Института истории рабовладельческого общества (ИИРО) ГАИМК; с 20 января 1934 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории античных колоний Причерноморья ИИРО (в 1936 г. ИИРО переименован в Институт истории древнего мира (ИИДМ)); с 5 ноября 1937 г. — заведующий сектором Древнего Причерноморья ИИДМ. В 1937 г. институты в составе ГАИМК были ликвидированы, а сама Академия реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) и передана в ведение АН СССР. С 1938 г. до конца жизни С.А. Жебелев являлся заведующим сектором Древнего Причерноморья ИИМК, а после организации Института истории АН СССР (1936) с 1 января 1939 г. — заведующим группой Истории древнего мира ЛОИИ. См.: РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5; Ф. 35. Оп. 5—6; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 172.

[37] Коковцов Павел Константинович (1861—1942), востоковед-семитолог, эпиграфист, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1906); Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942), индолог, буддолог, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик РАН (1918).

[38] 16 марта 1927 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии АН СССР академик-секретарь И.Ю. Крачковский доложил, что на заседании Выборной комиссии был рассмотрен вопрос об избрании С.А. Жебелева в действительные члены АН СССР. При голосовании в Отделении его кандидатура единогласно получила поддержку академиков С.Ф. Ольденбурга, С.Ф. Платонова, М.М. Богословского, В.П. Бузескула, Ф.И. Успенского, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского. Два академика — П.К. Коковцов и Ф.И. Щербатской — не принимали участия в баллотировке и подали особое мнение об избрании С.А. Жебелева для представления Общему собранию. Этот вопрос рассматривался на двух Общих собраниях АН СССР — 2 апреля и 7 мая 1927 г. В протокольных бумагах сохранилась обширная документация по этому делу: особое мнение П.К. Коковцова и Ф.И. Щербатского, записка В.П. Бузескула, записка В.В. Бартольда, подписанная также С.Ф. Ольденбургом и И.Ю. Крачковским, записка С.Ф. Платонова, дополнительное заявление П.К. Коковцова и мотивированное заявление Н.К. Никольского. Из 29 присутствовавших на Общем собрании членов

АН СССР 8 проголосовало против, 21 — за избрание С.А. Жебелева действительным членом по кафедре классической филологии (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1927. Д. 176. Л. 70. § 101; Л. 84 § 135; Л. 229 об. § 129; Ф. 1. Оп. 2—1927. Ос. IV. § 101. V. § 135; Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 1—2).

[39] 18 июня 1927 г. постановлением СНК СССР был утвержден новый «Устав АН СССР», направленный на подчинение научно-исследовательской работы нуждам «социалистического строительства». Статья 22 устава гласила: «Действительный член АН лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или, если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР». Другим постановлением Совнаркома от 3 апреля 1928 г. состав действительных членов АН СССР значительно расширился, с 43 до 54 академиков (см.: Устав Академии наук СССР. Л., 1927. С. 6). Относительная автономия высшего научного учреждения страны и его «беспартийный» характер не устраивали государственные структуры, которые с помощью нового устава хотели провести в Академию ученых-коммунистов. В преддверии выборов, в 1928—1929 гг. в печати развернулась кампания клеветы и доноса на отдельных деятелей Академии наук. Научное сообщество не смогло открыто противостоять давлению партийно-государственной машины и подчинилось диктату свыше, так как при возможном сопротивлении возникла угроза ликвидации Академии. Подробнее см.: *Levin A.E. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science* // *Slavic Review*. 1988. V. 47. № 2. P. 261—279; Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну. (Русская наука в 1929) / Публикац. К.К. // *Минувшее: Исторический альманах*. Р.: Atheneum, 1989. С. 425—450; *Брачев В.С.* Украшение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // *Вестник АН СССР*. 1990. № 4. С. 120—127; *Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук в 1929 г. // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1990. № 3. С. 53—66.

[40] Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед-индолог, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик (1900) и непререкаемый секретарь (1904—1929) Петербургской АН СССР; Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945), геохимик, минералог, академик РАН (1919), вице-президент АН СССР (1927—1919).

[41] Так называемое «дело» акад. С.А. Жебелева (1928) — яркий пример предвыборного шантажа членов Академии наук (см. комм. 39). В октябре 1928 г. в Праге вышел очередной том трудов Семинария им. Н.П. Кондакова, посвященный памяти Я.И. Смирнова; открывавшийся некрологом ученому, написанным С.А. Жебелевым: «Я.И. скончался 10 октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье... Я.И. — "ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П. Кондакова", как его охарактеризовал наш общий с Я.И. друг и соратник, М.И. Ростовцев...» (см.: *Жебелев С.А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. Prague, 1928. С. 1—2). Этих двух безобидных фраз оказалось достаточно, чтобы разыгрался политический скандал. 21 ноября в Москве и Ленинграде состоялись заседания бюро Секции научных работников (СНР), потребовавшие исключить С.А. Жебелева из состава АН СССР на основании ст. 22 нового устава за участие в «специфически эмигрантском издании», как направленном «во вред интересам СССР». Заседания научной общественности прошли также в ГАИМК, ЛГУ, Педагогическом институте им. Герцена и т.д. Академия должна была немедленно реагировать на эти выпады. Как видно из протокола заседаний президиума от 20 и 22 ноября, С.А. Жебелев по собственному желанию был освобожден от исполнения обязанностей директора Библиотеки АН СССР, а еще раньше снял с себя обязанности товарища председателя ГАИМК. Под давлением Отдела научных учреждений при СНК СССР Президиум

принял постановление «о недопустимости участия советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН СССР в каких-либо эмигрантских изданиях» и «поставил на вид» участникам сборника, а также признал публикацию С.А. Жебелева в Праге «неправильной». Представленное С.А. Жебелевым С.Ф. Ольденбургу заявление с объяснениями своих действий, опубликованное в центральной и местной печати, удовлетворило Президиум АН СССР и «ввиду 11-летней неутомимой работы акад. С.А. Жебелева на пользу советского строительства и представленных им... объяснений по настоящему делу» он постановил не применять к нему ст. 22 устава АН СССР (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 191. Л. 188—189 об.). 19 декабря 1928 г. состоялось заседание Бюро СНР, где было заслушано заявление С.А. Жебелева, в котором он выразил сожаление по поводу своего участия в пражском сборнике. Бюро приняло резолюцию, где в частности сказано: «Принимая... во внимание то, что акад. Жебелев резко и безоговорочно отмежевался в своем заявлении от белоэмигрантов и от своего бывшего друга Ростовцева... Ленинградское бюро считает возможным... а) восстановить акад. С.А. Жебелева членом СНР без перерыва стажа и б) постановку вопроса о применении к акад. С.А. Жебелеву параграфа 22 устава АН считает отпавшей» (см.: Бюро Секции научных работников об акад. С.А. Жебелеве // Красная газета. 1928, 20 декабря. Веч. вып.). О «деле» С.А. Жебелева см.: *Graham L.R.* Op. cit. P. 104—108; *Levin A.E.* Op. cit. P. 268; *Миллер М.А.* Археология в СССР / Ин-т по изуч. истории и культуры СССР. Исслед. и мат-лы. Сер. 1. № 12. Мюнхен, 1954. С. 49; *Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. Р.: Atheneum, 1986. С. 111—113.

[42] Здесь и далее имеется в виду чистка ГАИМК Рабоче-крестьянской инспекцией 1930 г. Комиссия наметила «вычистить» 20 человек, «начиная с дряхлости и кончая чуждым элементом». В результате из ГАИМК были уволены несколько сотрудников библиотеки, ученый секретарь Института археологической технологии М.В. Фармаковский и ряд других лиц. Угроза нависла и над С.А. Жебелевым. Нервное перенапряжение привело к тому, что он сам просил наложить на него «какое-нибудь наказание». Комиссия приняла к сведению заявление администрации ГАИМК о том, что она увольняет со службы С.А. Жебелева, и этим ограничилась (Центральный государственный архив историко-политических документов С. Петербурга. Ф. 1605. Оп. 1. Св. 1. Д. 1а. Л. 1). Это спасло С.А. Жебелева от неминуемого изгнания, так как после окончания кампании по чистке администрация «забыла» о своем намерении.

Фармаковский Борис Васильевич (1870—1928), историк искусства, археолог, хранитель Эллино-скифского отделения Гос. Эрмитажа, профессор Ленинградского университета, Института истории искусств и Педагогического института им. Герцена, ученый секретарь ГАИМК, член-корреспондент Петербургской АН (1914).

[43] Речь идет о книге: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов. М.—Л.: Госуд. соц.-эконом. изд-во, 1931. С. целью идеологического обеспечения сфабрикованного по указке свыше «дела» академика С.Ф. Платонова (1929—1931), направленного на «советизацию» Академии наук и подчинение ее задачам социалистического строительства, Коммунистическая академия во главе с М.Н. Покровским провела в Москве (10 октября 1930) и Ленинграде (29 января — 16 февраля 1931) совместные совещания с Обществом историков-марксистов, посвященных теме «вредительства» старых буржуазных специалистов на «историческом фронте». Наряду с С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле и др. к «антимарксистского толка историкам» был отнесен и

С.А. Жебелев. Подробнее о разрушительном влиянии школы М.Н. Покровского на русскую историческую науку и о «деле» С.Ф. Платонова см.: *Epstein F. Die marxistische Geschichtswissenschaft in der Sovietunion seit 1927 // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1930. Bd 6. Ht 1. S. 78—203; Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.*

[44] См.: *Griechisches Lesebuch / Hrsg. von U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Hlbd 1—4. В., 1902.*

[45] Список составлен С.А. Жебелевым на основе ряда книг «Обозрения преподавания наук в императорском С.Петербургском университете». Вероятно, не все из них были в момент написания «Автонекролога» в распоряжении автора. Удалось установить, что в осеннем полугодии 1913 г. и в весеннем полугодии 1914 г. ординарный профессор С.А. Жебелев вел следующие занятия: 1. История Греции (эллинистический период); 2. Плутарх («Ликург» и «Об оракулах Пифии»); 3. Практические занятия: «Гортинские законы» и «Гераклейские таблицы». См.: *Обозрения преподавания наук в императорском С.Петербургском университете на 1913—1914 учебный год. СПб.: Б.М. Вольф, 1913. С. 6.*

[46] Об определении «суровский» ср. разъяснение у В.И. Даля: «*суровской товар*, шелковый, бумажный и легкий шерстяной; — *ряд*, где этим торгуют». См.: *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1956. С. 363.*

[47] Книжное собрание С.А. Жебелева, составлявшее около 5000 библиотечных единиц и включавшее отечественные и иностранные книги по истории античного мира, в 1942—1943 гг. поступило в фонды Библиотеки АН СССР. Ныне коллекция С.А. Жебелева хранится в библиотеке С.Петербургского филиала Института российской истории РАН. См.: *История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964 / Отв. ред. М.С. Филиппов. М.—Л.: Наука, 1964. С. 451.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1993 г.

M. EATON-KRAUSS. The Representations of Statuary in Private Tombs of the Old Kingdom. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1984 (*Ägyptologische Abhandlungen.* Bd 39). 208 p. XXXII pl.

Древнеегипетский обычай изображать на стенах гробниц загробную жизнь погребенного, весьма точно копирующую его земную жизнь, дал в распоряжение современных ученых богатейшую информацию о материальной и духовной культуре Египта. Гробничные изображения Старого царства настолько многочисленны и интересны, что изучением их можно заниматься всю жизнь, причем каждый их сюжет достоин специального исследования. Появляющиеся время от времени работы, посвященные анализу отдельных сцен и групп сцен, доказали необходимость существования подобного жанра, который, несмотря на всю свою ограниченность, немало прибавляет к нашим познаниям там, где ничего нового, казалось бы, обнаружить уже нельзя.

Именно такова книга Марианны Итон-Краусс. Тема ее — изображения статуй на староегипетских гробничных рельефах — очень узка и специальна, но тем не менее важна и интересна. Первое требование к работам этого жанра — тщательность, и автор всецело его выполняет, впервые привлекая для изучения все известные изображения скульптуры в гробницах Старого царства — 157 экземпляров; кроме того, учтены также и все аналогичные изображения Среднего царства — 15 экземпляров. К этому списку сейчас прибавить нечего.

Вполне естественно, что основу книги составляет каталог изображений (с. 107—200), разделенный на пять тематических частей: 1) статуи в мастерских, 2) перевозка статуй в гробницу, 3) ритуалы перед статуями, 4) изображения статуй на стенах саркофагов и 5) статуи в прочих контекстах. Внутри разделов выдержан хронологический принцип. Описанию каждой сцены предпослан специальный параграф, посвященный датировке гробницы и размещению в ней рассматриваемого изображения. В вопросах хронологии автор, пожалуй, излишне опирается на методику датировки по порядку перечисления титулов, разработанную К. Баером, но, в конечном счете, хотя с некоторыми утверждениями и можно спорить, принципиальных ошибок из этого не вытекает. Далее следуют детальные описания изображений, сделанные предельно скрупулезно и добросовестно, как того и следовало ожидать от ученицы Г.Дж. Фишера (работа выполнена под его руководством в нью-йоркском университете как диссертация). Рассматриваются также надписания к сценам или их частям, так что в результате памятники оказываются представленными читателю всесторонне.

В конце книги приведены воспроизведения описываемых сцен, но, к сожалению, иллюстративная часть носит следы некоторой поспешности. Все воспроизведения без какой-либо обработки взяты из оригинальных изданий; частично это фотографии, частично прорисовки, причем все они разномасштабны. Для целого ряда исследований, которые могут выполняться на основе этой книги, были бы удобнее прорисовки всех сцен, выполненные в таком масштабе, чтобы высота статуй везде оказалась одинаковой. Однако гораздо более серьезный недостаток — отсутствие воспроизведений 45 из 157 изображений. Это связано с несовершенством оригинальных изданий, но в рабочем каталоге такие лакуны недопустимы — каким-то образом их следовало заполнить.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся недочеты оценка каталожной части книги вполне однозначна. Это хороший справочник, который очень облегчит работу каждому, кто обратится к проблематике египетской скульптуры; если бы не отсутствие многих иллюстраций, справочник этот можно было бы называть отличным. Обратимся теперь с систематизационно-исследовательской части, предшествующей каталогу.

В главе 1 «Предварительные замечания» (с. 1—5) сформулированы задачи исследования и выявлены далеко не столь очевидные, как может показаться, критерии, по которым египетские изображения статуй можно отличать от изображений живого человека. Глава 2 «Типы статуй, изображенных в староегипетских гробницах частных лиц» (с. 6—37) представляет собой систематизацию изображений по иконографии статуй; учитываются поза, одежда, аксессуары. Изображения статуй сопоставляются с известными нам образцами скульптуры, приводятся аналогии. В целом типология разработана достаточно четко и подробно, так что многие хорошие известные отдельные факты, ложась в общую картину, обретают новое значение. Интересно, что некоторые типы изображенных статуй по оригиналам неизвестны — рельефы сообщают о существовании утраченных памятников. Основание для размышлений дают и случаи отсутствия на рельефах изображений определенных типов скульптуры; например, никогда не показывается весьма распространенный их тип, показывающий человека в позе писца. Автор объясняет это тем, что такая поза превращала бы вельможу, занимающего в оформлении гробницы центральное место, в лицо подчиненное, зависимое, а потому была невозможна (с. 20). Объяснение совершенно правильное, но неполное, так как остается неясным, почему же могли существовать сами статуи писцов. Дело здесь заключается в том, что статую, замурованную в *сердабе*, была эталоном индивидуальности хозяина гробницы, существующим сам по себе, вне каких-либо связей; настенные же изображения создают целый мир с иерархией подчинения, и чтобы в этом мире хозяин гробницы был главной фигурой, приходится отказываться от всех сцен, где он находится в подчинении, от сцен службы. Отсутствие изображений статуй, т.е. изображений изображений, показывающих его в таком виде, свидетельствует о том, какую огромную роль отводили египтяне такому улучшению действительности в загробном мире.

В этой главе М. Итон-Краусс проявляет себя как хороший систематизатор, наделенный верным глазом и знающий материал; добавить можно лишь одно. Систематизация очень выиграла бы от использования формализованных методов. Рассматриваемый материал представляет собой как раз идеальную сферу их применения. Памятники оцениваются по ряду четко выделенных, хорошо разграниченных и поэтому легко поддающихся формализации признаков, а серия из 157 экземпляров вполне достаточна для применения методов обработки массового материала. Использование хотя бы даже элементов системного анализа позволило бы проследить динамику развития во времени отдельных признаков и т.д., что существенно расширило бы базу для последующего анализа. К сожалению, автор не выходит за пределы традиционных методов, что не только сказывается на выводах, но и затрудняет изложение — глава выглядит несколько сумбурной, несмотря на четкое разделение на параграфы, ибо человек не в состоянии одновременно сопоставлять столь обширную серию памятников по целому ряду признаков. Впрочем, это беда не столько самой М. Итон-Краусс, сколько сегодняшнего этапа развития египтологии, которая, достигнув совершенства в традиционном источниковедческом анализе, оказывается психологически неподготовленной к применению новых методов, все шире и шире используемых гуманитарными науками.

Элементы анализа имеются уже в первых главах, однако собственно исследовательской оказывается глава 3 «Контексты изображений статуй» (с. 38—76). В ней изображения скульптуры рассматриваются в рамках пяти тематических групп, выделенных в каталоге. Половина главы (с. 38—60) посвящена сценам производства статуй (57 экз.). Здесь автор сразу же делает чрезвычайно интересное наблюдение: в сценах производства имя изображаемого почти никогда не подписывается (с. 39, 42—43). Оценить важность этого факта М. Итон-Краусс оказывается не в состоянии. Между тем мы имеем дело с одним из проявлений представления об Имени как о Двойнике человека, идентичном Двойнику-изображению. Изображение

обретает неразрывную связь с Двойником только после совершения над ним ритуала «отверзания уст и очей», завершающего процесс ее изготовления, а поэтому, естественно, незавершенная статуя называться по имени не может. Три случая надписывания имени возле изображения статуи, над которой еще идет работа, находят вполне естественные объяснения. Так, сама Итон-Краусс совершенно верно объясняет наличие имени возле изображения статуи Jšfj, сына 'nh(.j)-m-'hr(w), тем, что ее нужно было отличать от статуи другого сына последнего.

Автор также выявляет некоторые условные знаки, при помощи которых художник иногда пытался показать незавершенность статуй — отсутствие посоха, непроработанные черты лица (с. 43). Однако основное внимание уделяется установлению материала, из которого изготавливаются изображенные статуи. М. Итон-Краусс выделяет следующие диагностические признаки — орудия обработки (с. 48—51), краска (с. 51—55), надписания (с. 55—56) и типология статуй (с. 57—58). В результате оказывается, что деревянные статуи были гораздо более распространены, чем можно судить по сохранившимся оригиналам — на изображениях они встречаются по меньшей мере вдвое чаще, чем каменные. Вывод не то чтобы неожиданный — предполагать это можно было и раньше, но теперь, когда появилось надежное доказательство преобладания дерева, на некоторые теории придется взглянуть по-новому.

Менее подробно рассматриваются сцены перевозки статуй в гробницу (73 экз., с. 60—72). Здесь заслуживает упоминания то, что статуи изображаются с большим количеством деталей, чем в сценах изготовления — этим подчеркивается их завершенность. В целом же раздел менее интересен, чем предыдущий, хотя в нем можно было бы поставить серьезные проблемы.

Изображениям ритуалов перед статуями (13 экз.) посвящено всего пять страниц (с. 70—75), и в теоретическом отношении они совершенно неудачны. В свое время Г. Юнкер на основании существования сцен, в которых хозяин гробницы наблюдает за ритуалами перед собственными статуями, сделал вывод о том, что культ в гробнице начинается еще при жизни ее владельца¹. Возникновение этого обычая он связывал с тем, что статуи приходилось доставлять в *сердаб* и замуровывать их в нем до похорон из-за конструктивных особенностей гробниц². Недавно в защиту мысли о прижизненности гробничного культа выступил П. Каплони³, основывавшийся на интерпретации биографической надписи Mttjj (Royal Ontario Museum, Toronto, 953.116.1). М. Итон-Краусс критикует Юнкера и Каплони, вполне резонно замечая, что замуровывать *сердаб* можно было и после похорон, одновременно с погребальной камерой, а понимание надписи Mttjj неоднозначно. Однако вслед за этим она делает логическое сальто-мортале и отвергает само ядро идеи Юнкера (с. 74). Однако помимо приведенного Юнкером доказательства, которое Итон-Краусс считает единственным, можно найти немало других совершенно однозначных фактов из самых разных эпох египетской истории. При этом, конечно, объяснение их отлично от юнкеровского. После того, как над статуей были совершены обряды «отверзания уст и очей», а происходило это еще в мастерской, задолго до похорон, она (т.е. связанный с ней отныне Двойник изображенного) обретала все те же потребности, что и живой человек, и прежде всего — потребность в еде. Поэтому ритуалы кормления, составляющие основу гробничного культа, должны были начинаться сразу же после «отверзания», вне зависимости от того, был ли изображенный еще жив или уже нет. В данном случае в поспешном суждении Итон-Краусс отразилось непонимание самой основы представлений, связанных с изображениями и статуями в частности⁴.

Следующий раздел, посвященный изображениям статуй на стенах *сердабов* (3 экз.), занимает всего 7 строк (с. 75) и производит впечатление отписки. Таким образом, на примере данной главы хорошо видны слабые стороны работы. Пока речь идет о собственном анализе памятников и непосредственно вытекающих из него выводов, на исследование можно полагаться, однако, когда дело доходит до необходимости

¹ Junker H. Giza XI. Wien, 1953. S. 226—233.

² Ibid. S. 228—229.

³ Kaplony P. Studien zum Grab des Methethu. Bern, 1976. S. 34.

⁴ Bolshakov A.O. The Moment of Establishment of Tomb-cult in Ancient Egypt // AoF. Bd. 18/2. S. 204—218.

обобщений, позиции его более слабы. Причина этого отнюдь не в недостатке знаний — автор показывает себя весьма эрудированным исследователем, а в неумении выйти за рамки привычных представлений.

Особенно это сказывается, когда перед ней встают проблемы мировоззренческого характера. Поэтому, поскольку тематика главы 4 «Староегипетские слова для обозначения статуй и их детерминативы» (с. 77—88) преимущественно мировоззренческая, глава оказывается весьма слабой.

Автор рассматривает два обозначения статуй — *twt* (для мужских) и *grw.t* (для женских). Этимологии слов приняты старые, давно известные, а по существу единственный сделанный вывод — это независимость формы детерминатива от типа обозначаемой статуи. В этом также нет ничего нового, ибо, поскольку *twt* — предельно широкое обозначение всякого изображения, в том числе не только скульптурного, но и плоского, ожидать здесь какой-либо конкретизации не приходится. Сложнее положение с термином *šzr*.

Вслед за Г. Дж. Фишером автор возводит его к глаголу *šzr* — «получать» и понимает его как «получателя» — обозначение статуи с точки зрения не ее иконографического типа, а ее функции принятия жертв. Это вполне вероятно, однако далее следует рассмотрение проблемы *šzr* г 'nh, с выводами из которого согласиться нельзя. *Šzr* г 'nh названа на рельефе Jtwš статуя, иконографически аналогичная статуям с реалистической передачей черт⁴. В свое время Г. Юнкер пришел к пониманию этого термина как обозначения портретной статуи, «статуи согласно жизни» (*lebenswahre Statue*)⁵; первой его поддержала М.Э. Матье⁶, работ которой Итон-Краусс не знает, сейчас же это мнение получило широкое признание. Однако автор хочет видеть в *šzr* г 'nh «статую-получателя, чтобы жить» (*a receiver in order to live*) (с. 88, 208), превращая это выражение, как и *šzr*, в обозначение не типа, а функции статуи. Такая трактовка выглядит натяжкой, тем более что на рельефе Sšm(j)-nfr(.w) IV⁷ портретная статуя названа *twt* г 'nh — возможность замены *šzr* на *twt* свидетельствует, что речь идет в первую очередь не о функции, а о типе статуй, особенно если учитывать совпадение их иконографии в обоих случаях, которое не может быть случайным. К тому же автор допускает и фактическую ошибку, рассматривая надпись Dbh-n(j) как еще одно упоминание *šzr* г 'nh⁸. Однако в ней речь идет не о *šzr* г 'nh, а о *šzr* 'nh, так что перевод «a statue for receiving in order to live» (с. 88), выдержанный в рамках концепции Итон-Краусс, оказывается неверным, а все построение рассыпается. Таким образом, понимание *šzr* г 'nh как «статуи согласно жизни» остается непоколебленным.⁹ Помимо неудачной попытки поправить Юнкера, ничего своего автор в этой главе не создает. Все прочие рассуждения сводятся к тому, что по поводу такой-то проблемы Юнкер говорил то-то, Фишер то-то, а мнение же самой Итон-Краусс остается несформулированным.

На этом рассмотрение изображений статуй в гробницах частных лиц можно было бы закончить, но автор несколько расширяет тему, вводя в книгу главу 5 «Изображения царских статуй до конца Старого царства» (с. 89—106). Это немаловажно, так как свидетельства о царских статуях восходят к I дин., времени, от которого частные статуи неизвестны. В результате проделанного исследования удастся установить, что уже в Раннем царстве в царских мастерских сложились основные типы скульптуры, которые по оригиналам известны лишь в гораздо более позднее время. Таким образом, выявляются исторические корни староегипетской иконографии статуй.

⁴ Smith W.S. A History of the Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. 2^d ed. L., 1949. Pl. 48, a.

⁵ Junker H. Das lebenswahre Bildnis in der Rundplastik des Alten Reiches // AÖAW. Jg. 1950. № 19. 1951. S. 403—405.

⁶ Матье М.Э. Искусство древнего Египта. Л.—М., 1961. С. 96.

⁷ Junker H. Giza IX. Wien, 1950. Taf. 1; *idem*. Giza XI. Wien, 1953. Taf. 22, d, 23, a, b. Abb. 89—90.

⁸ Urk. I. S. 20; Z. 9.

⁹ О смысле "статуи согласно жизни" см. Bolshakov A.O. The Ideology of the Old Kingdom Portret // GM. Hft. 117/118. 1990. S. 89—142.

Книга М. Итон-Краусс производит двойственное впечатление. С одной стороны тонкая наблюдательность на начальной стадии исследования, с другой — несамостоятельность и неуверенность в рассмотрении проблем, хоть немного отдаленных от конкретного материала; с одной стороны, добросовестный анализ и похвальное нежелание заниматься фантазиями, с другой — почти полное отсутствие синтеза и неумение видеть общее за интерпретацией отдельных памятников. Не хотелось бы, однако, чтобы минусы заслонили плюсы — в основе своей это работа, сделанная честно и без претензий, которая послужит хорошим пособием для исследователей в самых разных отраслях египтологии.

* * *

N. KANAWATI. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V. I. Macquarie University. Sydney, 1980. 44 p. 13 pl. 26 fig.

Древнеегипетские провинциальные гробницы до сих пор изучены все еще неудовлетворительно и, что особенно печально, новые их публикации уже давно не появлялись. Не был исключением и некрополь города Ахмима, известный главным образом по очень неполному и устаревшему изданию П. Ньюберри¹. Между тем этот некрополь знати IX верхнеегипетского нома, функционировавший с V по XII дин. и насчитывающий более трехсот гробниц, высеченных в горе эль-Хававиш, имеет первостепенное значение. Наконец, в 1979—1980 гг. начался первый сезон раскопок сиднейского университета Маккэри, результатом которых и является рецензируемая работа.

Нередко публикации археологических материалов задерживаются по различным причинам на десятилетия (как это случилось, например, с материалами раскопок Дж.Э. Райзнера в Гизе) и, разумеется, качество таких публикаций оказывается далеко не идеальным. Поэтому хочется особенно отметить оперативность Н. Канавати, выпустившего свою книгу очень быстро; при этом в ней нет и следа поспешности и небрежности; это не предварительный отчет о проделанных работах, а полное издание материала и серьезное и вдумчивое его исследование. Автор в предисловии пообещал выпускать по тому после каждого сезона раскопок и, судя по тому, что второй том уже появился, свое обещание он намерен выполнять. Если в дальнейшем раскопки охватят весь некрополь, а материалы их будут издаваться так же образцово, мы получим массу информации из важного провинциального центра, причем информации за большой период времени.

В первом томе изданы три гробницы, приведены их тщательно сделанные планы и разрезы, настенные росписи воспроизведены фотографически (частично в цвете) и в прорисовках; фотографии и прорисовки полностью дублируют друг друга. Прорисовки четкие, крупные, удобные для работы, фотографии также разборчивы, насколько это позволяет сохранность росписей.

Гробница Mnw-'nh(w) датируется Н. Канавати временем Jzjz или Wnjs. Владелец ее носит титулы ḡḡ nj-sw.t, jmj-r' wr.t, jmj-r' z'.w Šm', jmj-r' Pr-Mnw. Часовня в плане почти крестообразная, ширина ее 10 м, глубина 6 м; ложная дверь расположена в южной части западной стены. Точно под ложной дверью находится главная погребальная камера размером 2,4×1,5×1,5 м, в которую ведет шахта глубиной 4 м. Вторая шахта, меньшей глубины, заканчивается погребальной камерой тех же размеров; оба погребения разграблены. В часовне на архитраве и барабане входа записана заупокойная формула с титулами Mnw-'nh(w); других надписей и изображений нет.

Вторая из опубликованных гробниц наиболее интересна. Она относится к VI дин. и принадлежит K'(j)-ḥp/Ttj-jkr(w), среди титулов которого есть ḥ'tj-', smḡ w'tj, ḥrj-tp " nj Ḥntj-Mnw, sm' Mnw, jtw Mnw, ḥt Mnw, ḥkr Mnw, mh-jb nj nj-sw.t m Pr-Mnw. Если для памятников V дин. датировка по царям вполне достаточна, то для VI дин. с ее продолжительными царствованиями такой точности уже мало. Н. Канавати, используя самые различные признаки — архитектурные, стилистические,

¹ *Newberry P.E. The Inscribed Tombs of Ekhmim // LAAA. 1912. V. 4. P. 99—120.*

эпиграфические, виртуозно датирует гробницу серединой правления Pjri II. Если это действительно так — а датировка выглядит весьма надежно, мы имеем хорошо датированную провинциальную гробницу, весьма богатую, от периода, от которого почти нет точно датированных памятников.

Перед часовней K'(j)-hp в склоне горы высечен небольшой дворик с портиком в две колонны, ведущим внутрь. Часовня прямоугольная, с двумя колоннами, ширина ее чуть меньше 9 м, глубина около 5,5 м. В правой части северной стены находится ниша размером 2,2×3,5 м, на западной стене которой расположена ложная дверь. В центре часовни начинается наклонный спуск в погребальную камеру длиной 10,2 м. Камера имеет размеры 4,1×3,5×1,7 м, в полу прямоугольное углубление для тела, заменявшее саркофаг, в южной стене камеры ниша (для каноп?) 0,9×0,9×0,9 м. Во дворике и в портике начинаются шесть шахт вторичных погребений, над некоторыми из них находится по ложной двери. Все исследованные погребения, в том числе и главное, разграблены.

Стены часовни оштукатурены и покрыты росписями. Стилистика и тематика изображений типичны для Старого царства, однако часть изображений несколько статична, некоторые фигуры непропорциональны. Впрочем, качество росписей гораздо выше, чем можно ожидать в столь поздней провинциальной гробнице, имеются даже прекрасно выполненные сцены. Несомненно, что здесь работал очень хороший для своего времени художник. Сохранилась надпись этого художника (рис. 8), в которой названо его имя — Snj — и сказано, что он оформил эту гробницу в одиночку, так же как и гробницу Hnj, сына K'(j)-hp. Когда гробница Hnj будет опубликована, можно будет с большей уверенностью судить об особенностях работы Snj. Некоторые признаки позволили Н. Канавати предполагать, что изображенный в одной из гробниц в Дейр эль-Гебрави скульптор Snj и художник Snj из Ахмима — одно и то же лицо. Если это так, появляется хронологическая привязка для плохо датированных гробниц в Дейр эль-Гебрави.

Набор сюжетов изображений весьма велик. В гробнице есть сельскохозяйственные, ремесленные, жертвенные и развлекательные сцены; сам хозяин показан бьющим рыбу острогой, на прогулке в паланкине; возле ложной двери он дважды изображен за столом с продуктами. Сцены трапезы сопровождаются изображениями заупокойных ритуалов и большими списками жертв. Есть в гробнице и редкие сцены и детали. К их числу относится изображение K'(j)-hp, наблюдающего за четырьмя парами дерущихся быков — видимо, это было его любимым развлечением. Изображение драки лодочников, имеющееся в этой гробнице, — самое позднее в Старом царстве. Н. Канавати традиционно интерпретирует его как «boat games» (с. 22), однако уже после появления рецензируемой книги вышло исследование, доказывающее, что эта сцена относится к группе сцен, обеспечивающих доставку продуктов хозяину гробницы².

Третья гробница, принадлежащая Bhn, носившему среди прочих титулы h'tj-, smg w'tj, sm' Mnw, hrj-tp " nj Hntj-Mnw, относится к более позднему времени. Н. Канавати датирует ее VIII дин., однако вполне возможна и более поздняя датировка; уточнить ее можно будет тогда, когда станет доступным больший сравнительный материал из этого некрополя.

Часовня Bhn невелика, по форме она близка к квадрату со сторонами от 3,4 до 4 м, в центре находятся две колонны. Из часовни два наклонных хода ведут в разграбленные погребальные камеры. Стены часовни были оштукатурены и расписаны, однако штукатурка почти полностью исчезла; сохранились лишь заупокойная формула на архитраве входа и изображения Bhn с титулами на колоннах. Возле одного из этих изображений есть фрагментированная надпись (рис. 24), упоминающая близлежащий храм Pjri (II); упоминание о нем имеется и в соседней гробнице Jjj, еще не изданной.

Находки в гробницах, как и следовало ожидать, немногочисленны и ограничиваются фрагментами керамики, воспроизведенными на двух рисунках.

Давая описание гробниц, Н. Канавати строит его по стандартному плану: 1) владелец гробницы, его титулы, 2) датировка, 3) архитектура, 4) погребальные камеры, 5) изображения и надписи, 6) находки; стандартизация эта облегчает работу с книгой.

² *Большаков А.О.* Сцена драки лодочников в староегипетских гробничных изображениях // СЭ. 1983. № 3. С. 105—112.

Описания довольно краткие, но точные и четкие. Комментируя изображения, автор приводит немало параллелей из других гробниц; надписания к изображениям в тексте переданы в транслитерали и в большинстве случаев хорошо переведены. Теоретические вопросы в книге совсем не затронуты, но автор перед собой подобной цели и не ставил. Можно спорить о правомерности такого подхода, но нельзя не признать, что свою основную задачу — издание материала — Н. Канавати выполнил отлично. Разумеется, книг без недостатков не бывает, встречаются неточности и у Н. Канавати. Однако заострять на них внимание и портить впечатление от действительно хорошей книги мы не будем, отметим лишь два наиболее серьезных. В книге совершенно отсутствуют грамматические комментарии к египетским надписям, что в работе такого высокого класса выглядит как досадное упущение. Специалист, занимающийся проблемами Старого царства, а именно таким специалистом является Н. Канавати, должен был бы учесть исследование Ю.Я. Перепелкина о понятии *d.t*³ и не переводить через 15 лет после его выхода *pr d.t* традиционно как «funerary estate» (с. 25).

Все это, однако, не может и не должно испортить впечатления от книги. Не так уж много выходит публикаций, с которыми действительно приятно работать и продолжения которых ожидаешь с нетерпением. Работа Н. Канавати именно такова. Будем надеяться, что следующие ее тома не разочаруют нас и принесут нам еще много пользы и удовольствия.

---

³ Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // ПС. 1966. Т. 16.

S. D'AURIA, P. LACOVARA, C.H. ROEHRIG. Mummies & Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt. Museum of Fine Arts, Boston. Boston, 1988. 272 p.

Броское коммерческое название этого каталога выставки из фондов бостонского Музея изящных искусств, состоявшейся в 1988 г., гораздо уже его содержания. Собственно о мумиях и магии в нем говорится не так уж много — на самом деле это подробный обзор памятников, связанных с древнеегипетским гробничным культом и с представлениями о смерти и загробной жизни, охватывающий огромный период от додинастики до коптского времени. Такая широта проблематики потребовала привлечения к работе помимо трех главных организаторов выставки, чьи имена вынесены на титульный лист, еще более сорока авторов из Америки и Европы. Итог совместного труда столь значительных научных сил оказался, как и следовало ожидать, весьма внушительным и несомненно полезным.

Большую сложность при подготовке подобных каталогов представляет необходимость удовлетворять во многом противоположным интересам ученых и широкой публики. Некоторые идут по пути популяризации и тем самым снижают научную ценность издания, другие предпочитают основное внимание уделять специальным проблемам, делая текст скучным и недоступным для большинства. Бостонцы сумели удержать равновесие в этой действительно непростой ситуации. Книга распадается на две неравные части — популярную вступительную и специальную каталожную, занимающую три четверти объема весьма внушительного тома. Ряд вступительных статей посвящен разным сторонам рассматриваемой проблематики — «Мумификация в древнем Египте» (С.Д'Ауриа, с. 14—19), «Погребальная архитектура» (П. Лаковара, с. 20—26), «Погребение и мифология» (Х. те Вельде, с. 27—37), «Заупокойные тексты и их значение» (Дж.П. Эллен, с. 38—49), «Осирис» (К.Х. Рёриг, с. 50—51), «Смерть и общество» (Э.М. Рот, с. 52—59). В совокупности они дают более или менее популярный обзор египетских представлений о смерти и связанной с ними культовой практики. При этом серьезность изложения делает эти статьи хорошим источником информации для всякого культурного человека, интересующегося Египтом. Специалисту же эта часть не слишком интересна, так как каких-либо обобщений и новых идей он здесь не найдет.

Зато вторая, собственно каталожная часть, чрезвычайно важна именно для египтолога. Краткие, но точные и емкие статьи, сопровождаемые небольшими, но

четкими фотографиями, дают исчерпывающее представление о памятниках, а хорошо подобранная библиография достаточно полно отражает связанную с ними проблематику. Ряд вещей публикуется впервые, однако основная ценность каталога состоит не в этом и не в каких-либо других частностях, а в том, как на примере 212 представленных объектов, довольно равномерно распределяющихся по эпохам истории Египта (за исключением коптского времени, проиллюстрированного всего четырьмя предметами), прослеживается четырехтысячелетняя история египетских погребений. Каталог по существу оказывается незаменимым справочником по этой проблематике, причем занимающим совершенно особое место среди довольно многочисленной литературы справочного характера. Ведь эта литература, как правило, носит сугубо академический характер, древние представления зачастую предстают в ней оторванными от культурной практики и уж тем более от отразивших эту практику памятников. Бостонский каталог ведет от памятников к представлениям и позволяет читателю зримо ощутить ту древнеегипетскую реальность, в которой существовали и через которую проявлялись эти представления. Каталог поэтому может быть очень полезен для подготовки студентов — им, еще не накопившим достаточных знаний и опыта работы, особенно важна книга, в которой можно одновременно увидеть, как выглядит, скажем, староегипетский набор для отверзания уст, а как саркофаг XXV дин. и чем он отличается от саркофага саисского.

Разумеется, когда в одной книге собраны воедино работы стольких авторов, посвященные столь разнообразным предметам, невозможно ожидать, чтобы все они в равной мере удовлетворяли читателя. Неизбежны некоторая несогласованность мнений и концептуальные расхождения; встречаются спорные утверждения, остающиеся недоказанными из-за недостатка места; есть, наконец, и отдельные неточности. Остановлюсь только на некоторых моментах, которые, сразу же оговорюсь, несколько не портят общего впечатления от каталога.

1. Эд. Броварски решительно утверждает (с. 88), что египетское название *serdaba* pr-twt — «дом статуи» (statue chamber), а щель, соединяющая *serdab* с соседним культовым помещением, называлась ptr.tj n.t ḥw.t-k' — «глаза подворья Двойника» (eyes of the ka-mansion). Первое заявление требует уточнения, второе же скорее всего просто неправильно. Действительно, в гробнице меирского номарха Prj-nḥ(w)/Ḥnj-km сцена перевозки статуй, ориентированная на вход в *serdab*, сопровождается легендой: «Доставка ста[ту]й ... (следуют титулы) Ḥnj-km в pr-twt»¹, что заставляет считать pr-twt обозначением *serdaba*. Однако надпись на стене *serdaba* R'(w)-wr(w) I в Гизе, к сожалению неполная², недвусмысленно называет *serdab* ḥw.t-k' — «подворье Двойника». Г. Юнкер собрал ряд других аргументов в пользу того, что *serdab* мог называться ḥw.t-k'³. Таким образом, обозначения pr-twt и ḥw.t-k' практически синонимичны, хотя между ними есть и различие, тонкое, но достаточно очевидное. Название pr-twt говорит о *serdabe* как о вместительнице вполне конкретного, осязаемого предмета — статуи, тогда как название ḥw.t-k' делает акцент на том, что статуя порождает Двойника хозяина гробницы, ту форму, в которой он существует вечно. Таким образом, вопрос явно сложнее, чем предложенное его решение⁴. Что же касается названия щели *serdaba*, то здесь Броварски всецело повторяет давнюю теорию Э.М. Блэкмена и А. Морэ. В свое время Морэ дополнил надпись R'(w)-wr(w) I фрагментом со знаком двух глаз и с его учетом реконструировал название щели как jr.tj n.t ḥw.t-k' — «глаза подворья Двойника»⁵, считая «подворьем Двойника» *serdab*. Его реконструкцию принял Блэкмен, однако он считал, что *serdab* — это pr-twt, а ḥw.t-k' — это культовые помещения гробницы⁶ (по сути его мнение повторяет Броварски — другое чтение знака глаз не в счет). Понимание Морэ при всей вычурности интерпретации щели как пары глаз по крайней мере непротиворечиво — щель предназначена для того, чтобы через нее смотрела статуя, так что с некоторой натяжкой можно сказать, что через нее

¹ Blackman A.M. The Rock Tombs of Meir. T. V. L., 1953. Pl. XX, LV, I.

² Junker H. Giza III. Wien — Leipzig, 1938. Abb. 11, 42, a. Taf. XIII, A.

³ Ibid. S. 119—122.

⁴ Нельзя ли считать pr-twt названием провинциальным, упрощенным по сравнению со столичным ḥw.t-k'?

⁵ Moret A. Serdab et maison du Ka // ZÄSA. 1914. Bd 52. S. 88—89.

⁶ Blackman A.M. The Ka-house and the Serdab // JEA. 1916. V. 3. P. 250—254.

«смотрит» *сердаб*. «Уточнение» Блэкмена ставит все с ног на голову — направление взгляда меняется, теперь уже культовое помещение «смотрит» в *сердаб*, а это явно не соответствует действительности. Впрочем, как показал Юнкер⁷, обе эти трактовки ошибочны, так как включенный Мерз в надпись фрагмент происходит из другого места. Упомянув работу Юнкера, Броварски никак не учитывает его мнения, но причины этого совершенно непонятны.

2. Э.М. Рот считает (с. 54), что в египетском представлении ложная дверь служила средством сообщения между погребальной камерой и часовней. Это совершенно неправильно. Ложная дверь, как и все изобразительное оформление часовни, принадлежит к миру Двойника, тогда как в погребальной камере локализуется совсем иной мир, мир *b'*. Почти до самого конца Старого царства эти два мира никак не пересекаются и существуют совершенно изолированно⁸, так что ни о каком сообщении между ними говорить не приходится. Появление ложных дверей в погребальных камерах позднего Старого царства также не может интерпретироваться в духе гипотезы Рот (ложные двери в часовне и в склепе как условные концы «хода» между ними) — это всего лишь результат начавшегося в это время проникновения мира-Двойника в погребальную камеру⁹.

3. Э.М. Рот полагает также (с. 57), что среди изображений погребальной процессии встречается сцена переправы через реку (впрочем, это утверждение повторяют довольно часто). Сразу же возникает резонный вопрос: о какой переправе может идти речь, если все некрополи, в которых есть подобные изображения, располагаются на том же берегу Нила, что и города, в которых жили владельцы гробниц? Судя по тому, что обычно изображается буксировка барки с саркофагом группой людей, идущих по берегу, имелось в виду не пересечение реки, а чисто ритуальное плавание по каким-то каналам¹⁰.

Число подобных замечаний можно увеличить, однако, повторю, не эти недостатки определяют лицо рецензируемого издания. Перед нами прекрасно выполненный каталог нового поколения, значение которого выходит за пределы чисто музейной литературы.

Наряду с этим каталогом был выпущен краткий путеводитель по выставке, предназначенный в основном для школьников¹¹. Разбор его достоинств и недостатков относится уже не к египтологии, а к музейной педагогике и выходит за пределы тематики ВДИ. Отмечу лишь, что некоторые иллюстрации в нем имеют большие размеры, чем в каталоге и тем самым оказываются более удобными. Правда, все это вещи достаточно хорошо известные, и их новые воспроизведения погоды не делают, но все же и они могут быть полезными — например, прекрасная цветная фотография превосходно запеленутой мумии (рис. 35) позволяет посмотреть на самое пеленание как на специфический, сугубо египетский вид искусства.

⁷ *Junker. Giza III. S. 120, 122.*

⁸ *Большаков А.О. Развитие представления о «загробных мирах» в древнем Египте // Мерз. Вып. 5. М., 1990 (в печати).*

⁹ Там же.

¹⁰ *Bolshakov A.O. The Old Kingdom Representations of Funeral Procession // GM. № 121. S. 31—54.*

¹¹ *Roehrig C.H. Mummies & Magic. An Introduction to Egyptian Funerary Reliefs. Boston, 1988. 32 p. 56 ill.*

* * *

N. STRUDWICK. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders. London: KRI Ltd., 1985. 336 p.

Появление в последнее время ряда работ, посвященных административной системе Египта Старого царства¹, свидетельствует о возросшем интересе к данной проблематике. Книга Найджела Страдвика сейчас является самой новой и объемистой

¹ *Martin-Pradey E. Untersuchungen zur ägyptischen Provinzialverwaltung bis zum Ende des Alten Reiches. Hildesheim, 1976; Kanawati N. The Egyptian Administration in the Old Kingdom. Warminster, 1977; idem. Governmental Reforms in Old Kingdom Egypt. Warminster, 1980.*

из всех написанных на эту тему, так что ни один исследователь староегипетской эпохи не может пройти мимо нее. Автор поставил перед собой задачу изучить функции и положение высшего столичного чиновничества, и такой подход представляется вполне оправданным. Н. Страдвик рассматривает пять важнейших составляющих староегипетской администрации: 1) судебную систему, 2) аппарат писцового чиновничества, 3) организацию работ, 4) деятельность житниц и 5) сокровищниц. В соответствии с этим объектом исследования являются титулы: 1) *jmj-r' ḥw.t wr.t*, *jmj-r' ḥw.t wr.t 6*, 2) *jmj-r' zš 'nj-sw.t*, 3) *jmj-r' k'.t (nb.t) (nj.t) (nj-sw.t)*, 4) *jmj-r' šnw.t*, *jmj-r' šnw.tj*, 5) *jmj-r' pr-ḥd*, *jmj-r' pr.wj-ḥd*. Кроме того, отдельный раздел посвящается высшему государственному чиновнику, визирю, *t'jtj z'b t'tj*.

Первая часть книги (с. 2—52) посвящена критериям датировки памятников, на которых базируется исследование. Сознвая недостатки существующих систем датирования, прежде всего предложенных К. Баером и Н. Канавати², автор приходит к необходимости разработки своей собственной, новой системы. Она основывается на типологии ложных дверей, разработка которой и составляет предмет первой части.

Существующие исследования ложных дверей посвящены главным образом их функциям и основным, большим этапам их развития, Н. Страдвик же прослеживает более мелкие изменения, которые могут служить хронологическими индикаторами. Развитие прослеживается отдельно для Саккары и Гизы, причем саккарские памятники рассматриваются раньше и затем используются как эталонные при сравнении с гизекскими. Автор оперирует главным образом 36 ложными дверьми из Саккары, которых считает достаточно хорошо датируемыми без привлечения каких-либо аналогий. Вероятно, этот эталонный список можно было бы составить и несколько иначе, ибо однозначности в датировках староегипетских памятников быть не может, но и без того результаты исследования немаловажны. Подробное рассмотрение каждой составной части ложной двери позволяет автору выделить ряд датирующих признаков, которые, будучи сведены воедино (с. 36—37), выглядят вполне убедительно. Работа проделана в целом тщательно, хотя есть и некоторые упущения. Например, хорошо известно, что изображения хозяина ложной двери, встречающиеся на ее архитраве, притолоке и панели, находятся в их левой части и лицом обращены вправо; однако в издании саккарских гробниц О. Мариэтта есть воспроизведения восьми ложных дверей с противоположной ориентацией: *H'(j)-mrr-ptḥ*, *K'j*, *W'š-ptḥ*, *K'(j)-r(w)-pw*, *'nh'(j)-m-'-r'(w)*, *Nn-hft(j)-k'(j)*. *Šd-'bd* и *S'bw/Jbbj'*. Н. Страдвик рассматривает их как особый тип, не получивший широкого распространения (с. 19, 22—23), но книга О. Мариэтта хорошо известна неточностями, и более поздние публикации свидетельствуют, что ложные двери *W'š-ptḥ*, *Nn-hft(j)-k'(j)*, *Šd-'bd* и *S'bw/Jbbj* были ошибочно воспроизведены в ней зеркально⁴. В высшей степени вероятно, что то же самое произошло и с остальными упомянутыми памятниками. Таким образом, Н. Страдвик, работая по книге О. Мариэтта, не перепроверял ее, в результате чего не внес исправлений по другим публикациям, на которые, кстати, он сослался. Такую небрежность досадно видеть в работе, сделанной в целом очень тщательно⁵.

² *Baer K. Rank and Title in the Old Kingdom. Chicago, 1960; Kanawati. The Egyptian Administration...*

³ *Mariette A. Les mastabas de l'Ancien Empire. P., 1889. P. 118, 154—155, 268—271. 278—279, 283—284, 307—309, 368—369, 412—415.*

⁴ См. соответственно: *British Museum. Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. Pt. 1. 2 ed. L., 1961. Pl. XXI, 2; Borchardt L. Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo. Teil I—II. B., 1937; Le Caire, 1964. Pl. XL. XXXIV, 4, LXV.*

⁵ Рецензенту известны только три ложные двери с достоверной обратной ориентацией изображений: неизвестного лица из Гизы (*Hassan S. Excavations at Giza 1932—1933. V. IV, Cairo, 1943. Pl. XVII-h*); *Hknw-ḥd.t(j)* в Техне (*Fraeser G. The early tombs at Tehne // ASAE. 1902. T. 3. Pl. III*); *D'w* в Дейр эль-Гебрави: (*Davies N. The Rock Tombs of Deir el-Gebrâwi. Pt. II. L., 1902. Pl. XIII*). При этом последний случай по существу не является исключением: на ложных дверях важна ориентация не просто направо, а на север; ложная дверь *D'w* находится не на западной, как обычно, а на восточной стене, поэтому изображения, повернутые налево, ориентированы все равно на север, в полном соответствии с традицией.

К памятникам Гизы автор применяет несколько иной подход. Исходя из того, что в Гизе датируемых самостоятельно памятников меньше, чем в Саккаре, он вынужден учитывать дополнительные признаки — изображения хозяина на западной стене часовни, рядом с ложной дверью. Рецензент в корне не согласен с исходным положением автора, ибо меньшее число независимо датируемых гробниц в Гизе с лихвой компенсируется наличием большого количества достоверно связанных друг с другом памятников, что гораздо важнее, так что хронологическая схема для Гизы гораздо точнее, чем для Саккары. Однако предпринятое по недоразумению расширение источниковедческой базы можно только приветствовать, поскольку оно позволяет сделать ряд интересных выводов как по хронологии, так и по более общим вопросам функционирования двух основных столичных некрополей Старого царства. В целом первая часть книги хотя и носит вспомогательный характер, имеет и вполне самостоятельное значение; предложенные для датировки признаки, несомненно, будут широко использоваться.

И все же Н. Страдвик не избежал и серьезных недочетов. Основывая свою хронологию исключительно на ложных дверях, он сознательно не включает в исследование огромные материалы, которые в ряде случаев могут иметь решающее значение. Абсолютно незатронутой остается эпиграфика (за исключением списков жертв), типология часовен понимается упрощенно, без учета многих деталей, установленных в свое время Дж.Э. Райзнером и Г.Юнкером. Типология ложных дверей как целое у автора также не получилась. На это можно возразить, что задачи создания полной типологии он перед собой и не ставил, что его разработка имеет совершенно определенные границы чисто служебной методики, однако типология может быть только законченной, ибо в противном случае нельзя быть уверенным в степени ее достоверности. Поэтому если речь идет о типологии памятников Старого царства, она должна охватывать их полностью на всем хронологическом отрезке вне зависимости от того, с какой целью ее будут использовать. Автор же подходит к проблеме чисто прагматически, позволяя себе, например, не учитывать ложные двери конца Старого царства из Гизы на том основании, что на них интересующие его титулы не встречаются. Вообще с памятниками позднего Старого царства дела у него обстоят хуже всего (впрочем, в этом он не одинок). Например, Н. Страдвик не обращает внимания на одну чрезвычайно характерную черту поздних ложных дверей — если первоначально надписи на притолоках и косяках совершенно самостоятельны, то с какого-то момента надпись на притолоке начинает переходить на левый косяк, который от притолоки уже никак не отделяется. Установление времени этого изменения было бы чрезвычайно полезным для датировок. Ложные двери этого типа обязательно имеют Т-образную панель, но она, кажется, появляется раньше — во всяком случае на ложной двери *Ddj-pjrpj* конца царствования *Pjrpj I*, самой ранней, имеющей Т-образную панель (с. 18), надписи на притолоках и косяках еще разделены⁶.

Особо следует сказать о попытке включить ложную дверь в контекст изобразительного оформления западной стены часовни. Попытка эта безынтересна, но она не могла увенчаться успехом из-за изначальной ограниченности постановки вопроса. Вместо анализа системы, которой является все оформление египетской гробницы, получился анализ взятого изолированного малого ее компонента. Задача комплексного рассмотрения оформления гробниц Старого царства, в том числе и в целях установления датировочных критериев, была решена автором настоящей рецензии в работах, написанных еще до выхода в свет книги Н. Страдвика⁷. В них удалось установить и смысл ряда изменений декора, которым Н. Страдвик не интересуется и который может быть установлен только при рассмотрении гробницы как единого целого. Что же касается выводов, касающихся датировки, то в целом они близки (иначе и быть не может), но при этом выводы Н. Страдвика носят более частный характер.

Вторая часть книги — просопографическая (с. 55—170). В ней учтены 173 староегипетских чиновника, носивших интересующие автора титулы. С некоторыми приво-

⁶ James T.G.H. The Mastaba of Khentika Called Ikhekhi. L., 1953. Pl. XLII.

⁷ *Большаков А.О.* Роль изображений в мировоззрении египтян эпохи Старого царства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 8—11; *Он же.* Системный анализ староегипетских гробничных комплексов // ВДИ. 1986. № 2. С. 98—137.

димыми датировками можно спорить, но нельзя не признать, что получившийся справочник весьма хорош и будет полезен всем занимающимся самыми различными аспектами староегипетской администрации. Отметить нужно лишь некоторые неудачные чтения имен собственных, встречающиеся во всех разделах книги. Вполне достоверное чтение S'nh-n(j)-'h.t(j) — «Дал мне жизнь Горизонтный (бог)» автор превращает в бессмысленное Nj-s'nh-'ht (с. 51); имя бога 'h.t(j) вообще везде передается как 'ht. Чтение K'(j)-n(j)-n(j)-sw.t — «Мой Двойник (есть Двойник) царя», видимо, предпочтительнее и, во всяком случае, привычнее, чем Nj-k'-nzwt (с. 40) — «Относящийся к Двойнику (есть) царь». Htp-sš't лучше, чем использованное автором Sš't-htp (с. 40), так как последний вариант с пониманием htp как старого перфекта требовал бы наличия окончания женского рода .tj в форме .t, которое никогда в этом имени не встречается. Сами по себе эти неточности не страшны, но они затрудняют пользование указателями, поскольку не всегда ясно, где нужно искать то или иное имя.

Третью часть составляет собственно исследование. Каждому рассматриваемому титулу посвящена отдельная глава, в которой он анализируется в высшей степени подробно и всесторонне. Изучается время появления и исчезновения титулов, их сочетаемость и корреляция с другими титулами и т.д. Результаты сводятся в небольшие таблицы, наглядно систематизирующие материал. Хотя количество сопоставляемых объектов не очень велико и вполне обозримо, автор использовал компьютер, и проделанному исследованию нельзя отказать в красоте, которая всегда присутствует в технически совершенной работе. К сожалению, за этим техническим совершенством стоит меньше, чем могло бы быть при ином подходе. Автор ограничивается и, видимо, совершенно сознательно, чисто формальным анализом. Титулы рассматриваются как условные единицы, за которыми почти не просматривается реальность и их носители; взаимодействие титулов происходит в безвоздушном пространстве и мало соотносится с процессами, совершавшимися в обществе. Иными словами, поставленную перед собой задачу автор выполнил лишь наполовину — тщательно исследовав формальную сторону, он так и не перешел к созданию картины египетской администрации как действующей системы. Впрочем, это общий недостаток большинства аналогичных работ, в которых анализ памятников зачастую преобладает над последующим синтезом. Этим рецензент несколько не хочет поставить под сомнение ценность книги Н.Страдвика — она, несомненно, полезна и интересна, многие выводы существенно дополняют мнения предшествующих исследователей. И тем не менее она одновременно вызывает разочарование, ибо, будучи шагом вперед по сравнению с книгами Э. Мартин-Прадей и Н.Канавати, она не является качественно новым шагом, шагом, поднимающим на принципиально новый уровень.

Если же говорить о значении работы Н.Страдвика в целом, остается повторить, что несмотря на все отмеченные недостатки она серьезно трактует важные проблемы, многие из которых должным образом еще не освещались. Она не знаменует собой завершения или начала какого-то этапа в исследовании староегипетской администрации, но безусловно служит развитию данной проблематики.

А.О. Большаков

© 1993 г.

C. CALAME. *Thésée et l'imaginaire athénien. Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne: Payot, 1990. 480 p.

Новая книга профессора Лозаннского университета К. Калама посвящена всестороннему исследованию культа Тезея и связанных с этим персонажем мифов. Это рассмотрение позволяет автору проанализировать более широкий круг вопросов, включающий чуть ли не все проблемы, связанные с античной героической мифологией.

Основным частям книги, в которых собственно рассматривается материал, связанный с Тезеем, предпослано обширное введение методического характера («Символическое торжество», с. 5—68). Следует отметить, что Тезей и связанная с ним мифология, литература и культовая практика стали для автора материалом, на основании которого он стремится разрешить ряд общих проблем.

Первый круг вопросов, который занимает К. Калама в водной части, касается определения взаимоотношений между мифологией как словесным творчеством и ритуалом как культовой практикой. Сюда входит и объяснение этиологического использования мифов, в том числе причин появления попыток вписать существовавшую в Афинах культовую практику в причинно-следственные связи интриг тезеевского мифа. Этот аспект проблемы связан со вторым кругом вопросов, занимающих К. Калама, — о взаимоотношениях мифа и ритуала как некоего единства с политической и, шире, с исторической ситуацией и о характере ее влияний на них. В своем анализе К. Калам основывается на результатах современной, в первую очередь структурной антропологии, критический обзор основных направлений которой он дает во введении. Кроме того, широко привлекаются данные этнографии, в первую очередь хорошо знакомые автору материалы Новой Гвинеи, что позволяет более ясно представить читателю проблему взаимоотношений мифа и ритуала. К. Калам настаивает на условности разграничения этих двух понятий, подчеркивая, что оно целиком принадлежит европейской культуре современных исследователей. В то же время в древности и в примитивных обществах эти два явления составляли неразрывное единство, и граница между ними была весьма зыбкой. К. Калам включает оба эти явления в более широкое понятие, определяемое им, вслед за другими антропологами, как «символическое творчество». Ничем иным, как проявлениями этого символического творчества, использующими разные средства, были миф и ритуал, равно как и изображения (в Греции прежде всего вазопись, данные которой, требующие особых приемов анализа, впрочем, использованы в книге в значительно меньшей степени). При этом средства, применявшиеся для реализации этого творчества — действия, язык или изображения, были по существу равнозначны, и смысл этого творчества не менялся в зависимости от применяемых средств. В свою очередь, символическое творчество, согласно К. Каламу, служило как бы ответом на ту материальную и культурную реальность, внутри которой оно совершалось.

Признавая условность разграничения мифа и ритуала, К. Калам в своем анализе все же пользуется этими понятиями как традиционными инструментами анализа символического творчества. В соответствии с этим разграничением, вторая часть рецензируемой книги («Приключения Тезея», с. 69—139) посвящена подробному рассмотрению мифологии Тезея. К. Калам строит свое изложение, следуя за порядком событий, описанных Плутархом в его биографии Тезея. Это наиболее полное из известных нам систематических изложений мифологии Тезея дополняется по каждому эпизоду свидетельствами других литературных и, в меньшей степени, иконографических источников.

К. Калам определяет своего героя как «дважды незаконнорожденного»: он был зачат вне брака во время пребывания в Трезене Эгея, которого заманили в постель Айтры обманом и хитростью. К тому же будущая мать Тезея к этому моменту еще не достигла брачного возраста. В свете этих обстоятельств дальнейшие подвиги Тезея, по мнению К. Калама, могут быть представлены в качестве постоянного стремления доказать свою законность и значительность. Поначалу, завладев мечом и сандалиями Эгея, Тезей доказывает свою физическую силу и мужественность; побеждая чудовищ по дороге в Афины, он утверждает свою героическую сущность. Затем он добивается признания Эгеем своего отцовства, однако этого еще не достаточно, чтобы его претензии на отцовский престол были законными. Уничтожив политических соперников Эгея, Паллантидов, Тезей добивается признания жителей Афин, а победив марафонского быка — жителей всей Аттики. Вызвавшись отправиться на Крит вместе с wybranными по жребью юношами и девушками, Тезей подтверждает свою легитимность и улаживает возникший конфликт между царем и народом. По дороге на Крит, в эпизоде с кольцом Миноса, Тезей добивается признания своего божественного происхождения. И, наконец, убийство Минотавра и увоз Ариадны с Крита доказывают, что Тезей вышел из юношеского возраста. Вся эта цепь признаний легитимности Тезея в разных сферах в конце концов позволяет ему занять афинский престол.

К. Калам отмечает также, что во всех своих подвигах, включая убийство Минотавра, Тезей действует отнюдь не как взрослый мужчина-гоплит, вступающий в единоборство, а как типичный эфеб, использующий разнообразные хитрости.

В связи с этим следует напомнить, что интерпретация мифа о Тезее и отчасти связанных с ним ритуалов, отражающих обряды инициации юношей, стала уже в науке традиционной¹. К. Калам возражает против такой интерпретации (см. особенно с. 432—435), отмечая, что: 1) праздники Осхофорий и Пианопсий, связанные с Тезеем, не содержат в полном виде тех ритуалов, которые типичны для классических инициаций; 2) в тезеевском цикле имеются эпизоды, которые не укладываются в схему инициационных обрядов; 3) Тезей во время своей экспедиции на Крит — не подросток, а уже эфеб.

¹ *Jeanmaire H.* Couroi et Courètes. Lille, 1939. P. 227 suiv.; *Brelich A.* Paidés e Parthenoi. Roma, 1969. P. 444 suiv.; 470 suiv.; *Vidal-Naquet P.* Le chasseur noir. Paris, 1983. P. 164 suiv. *Graf F.* Griechische Mythologie. München—Zürich, 1985. S. 54 ff.

Эти возражения, однако, не кажутся достаточно убедительными, чтобы окончательно отказаться от традиционной интерпретации. Очевидно, что Афины в V в. до н.э. представляли собой весьма развитое государство, далеко ушедшее от того примитивного состояния общества, когда оно основывалось на возрастных классах и связанных с ними обрядах инициации. Более того, нет ни одного индоевропейского общества (кроме, видимо, осетинского), которое письменная традиция застает в таком состоянии, когда система возрастных классов еще функционирует в достаточно полной мере. Однако элементы древних социальных институтов не исчезают совершенно с развитием общества. Когда соответствующая социальная система распадается, ее отдельные элементы сохраняются в новых условиях, встраиваясь в новые структуры и подвергаясь трансформации. То же самое можно сказать и о духовной культуре, включая мифологию. Поэтому ясно, что в мифологии теевского цикла и в связанных с ней ритуалах, как и в любых других проявлениях греческой цивилизации, инициационные обряды и связанные с ними представления просто не могли сохраниться в достаточно полном и классическом виде. Это не препятствует, однако, тому, чтобы искать и находить в этих мифах и ритуалах древние элементы, позволяющие реконструировать первоначальные представления, связанные с обрядами инициации. Что же касается эфебовского статуса Тезея, то он становится аргументом в пользу традиционной интерпретации. Институт эфебии, хотя и установленный в классических Афинах лишь в начале V в. до н.э. и завершающий весьма далекую от примитивной систему образования, все же сохранил ряд древних черт. Спартанский аналог эфебии (как бы они ни различались по внешней форме) — криптии, также сохранили элементы древних обрядов инициации, выполнявшие в спартанском обществе достаточно специфические функции. Все это позволяет считать, что в сложном смещении элементов разных эпох, которое представляет собой теевская мифология и культурная практика, древние инициационные обряды и связанные с ними представления занимали далеко не последнее место.

Третья часть книги («Культы, "основанные" Теезем», с. 143—185) содержит столь же подробную, как и предыдущая, сводку материалов относительно праздников и ритуалов, связанных с именем Тезея. В данном случае исследователь располагает гораздо более скудным материалом, поскольку данные текстов по этим сюжетам фрагментарны, и ему часто приходится реконструировать содержание изучаемых ритуалов. Кроме того, ритуал сам по себе, в отличие от мифа, не принадлежит к сфере словесного творчества. Большую же часть информации о них мы получаем из описаний древних авторов и, таким образом, имеем дело с данными, уже прошедшими обработку.

Эта часть содержит сведения об аттических праздниках, в разной степени связанных с мифом о Теезе — ритуалах шестого мунихия, Осхофориях, Кибернесях, Плянопсиях и, наконец, Тезеях. Затем автор книги переходит к рассмотрению культов Наксоса, Кипра и Делоса, связанных в первую очередь с Ариадной, а не самим Теезем. В двух главах прослеживаются сложные взаимоотношения мифа и ритуала, в том числе и использования древнего мифа в качестве *aitia* столь же древнего ритуала.

Один из аспектов этой проблемы заслуживает особого внимания. Речь идет о влиянии на культы и ритуалы мифографии и в целом историко-географической литературы. Ученые построения мифографов и комментаторов известных текстов были столь популярны в эллинистическую и римскую эпоху, что могли приводить к появлению новых культов и ритуалов. В этом отношении весьма показательны пример с развитием гомеровской традиции. Достаточно поздняя и чисто ученая локализация странствий Одиссея в Италии привела к возникновению целого ряда местных культов, топонимов и т.д. По-видимому, с подобного же рода влиянием мифографии и литературы следует связывать и развитие в римское время культа Ахилла Понтарха и Елены на о-ве Левка в Черном море, даже если этот культ и имел достаточно древние корни. Возможно, аналогичное развитие следует иметь в виду и при анализе культов, восходящих к мифу о Теезе, в особенности делосского праздника Тезей, возникновение которого К. Калам связывает с установлением политического контроля Афин над Делосом во II в. до н.э. (с. 161).

В конце рассматриваемой части К. Калам возвращается к проблеме взаимоотношений мифа и ритуала в античной традиции. Автор книги указывает на неадекватность для античной цивилизации традиционной в структурной антропологии оппозиции «сакральное — профанное». По его мнению, эта оппозиция неприемлема для изучения культуры античной Греции, поскольку она пронизана «сакральным» и соответствующее европейскому понятию «профанное» в ней отсутствует. Поэтому нет смысла говорить о противопоставлении священного времени, в котором протекает миф, и профанного «здесь и теперь»: ритуал легко вписывается в течение повседневной жизни, проникнутой духом сакрального. Именно отсюда и проистекает стремление этиологического истолкования мифов, что, в свою очередь, способно вызвать ряд искажений в версиях мифов и описаниях ритуалов у античных авторов.

Далее К. Калам обращается к анализу явлений, содержание которых было выяснено во второй и третьей частях, или, пользуясь его терминологией, от синтаксической к семантической организации. По-прежнему принимается, хотя и с оговорками, разграничение мифа и ритуала, причем

четвертая часть («Мифические образы национального героя», с. 185—288) посвящена рассмотрению семантики мифа о Тезее, а пятая («Культовый цикл и культовое пространство в Афинах», с. 289—396) — семантике связанных с ним ритуалов.

В четвертой части К. Калам выделяет и рассматривает некоторые характерные особенности, которые, собственно, и составляют суть мифологического образа Тезея. Прежде всего автор книги анализирует этот образ в его отношении к возрастным классам и степеням зрелости, отмечая при этом, что Тезей всюду предстает не в качестве взрослого воина-гоплита, а лишь как подросток, затем эфеб. Будучи подростком, Тезей противостоит противникам более высокого возрастного класса, не говоря уже о разного рода чудовищах.

На наш взгляд, аналогии такому образу героя хорошо известны в мифологиях других народов. Особенно важны в этом отношении данные нартовского эпоса, поскольку структура осетинского общества вплоть до самого недавнего времени основывалась на возрастных классах. Возрастные классы античной Греции также были включены в развитые общественные структуры и сохранялись в качестве пережиточных элементов более примитивного состояния общества. В осетинском эпосе постоянно встречается мотив так называемых «усатых мальчиков». Практически все герои этого эпоса характеризуются тем, что чуть ли не с самого рождения обладают признаками взрослых воинов, — право, которое получали обычно лишь после нескольких ступеней инициации. Эти герои рождаются усатыми, в мужской одежде или с оружием, отказываются от материнского молока и пьют мужской напиток — пиво, участвуют в *ныхсах* — советах мужчин и совершают подвиги, успешно соперничая со старшими по возрасту. Очевидно, Тезея можно отнести к этому же типу могучих и зрелых не по летам героев. Для них характерно также проявление отчужденности (или враждебности) по отношению к матери, что призвано с самого раннего детства утверждать их принадлежность к миру взрослых мужчин. Вероятно, этим обстоятельством отчасти можно объяснить недружественные отношения Тезея с мачехой и то, что он слишком рано покинул мать.

Обращая внимание на образ Миноса, К. Калам отмечает его двойственность — с одной стороны, Минос выступает в роли идеального царя и законодателя, с другой — считается жестоким и несправедливым правителем. Противоречивость образа Миноса, по мнению Калама, соответствует представлениям о тиране и характере его власти, существовавшим в Афинах классической эпохи. Минос-тиран противопоставлен правителю Тезею, который фигурирует в переработках мифа классической поры о нем в качестве основателя афинского демократического устройства.

Далее К. Калам рассматривает образы богов, принимавших деятельное участие в мифе о Тезее, а также связанные с этими образами территории. Объединение двух сюжетов обусловлено тем, что боги, без активного участия которых невозможно развитие действия в греческом мифе, осуществляют вмешательство лишь в сфере своей компетентности (определенной их мифологическим образом), которая ограничена пространственными рамками. В соответствии с этим рассматриваются образы Афродиты Эпитрагии, божества пограничного состояния — с одной стороны, между морем и сушей, с другой — между юностью и зрелостью, а также Посейдона, критского Зевса, наксосского Диониса и делосского Аполлона.

Касааясь повествования о Тезее, К. Калам отмечает, что его подвиги начинаются на Истме (лишь поздние версии прибавляют к ним эпизод, связанный с Эпидавром). Согласно преданию, по мере продвижения Тезея от периферии к центру Аттики, сфера «культурного» последовательно возрастает. Подчеркивая, что в пути Тезея по-своему осмыслены размеры и границы афинского полиса, К. Калам в то же время соотносит этот путь с постепенным переходом Тезея к эфебии, или включением его в структуры гражданского общества. Что касается родины Тезея, Трезены, то К. Калам обращает внимание на ее маргинальность по отношению к Пелопоннесу и, напротив, тесные связи с Аттикой.

Особое внимание уделяется в книге роли Наксоса и Делоса, взаимно дополняющих друг друга в развитии повествования, и связанных с ними божеств. Наксос, сфера Диониса, упомянут благодаря союзу Тезея с Ариадной. К. Калам показывает, что Ариадна включена в число девушек, наказанных Артемидой за преждевременную потерю невинности. Что касается Делоса, острова Аполлона, то он принадлежит сфере упорядоченности, гармонии и «цивилизации». Именно на Делосе Тезей основывает знаменитый журавлиный хоровод и здесь же посвящает Афродите дедалический коан, полученный от Ариадны.

Вторая половина мифической биографии Тезея отмечена самоубийством Эгея, освободившим Тезею путь к престолу. Деятельность Тезея после прихода к власти трактуется в духе демократической конституции Афин: объединив Аттику, Тезей отрекается от царского титула и передает власть народу, а затем приступает к расширению территории в пределах будущей афинской державы.

Пятая часть книги («Культовый цикл и культовое пространство в Афинах», с. 289—396) посвящена

рассмотрению праздников и культов, связанных с именем Тезея. К. Калам начинает с культа Аполлона, относящегося к нему осеннего праздника Пианопсий, введение которого приписывалось Тезею, и сопоставляет его с весенним праздником Таргелий. Наряду с чертами сходства (ритуальные очищения города с целью избежать бесплодия или эпидемий) праздники Таргелий и Пианопсий обладали взаимодополняющими отличиями. Первый из них посвящен Аполлону Пикийскому, второй — Аполлону Дельфинию. Считалось, что Аполлон Пикийский в ходе весенних Таргелий изгонял из полиса все, что могло его осквернить; напротив, Дельфиний во время осенних Пианопсий включал в сферу «культурного», помимо нового урожая, и новых граждан, эфебов, первыми из которых были спутники Тезея. Именно поэтому, как считает К. Калам, участниками ритуалов Таргелий в честь Аполлона Пикийского, отождествлявшегося с Аполлоном Отчим, были представители всех возрастных классов, тогда как в праздниках Пианопсий участвовали в основном юноши.

С ритуалами Пианопсий совпадал по времени праздник Осхофорий, справлявшийся в честь божества Диониса. Осхофории, так же как и Пианопсии, имели свой весенний дублет — Антестерии. Эти два праздника также были связаны с очистительными обрядами, но в отличие от предыдущих, посвященных Аполлону, их легенды говорят об осквернении кровью не врагов, а родственников. В случае Осхофорий речь идет о непреднамеренном отцеубийстве Тезея; в случае Антестерий — о материубийстве Ореста, с очищением от которого связывалось установление праздника. Другое различие между праздниками в честь Аполлона и Диониса состоит в том, что последние сопровождались временным нарушением социального строя полиса и в них принимали участие представители всех общественных и возрастных групп, включая рабов и маленьких детей (в случае Антестерий). В ритуале Осхофорий это смешение было заметно ослаблено и выражалось лишь в участии переодетых в девушек юношей.

Что касается участия в празднике Антестерий трехлетних детей, которых впервые представляли фратрии их отца и которым впервые давали попробовать вина, то следует заметить, что здесь мы, по-видимому, имеем дело с наследием древних общеиндоевропейских обрядов инициации. Весьма близкие аналогии этому обряду дает иранская традиция, в рамках которой, скажем, осетины вплоть до начала XX в. практиковали совершенно аналогичный обряд инициации трехлетних мальчиков. Во время осеннего праздника в честь воинского божества Уастырджи трехлетние мальчики проходили свою первую инициацию, центральным событием которой было то, что им впервые давали попробовать «мужского напитка» — пива. Лишь после исполнения этих обрядов осетинские мальчики, подобно маленьким афинянам, начинали считаться членами рода и получали право быть похороненными на общем кладбище.

По поводу другого важнейшего события, происходившего во время праздника Антестерий — священного брака Диониса (или замешавшего его жреца) и жены архонта-царя — следует заметить, что этот древний и имеющий универсальную распространенность обряд сохранился в классических Афинах, вероятно, в гораздо менее полном виде, чем предполагал К. Калам. Во всяком случае слово *συνειξίς*, употребленное Аристотелем при описании этого признака (Ath. Pol. III, 5), как убедительно показал А. Вильгельм, означает в данном случае торжественную встречу праздничной процессии, а не половую связь². Рассмотрев культы двух основных божеств, связанных с мифом о Тезее, К. Калам касается культов божеств, игравших в этих ритуалах второстепенную роль: Афины Скирас, тесно связанной с Посейдоном, и Деметры.

Наконец, последняя часть книги («Символическая героизация в истории», с. 397—465) посвящена развитию мифов о Тезее и исторической обусловленности этого развития. Наиболее древними элементами тезеевского цикла К. Калам считает поединок с Минотавром и похищение Елены. Оба сюжета, очевидно, были известны уже Гомеру (Od. XI, 321 сл. — история Ариадны; II, III, 139 сл. — упоминание служанки Елены Айтры, связанной с похищением), встречаются они и на изображениях памятниках VII в. до н.э. В подтверждение своего тезиса К. Калам цитирует также три гесиодовских фрагмента (147, 280, 298 M—W), которые он датирует началом VII в. до н.э. С этой датировкой, однако, нельзя согласиться. Первый из цитированных фрагментов принадлежит поэме «Каталог женщин», датируемой между 540 и 520 гг. до н.э.³; остальные фрагменты относят к поэмам «Эгимнос» и «Катабасис Пиритоя», принадлежность которых гесиодовскому корпусу сомнительна и которые, как полагают, были написаны позже «Каталога женщин»⁴. Таким образом, эти фрагменты свидетельствуют о состоянии мифологического предания о Тезее не ранее VI в. до н.э.

В литературе и иконографии VI в. до н.э. оба названных выше сюжета остаются центральными, однако начиная с сер. VI в. до н.э. в вазописи появляются изображения сцен борьбы Тезея с Марафонским быком

² Wilhelm A. EYMEIEIΞ // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. 1937. 74. S. 39—57.

³ Stive K. Die Entstehungszeit der hesiodischen Frauenkataloge // Philologus, 106. 1962. S. 291—299; 107. 1963. S. 1—29; West M.L. The Hesiodic Catalogue of Women, Its Nature, Structure and Origins. Oxf., 1985. P. 125—137.

⁴ Schwartz J. Pseudo-Hesiodica. P., 1960. P. 28—29, 261—264.

(первое известное упоминание этого сюжета в литературе принадлежит Софоклу: «Эгей», фр. 25 Radt) и кентавромахию с его участием. Окончательно тезеевский цикл мифов складывается, по-видимому, лишь в начале классической эпохи. Ранее мифы о Тезее, еще не сведенные в единый цикл, были общеэллинскими и не имели специфической связи с Атикой. Сведения мифов о Тезее в единый цикл в последней четверти VI — нач. V в. до н.э. в Атике непосредственно связано с превращением Тезея в афинского героя. Видимо, к этому же времени следует относить и создание первой «Тезейды», впоследствии использованной Плутархом. В V в. до н.э. Тезей и связанные с ним мифы стали одним из наиболее распространенных сюжетов аттической литературы, монументального искусства и вазописи. Образ Тезея в аттической духовной культуре вновь изменяется в IV в. до н.э., после краха Афинской державы. В это время окончательно оформляется представление о Тезее как покровителе полиса и основателе афинской демократии.

Развитие тезеевского цикла мифов, согласно интерпретации К. Калама, теснейшим образом связано с политическими интересами афинского государства. Так, весь блок подвигов Тезея, совершенных на пути из Трезены в Афины, а также рассказ об установлении границы Ионии на Истме, появляются лишь в последние два десятилетия VI в. до н.э. и остаются популярными в течение всего V в. до н.э. В это время основным направлением афинской политики была экспансия в направлении Пелопоннеса, в первую очередь Мегар и Эгины, и именно эти претензии Афин нашли отражение в мифе. Популярность сюжета о морской экспедиции Тезея и роль Делоса в нем, могли быть связаны с экспансией афинской державы. Наконец, амазономахия в Атике зафиксирована в источниках лишь в первой половине V в. до н.э. и, по всей видимости, ассоциировалась с Греко-персидскими войнами. Таким образом, становление и восприятие тезеевской мифологии вполне вписывается в период исторического развития афинского полиса. Мифология для афинян V в. до н.э. отнюдь не казалась застывшей догмой, и они достаточно вольно обращались с ее наследием, перетолковывая его всякий раз в соответствии с требованиями дня.

В заключение следует сказать, что книга К. Калама представляет собой важный вклад в изучение греческой мифологии. Она, несомненно, удовлетворит не только последователей структурно-семиотической школы, но и сторонников традиционной науки позитивистского типа. Первые найдут в водной части интересные теоретические выкладки относительно духовной культуры примитивных и архаических обществ. Вторых привлечет полнота использования источников, их остроумный, но осторожный анализ и в целом основательность концепции автора. Читатели книги с удовольствием отметят также, что К. Калам в своем исследовании свободен от каких бы то ни было заданных схем и, следуя за материалом, не навязывает принятых заранее концепций, что, к сожалению, нередко можно встретить в работах структуралистско-семиотического направления.

А.И. Иванчик

© 1993 г.

H.A. SHAPIRO. Art and cult under the tyrants in Athens. Mainz am Rhein. 1989. 194 p.

Длившаяся почти пятьдесят лет эпоха тирании Писистратидов в Афинах (ок. 560—510 гг. до н.э.) нуждается по сей день в надежной исторической реконструкции. Дело в том, что взгляды исследователей на политическую программу, характер и социальную опору власти тиранов существенно расходятся¹. Остается неясным ответ на принципиальный вопрос о взаимодействии между возникшим в условиях дезинтеграции аристократического общества режимом и сложившимися традиционными установлениями, — в частности, в сфере афинского государственно-го культа, который представлял собою для архаического (впро-

¹ См. краткий обзор мнений в работе: *Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // JDAI. 1977. S. 99—101*; а также библиографию, приводимую в очерке: *Andrewes A. The Tyranny of Pisistratus / CAH². V. III, 3. Cambr., 1982. P. 392 ff.*

чем, и для начала классического) времени важнейшую форму гражданской и этнической коммуникации².

Трудности, с которыми встречается всякая попытка разрешить эту последнюю проблему, вполне понятны. Литературные памятники несомненно свидетельствуют лишь о двух культах, существовавших ранее 560 г. до н.э. — Афины Паллады (ср.: II. II. 546—551) и Зевса Милихия (Thuc. I. 126. 6), а также о двух культах, связанных с фамилией Писистратидов, — Аполлона Пифийского на Илиссе (Thuc. II. 15. 4; Suda, s.v. Πύθιον) и двенадцати богов на агоре (Thuc. VI. 54. 6). Однако тот факт, что афинский календарь выглядит почти полным уже к началу классического периода, сам по себе отводит рассматриваемому пятидесятилетию небывалую роль в истории государственной религии Афин.

Оглядываясь на это обстоятельство, исследователи достаточно давно пришли к заключению о том, что культ и ритуал должны были иметь первостепенное значение для обоснования (и, следовательно, политической пропаганды) нового режима, — но молчание литературной традиции ставило интерпретацию религиозной политики тиранов в слишком прямую зависимость от утвердившихся мнений об их социальной программе и, таким образом, приводило к неразрешимым противоречиям³.

Вот почему в последние два десятилетия все большее внимание в изучении афинской тирании стала привлекать к себе традиция нелитературная — памятники архитектуры, пластики и керамики эпохи Писистрата и сыновей. Это тем более понятно, что, во-первых, претерпели значительное уточнение наши представления об облике архаического акрополя и агоры⁴. Во-вторых, изучение политической и культурной символики в аттической чернофигурной и ранней краснофигурной вазописи, проведенное Дж. Бордменом⁵, показало, что иконография сюжетов порой моментально реагировала на смещение акцентов в религиозной жизни. Мало того, данные археологии позволили Ф. Кольбу (в статье, до последнего времени не нашедшей отклика⁶) выразить радикальное сомнение по поводу многократно постулированного антиаристократического характера политики Писистратидов. Одним словом, стала уже очевидной необходимость учесть систематически традицию такого рода с целью коррекции исторических построений.

Теперь — с публикацией книги Г.А. Шапиро — в нашем распоряжении появилась столь желательная сводка культовой иконографии в керамике VI в. до н.э., дополненная ссылками на древних авторов и новейшие разыскания археологов⁷. Согласно с основным выводом исследователя, изложенным в заключительной главе, собранный материал не дает оснований говорить о существенном реформировании государственного культа Писистратидами. В первую очередь, это касается наиболее репрезентативных культов Афины, Диониса и Деметры, развитие которых многолетний *consensus omnium* связывал либо с социально-экономическими, либо с персональными мотивами политики тиранов.

Почитание Афины на акрополе, ведущее свое начало, скорее всего, от микенской эпохи, вследствие реорганизации Великих Панафиней при архонте Гиппоклиде (566/565 гг. до н.э.) приобретает общезеллинское значение. Именно теперь, то есть

² Ср.: Burkert W. Griechische Religion. Stuttgart, 1977. S. 346, 387.

³ Например, в то время как Ф. Шахермейер (RE. XIX. 1937. S.v. Peisistratos. Sp. 186—188) говорит о стремлении Писистрата возвести на государственный уровень культы Диониса и Деметры как близкие широким слоям демоса, Г. Берве видит в религии Диониса средство, при помощи которого опасная для тирана политическая активность афинян направлялась в сферу частной жизни (Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd I. S. 60).

⁴ См.: Zschietzschmann W. // RE. Suppl. XIII. 1973. S.v. Athenai. Sp. 56 ff.; Camp J.M. The Athenian Agora. L., 1986.

⁵ Boardman J. Herakles, Peisistratos and sons // RA. 1972. P. 57 ff.; *idem*. Herakles, Peisistratos and Eleusis // JHS. 1975. P. 1—12.

⁶ Kolb. Op. cit. S. 137 ff.

⁷ Следует отметить, что стройное расположение материала делает книгу удобным справочником: каждому культу отводится специальная глава, имеются индексы имен и цитируемых мест, около шестой части объема составляют иллюстрации.

незадолго до первой попытки Писистрата захватить власть, появляются — вместе с призовыми и псевдопанафинейскими амфорами — изображения Афины Промехос (повторяющие, по предположению Г.А. Шапиро, архаическую статую в святилище богини), получают распространение сцены ее рождения, находят отражение в вазописи атлетические и мусические агоны, в частности, состязания рапсодов. Праздник, установленный, вероятно, по инициативе аристократических фамилий Этеобутадов, Филаидов, а также самого Писистрата (ср.: Arist. fr. 637 Rose), продолжал существовать в рамках этого установления и при новом режиме. Во всяком случае, свидетельства иконографии панафинейских сцен не позволяют обозначить границу между религиозной политикой «темного» дописистратовского времени и следующих пяти десятилетий. Заметим, что долгое время существовавший взгляд на тиранию как на инструмент демоса в его борьбе за политические права объяснял эволюцию центрального государственного культа стремлением Писистратидов ослабить влияние знатных родовых кланов. После обстоятельной аргументации Г.А. Шапиро (с. 40) это мнение (пошатнувшееся, впрочем, уже с публикацией Б.Д. Мериттом в 1939 г. знаменитого «списка архонтов») едва ли может существовать в таком прямолинейном виде.

С другой стороны, подтверждаемый примером культа Афины факт преемственности между эпохами тирании и аристократии отнюдь не снимает проблемы религиозного обоснования власти Писистрата и его наследников, — а ей в новой монографии, к сожалению, не уделяется должного внимания. Между тем гипотеза Дж. Бордмена⁸ (предложенная, главным образом, на основании данных вазописи) о символической роли Геракла⁹ в качестве alter ego Писистрата позволяет видеть в Афине Палладе второй половины VI в. до н.э. не столько покровительницу полиса, сколько покровительницу лица, представлявшего верховную власть полиса. По крайней мере, хорошо известный эпизод с Фией (Herod. I. 60), очень вероятная резиденция тирана на акрополе, наконец, надежно связываемая с его активностью реконструкция так называемого ἀρχαῖος νεῶς на месте будущего Эрехтейона и бывшего дворца микенского времени¹⁰ могут служить указанием на то, что оказавшийся во главе государства потомок царского рода Медонтидов сознательно выделял наиболее древнюю функцию Афины как Hausgöttin¹¹.

Книга Г.А. Шапиро, как кажется, впервые предлагает подробное рассмотрение культов Аполлона в писистратовских Афинах. Подвергавшееся сомнению свидетельство Гезихия (s.v. ἐν Πυθῶ ἕβου) об основании святилища Аполлона Пифийского на Иллисе¹², сопровождавшемся постройкой храма, подкрепляется появляющимися на афинских вазах около 540 г. до н.э. многочисленными изображениями треножников. Это обстоятельство, в свой черед, не позволяет согласиться с распространенным объяснением покровительства тирана делосскому культу соображениями политической борьбы (т.е. соперничеством с Алкмеонидами). Скорее всего, культ Делосского Аполлона был избран не столько как альтернатива Дельфам¹³, сколько из-за намерения власти укрепить позицию Афин в качестве лидера ионийских греков, и должен быть связанным с легитимистскими устремлениями Писистрата (хотя на этот последний мотив в рецензируемом исследовании прямо не указывается). Данные литературной традиции о проведении Писистратом ритуального очищения Делоса, о его участии в строительстве там храма Аполлона и учреждении Делий (Herod. I. 64; Thuc. III. 104) находят отклик в приводимом Г.А. Шапиро афинском археологическом материале. Около 540 г. до н.э. в вазописи распространяется изображение делосской триады и, предположительно, храма. Существенно меняется иконография Аполлона: встречающийся (впрочем, достаточно редко) в 580—540-х гг. до н.э. образ бога-воина теперь уступает место изображению

⁸ Boardman. Herakles... P. 64—65.

⁹ Нам ничего не известно о существовании культа Геракла в Аттике рассматриваемого времени, хотя указание Paus. I. 15. 3 не исключает такой возможности (см. ниже).

¹⁰ Zschietzschmann. Op. cit. Sp. 93.

¹¹ Об этой функции Афины см.: Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd I. München, 1955. S. 348—349.

¹² О напряженных отношениях между Писистратидами и Дельфами см.: Berve. Op. cit. Bd II. S. 538, 552.

¹³ Как, например, полагает Г. Бёрве (ibid. Bd I. S. 63).

кифареда (указание на делосский фестиваль). Наконец, на тот же самый общеоионийский культ указывает появление при Писистрате святилища Аполлона Отеческого (покровителя аристократических фратрий) в западной части агоры.

Расцвет «аристократического» культа Аполлона в писистратовских Афинах, иллюстрируя, как и в примере с почитанием Афины Паллады, сохранение преемственности в религиозной политике VI в. до н.э. позволяет, следовательно, укрепиться в той мысли, что традиционная форма выступает здесь отнюдь не механическим средством манипуляции в борьбе за власть, но сама наделяет живым смыслом эту борьбу в критические для Ионии десятилетия.

В отличие от религии Аполлона развитие религии Диониса в занимающую нас эпоху исследовалось многократно. При этом вероятное (но не находящее прямого подтверждения в источниках) учреждение Писистратом Городских Дионисий и грешащее анахронизмом представление о Дионисе как не-олимпийском и, следовательно, не-аристократическом, народном божестве с легкостью помещались в исследовательскую конструкцию религиозной политики, заинтересованной в «неполитическом культе Диониса»¹⁴. Несмотря на свидетельство пилосской силлабографии, сохранившей имя божества, несмотря на существование в Афинах посвященного ему общеоионийского, — и, таким образом, восходящего к доколониционному времени, — праздника Антестерий (Thuc. II. 15. 3—4), распространение этого культа относят к новшествам архаической эпохи, связанным с тираническим режимом.

Г.А. Шапиро, учитывая новейшие исследования, предлагает ряд неопровержимых аргументов против этого тезиса (см. с. 100). Он, в частности, отмечает, что в ранних — дописистратовских — изображениях Диониса на аттических вазах нет следов противопоставления этого божества олимпийцам: он представлен как равный среди равных (например, на знаменитой вазе Франсуа). Популярность Диониса в вазописи стремительно выросла еще до середины VI в. до н.э. Это наблюдение вполне согласуется с блестящей догадкой Ф. Кольба о том, что Дионис Ленией издавна являлся патроном афинской агоры, на которой задолго до прихода Писистрата к власти осуществлялись драматические постановки¹⁵. Иными словами, культ Диониса и рождение театра в Афинах имели предпосылкой не тиранию, но долгое предшествующее развитие.

Что касается культа Диониса Элевтерея и Городских Дионисий, то (несмотря на скептицизм Г.А. Шапиро), кажется, нет достаточных причин, чтобы вопреки общепринятому мнению считать их установлениями дописистратовской эпохи: помимо археологической датировки фундамента храма в теменосе Элевтерея (около середины VI в. до н.э.), роль этого божества в ритуале Апатурий — общеоионийского праздника фратрий¹⁶, и засвидетельствованное античной традицией¹⁷ покровительство с его стороны мигрировавшей из Пилоса в Афины царской династии (потомком которой был Писистрат) не могут быть оставлены без внимания при рассмотрении этого вопроса. Правильно было бы говорить о том, что традиционный культ Диониса в политике тиранов корректируется применительно к нуждам времени, — возможно, посредством апелляции к его полузабытым истокам.

Собранный в новой монографии материал позволяет предположить, что Писистратиды предприняли серьезные усилия, чтобы превратить Элевсин в панэллиническое святилище, подобно их действиям, направленным на становление Делоса как панионийского центра. Судя по всему, досолоновские Афины не оказывали влияния на культ Деметры—Персефоны. Между тем, в V в. до н.э. наряду с руководством со стороны архонта-басилея Великими Мистериями существует такая чисто афинская находка, как Малые Мистерии. Только археологические свидетельства дают возможность отчасти заполнить столетнюю лауну в наших представлениях об инкорпорации Элевсина в афинский государственный культ.

Отмеченная эволюция, начавшись, вероятно, при Солоне (And. I. 111), завершилась в основном в эпоху тиранов. Приблизительно к 540-м гг. до н.э. можно отнести так называемый Элевсиний в Афинах и значительное расширение телестерия в самом

¹⁴ Ibid. S. 60.

¹⁵ См.: Kolb. Op. cit. S. 131; *idem*. Polis und Theater // Das griechische Drama. Darmstadt, 1979. S. 504 ff.

¹⁶ Deubner L. Attische Feste. В., 1969. S. 232—234.

¹⁷ Подробный разбор функций Диониса Элевтерея см.: Kolb. Op. cit. S. 125 f.

Элевсине. На это же время приходится резкая перемена в иконографии Деметры, связанная с появлением Триптолема, игравшего явно второстепенную роль в гомеровском гимне к Деметре (т.е. в тексте собственно элевсинского происхождения), но ставшего центральной фигурой общезеллинского значения в афинском культе. Кроме того, отмеченная Дж. Бордменом и подтвержденная новыми примерами в работе Г.А. Шапиро перемена в сценах с Гераклом, Персефоной и Кербером свидетельствует о появлении при Писистрате Малых Мистерий, инспирированных афинской орфической версией мифа о Деметре. Появление среди служителей культа Деметры — Персефоны наряду со старинным элевсинским родом Эвмолпидов афинского жреческого рода Кериков (как и рост влияния Ликоимидов) относится все к той же эпохе, подкрепляя тезис исследователя, согласно которому религиозная политика тиранов осуществлялась при содействии многих аристократических семейств (с. 72—74).

Помимо названных четырех основных культов в монографии анализируются возможные указания на культы Посейдона, Зевса, Афродиты, Гермеса, а также героев. Упомянем лишь два из них, дополнительная информация о которых могла бы существенно уточнить наши представления о характере государственной религии этого времени в целом.

В силу отмеченных выше главных направлений политики тиранов почитание Посейдона как родоначальника Нелеидов представляет специальный интерес. Однако данные вазописи слишком малочисленны, чтобы служить доказательством существования архаического культа на акрополе. Тем не менее, найденный там фрагмент Софила с изображением Посейдона в специфически афинском окружении может подтвердить гипотезу такого рода.

Столь же дискуссионную проблему представляет собой возможность почитания в VI в. до н.э. Геракла, хотя с известной осторожностью можно предполагать связь с культом очень распространенных до конца эпохи Писистратидов сцен апофеоза героя.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что книга Г.А. Шапиро вслед за упомянутой работой Ф. Кольба окажется достаточным стимулом для необходимой переоценки деятельности афинских тиранов. Очевидно, источники не дают нам основания приписывать тирании особую, социально обусловленную, религиозную политику¹⁸: с уверенностью можно говорить лишь о связи этой политики со стремлением Писистратидов установить при поддержке значительной части аристократических фамилий легитимную династию и сделать Афины общегреческим политическим центром. Но бережно собранные автором свидетельства в то же время предостерегают от того, чтобы ограничить историческое объяснение ссылкой на *Macht- und Geltungswille* (формула Г. Берве¹⁹), освобождающейся от пут прежнего коллективизма личности: наоборот, они заставляют искать мотивы поведения личности (в нашем случае — представителя верховной власти) не столько в импульсах текущей политической борьбы, сколько в вековом авторитете традиции.

И.А. Макаров

¹⁸ Ср. давнее замечание М.П. Нильссона: *Nilsson*. Op. cit. S. 721.

¹⁹ *Berve*. Op. cit. Bd I. S. 61.

L. CAPOGROSSI COLOGNESI. *Dalla tribù allo stato: Le istituzioni dello stato cittadino*. Roma: La Sapienza, 1990. 261 p.

Один из крупнейших романистов современности, профессор римского права Римского университета «Ла Сапьенца» Л. Капогресси Колоньези выступил в необычном для себя амплу историка римской государственности, изложив свои взгляды на раннеримскую историю в монографии «От племени к государству». Известная концепция автора о гентильном землевладении¹ увязана здесь с широким спектром социально-политической истории первой половины I тыс. до н.э., реконструированной на основе последних достижений науки в этой области, что предоставляет в руки читателя квалифицированное введение в проблематику раннего Рима. Сопряжение авторской позиции с обобщающим характером работы сказалось в необычной структуре книги: если названия семи глав отражают хронологию римской истории, то объединенные сплошной нумерацией 30 параграфов, на которые эти главы распадаются, представляют проблемную логику изложения. Однако отдельные проблемы зачастую рассматриваются в нескольких, даже далеко отстоящих друг от друга параграфах, разделенных разбором другой группы вопросов в связи с переходом исследования в другой хронологический период. Такое многоаспектное историческое полотно отвечает традициям курсов по истории римского публичного права, но довольно неудобно для специалиста, стремящегося проследить взгляды автора по ограниченному кругу проблем, подобно рецензенту, нацеленному именно на выявление специфики работы.

В доримском Лацио Капогресси различает два типа социальных объединений в соответствии со списком Плиния Старшего (HN. 3.68—69): *populi* и *oppida*. Первые трактуются как сельские общины на начальной стадии консолидации, вторые — как объединения протогородского уклада. В основе *populi* лежат гентильные структуры, нацеленные на упрочение отношения к земле в соответствии с оседлым типом жизни, получившим преобладание в Лацио в начале I тыс.; формой поселения *populus* считается паг (*pagus*). *Oppida* представляют собой результат развития некоторых пагов до уровня городских общин; они отличны от пагов, но не противопоставлены им (с. 7—9). Базовыми формами социальной организации автор считает патриархальную семью и *gens*. *Gens* представлял собой разросшуюся агнатическую семью: поскольку идея М. Фойхта о шестой степени родства как границе агнатской группы не подтверждается источниками (общий прауродитель мог быть прослежен как угодно далеко), с течением времени об общем предке начинает напоминать лишь имя. Такая группа, в которой общее родство лишь предполагается, и есть *gens*. Однако автор далек от патриархальной теории и концепции П. Бонфанте о политическом характере *gens* или патриархальной семьи в догосударственную эпоху: агнатическая семья, по мнению Капогресси, никогда не была самостоятельной социальной группой и не имела главы, подобного *pater familias*. *Gens* имел руководителя, наделенного правом жизни и смерти лишь на время войны, в мирное время *principes* лишь разрешал конфликтные ситуации среди гентиллов. Реликтом эгалитарного типа военной организации, подобной той, что описывает у германцев Цезарь (BG. 6.25), автор считает жреческую коллегия *салиев*, известную во многих центрах Лацио. Вооружение этих жрецов (щит и копье) указывает на стадио, когда не были известны не только гоплитское вооружение, но и колесницы. Две коллегии *салиев* в Риме — *Palatini* и *Collini* — относятся к фазе, когда две общины, одна на Палатине, другая на Квиринале, еще не слились в одну (с. 27).

В течение VIII в. равенство исчезает, появляются «привилегированные» захоронения. Социальная дифференциация явилась следствием экономического развития, во многом связанного с использованием труда клиентов (с. 38). Она разлагала *gens* изнутри, поскольку богатства, неизменно растраченные (например, в форме пышных захоронений) подчеркивала различие в социальном ранге, кон-

¹ *Capogrossi Colognesi L.* La terra in Roma antica: Forme di proprietà e rapporti produttivi. Roma, 1981 (см. реферат Е.В. Ляпустиной в сб. ИНИОН: «Современные исследования римского права». М., 1987. С. 81—91); *idem.* Proprietà e signoria in Roma antica. Roma, 1976.

центрировались в руках отдельных малых семей военных лидеров. Примитивная система, основанная на территориальном принципе (деревня и ее территория) и личных связях между членами общины, уступает место более атомизированной социальной форме — малой патриархальной семье (*familia proprio iure*), которая реализуется лишь в объединении большего масштаба — городской общине (с. 30), сама по себе никогда не получая политического значения. Будучи составной частью агнатской группы и *gens*, фамилия оказывается той социальной формой, посредством которой эти архаичные организмы были преодолены в процессе исторического развития общества. В системе формирующейся в это же время городской общины *gens* видоизменяется, стремясь организовать в соответствии с классовой дифференциацией. Если в сельских общинах физический аспект поселения и связь с общей территорией были главным критерием принадлежности к социальному организму, то в городскую эпоху прежде второстепенный фактор — родство или представление о нем — приобретает преобладающее значение, поскольку территориальная целостность деревень распадается с включением их в более масштабное объединение. Так *gens* получает тот характер, который известен по позднейшим источникам. Этот процесс связан и с вовлечением в *gens* клиентов и бедноты — лиц, которые прежде не имели прочной связи с землей. Отныне принадлежность к *gens* становится критерием социальной иерархии внутри политической общности, а его состав — более неоднородным. Гентильная организация формируется как гражданская аристократия, а формы родственных союзов — агнатическая семья — получают другие функции. Перемену в характере *gens* Капогресси считает одним из факторов перехода от общества пагов к полису (с. 41—42).

Сама необходимость признания столь существенной трансформации делает более чем сомнительным предлагаемое автором отождествление деревни (*vicus*) и пага в догородскую эпоху с *gens* как группой, основанной на псевдородстве. Факт позднего появления гентильного имени, отмеченный Э. Перуцци, Капогресси трактует как результат включения *gentes* в объединение большего масштаба, где и потребовалось их различение друг от друга (с. 45). Однако такое решение уже исходит из существования *gentes* в догородскую эпоху, против чего как раз и свидетельствует позднее появление *nomen gentilicium*. Особая политическая и публично-институциональная роль *gentes* в городской общине выдает в *gens* институт, стадийно одновременный этой форме государства, что согласуется и с особенностью социального состава *gens* как формы организации аристократии. Постепенное отмирание территориального единства *gens* на стадии городской общины отнюдь не доказывает, что в догородскую эпоху связь человека с землей осуществлялась посредством именно этой социальной формы.

Возникновение Рима Капогресси связывает с синойкизмом различных поселений в районе римских холмов, первоначально объединенных лишь религиозным союзом. Эта фаза отражена в ряде церемоний: *Sacra Argeorum*, проходившее в 24 святилищах в четырех районах Рима (Палатин, Целий, Эсквилин и Квиринал в Виминалом); *Septimontium* — обряд, объединявший семь *montes* в системе Палатин — Эсквилин — Целий; независимые празднества курий — *Fornacalia* и *Fordicidia*, особенно последнее, завершавшееся общим праздником всех граждан, даже тех, кто не знал, к какой курии принадлежит, под руководством *curio maximus* (здесь отражен момент политического объединения). Конфликт Ромула с Ремом, который в отличие от конфликта Ромула с Титом Тацием, где преобладает этнический аспект, носит исключительно географический характер (Авентин — Палатин), автор считает отголоском конфликта центральной власти с *reges* древнейших независимых поселений, представленными фигурой Рема, потерпевшего поражение (с. 66)².

Традицию о создании курий Ромулом Капогресси отвергает, следуя П. Де Франчиши. Искусственность этих административных единиц выводят исключительно из числа 30, которое согласуется с трюичной структурой римского административного деления, но это число имело магический характер и было распространено в доримском Лаци (например, 30 *populi Albenses*). Число объединившихся в римскую общину единиц, которые можно отождествить с пагами, было доведено до 30, после чего

² Такой конфликт отвечал бы традиции об основании Рима колонистами из Альбы Лонги, которую Капогресси игнорирует вместе с целым направлением в историографии. См., например: *Tondo S. Profilo di storia costituzionale romana*. P.I. Milano, 1981. P. 47 sgg.

они получили административный характер. Этот процесс автор относит ко времени после синойкизма с сабинянами Тита Тация, когда Палатин (*montes*) объединился с Квириналом (*colles*), находя аргумент в традиции о том, что курии были названы именами похищенных сабинянок (Liv. 1.13.6; Dionys. 2.47.3). Традиция о разделе Ромулом земли среди курий (Dionys. 2.7.4) также говорит об их первичности по отношению к городской общине, поскольку указывает на территориальную определенность курий. Наконец, слова Лелия Феликса (Gell. 15. 27) о том, что деление по куриям основано не на *loci* и *regiones*, а на *genera hominum*, трактуются вслед за Э. Гьерстадом как указание на наследственность членства в куриях, откуда выводится подобие куриатного принципа объединения гентильному. В этом смысле автор понимает и указание Дионисия о совместных трапезах членов курий (Dionys. 2.23.5) и даже уподобляет куриатные священнодействия гентильным, хотя первые были *sacra publica*, а вторые — *sacra privata* (с. 96). Административный и военный характер изначально имело лишь деление по трибам: по 1000 воинов, возглавляемых трибуном, которым соответствует центурия всадников во главе с *tribunus celerum*. Вторичность увязки наименований трех центурий конницы — *Tities*, *Ramnes*, *Luceres* — с трибами и неясность этимологии слова «*Luceres*» говорят об искусственности связи деления войска на трибы с персонажами периода основания Города (с. 58, 61). Когда Варрон (LL. 5.55) упоминает о делении земли среди триб, то тем самым признает известность ему деления земли среди курий (первичного). Иными словами, все говорит о том, что троичное деление войска вторично по отношению к древнейшему дуализму римской общины (Ромул — Тит Таций) и стало возможным лишь тогда, когда число курий достигло тридцати (с. 61, 98).

Если автору удается добиться некоторого согласования между куриями и пагами, то соотношение курия — *gens* остается неясным. Видеть в основе куриатной организации гентильный принцип представляется большой натяжкой: тот же Гьерстад считал, что наследственное членство в курии реализовалось через патриархальную семью³. Дионисий (2.23.2—5) не только говорит о совместных трапезах членов курии, но и прямо уподобляет римские курии греческим сисситиям, фидитиям Ликурга, что согласуется со словами Аристотеля об учреждении в Италии сисситий царем Италом и наличии там этих объединений еще во времена самого философа (Pol. 1329b 17). Участие в таком воинском братстве было показателем гражданства (*ibid.* 1272a 1—15). Такому представлению о курии отвечает и общепринятая этимология от **co-viria*, которая, вопреки мнению Капогресси, может прояснить природу института. «*Vir*» — это взрослый мужчина⁴. Именно по мужам делит Ромул земли внутри курий («*viritum*»), выделяя каждому по 2 югера, что соответствует особой процедуре межевания земли — центуриации. Хрестоматийное определение центурии, которое устанавливает соотношение между воинской единицей и участком земли, ассигнованным 100 воинами (200 югеров), согласуется с традицией о 3000 воинах в отряде Ромула. Капогресси (с. 180) объявляет эту пропорциональность плодом арифметических согласований эрудитов поздней Республики. Однако соотношение *curia—vir—viritum* несомненно оригинально и может относиться только к эпохе первых царей, демонстрируя принципиально отличную от гентильной основу куриатной организации.

Наименование курий по пагам, о котором говорит традиция (Dionys. 2.37. 3—4; Plut. Rom. 20), и другие данные, привлекаемые автором (например, Дионисий (1.38.3) упоминает 30, а не 24 статуэтки в Аргейских священнодействиях), действительно, могут свидетельствовать о том, что курии являются преемниками системы пагов, но — уточним — только тех пагов, которые в качестве территориальных единиц располагались в черте Города. Гентильный элемент, напротив, связан с сельской местностью, где впоследствии территориальные административные единицы получают имена крупнейших патрицианских *gentes*. Перенос качеств, отличающих раннеримские *gentes*, в догородскую эпоху и отождествление пагов с *gentes* по личному составу, унаследованное Капогресси, как и всей марксистской историографией, от Моммзена и Моргана, хотя деревенская община уже не уподобляется родовому

³ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Bd I. 1. S. 151.

⁴ Dumézil G. *ner-* et *viro-* dans les langues italiques // REL. 1953. XXXI. P. 181. Вопрос разрабатывался в работе: Синайский В.И. Подушный надел в древнем Риме. Юрьев, 1907.

коллективу первобытности, ставит итальянского исследователя перед неразрешимой проблемой происхождения плебса и изначального присутствия непатрицианских масс в куриях.

В двух параграфах, отведенных проблеме плебса, Капогресси прослеживает предшествующую историографию, выделяя различные теории, исходящие из этнического или экономико-функционального дуализма (которые вслед за А. Моммзеном считает необоснованными), и те, которые следуют идее Вико о необходимой социальной дифференциации общества на аристократию и народ, связанной со становлением *civitas*⁵. Среди последователей Вико им выделяются два течения. Одно следует Нибуру, который отождествлял древнейшее гражданство с патрициатом; другое, представленное Инэ и Моммзеном, исходит из противоречия город — деревня. Оба направления в конечном счете выводили плебс из клиентов, только у Нибура сами клиенты происходили из завоеванных и переселенных в Рим жителей других городов Лация. Чтобы оправдать различие клиентов и плебеев в римской традиции, Инэ противопоставлял клиентам отдельных *patres* клиентов всего государства — результат завоевания римлянами предшествующих обитателей. Однако в любом случае сословный дуализм сводится к различению граждан и неграждан. Моммзен, пытаясь преодолеть трудности, связанные с исключением плебеев из первоначального патрицианского государства, впервые в «*Staatsrecht*» употребил термин «непатриции», которому была уготована долгая жизнь в науке, хотя и в иной трактовке. Начиная с 30-х годов нашего века исследователи (Х. Лэт и др.) смещают акцент на последующее развитие двух сословий, исходя из того, что конфликт между ними обострился лишь в начале Республики, хотя традиция относит возникновение плебса к Ромулу. Так попытка избежать неправомерного исключения плебеев из древнейшего государства привела к подмене проблемы (особенно у Ришара). Капогресси признает, что *patres* получают определенность раньше, чем другие группы, которые начинают оформляться именно в оппозиции к *gentes* начиная с эпохи Сервия, когда социальное значение получает индивидуальное богатство и отличная от гентильной форма собственности (с. 138—140).

Неопределенность, отличающая от патрициев остальные группы населения, оборачивается неопределенностью взглядов самого автора. Создается впечатление, что группы населения, составившие впоследствии плебс, появляются лишь при этрусских царях вместе с экономическим подъемом Рима. Это не только городские ремесленники, но и сельские жители, которым были ассигнованы индивидуальные наделы. Именно на основе такой собственности, по мнению автора, формируется новая социальная сила, уничтожившая гентильное общество. Вслед за М. Торелли Капогресси объясняет экономический упадок второй четверти V в. временным реваншем *gentes* (с. 141), а торжество новых социальных принципов, которые берут начало в реформе Сервия, увязывает с началом наименования новых сельских триб по местности, а не по именам *gentes*, как до 495 г. Однако обстоятельный анализ вопроса о *patres minorum gentium* содержит также утверждение, что Тарквиний Древний стремился придать высокое политическое положение новым социально-экономическим группам, которые не были сразу уравнены с остальными *patres* (в отличие, скажем, от *principes Albanorum* при Тулле Гостилии) именно потому, что их *gentes* отличались от древнепатрицианских. Таким образом, этрусские цари не создали, но уже встретили в Риме новую социальную реальность, и автор был бы последовательнее, если бы удревил появление индивидуальной формы собственности или признал решающее значение за политическим аспектом центуриатной реформы.

Само появление гоплитской фаланги в середине VI в. говорит, по мнению

⁵ К такой трактовке призывает и Е.М. Штаерман, что нетрадиционно смещает истоки дуализма в догородскую эпоху, когда паги, по ее мнению, населяли не только патриции: *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 81. Это позволяет избежать признания исключительно патрицианского состава курий (вопреки идее самого Вико: *Основания новой науки об общей природе наций.* Л., 1940. С. 267) и согласовать появление дуализма с формированием сословий. Неясен лишь механизм складывания групп «благородных»: попытка выставить в качестве фактора право первородства исходит из уже имеющегося преимущества тех, «кто может указать отца».

Капогросси, о наличии в Риме достаточного количества обеспеченных *cives*, не входивших в гентильные структуры. Эти группы составили социальную базу этрусских царей, которых предание выставляет «незаконными». Считая их преимущественно военными лидерами (традиция о Мастарне), автор связывает с их правлением становление категории *imperiū* и знаков царской власти (с. 113—115). Тиранический характер власти и вся реформаторская деятельность этрусских царей — увеличение числа *patres*, удвоение числа центурий конницы, центуриатная реформа — отвечают новой социальной структуре Рима. Когда же автор видит в новом критерии, по которому строится фаланга, — индивидуальном богатстве — результат реформы, а не ее предпосылку, то выставляет все предшествующие формы собственности исключительно гентильными, уподобляя всех индивидуальных хозяев прекарным держателям от *gentes* — клиентам. «Героический» характер куриатного войска (колесницы и свита), постулируемый Капогросси (с. 93), представляет курию единицей гентильного характера, что также ведет к отождествлению непатрициев эпохи первых царей с клиентами. Между тем, отвергая идеи Де Франчиши о харизматической власти первых царей как неоправданный перенос первобытных принципов в новую историческую эпоху, автор признает наряду с исключительной ролью *patres* в назначении царя (посредством *creatio* со стороны интеррекса и *inauguratio*, производимой авгуром) также необходимость консенсуса с *populus*, выражением которого была *lex curiata de imperio* (с. 87—90). Различение политических функций *patres* и куриатных комиций остается неоправданным, если за комициями не усматривать социальную силу, отличную от *gentes*.

Именно эгалитарный принцип, на котором, как показано выше, строится куриатная система («*viritum*»), отвечает структуре жреческой коллегии салиев и может быть отнесен к столь же ранней стадии развития, что и сама эта коллегия: вспомним о сисситиях царя Итала. Иерархическая структура *gens* принципиально отлична: наряду с *patres*, отмеченными членством в царском совете (что, собственно, и конституирует *gens* как особую единицу в рамках городской общины), и членами их семей в *gens* входят клиенты, зависимые от этих домовладык. Когда же *gens* явлен в динамике — во время военной экспедиции или миграции (Фабии или Клавдии), то возглавляющего его *principes*'а сопровождают еще и *sodales*, связанные с вождем личной клятвой⁶. Численность такого образования может превышать первоначальное куриатное войско (3000 чел.), но это тем не менее частный союз, нежизнеспособный вне объединения другого масштаба — городской общины. Мобильность и относительная автономность такого отряда делали его удобным для общины средством защиты окраин ее территории. Компактное и постоянное проживание такой группы в одном пограничном районе может объяснить и причину наименования сельских триб по именам *gentes*. Система патрон — клиенты соответствует бою героя на колеснице (или в пешем строю, как у спартанцев) в сопровождении оруженосцев. Куриатное войско, состоящее из фиксированного числа отрядов пеших воинов, предполагает иной способ ведения боя. Лишь при наличии такого войска было возможно введение фаланги. Разница вооружения в различных ее линиях отражает экономическую дифференциацию, развившуюся ко времени Сервия. Преобладание воинов 1-го класса (40 центурий против 10-ти или 15-ти в других классах) не позволяет видеть в фаланге непосредственную преемницу аристократического войска, где вспомогательные силы численно преобладают.

Реконструкцию социально-политической истории V — IV вв., предложенную Капогросси, следует признать наиболее удачной из имеющихся на сегодня. Доминантой исторического развития в этот период признается утверждение новой формы собственности — *dominium ex iure Quiritium*. Индивидуальное богатство получило социальное значение в середине VI в., став критерием деления населения на классы. Новая иерархия заменила прежнюю: так автор трактует дифирамб Ливия царю Сервию за учреждение ценза (Liv. 1.43.8). Здесь (с. 165—166) верный своему пониманию куриатной организации Капогросси упускает из виду, что в тексте новая иерархия противопоставлена прежней уравниловке, когда обязанности распределились «*viritum*». Критикуя У. Коли и Де Франчиши за отнесение реформы к середине V в., автор показывает, что их основной аргумент — малочисленность населения в эпоху Сервия, которая якобы препятствовала расширению частей войска, — преодолевается на основе выводов Ф. Коарелли о значительном больших,

⁶ См. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 125.

чем предполагал К. Белох, размерах *ager Romanus* в VI в.: до 2000 км² (с. 149). В войско попадали не все граждане, а лишь способные носить оружие, поэтому существенным нововведением было учреждение действительно административного, обнимавшего все население деления по четырем городским трибам. Они стали анклавными безземельного населения только после учреждения новых 16 триб в сельской местности. Тот факт, что в основе сельских триб лежит другой критерий (они учитывают географию *gentes*), позволяет подтвердить традицию, приписывающую учреждение городских триб самому Сервию. Установив тотальный характер распределения населения по первым четырем трибам и безразличие нового административного деления к имущественному положению граждан (с. 169—172), Капогресси критикует концепцию Моммзена, которая связывает создание сельских триб с введением частной собственности на пахотные земли, исходя из того, что *heredium* (первоначальный индивидуальный надел) был приусадебным участком и индивидуальная собственность сначала была возможна лишь в городе. Связывая процесс создания сельских триб с утверждением *dominium ex i. Q.*, допускают ошибку, теряя из виду *ager publicus*. В самом деле, если вся территория 16 сельских триб была занята частными *heredia*, то неподеленная земля должна была располагаться за их пределами. По мнению автора, часть земли в системе триб оставалась в общем владении *gentiles* наряду с компактными участками отдельных семей в составе *gentes* и частными землями непатрициев (с. 176). Новая система частного землевладения сосуществовала с гентильной всю эпоху ранней Республики. Гентильные имена триб автор связывает с именами пагов, которые в свою очередь должны были получить имена от *gentes*. Но переходным институтом, обеспечившим преемственность наименований от пагов к трибам, вслед за Моммзеном признается *кура* (с. 186), что ввергает автора в противоречие с его же рассуждениями об аргейских священнодействиях, не говоря уже о числовых несообразностях. Логичнее предположить непосредственную связь гентильных поселений с именами триб: направлявшиеся на охрану границ отряды аристократов оседали в этих районах, а захваченные у врага земли становились их собственностью по праву войны, в отличие от тех, что были завозваны войском царя.

Капогресси удачно критикует распространенные идеи о гентильной собственности как результате концентрации в руках *gentes* выморочных участков отдельных семей в соответствии с законом XII Таблиц (V. 5), указывая, что именно XII Таблиц легитимируют полную свободу завещания, практически кладя конец такой практике. К этому он добавляет, что вовлечение в гражданский оборот недвижимости, о чем также свидетельствуют XII Таблиц (VI. 3), согласуется по времени с обострением конфликта между патрициями и плебеями по аграрному вопросу (с. 188). Концепциям гентильной собственности автор противопоставляет идею общего пользования членами *gens* не поделенными среди отдельных семей землями (пастбищами, пустошами и т.п.), которые должны были обеспечить дополнительное продовольствие к тому скудному урожаю, что мог дать *heredium* (с. 182). Сомнительно, что столь глобальный конфликт сословий по аграрному вопросу был вызван частными захватами общественных земель, к тому же ни Ф. Боцца, ни М. Казер не смогли прояснить характер предполагаемого *possessio* патрициев (с. 183). Квалификация патрицианских владений как *iniuria* лучше согласуется с чуждостью их режима легитимированной системе частной собственности отдельных домовладцев — *dominium ex i. Q.*, который утверждает в это время. Поскольку частную собственность на землю узаконивают XII Таблиц, ее возникновение следует отнести не к началу V в., когда старые гентильные принципы берут временный реванш, а к времени центуриатной реформы — к VI в. (с. 248). Античные историки видят в спорных землях *ager publicus* лишь потому, что они не знали другой схемы в аграрных отношениях, кроме представленной у Аппиана: плебеи добивались ассигнации патрицианских земель в частную собственность, отсюда делался вывод, что неассигнованные земли были *ager publicus*. Сама оппозиция *publicus* — *privatus*, по мнению Капогресси, родилась лишь вместе с *res publica* в результате политических побед плебса и утверждения частной собственности на землю (с. 253). Законопроект Спурия Кассия 486 г., по которому предлагалось ассигновать гражданам захваченные патрициями земли, а часть сдать в аренду, показывает, что на этих землях не практиковался ни один из известных впоследствии режимов эксплуатации *ager publicus* (*ager occupatorius*, *ager scripturarius* *ager vectigalis* и др.).

В царскую эпоху общие земли, земли царя обычно асигновались безземельным. Но земли, о которых говорится в законопроекте Спурия Кассия, всегда использовались патрициями и их клиентами, подчиняясь другому правовому режиму (с. 251). Требования плебса направлены не на решение экономических проблем (почему бы им не требовать *possessio*, если таковое отправляли на этих землях патриции?), не на допуск к общественным землям в форме *ossuratio* (которая никогда не была законодательно запрещена для этого сословия — с. 250), но выражают вытеснение чуждых *civitas* (и потому) «*iniuria*») гентильных принципов новой нормативной реальностью — частным правом отдельных домовладык. Этот конфликт разрешается с принятием *lex Licinia de modo agrorum* 367 г., который ввел новый режим — частное владение (*possessio*) — и одновременно ограничил размеры владения 500 югерами. Отныне получивший институциональную определенность *ager publicus* был представлен отдельным домовладкам (с. 184, 251), что уравнивало сословия в этом отношении и означало окончательное поражение *gentes*.

Значение этой концепции для науки о раннем Риме, прежде всего, в том, что выявленный автором конфликт разных режимов землевладения, за которыми стояли разные социальные силы, демонстрирует принципиальное отличие патрициата по отношению к средствам производства не только от плебса, но и от нобилитета поздней Республики. Доцивильная природа правового режима гентильного землевладения выставляет патрицианско-плебейский дуализм не просто классовым антагонизмом⁷, но и квалифицирует его природу как противостояние двух правовых систем: гражданской (индивидуалистической) и авторитарной (аристократической), относящихся к разным этапам развития форм общежития. Трактовка гентильного элемента как реликта догородской эпохи, уступающего место *civitas*, широко распространена, но у Капогросси патрицианско-плебейский конфликт разворачивается уже в рамках сложившейся гражданской нормативной системы, что справедливо отводит *civitas* место причины, а не результата разрешения этой борьбы в пользу плебса. Такая картина исключает сведение древнейшего гражданства к патрициату и выведение плебса из клиентелы.

Многие проблемы ранней римской истории, оставшиеся вне нашего обзора: религиозные союзы в догородскую эпоху, организация Латинской лиги, система международных отношений в эпоху ранней Республики, становление административного аппарата в царском Риме, проблема перехода к республиканской форме правления и эволюция высшей магистратуры, а также вопросы частного права и развития форм семьи, — получили в монографии интересную трактовку и обогатят взгляды самого искусственного читателя, от которого не ускользнут несомненные достоинства этой книги.

Д. В. Дождева

⁷ Специфика отношения плебса к средствам производства как группы, оппозиционной патрициату, следует уже из того факта, что требования плебса по аграрному вопросу получили политико-институциональное воплощение в деятельности плебейских магистратов, представлявших интересы этого сословия.

HEINRICH VON STADEN. *Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. XLIII + 666 p.

Книга профессора Йельского университета (США) Генриха фон Штадена посвящена человеку, признанному «настоящим творцом анатомии человека» (И. Гейберг) и «величайшим, после Гипократа и Галена, врачом античности» (Дж. Сартон). Книга восполняет существенную лакуну в нашем исследовательском аппарате и представляет собой наиболее полное собрание свидетельств о Герофиле и фрагментов его сочинений. Тексты распределены по тематическим разделам и сопровождаются английским переводом, вступительными статьями и комментарием. Кроме

того, во второй части книги (с. 445—578) систематизированы важнейшие сведения о врачах, принадлежащих к школе Герофила. Издание включает также подробные указатели и обширную библиографию (с. 589—621).

Наиболее вероятные годы жизни Герофила: 330/320 — 260/250 гг. до н.э. Из 11 сочинений, приписываемых ему традицией, шесть трактатов бесспорно принадлежат Герофилу — «Анатомия», «О пульсе», «Акушерство», «Терапевтика», «Диететика», «Против расхожих мнений». Нет серьезных оснований подвергать сомнению принадлежность Герофилу сочинения «О глазах». Менее бесспорный случай — с «Прогностиком»; фон Штаден воздерживается от категорических суждений, однако приводит веские доводы в пользу авторства Герофила. Гален, если держаться рукописной традиции, причисляет Герофила к авторам комментариев к Гиппократовым «Афоризмам», но здесь приходится считаться с тем, что ряд исследователей находят текст неисправным. Имеются свидетельства о принадлежности Герофилу трактата «О пище», вошедшего в Гиппократов сборник. Фон Штаден признает, что некоторые особенности этого сочинения, пожалуй, указывают на знакомство с достижениями Герофила, вместе с тем он присоединяется к мнению тех, кто считает, что это сочинение создано позже времени Герофила — во II или I в. до н.э. Наконец, явно подложным является «Письмо Герофила к царю Антиоху» (с. 72—78).

Классификационная схема, предложенная Герофилом, разделившим медицинское искусство на знание вещей, относящихся к здоровью, знание вещей, относящихся к болезни, и знание безразличных вещей, может быть интерпретирована как своеобразное выражение «таксономической страсти», свойственной многим грекам, а также особого интереса к отношениям между целым и его частями, которое с IV в. до н.э. становится характерным для разных областей мысли. Наибольшую близость эта схема обнаруживает с триадами стоиков, деливших диалектику на знание вещей истинных, ложных и ни тех, ни других, а все существующие вещи — на хорошие, дурные и ни те, ни другие (с. 89—103). Свидетельства о методе Герофила, его научной позиции могут показаться взаимопротиворечивыми. Одни причисляют его к так называемым *λογικοί* — врачам-рационалистам, занятым причинно-следственными интерпретациями и конструированием медицинских теорий. Другие рисуют его ученым, настойчиво подчеркивавшим важность или даже приоритет непосредственных наблюдений. По одним свидетельствам, Герофилу принадлежит немало причинно-следственных интерпретаций, по другим — он явственно утверждал, что установить реальность такой вещи, как причина, невозможно.

Конечно, замечает фон Штаден, можно предположить, что Герофил начал с рационализма, пришел к эмпиризму и, наконец, созрел до скептицизма (или в какой угодно другой последовательности), но, поскольку для подобного объяснения не имеется опоры в источниках, лучше избрать другой путь и попытаться выяснить, так ли уж непримиримы свидетельства при всем различии в акцентах. Предложенное в результате объяснение представляется весьма убедительным. Герофил предстает исследователем, отдающим себе ясный отчет в значении как наблюдения, так и теоретических обобщений; при этом последним он придает статус гипотез (с. 115—124). Действительно, он подчеркивает, что мы не можем узнать о механизмах, определяющих деятельность нашего организма, путем простого наблюдения частей человеческого тела даже при анатомировании, но мы должны привести наши представления, сформированные на основании других данных (Т 57). Вместе с тем «явления должны быть описаны первыми, даже если они не первичны» (фр. 50 а). В этом свете и следует принимать замечание Герофила, давшее повод говорить о его скептицизме: «Существует причина или нет — это по природе вещей усановить невозможно, но, оценивая свое состояние (на основании того, что мне представляется), я решаю, что страдаю от холода или жары, наелся или напился» (фр. 59 а). Наконец, однажды Гален ясно и в обобщенном виде выражает отношение Герофила к причинным интерпретациям: тот принимает их *ex suppositione* (Т 58).

Фон Штаден отмечает высокую степень соответствия между теоретическими взглядами Герофила и его практикой. Он также полагает, что на взгляды Герофила оказал влияние трактат Аристотеля «О частях животных». Я, впрочем, думаю, что сходство между ними может быть обязано общности практического метода: сочетание систематической диссекции (животных — у Аристотеля, человека — у Ге-

рофила) с изучением живых организмов, при котором обнаруживаются и эффективность конкретных наблюдений, и ограниченность результатов, которые они дают. Рассматривая свидетельства о диссекции и вивисекции человеческих тел (в последнем случае — осужденных преступников), практиковавшихся Герофилом, и возражения ученых против достоверности этих сообщений, фон Штаден приходит к выводу, что отвергать традицию нет оснований и что открытия, сделанные Герофилом, также подкрепляют ее. По его мнению, подобная практика оказалась возможной, причем на протяжении относительно короткого времени, в силу особых условий, сложившихся при первых Птолемах в новооснованной и космополитической Александрии и позволивших преступить традиционные запреты (с. 138—153).

Среди достижений Герофила в области анатомии, которые подробно рассматриваются в книге, особенно впечатляющими фон Штаден считает связанные с анатомией мозга. Изучение нервной системы, дыхания, учение о пульсе, сперматогенез, акушерство, общая теория патологии, учение о сновидениях — вот основные темы, которые обсуждаются автором в разделе «Физиология и патология» (с. 242 и сл.). Как врач Герофил предстает перед нами охотно прописывающим лекарства, пускающим кровь, навещающим пациентов, имея при себе водяные часы, чтобы мерить пульс, исповедывающим принципы аллопатической медицины (лечение противоположным). Тех, кто готов был его слушать, он учил, что не только болезнь, но и здоровье должно быть предметом заботы и его нужно поддерживать правильным питанием и гимнастикой. При всем своем новаторстве Герофил как врач «в решающих отношениях не эмансипировался от Гиппократовой традиции» (с. 427). Иначе обстоит дело с его публичными отзывами о сочинениях и идеях Гипократа. Здесь много полемике и критики, причем Герофил, очевидно, был первым, кто вступил с Отцом медицины в открытый спор. Соответственно, в отличие от многих других древних врачей, включая Галена, Герофил не поддается искушению подкреплять отстаиваемые им позиции ссылками на авторитет Гипократа. Вместе с тем его отношение к Гипократу не сводится к полемике; напротив, Герофил — один из тех, кто начал труд по комментированию Гиппократовых сочинений, в частности их терминологии.

Следует отметить, что рассмотрение научной деятельности Герофила ведется фон Штаденом в широкой историко-культурной перспективе. Предшественники, современники и преемники Герофила, характерные черты и проблемы научного метода, ценностные ориентации, общая атмосфера — все это постоянно удерживается в поле зрения. Целиком историко-культурной проблематике посвящена вводная глава, в которой рассматривается круг вопросов о вкладе в александрийскую медицину греческой и египетской традиций. Автор книги отмечает высокую репутацию египетских врачей в древности, в значительной мере подтверждаемую дошедшими до нас папирусами, и то, что уже в «Одиссее» (IV.220 слл.) Египет предстает страной врачей-лечителей и чудодейственных лекарственных средств и что сами названия ряда лекарств, использовавшихся в греческой медицине еще в предалександрийскую эпоху, указывают на их египетское происхождение.

В то же время сколь-либо существенное влияние местных египетских традиций на александрийскую медицину остается недокументированным, и фон Штаден шаг за шагом подводит нас к убеждению, что такое влияние мало вероятно, что александрийская медицина времен Герофила и Эрасистрата носит ярко выраженный греческий характер. Медицина Герофила и его последователей совершенно чужда какой-либо магии, которая регулярно сопутствовала практике египетских врачей. (Невозможно отрицать, поясняет фон Штаден, что магико-религиозные формы терапии нашли свое место в греческой культуре, однако в греческом обществе врачи и жрецы последовательно разграничивали свою деятельность). Наиболее характерные приемы египетской медицины не играют заметной роли в медицине греческой, в частности, у греков была своя, причем более эффективная, техника врачевания ран. Возможно, египтяне совсем неплохо представляли себе анатомию глаза, и все-таки именно Герофил открыл в этой области то, чего до него не знал никто. Медицинское обслуживание в Александрии IV—III вв до н.э. строилось также по греческому принципу свободного контракта, врачи не образовывали, как в Египте, особую корпорацию государственных служащих. Характеризуя ситуацию в целом, автор не без сочувствия цитирует Н. Льюиса: «Когда люди двух культур, гово-

рящие на разных языках, живут бок о бок друг с другом, неизбежно происходят какие-то встречные заимствования... но с каждым новым исследованием становится яснее, что в эллинистическом Египте они были минимальными». В том, то касается медицины III в. до н.э., такие заимствования сводились главным образом к обогащению фармакологических средств.

Я не берусь оценить книгу фон Штадена как издание фрагментов Герофила, но в качестве труда по истории греческой науки и культуры она несомненно может быть рекомендована.

В заключение я хотел бы обратить внимание на еще один контекст, в котором было бы интересно рассмотреть деятельность Герофила. В двух из числа главных направлений исследований Герофила в качестве его предшественника выступает Алкмеон Кротонский (рубеж VI—V вв. до н.э.), который, согласно источникам, предстает пионером в изучении анатомии глаза и учении о головном мозге как центре сенсорной и когнитивной активности (24 А 5; 8; 10; 11; 13 Д—К); одно из свидетельств оспаривает у Герофила в пользу Алкмеона приоритет в отношении диссекции (24 А 10; см. также в книге фон Штадена Т 86). Сочинение Алкмеона «О природе» читали и Аристотель, и Теофраст. Нет никаких причин думать, что Герофилу, жившему в Александрии, оно было недоступно. Стимулирующее воздействие Алкмеона тем более вероятно, что Аристотель — один из ближайших и значительных предшественников Герофила в соответствующей области — был склонен как раз недооценивать значение функций головного мозга. Разумеется, фон Штаден в связи с учением Герофила о головном мозге упоминает Алкмеона (с. 155, 248), однако систематическое изучение отношений между Алкмеоном и Герофилом еще ждет своего исследователя.

Д. В. Панченко

© 1993 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ХЕРСОНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Херсонский краеведческий музей является наследником Музея древностей Херсонского края, созданного в 1890 г. В.И. Гошкевичем, с собирательской деятельности которого началась история музеев Херсона. Сам В.И. Гошкевич так писал о начальной коллекции музея, которая умещалась тогда в большой коробке, специально для нее изготовленной: «В ней хранились мелкие предметы различных эпох, собранные по пескам вокруг Голой Пристани... В официальных сношениях содержимое той коробки именовалось "Археологическим Музеем при Херсонском Губернском статистическом комитете", и это наименование оказалось для дела полезным, придавая ему солидность и устойчивость. Музей начал расти»¹. В это время на территории Северного Причерноморья уже существовали археологические музеи, экспонировавшие постоянно пополнявшиеся коллекции, успешно действовало «Одесское общество истории и древностей», производились раскопки под руководством Археологической комиссии. Для изучения древностей привлекали сотрудников губернских ученых архивных комиссий. Инициатива В.И. Гошкевича была поддержана коллегами и единомышленниками. Археологическая комиссия дала разрешение на передачу в новый музей материалов, полученных при раскопках на территории Херсонской губернии. Первую большую коллекцию, поступившую в это время, составили материалы из курганных могильников Поднепровья, переданные раскопавшим их И.Я. Стемпковским. Впоследствии сотрудничество тираспольского археолога с В.И. Гошкевичем продолжалось.

Для В.И. Гошкевича одинаково важны были и научная, и просветительская работа: «Собирая и сохраняя остатки старины своего края, Музей делает их доступными всем: и людям науки, и каждому любителю старины, и детям, чтобы они приучались уважать памятники человеческого ума, искусства, труда, и в этом уважении вырастали бы людьми культурными... Некоторые сотрудники Музея выражают желание поработать для него: заняться археологическими исследованиями в своей местности, раскопать на своей земле древние могилы и передать Музею найденные вещи. Не можем не сочувствовать этому доброму желанию, если такие раскопки будут вестись правильно, с соблюдением интересов науки»². В.И. Гошкевич стремился открыть доступ к коллекциям, и в конце концов это ему удалось. В 1898 г. музей был открыт для публики в помещении Херсонской общественной библиотеки и принят во владение созданной тогда же Херсонской Ученой Архивной комиссией, председателем которой стал Г.Л. Скадовский (большая часть материалов его раскопок 1900—1901 гг. на Березани обогатила Херсонский музей, часть находок поступила в Эрмитаж).

После десятилетнего существования архивная комиссия приняла решение о самороспуске. Музей предполагалось передать в ведение Археологической комиссии или Одесского общества истории и древностей. Более вероятен был второй вари-

¹ Летопись Херсонского музея. 1909—1911. Вып. 2. Херсон, 1912. С. 59.

² Там же. С. II—III.

ант, при котором коллекции были бы переданы в Одесский археологический музей. Херсонское городское управление согласилось с мнением В.И. Гошкевича о необходимости сохранения музея в губернском городе и взяло на себя заботу о его материальном обеспечении. В.И. Гошкевич, наконец, был официально назначен хранителем музея, было выделено и оборудовано помещение на ул. Говарда, где в 1911 г. открылась экспозиция. К этому времени в музее насчитывалось более 16 тыс. экспонатов. Коллекции продолжали пополняться, способы их комплектования были разнообразны.

Сам В.И. Гошкевич до начала первой мировой войны ежегодно производил разведки и раскопки. Обширные материалы дали разведки в Херсонском и Одесском уездах Херсонской и Днепропетровской губернии. Поступили материалы с нижнеднепровских городищ Понятовского, Змиевского, Червономаяцкого, Гавриловского, Любимовского и Золотобалковского поселений (названия даны по современным населенным пунктам) и с памятников, расположенных на побережье Днепровско-Бугского и Березанско-Сосницкого лиманов, преимущественно скифо-сарматского периода. У Бизюкова монастыря (совр. Червоный Маяк) был открыт позднескифский могильник, часть материала из 136 разрушенных погребений поступила в музей. Сборы на территории Нижнеднепровских песков дали многочисленные экспонаты каменного века, энеолита, эпохи бронзы, а также скифские и средневековые. У г. Скадовска исследовалось татарское городище. В 1909 г. В.И. Гошкевич провел раскопки позднескифского городища при дер. Николаевке в имении Казацкое. Были найдены остатки оборонительной стены, фундаменты трех зданий, зерновые ямы, несколько сот предметов, датированных руководителем раскопок II—I вв. до н.э. В музей поступили фотографии, планы и полевой дневник; владелец имения П.Н. Трубецкой передал все сделанные им находки. Исследовал В.И. Гошкевич и курганы, однако этот материал не полностью поступил в Херсонский музей, находки первых лет раскопок поступили в Исторический музей (г. Москва). В Чернодолинском имении под руководством В.И. Гошкевича раскопки курганов вели Бурлюки — три брата-художника. Перед войной были заложены раскопы на Консуловском позднескифском городище и на развалинах турецкой крепости Тягин, а также выявлены остатки Каменской запорожской сечи. Все материалы поступили в Херсонский музей.

В комплексовании фондов музей получал помощь от Археологической комиссии, которая утвердила получение В.И. Гошкевичем материалов из раскопок Пантикапея и Ольвии. Первые материалы из Пантикапея поступили в конце XIX в., в 1912 г. добавились коллекции материалов раскопок 1907—1908 гг. В том же 1912 г. музей получил от Б.В. Фармаковского из Ольвии надгробные стелы и архитектурные детали, а спустя год поступила еще одна коллекция из раскопок 1904—1908 гг., насчитывающая почти 400 экспонатов: обломки мраморных архитектурных деталей, статуй, надписей, разнообразная керамика, изделия из кости и металлов, украшения. Благодаря Археологической комиссии музей приобрел огромный скифский бронзовый котел из Осокоровки (ныне находится в Гос. Историческом музее в Киеве) и половецкие изваяния. Н.И. Веселовский передал 12 амфор из знаменитого кургана Солоха. Благодаря присутствию В.И. Гошкевича при строительных работах, проводившихся на Березани Военным министерством, к коллекциям Г.Л. Скадовского добавились монеты, керамика и другие находки из зоны строительства.

Часто поступали случайные археологические и нумизматические находки от многочисленных друзей музея. Учителя организовывали школьников для сборов подъемного материала в Нижнеднепровских песках. В большинстве случаев вещи дарились, изредка отдельные предметы закупались. В нескольких случаях экспонаты поступили в музей большими коллекциями. В 1913 г. семья умершего историка Н.Н. Аркаса из гор. Николаева передала в музей его коллекцию материалов из раскопок в Христофоровке и Старой Богдановке, находки скифо-античного периода из других мест и 1048 древних монет. Более 300 экспонатов насчитывалось в коллекции И.К. Суручана, поступившей в 1917 г. из Кишинева, — античная скульптура, стелы, надписи, главным образом из Ольвии и Пантикапея (рис. 1.) В 1919 г. в музей попали остатки коллекций Г.Л. Скадовского, которые сильно пострадали при разграблении имения. Это погребальный инвентарь раскопанных им курганов у Белозерки, Глубокой Пристани, Маячки и Козырки.

Одновременно с фондами формировалась и библиотека музея. Основу ее составили книги, принадлежавшие хранителю, пополнялась она благодаря подаркам

Рис. 1. Посвящение Кибеле (из коллекции И.К. Суручана)

от жителей губернии и авторов. Многие экземпляры имеют дарственные надписи, имеются автографы А.А. Спицына, Б.В. Фармаковского, Э. Минза и других известных археологов. В составе библиотечного фонда есть научные публикации самого В.И. Гошкевича и выпуски «Летописи музея» — периодического издания, в котором хранитель давал информацию о поступлениях в музей и о собственных археологических исследованиях. В.И. Гошкевич издал в 1910—1916 гг. семь выпусков «Летописи музея», еще два были подготовлены и изданы И.В. Фабрициус, после 1929 г. музей собственных изданий не имел.

В годы революций и войн В.И. Гошкевичу удалось полностью сохранить музей и его библиотеку. В 1924 г. музей возобновил полевые исследования, они впервые проводились на средства музея, прежде работы оплачивали землевладельцы. Были организованы раскопки Аджигольского городища и Лукьяновского кургана (работы И.В. Фабрициус), энеолитических погребений около Большой Сейдеминухи, совр. Великая Александровка (работы А.В. Добровольского). Во второй половине 20-х годов в музее работали И.В. Фабрициус, А.В. Добровольский и Ю.П. Крысин. Исследовались поселения на Ингульце первых веков н.э., Любимовское позднескифское городище, городище «Золотой Мыс», курган у с. Малые Копани, производились

разведки на Тендре и других территориях. В музей поступили клады — Бериславский и Новоалександровский с материалами эпохи поздней бронзы и хазарский Келегейский. В это время музей стал уже историко-археологическим, но его археологическая часть содержала те же разделы, что и при В.И. Гошкевиче: доисторический, античный и скифо-сарматский, средневековый, татарско-турецкий, запорожско-украинский. Но постепенно от старых специалистов освободились. В 1930 г. была уволена, а в 1931 г. вынуждена уехать из Херсона преемница и ученица В.И. Гошкевича И.В. Фабрициус. К этому времени прекратил существование музей в том виде, в каком был создан В.И. Гошкевичем, — экспозицию переоборудовали «на основе диалектико-материалистического метода». Правда, в 1930—1934 гг. в музее работал А.К. Тахтай. Он проводил большие разведки на левом берегу Днепра, открыл и начал раскопки грунтового могильника у с. Келегеи (Гладковка). После его ареста специалистов в музее вообще не осталось, систематические поступления археологического материала и его обработка прекратились. Последующее десятилетие было самым тяжелым временем в истории музея. Поступления были случайными — к примеру, в 1939 г. из Киева поступили разрозненные материалы с территории Лесостепи, часто без указания места находки, с указанием лишь имени владельца — коллекция Кундеревича и т.п. В годы Великой Отечественной войны музей потерял значительную часть своих коллекций и библиотеки, пострадала документация.

В послевоенное время в музее вновь появились археологи. Постепенно музей стал возрождаться. Основное внимание в это время уделялось исследованию античных и позднескифских памятников. В 1946 г. Н.М. Дмитренко провел разведки и небольшие раскопки на Тягинском, Белозерском и Костровском городищах, а также на городище и могильнике у Глубокой Пристани. Несколько лет в музее работала С.С. Березанская. Но основная заслуга восстановления археологических фондов музея, их упорядочения и формирования коллекций в 50—70-е годы принадлежит Л.И. Костюк и И.Д. Ратнеру (они же явились авторами новой экспозиции, открытой в 1982 г. в здании конца XIX в., переданном музею). Работая в составе Буго-Днепровской и Снягиревско-Ингулецкой экспедиций ИА АН УССР, И.Д. Ратнер и Л.И. Костюк пополнили фонды музея материалами из раскопок поселений античного периода Глубокая пристань на Днепровском лимане и Кисляровка (Лиманы) на Бугском лимане, интересные материалы были получены на Широкобалковском могильнике (рис. 2). В составе Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР они раскапывали курганы, среди которых особенно выделяются Каланчакские ямного и катакомбного времени. В 1957 г. Д.Я. Телегин и И.Д. Ратнером проводились разведки по левому берегу Каховского водохранилища, в результате были выявлены разновременные памятники и собран на них подъемный материал. От экспедиций ИА АН УССР поступили в музей материалы с поселений эпохи бронзы и IX—XI вв. у с. Змиевка (раскопки А.В. Буракова), из «летописного» города Колодяжина (раскопки В.К. Гончарова, Р.А. Юры), из курганов у сел Широкое, Новоалексеевка, Красное, Владимировка, Лазурное, Подокалиновка, Круглозерье, г. Скадовска (раскопки Е.В. Черненко). Однако были потери и в эти годы: в 1963 г. в Киев для создания музея исторических драгоценностей были переданы изделия из драгоценных металлов, в том числе Келегейский клад и большая коллекция монет и наград.

Сейчас в фондах археологии Херсонского краеведческого музея находится более 25 тыс. экспонатов. Отдельно существуют фонды нумизматики — около 7 тыс. предметов. В археологических коллекциях представлены материалы от каменного века до позднего средневековья. Интересны и разнообразны материалы из ранних курганных погребений Нижнего Поднепровья — ямной и катакомбной культур, культуры многоваликовой керамики, срубного времени. Помимо уже упоминавшихся курганов это материалы раскопок Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР под руководством Г.Л. Евдокимова. Эта же экспедиция передала материалы из курганных могильников белозерской и скифской культур, имеется в этих коллекциях погребальный инвентарь из сарматских могил, погребений средневековых кочевников, находки из половецких святилищ. В фондах музея хранятся материалы из курганов у сел Приозерное, Надеждовка, Станислав, Львово, Садово, Михайловка, Правдино, Кирово, Зеленое, Первомаевка, Птаховка, Новониколаевка, Железный Порт, Владимировка, Демидовка, Белозерка, Брилевка, Каланчак, г. Скадовска, исследованных Краснознаменной экспедицией в первой половине 80-х годов.

Рис. 2. Фигурный сосуд из Широкобалковского могильника

Ранние поселения представлены небольшими коллекциями (Михайловское, Большие Копани, Репринское). Наиболее представительны коллекции эпохи раннего железа. Античные древности представлены материалами из Ольвии, Пантикапея, Березани из старых поступлений, Ягорлыцкого поселения (материалы А.С. Островерхова и А.С. Кубышева), Станиславского городища (раскопки Е.Я. Рогова и Ю.А. Виноградова), городища Скелька и других поселений сельскохозяйственной округи Ольвии. Большую группу составляет античная скульптура, рельефы, надписи, архитектурные детали. Недавно эта группа пополнилась случайной находкой посвящения Аполлону Простату на фрагменте каннелированной мраморной колонны (рис. 3). Имеются в коллекции несколько скифских изваяний, в том числе и из недавних поступлений (рис. 4), энеолитические стелы и половецкие статуи. Представлены многочисленные материалы из раскопок скифских и позднескифских поселений и могильников, сарматских погребений (наиболее интересный сарматский комплекс поступил в 1966 г. из разрушенного кургана у с. Давыдов Брод).

Группа изделий из драгоценных металлов невелика — это скифские, сарматские и гунно-аланские украшения (рис. 5). В фондах нумизматики хранятся монеты, в большинстве своем не имеющие привязки к месту находки, поступившие от кол-

Рис. 3. Посвящение Аполлону Простату, II в. н.э.

лекционеров. Реже в музей поступают монеты, найденные в виде кладов. Кроме известного клада серебряных истрийских монет из Висунцов, найден был большой клад «борисфенов» в Донцовой балке. Из материалов раскопок происходят немногочисленные монеты Ольвии. В коллекции присутствуют монеты ольвийские и пантикапейские, римских и эллинистических правителей, византийские, российские, западноевропейские и восточные.

Археологические фонды музея ежегодно пополняются в результате систематически проводимых сотрудниками музея раскопок и разведок. В конце 70-х — начале 80-х годов в музее намечилось несколько направлений археологических исследований. Самыми ранними памятниками, на которых ведутся раскопки, являются палеолитические стоянки. В последнее время было открыто около 200 палеолитических, мезолитических и неолитических памятников. Раскопки производились на стоянках Леонтьевка, Нововладимировка II, Дмитриевка II (работы Н.П. Оленковского). Специальной экспедиции, занимающейся исследованием памятников эпохи неолита—бронзы, нет, но сотрудниками музея проводились охранные раскопки поселения эпохи поздней бронзы Большие Копани I (раскопки Н.П. Оленковского)

Рис. 4. Скифская стела из с. Братолюбовка

и ранних курганов у сел Новая Маячка и Памятное (раскопки М.И. Абикуловой, А.В. Гаврилова).

Традиционными для музея являются исследования позднескифских городищ и поселений Низового Днепра. Разыскание и исследование древних городищ В.И. Горшкевич считал своей основной задачей. С тех пор проводились раскопки на 8 из 15 известных позднескифских поселений и городищ: они исследовались и сотрудниками Херсонского музея. В 1966 г. впервые начаты работы на Львовском поселении (охранные раскопки Л.И. Костюк). С 1984 г. изучение этих памятников проводит М.И. Абикулова. Ею исследовались Анновское и Великолепетихское городища, ранее раскопкам не подвергавшиеся (часть работ производилась совместно с Н.А. Гаврилюк и Е.В. Черненко), и Любимовское городище. Благодаря этим раскопкам появились новые сведения о планировке, домостроительстве, оборонительных сооружениях позднескифских поселений, структуре хозяйства и материальной культуре их обитателей. Были уточнены датировки на основе анализа античной керамики: основание позднескифских городищ отнесено ко II—I или I в. до н.э., жизнь некоторых из них прекратилась уже во II в. н.э., на других —

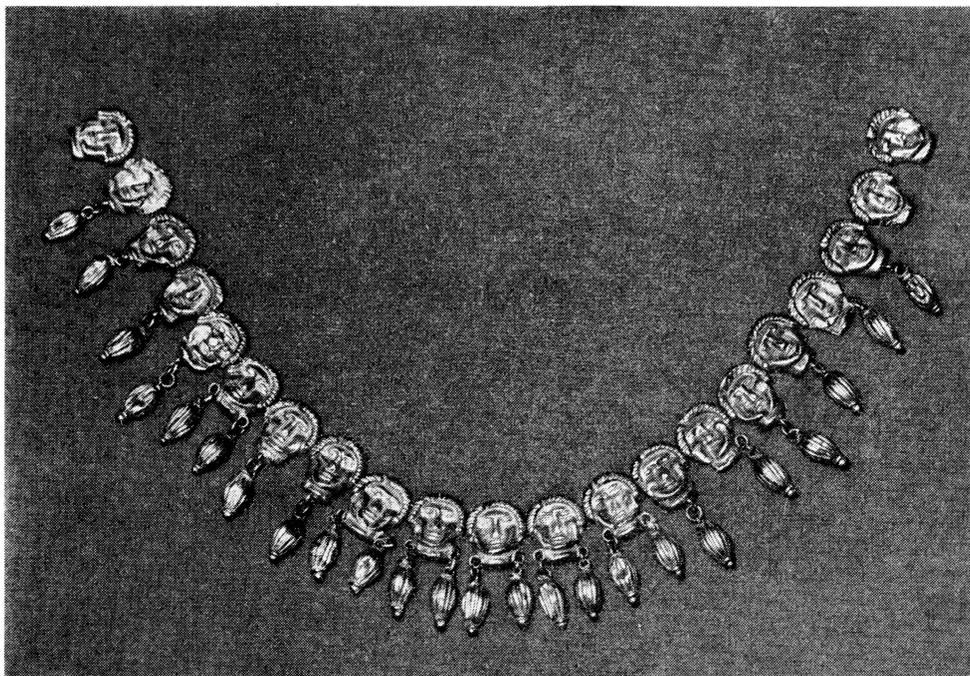

Рис. 5. Золотое ожерелье IV в. до н.э. из погребения 3 кургана на 2 у с. Зеленое (раскопки 1983 г.)

в III (III—IV) вв. н.э. Исследовалось также синхронное городище Золотой Мыс на Днепровском лимане, входившее в хору Ольвии (раскопки М.И. Абикуловой). На поселении были прослежены два строительных периода, исследовались остатки преимущественно второго. Выявлены живые и производственные помещения, часть вымощенной черепками улицы, ямы, отмечено использование слоевых оснований. Среди находок имеется терракота, изображающая Эрота на голубе, и три ольвийские монеты II в. н.э.

Раскопки поселений предшествующего периода позволили уточнить представления о расширении сельской округи Ольвии к востоку на рубеже V—IV вв. до н.э. Исследовалось поселение Усадьба Литвиненко, где выявлен культурный слой IV — первой половины III в. до н.э. (разведки и раскопки М.И. Абикуловой, охранные раскопки В.П. Былковой). Интересной находкой был закрытый комплекс амфорной тары трех центров производства третьей четверти IV в. до н.э., который был обнаружен на хозяйственной территории; примыкающей к поселению. Раскопки на поселении Глубокая Пристань были начаты в 1950 г. И.Д. Ратнером, которым были обнаружены остатки наземных глинобитных построек и полуземляночного жилища-временки; в 80-х годах оно исследовалось экспедицией ИА АН УССР под руководством С.Б. Буйских, некоторые находки которой поступили в Херсонский музей. В 1991 г. здесь вновь работала экспедиция музея (раскопки В.П. Былковой, С.Б. Буйских). Этот памятник отличается большой площадью и наличием оборонительных сооружений.

Экспедиция музея ведет также раскопки на Белозерском поселении (работы В.П. Былковой), исследование которого начал еще Г.Л. Скадовский. Результаты раскопок не подтверждают предположения о существовании здесь скифского города, второго, после Каменского городища, по значению. Поселение имеет сходство с памятниками, расположенными на побережье Днепровско-Бугского лимана, в типах жилых и хозяйственных сооружений, характере материальной культуры, структуре вещевого материала. Синхронные поселения иного облика были открыты и исследовались на левом берегу Каховского водохранилища. Это скифские поселения Первомаевка 2 и Чарнеча (раскопки В.П. Былковой). Они могут быть включены в группу поселений округи Каменского городища, находятся в южной ее части.

Хозяйственно-культурный тип их может быть определен как полукочевой или оседло-кочевой. В раскопках найдены остатки земляночных и полуземляночных жилищ, наземной хозяйственной постройки, ямы, остатки железодельного производства. Преобладает лепная керамика скифских типов, имеются фрагменты античных амфор IV в. до н.э.

Результаты полевых исследований нашли отражение в экспозиции музея и научных публикациях. В октябре 1990 г. в музее проходила конференция, посвященная его столетнему юбилею, большая часть докладов которой была посвящена различным проблемам археологии Северного Причерноморья. Работа конференции освещена в тезисах докладов и сборнике статей.

В.П. Былкова

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION IN THE KHERSON REGIONAL MUSEUM

V.P. Bylkova

The article is devoted to the history of the formation of the archaeological collection in Kherson (South Ukraine) and contains its description. The archaeological museum in Kherson was created in 1890 by V.I. Goshkevich. This museum exhibits various finds covering a long historical period — from the Palaeolithic age to the Middle Ages. There are over 25 thousand objects in the archaeological collection and about 7 thousand in the numismatic one. The archaeological expeditions of the museum examine the prehistoric sites, the settlements of the Scythians and the area around Olbia.

© 1993 г.

КОЛЛЕКЦИЯ АНТИЧНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ИЗ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Развитие краеведения в Ставрополе тесно связано с именем председателя Ставропольской Ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева. В молодости он был активным участником народнического движения, однако после ареста отошел от политики: его увлекло изучение местных древностей, прежде всего археологических. В 1901 г. он вместе с В.А. Городцовым занимается раскопками Маджарского городища. Именно по инициативе Г.Н. Прозрителева был создан Ставропольский объединенный краеведческий музей имени Г.К. Праве, в фондах которого с тех пор хранится собранная им коллекция древностей разных времени и народов.

Директор Ставропольского краеведческого музея Н.А. Охонько сообщил на основании данных архива, что основная часть упомянутой коллекции попала в музей в период между 1910 и 1916 гг. Это собрание состоит из вещей, которые можно распределить между четырьмя большими регионально-хронологическими группами. Во-первых, это предметы египетского происхождения (статуэтки, амулеты и даже части мумии), во-вторых, средневековая группа (керамика, наконечники стрел и др.), в-третьих, предметы эпохи бронзы, видимо, из Минусинской котловины и, наконец, собрание античных древностей, охватывающее широкий исторический промежуток от эпохи архаики до заката античной культуры. Этому разделу коллекции и посвящена наша заметка.

Для каждой вещи в картотеке музея указано местонахождение. Помимо Северного Причерноморья упомянуты Помпеи и Египет (предметы из стекла).

Большое количество предметов значатся в каталоге как «греческий импорт в Скифию». Определения нечетки, а потому в нашей работе эти данные не использованы. Многие вещи коллекции — небольшого размера и хорошей сохранности, что может свидетельствовать об их происхождении из разрушенных погребальных комплексов.

Терракотные статуэтки, даже беспаспортные, являются ценным объектом исследования. В коллекции наряду с хрестоматийными для определенного этапа в истории коропластики образцами присутствуют довольно редкие типы, хронологию которых можно установить лишь по стилистическим особенностям. Так, например, статуэтка, изображающая сидящую фигуру в длинном одеянии, имеет явно архаический облик и находит близкие аналогии среди образцов так называемой восточной группы Фр. Винтера «стоящих и восседающих женских фигур» (*stehende und thronende weibliche Figuren*) (табл. I, б)¹. Необычна терракота, представляющая приземистую фигуру человека, одетую в длинный балахон, ниспадающий к ногам широкими складками. Руки прижимают к груди какой-то предмет (чашу?). Статуэтка двусторонняя, имеет по бокам отверстия, проделанные по сырой глине (табл. I, ж).

В коллекции есть фигурки, несомненно подражающие терракотам Танагры. В основном это статуэтки женщин. Почти все образцы выполнены из красной боспорской глины: к примеру, две женские фигурки (табл. I, в, е), головы которых утрачены, тела скрыты под многочисленными складками одежды, правая рука придерживает край ткани на левом плече. Насколько жива и тонка в передаче общего движения тела первая (тип последних танагрских по Г. Клейнеру — III в. до н.э.)², настолько плоскостна и схематична вторая, являющаяся, по-видимому, ее упрощенным, более поздним подражанием. По аналогии с образцом из Анапы мы датируем ее I в. до н.э.³ Эллинистическим временем (III — I вв. до н.э.) можно датировать статуэтку юноши (табл. I, з). Поза фигуры довольно сложная: правая нога несколько отставлена, так что вся опора тела приходится на левую; руки, судя по всему, были раскинуты в стороны. На шее — каплевидный налеп, обозначающий украшение в виде кулона (ср. терракотные изображения Афродиты)⁴. Представляется, что эта статуэтка изображает Эрота, держащего в руках зеркало⁵. К эпохе эллинизма, не позднее I в. до н.э., можно отнести еще две фрагментированные терракоты (табл. I, а; III, л)⁶. Почти во всех деталях повторяет головку Афродиты в стефане, найденную на городище Кепы в засыпке вала I в. н.э., фрагмент женской статуэтки из красной боспорской глины (табл. III, м)⁷.

Из-за многочисленных утрат трудна для определения другая статуэтка. Сохранилось изображение человечка во фригийском колпачке и кафтане (?) с застежкой на груди. Человечек (лицо полностью утрачено) сидит боком на спине какого-то существа, видимо птицы (табл. III, и). Полагаю, что перед нами Мэн в одежде Аттиса, сидящий на петухе; типичная фигурка I в. до н.э. — I в. н.э. Этот образ синкретического восточного божества, как отметила М.М. Кобылина, широко распространился в Причерноморье с I в. до н.э. Бог Мэн — лунное фригийское божество плодородия. Большинство подобных статуэток происходит из Пантикапея, но если сравнить нашу фигурку с опубликованными изображениями Мэна-Аттиса на петухе,

¹ *Winter Fr.* Die Typen der figürlichen Terracoten. Teil 1. Bd III. Berlin—Stuttgart, 1903. S. 43. № 2.

² *Kleiner G.* Tanagrafiguren. Untersuchungen zur hellenistischen Kunst und Geschichte. В., 1942. Taf. 19, 27.

³ *Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии // Терракотные статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. САИ. 1974. Вып. Г1—II. Табл. 55, 1.

⁴ *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотные статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. 1974. Вып. Г1—II. Табл. 23,3.

⁵ *Kleiner.* Op cit. Taf. 39, a, b.

⁶ *Белов Г.Д.* Терракоты из Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1—II. Табл. 14,5. С. 75.

⁷ *Николаева Э.Я.* Терракоты города Кеп // Терракотные статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. САИ. 1974. Вып. Г1—II. Табл. 10, 2. С. 15. № 28.

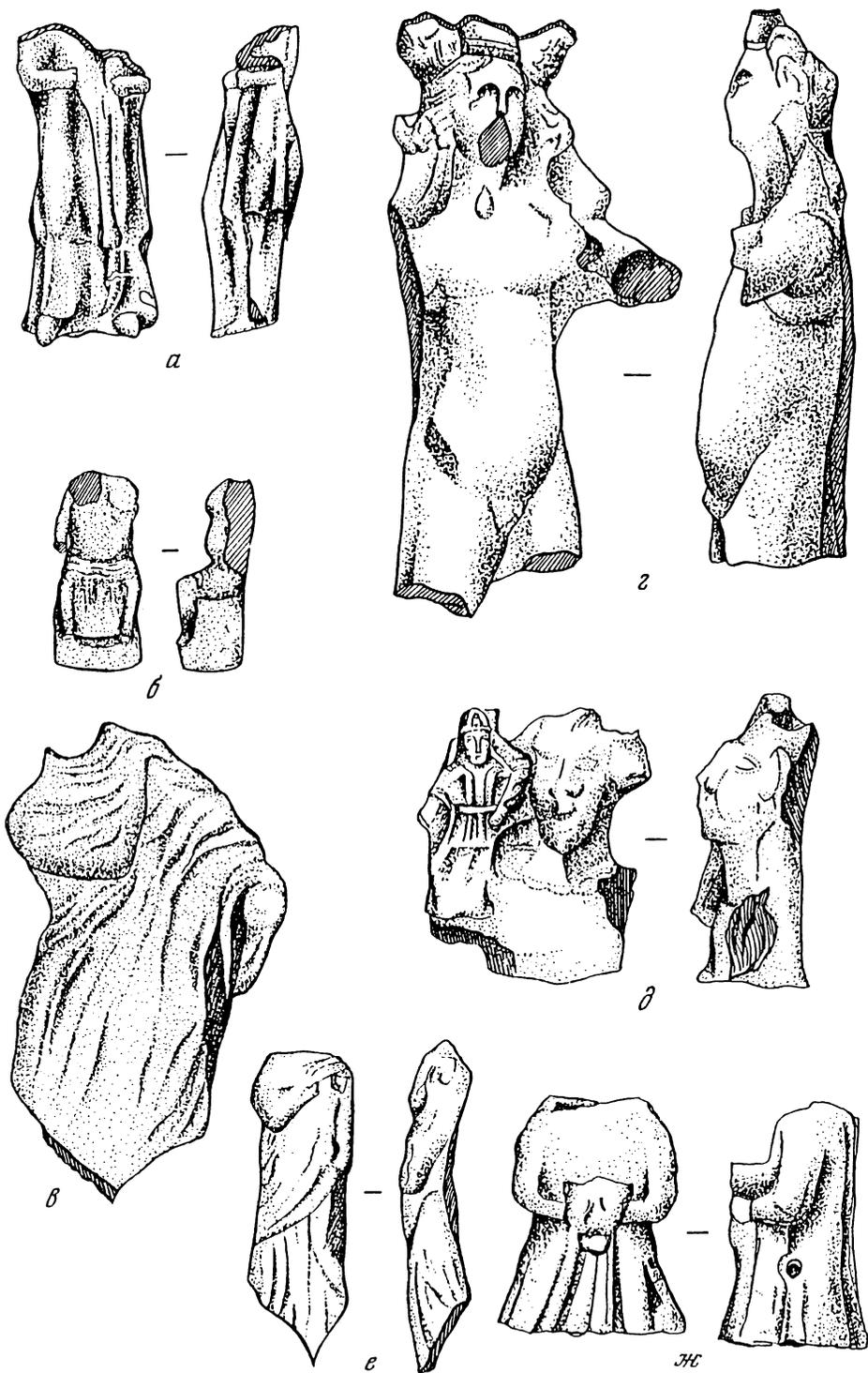

Рис. 1, а—ж — терракотовые статуэтки из собрания Ставропольского краеведческого музея

то обращают на себя внимание небольшие размеры птицы, ее тонкая, почти лебединая шея⁸.

В коллекции имеется изготовленная в форме маска довольно тонкой работы, изображающая округлое лицо с острым крючковатым носом и большими ушами (табл. III, д). Очень тщательная проработка мимической мускулатуры, полуоткрытый рот свидетельствуют о том, что перед нами маска актера⁹. В нижней части терракоты (один край утрачен) — два отверстия для крепления. Театральные маски, как и маски votивные, были тесно связаны с культом Диониса¹⁰. Не имея археологического контекста и за отсутствием близких аналогий, эта терракота может быть приблизительно датирована I—II вв. н.э.¹¹ Не исключено, что она была когда-то частью декора саркофага.

Как известно, в поздне римское время боспорская терракота постепенно отходит от античной традиции, ее вытесняют совершенно отличные по стилю статуэтки. В нашем распоряжении, например, имеется погрудное изображение человека с крупными чертами лица и большими оттопыренными ушами; на шее тонким инструментом по сырой глине прорисована витая гривна (табл. I, д). На его правом плече — фигурка человекка с непропорционально крупной головой в полный рост, одетого в кафтан с поясом. В левой полусогнутой руке человек держит непонятный продолговатый предмет. На одежде горизонтальными полосами обозначены какие-то детали. Головной убор, почти конической формы, состоит из жгутов или полос (шлем?). Похоже, что эта фигурка одета в доспех. По стилю исполнения нашу статуэтку следует датировать II—III вв. н.э.¹²

Светильники в коллекции представлены образцами эллинистического и в основном римского времени. Большая часть этих типов хорошо известна по раскопкам античных памятников в Северном Причерноморье. Красноглиняный светильник в виде головы Силена за отсутствием археологического контекста может датироваться довольно широко (табл. III, к). В слоях Афинской агоры фигурные лампы встречаются в период, предшествующий сулланскому разгрому¹³. Известно также о производстве этих светильников в первые века нашей эры. По аналогии со светильником из Херсонеса наш образец, видимо, надо датировать римским временем¹⁴. Не менее известен тип двухрожкового сероглиняного светильника (табл. II, е), каждый носик которого украшен пальмовыми веточками. О.Ф. Вальдгаузэр отмечал, что он является непосредственным подражанием римским светильникам стиля буккери, и относил его к типу эллинистических ламп группы «А» (III—II вв. до н.э.)¹⁵.

В первые века нашей эры в городах Северного Причерноморья получают распространение закрытые светильники с удлинённым рожком и петлевидной ручкой с противоположной стороны, получившие название южнорусских ламп. По форме к этому типу можно отнести два образца. Правда, по глине и декору различие между ними значительно (табл. II, д, ж): один изготовлен из грубой шероховатой глины, другой — из довольно тонкой серой глины. К тому же поверхность носика второго светильника украшена рядами налепов, на тулове имеется орнамент в виде значков-монограмм¹⁶. Почти синхронно с ними в I—II вв. бытуют закрытые светильники округлой формы с петлевидной ручкой (табл. II, а), обычно

⁸ *Кобылина М.М.* Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. Рис. 29, 30.

⁹ *Финогенова С.И.* Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. С. 200.

¹⁰ Там же. С. 201.

¹¹ *Силантьева.* Ук. соч. Табл. 43, с. 33 сл.

¹² *Марченко И.Д.* Marionетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. Вып. Г1—II. 1974. Табл. 55, 7.8. С. 45—46.

¹³ *Howland R.H.* Greek Lamps and their Survivals // The Athenian Agora. 1958. V. 4. P. 155—157.

¹⁴ *Вальдгаузэр О.Ф.* Античные глиняные светильники. СПб., 1914. С. 17.

¹⁵ Там же. Табл. VI. № 62, 63. С. 24 сл.

¹⁶ Там же. Табл. V. № 58. С. 24—25. *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. Табл. XI, 2.

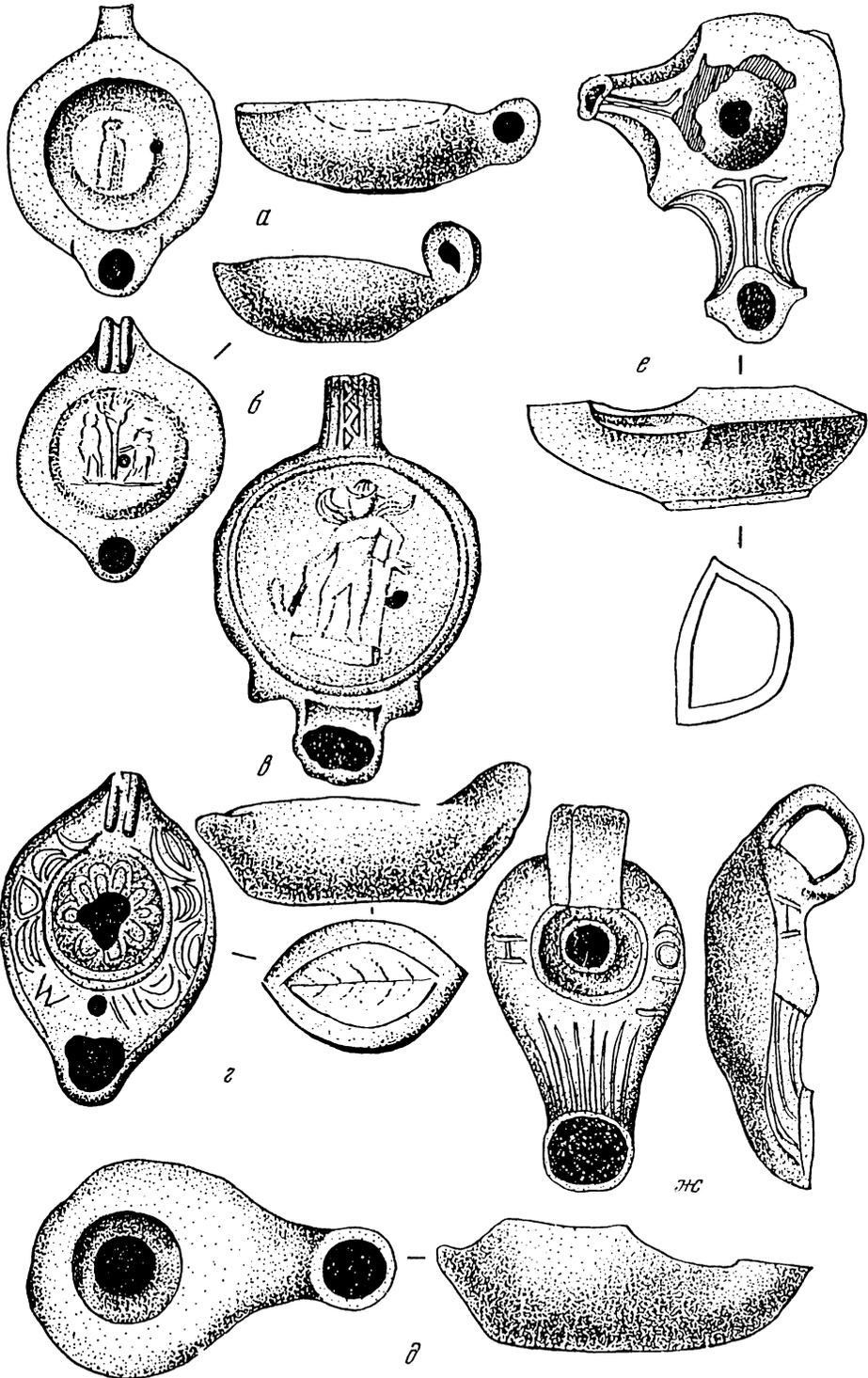

Рис. 2. а—ж — глиняные светильники античного времени из собрания Ставропольского краеведческого музея

изготавливавшиеся в форме, причем щиток-медальон с изображением (в данном случае оно сохранилось плохо) оттискивался отдельно и затем закреплялся в корпусе светильника¹⁷. На вставке другого светильника (табл. II, б) аналогичной формы изображение более четкое: в центре медальона показан большой пылающий факел, который с двух сторон поддерживают две небольшие фигурки — участники какого-то ритуального обряда.

Закрытый красноглиняный светильник округлой формы, на щитке которого сохранилось изображение крылатого Эрота, держащего в одной руке пылающий факел, а в другой неясный предмет, с уверенностью можно датировать первой половиной IV в. н.э. Судя по аналогиям из слоев Афинской агоры, во второй руке он держал патеру¹⁸. Поверхность петлевидной ручки светильника украшал орнамент типа «волчий зуб». По обеим сторонам носика имеются два выступа, которые на афинских прототипах изображены завитками. Таким образом, рассмотренный образец является местным, боспорским подражанием средиземноморским светильникам, пользовавшимся большой популярностью в городах Северного Причерноморья (табл. II, в). Как копирование следует рассматривать и другой красноглиняный светильник. Близкое к ладьевидной форме тулово украшено по краю цепочкой дугообразных линий. В центре щитка отгиснута многолепестковая розетка, на дне лампы — изображение в виде листка (табл. II, г). На дне ламп-прототипов из слоев второй половины IV в. на Афинской агоре обычно помещалось имя мастера¹⁹.

Типы столовой посуды в античной коллекции Ставропольского музея настолько разнообразны, что представляется невозможным в рамках небольшой статьи остановиться подробно на каждом образце. Также пришлось опустить почти весь иллюстративный материал по этому разделу, ограничившись ссылками на работы, где были опубликованы однотипные вещи с достаточно узкой датировкой. К примеру, четыре фрагмента неглубоких тарелок диаметром 13—15 см, украшенные полосами лакообразной краски как по краю, так и на внутренней поверхности, характерны для причерноморских памятников архаического времени²⁰. Почти по самому краю тарелок, видимо, еще до обжига, были проделаны два отверстия для подвешивания (предполагается, что эти тарелки имели votивный характер). Довольно широко в архаическое время были распространены небольшие лекифы с округлым туловом и широким, почти равным диаметру тулова венчиком. Аналогичной формы сосудики были обычной находкой в погребениях первой половины — середины VI в. до н.э. некрополя Коринфа²¹. Наш лекиф изготовлен из тонкой бежевой глины и в отличие от образцов из коринфского некрополя не расписан в чернофигурном стиле, а просто окрашен матовым без блеска черным лаком.

Более многочисленна подборка лекифов IV — самого начала III в. до н.э. Арибаллические лекифы (высотой 7—9 см) украшены росписью в виде пальметки²² либо сетчатым орнаментом. Самым началом III в. до н.э., судя по всему, датируется фрагмент горла чернолакового лекифа²³, а также археологически целый лекиф с шарообразным туловом (высота 14 см)²⁴. Не менее распространенные лекифы с цилиндрическим туловом представлены лишь одним невыразительным фрагментом, который может быть отнесен к самым поздним разновидностям, датируемым второй половиной V в. до н.э.

Большую часть чернолаковой посуды — тарелок, солонок и рыбных блюд —

¹⁷ *Pertlweil L. Lamps of the Roman period. First to seventh century after Christ // The Athenian Agora. 1961. V. 7. Pl. 5, 6.*

¹⁸ *Ibid. № 725—748.*

¹⁹ *Ibid. № 1836.*

²⁰ *Histria. 1966. II. Pl. 62—63. № 695, 696, 679, 697, 706.*

²¹ *Blegen C.W. et al. The North Cemetery of Corinth // Corinth. 1964. V. 13. Pl. 28, 5, 6; Pl. 30, h.*

²² Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947—1949 гг. София, 1963. С. 108—116. Вар. «Г» и «Ж».

²³ *Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 107. Тип. 2.*

²⁴ Аполония. С. 132. Тип. IV, № 206.

по аналогии с материалами Афинской агоры²⁵ можно отнести ко второй половине V — первой половине IV в. до н.э. Более гоздня чернотаковая посуда такому точному определению не поддается, потому что в этот период (III — II вв. до н.э.) возникает значительное количество мастерских, производящих чернотаковую керамику за пределами Аттики. Их продукция изучена недостаточно тщательно, и поэтому узкая датировка этой керамики вне археологического контекста сейчас едва ли возможна. Подробнее остановимся на образцах с разнообразными пометками, нанесенными по черному лаку после обжига.

Часть граффити представляет собой монограммы, под которыми могло скрываться имя владельца или божества, которому посвящался данный предмет. Так, например, на поддоне тарелки середины IV в. до н.э.²⁶ процарапано сочетание из двух алфв — АА (табл. III, з), соединенных между собой у основания и вершинами. Интерпретация этой монограммы в зависимости от расшифровки может быть различной. В частности, при чтении АГА граффито можно рассматривать как начальные буквы имени владельца: как посвящение Аполлону и Артемиде оно выглядит при чтении АПА²⁷. На дне другой чернотаковой тарелки²⁸, украшенной штампованным орнаментом, имеется довольно сложное для интерпретации граффито. Оно состоит из трех тамгообразных знаков, которые группируются вокруг центра основания (табл. III, а). Один из значков напоминает «сигму». На доньшках двух чашечек-солонок второй половины V в. до н.э.²⁹ были прочерчены граффити в виде отдельных знаков (табл. III, б, в). Аналогично, вокруг центра донца, группировались граффити на чернотаковой тарелке, датированной около 375 г. до н.э.³⁰ (табл. III, ж). Наряду с буквами ρ и α в лигатуре (посвящение Артемиде?)³¹ здесь сохранился значок, процарапанный довольно неуверенной рукой. Чернотаковая тарелка, украшенная штампованным орнаментом, состоящим из дуг, пальметок, окружностей и рубчика, меняла, по всей видимости, своего владельца, потому что на ее донце рядом со значком, похожим на греческую «сигму», мы видим следы от уничтоженной надписи (табл. III, е). Непонятно значение граффито на донце тарелки, предположительно III в. до н.э., с почти несохранившимся штампованным орнаментом. Дело в том, что к наклонной составляющей буквы *ню* четко под прямым углом прочерчена небольшая палочка (табл. III, з).

Керамика, выполненная в стиле посуды «западного склона» (*west slope ware*), представлена двумя образцами. Это фрагмент кувшина и обломок венчика кубковидного сосуда с прямыми стенками³², украшенные столь характерной для керамики этого типа гирляндой из виноградных листьев.

Довольно обширна коллекция унгентариев — небольших керамических и стеклянных сосудиков для благовоний и масел. Керамические унгентарии появляются в погребальных комплексах в конце IV в. до н.э., вытесняя чернотаковые лекифы, и существуют до римского времени, когда их в основном сменяют стеклянные флаконы. Самые ранние образцы отсутствуют в нашей коллекции. Напротив, многочисленны типы, датируемые М. Парович-Пешикан концом IV — началом II в. до н.э.³³ Среди стеклянных унгентариев лучше представлены формы, характерные для II—III вв. н.э.³⁴, и лишь два могут быть датированы I — началом II в. н.э.³⁵

²⁵ Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. V. 12.

²⁶ Ibid. № 1057.

²⁷ Граффити античного Херсонеса (на чернотаковых сосудах). Киев, 1978. № 144, 871. С. 20. № 86, 102.

²⁸ Sparkes, Talcott. Op. cit. № 1057.

²⁹ Ibid. № 818, 870.

³⁰ Ibid. № 1049.

³¹ Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. № 274.

³² Schäfer J. Hellenistische Keramik aus Pergamon. В., 1968. S. 58. D. 53.

³³ Парович-Пешикан. Ук. соч. С. 110 сл. Типы III, IV, VI. Рис. 94, 2, 3, 6; 95, 2.

³⁴ Сорокина Н.П. Стеклоделие античного мира первых веков н.э. (основные проблемы): Дис ... д-ра ист. наук. 1986. Архив ИА АН СССР. р-1. № 2397. Табл. 14, № 16; Табл. 33, № 13; Табл. 37, № 76; Табл. 73; Табл. 86. Тип. 1. Группа 2. Вар. Б.

³⁵ Там же. Табл. 33, № 86; Табл. 37, № 27.

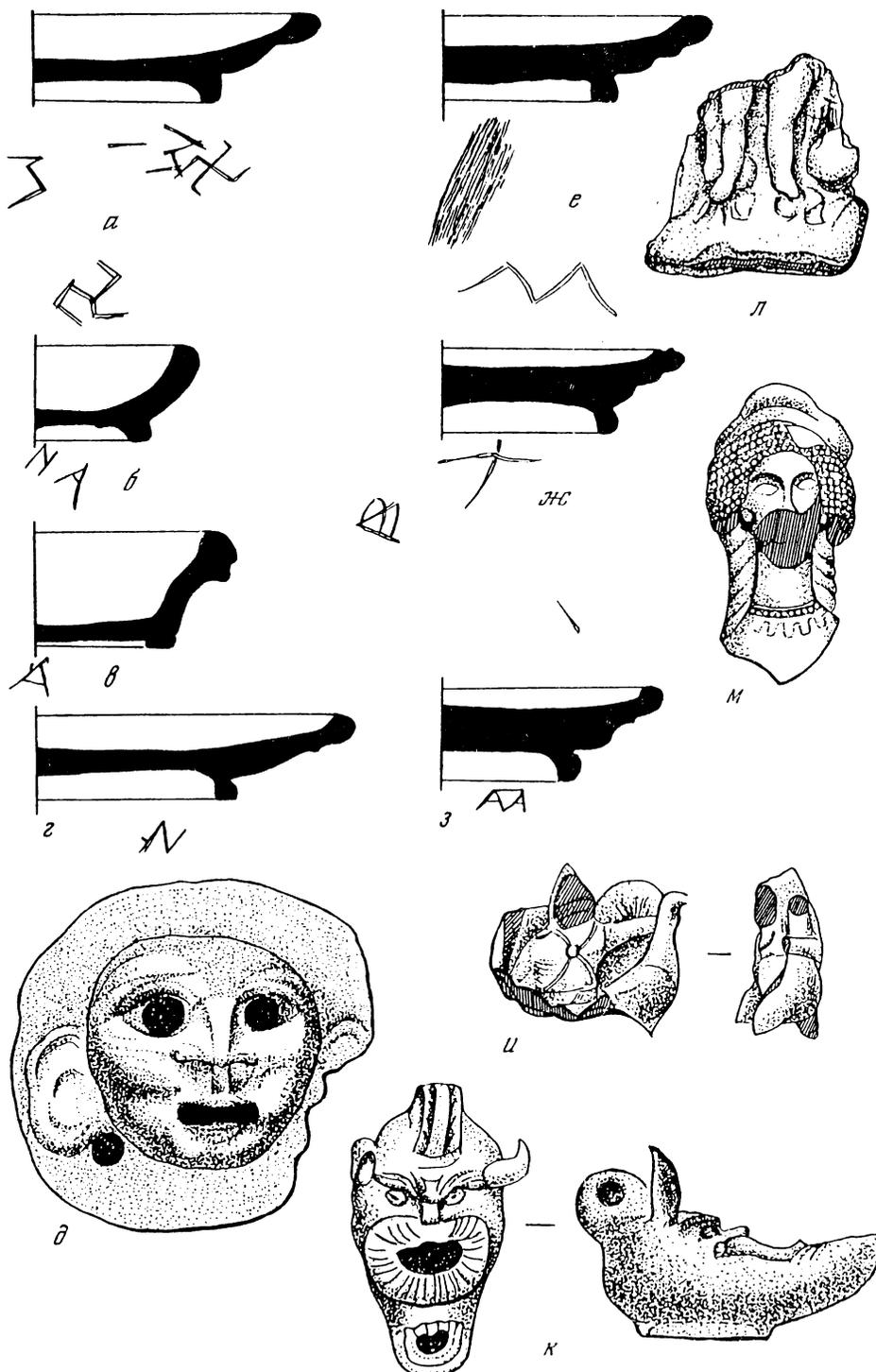

Рис. 3, а, б, в, г, е, ж, з — граффити на аттической чернолаковой посуде; д — терракотовая маска; и, к, л, м — терракотовые статуэтки из собрания Ставропольского краеведческого музея

На рубеже нашей эры широкое распространение получила краснолаковая керамика. Самым ранним образцом в коллекции является фрагмент ручки краснолакового канфара, имеющего выступ-упор подтреугольной формы и два волутообразных завитка у основания. Эти канфары производили в мастерских Малой Азии, причем упомянутые выше волуты датируют их первой половиной I в. н.э.³⁶ Глубокие, почти колоколовидной формы чашки — одна из самых изученных форм в краснолаковой керамике — представлены в коллекции, во-первых, своей ранней разновидностью (вторая половина I в. н.э.)³⁷. Эта чашка покрыта хорошим красным лаком, край ее стлится от двух других имеющихся в коллекции образцов усложненной профилировкой (поддон, к сожалению, не сохранился). Во-вторых, это два уже упомянутых фрагмента, датируемых II в. н.э.³⁸

Несколько необычна форма краснолаковой миски, имеющей довольно широкий отогнутый наружу край вместо вертикального бортика. Близкая по форме миска была извлечена из погребения 12 Кызаульского некрополя, датированного В.Ф. Гайдукевичем I—II вв. н.э.³⁹

Самым излюбленным типом, как отмечала в свое время Т.Н. Книпович, были тарелки на маленькой подставке и с вертикальным бортиком. В нашем распоряжении имеются следующие разновидности. Тарелка, покрытая красным лаком с металлическим блеском, с характерными мягкими очертаниями и невысоким вертикальным бортиком (II—IV вв. н.э.)⁴⁰. Другая тарелка близка первой по своим пропорциям. На поверхности, покрытой красным лаком с металлическим блеском, заметны следы лопнувших при обжиге пузырьков воздуха. Тарелка украшена тисненым орнаментом, состоящим из круглого клейма в центре и полосы-рубчика вокруг него. Это клеймо, судя по всему, можно отнести к группе I (стиль пальмовая ветвь), датируемой Дж. Хейсом 360—450 гг. н.э.⁴¹ Ко II и III группам, по Дж. Хейсу, можно отнести клеймо в виде креста с буквами α и ω у его основания, оттиснутого в центре краснолаковой тарелки. Ее полный профиль, к сожалению, не сохранился, но по клейму она может быть датирована 470—580 гг. н.э.⁴² Отметим, что оба описанных выше клейма встречаются на тарелках, которые были объединены Ф.О. Вааге в группу позднеримской посуды типа «С».⁴³

Коллекции Ставропольского краеведческого музея регулярно пополняются интересными экспонатами в результате деятельности археологических экспедиций.

А.А. Мальшев

³⁶ *Knipowitsch T.* Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres // *Materialien zur römisch-germanischen Keramik.* Frankfurt am Main. 1929. Abb. 6, 1; *Hochuli-Gysel A.* Späthellenistische und Frühkaiserliche Reliefkeramik in der Prähistorischen Staatssammlung in München // *Bayerische Vorgeschichtsblätter.* 44. Abb. 1, 3.

³⁷ *Robinson H.S.* Pottery of the Roman period // *The Athenian Agora.* 1959. V. 5. G. 70.

³⁸ *Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // *МИА.* 1952. 25. Рис. 3, з.

³⁹ *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // *МИА.* 1959. 69. С. 204. Рис. 79, 1.

⁴⁰ *Книпович.* Ук. соч. С. 31. Тип 9А(Т).

⁴¹ *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. L., 1972. P. 350. Fig. 72, g.

⁴² *Ibid.* P. 349.

⁴³ *Waage F.O.* The American Excavation in the Athenian Agora. First Report: The Roman and Byzantine Pottery // *Hesperia.* 1933. 2.

COLLECTION OF ANTIQUITIES
OF THE STAVROPOL HISTORICAL MUSEUM

A.A. Malyshev

The article considers the ancient exhibits of the collection of antiquities gathered by G.N. Prozritelev, founder of the Stavropol Historical Museum named after G.K. Prave. The collection includes Bosporan imitations of Tanagra terracottas (fig. 1 *c, f*), typically Bosporan types of terracottas (figs. 1 *e* and 3 *j*), etc. Most of the lamps in the collection belong to the Roman times: a lamp shaped in the form of Selene's head (fig. 3 *k*), lamps of the South-Russian type (fig. 2 *e, h*), rounded lamps with designs in relief on the cover (fig. 2 *a, b*). Ancient utensils are of diverse shapes. Some ceramic objects manufactured in Attica have graffiti in the form of signs and monograms (fig. 3 *a, b, c, d, f, h, i*).

© 1993 г.

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ (Конференция в Дельфах, 4—9 апреля 1992 г.)

Крупнейшая научная организация, занимающаяся проблемой общеевропейской интеграции курсов истории в школьных учебниках — Институт Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников (Georg-Eckert-Institut für internationale Schulbuchforschung, Braunschweig) организовала с 4 по 9 апреля 1992 г. в Дельфах (Греция) международную конференцию на тему «Единство античности? К изображению истории древнего мира в учебниках европейских стран. Ситуация и предложения». Вместе с этим институтом организатором конференции выступил также Европейский культурный центр в Дельфах (European Cultural Centre at Delphi) — известный международный фонд, ставящий целью культурную и духовную интеграцию Европы.

На конференции был рассмотрен большой круг вопросов, связанных с преподаванием античной истории в средней и высшей школе. В работе конференции приняло участие около 40 ученых из Греции, Германии, Великобритании, Швейцарии, Италии, Франции, Румынии, Чехо-Словакии, Латвии и России. Тематика конференции отчетливо подразделялась на две части. В первой части прозвучали чисто научные доклады, посвященные единству античного мира и возможности изучать и преподавать его историю, не расчленяя ее по хронологическому принципу (история Греции, история Рима), а изучая сквозные проблемы истории древнего мира. На конференции были также прочитаны доклады, в которых преподаватели средних учебных заведений и дидактики обсуждали вопросы методики преподавания античных дисциплин в школах.

Расскажем сначала о докладах первой, историко-научной части конференции.

Одно из заседаний конференции было посвящено социальной истории античного мира. Профессор Ливерпульского университета *Дж.К. Дейвис* представил доклад «Социальная история Греции и Рима: сходства и различия», в котором попытался показать, в каких аспектах эта история может быть представлена как общая для всего античного мира. По его мнению, нельзя отрывать римскую историю от греческой, поскольку они обе составляют единый во времени и пространстве континуум (это касается, например, таких сквозных проблем, как «полис и цивитас», рабство, богатство и его характеристики, иерархия человеческих потребностей и т.д.).

Профессор Бернского университета *Х.Е. Херциг* в докладе «Старый человек в греко-римской античности» проследил отношение к старости в различные периоды античности, вычленил парадигму образа старика (от старца как докучливого зануды, впадающего в детство, до мудреца, постигшего тайны мироздания).

Профессор Констанцкого университета (ФРГ) *В. Шуллер* выступил с докладом «Политическая и социальная роль женщины. Сравнение между Грецией и Римом», где ратовал за включение истории женщин в общую историю античности, так как, хотя их роль в обществе и была второстепенной, они на протяжении всей античности участвовали, и довольно заметно, в экономической и социальной жизни.

Часть докладов была посвящена сравнительному изучению греческой гегемонии и римской империи. Профессор Марбургского университета *Р.М. Эррингтон* прочел доклад «О структуре античных межгосударственных отношений», в котором он предложил антропологический взгляд на проблему межгосударственных отношений (роль отдельного человека, личностных связей в межгосударственных связях, инсти-

туда проксении и т.д.). При этом он обнаруживает большие различия в этом плане между греческим обществом и римским — личные отношения играли большую роль в Греции, чем в Риме, где механизмы внешнеполитических отношений были совсем иными.

В докладе доктора *Ж. Адельбера* (г. Ванв, Франция) «Римский империализм в сравнении с Афинским морским союзом или державой Александра» рассматривается понятие «империализм» в применении к античности. Автор находит больше сходства между империализмом Афин и Рима, нежели между последним и Македонией: экспансионистская политика Александра Македонского кажется ему продиктованной более личным честолюбием царя, хотя общеполитические и экономические обстоятельства также играли определенную роль в развитии событий.

Доклад профессора Ионийского университета *П. Дукелиса* «Древняя и современная история: пример римского экспансионизма» посвящен анализу терминов «империализм» и «экспансионизм», как они рассматривались в исторической и политической мысли XIX (Моммзен) и XX веков, в том числе в марксистской историографии.

Профессор Потсдамского университета *Х. Дитер* в докладе «"Койне эйрене" и "пакс романа"», сравнив Коринфский союз во главе с Филиппом II с «римским миром», отмечает в последнем ряд черт (humanitas, цивилизаторская роль этого «мира» и др.), отсутствующих в κοινή εἰρήνη.

В докладе профессора Мюнстерского университета *П. Функе* «Союзы государств и союзные государства. Надгородские структуры власти в Греции и Риме» прослежено, как начиная с III в. до н.э. под угрозой извне многочисленные греческие полисы стали объединяться в надполисные союзные системы. Автор считает ложной схему, согласно которой есть греческая демократия и римская империя, а между ними особый случай с Александром; в греческом федеративном мире была распространена многовариантность связей и конституций. П. Функе сравнил эту ситуацию с политическим состоянием бывшего Советского Союза, где идет борьба между федерализмом и регионализмом, ведутся поиски приемлемого разделения компетенций властей всех уровней.

В секции «Культура и религия» также было прочитано несколько докладов, посвященных единству античной цивилизации. Так, в докладе профессора Туринского университета *Л. Гракко Руджини* «Эллинизм и науки в римской империи» была сделана попытка проследить, как культура (в данном случае — научные данные) передаются от побежденного народа к народу-победителю, какие стимулы существовали в том и другом обществе для развития науки и техники.

Доклад профессора университета в Зигене (ФРГ) *Т. Хантос* «Делос как пример культурного и торгового центра» был посвящен итогам раскопок на Делосе агоры италиков, представлен интересный материал, характеризующий самосознание членов италийской общины в условиях иноэтнического окружения.

В докладе профессора Критского университета *Д. Куртутаса* «Религиозная терпимость и нетерпимость в античном мире» анализируются случаи преследования за веру от древних иудеев до язычников при христианских императорах. Для античности характерно, что политические свободы не имели ничего общего с религиозными правами: при общей веротерпимости, как только религия начинала соприкасаться с политикой, носители религиозно-политической оппозиции наказывались.

Профессор Афинского университета *П. Атанассиади* представила доклад «От полиса к теополису. Школьные программы и методы обучения в античности», где она подробно рассмотрела системы образования в Греции и Риме. Отличие греческого «духа» от римского Атанассиади усматривает в том, что греки упражняли тело, душу и интеллект в поисках фантазмы, бога, а римляне — в поисках пользы.

Доклад доктора *С. Кириакидиса* из университета в Салониках «Произведения искусства как связующий элемент в греко-римских культурных связях» показал, как ограбленная Греция своими художественными богатствами оплодотворила вкусы и эстетические представления римлян, создав для них новую художественную среду.

Еще одна секция была посвящена проблемам участия граждан в политической системе античности и античным городам.

Профессор Афинского университета *К. Бураселис* представил доклад «Царские флоры и апісі императора. Сходства и различия между эллинистической и римской

моделями монархического правления», в котором исследовал этот своеобразный политический институт власти и констатировал сильное сходство в этом отношении эллинистических монархий и римской империи.

В докладе профессора Тюбингенского университета *Ф. Кольба* «Город в греческом и римском мире. Типологическое единство или многовариантность?» исследуется широко бытующее в науке и образовании представление о полисе и римской *civitas* как «городе-государстве», что на самом деле не столь однозначно. Ведь некоторые полисы могли иметь несколько городов и, наоборот, некоторые неполисные поселения (типа *ἄστυ* или *orridum*) могли иметь развитую городскую структуру.

Профессор Афинского университета *А. Раму-Хансиади* в своем докладе «Античный полис как форма государства. Образование, развитие, упадок» попыталась дать очерк развития этой формы государственности на протяжении всего развития греческого общества.

Некоторые доклады этой секции рассматривали не только чисто научные проблемы, но и методику и формы подачи исторического материала, что служило как бы мостиком к циклу докладов дидактической направленности.

Так, в докладе профессоров Миланского университета *М. Маззи* и *П. Азиани* «Политико-социальные институты в Греции и Риме. Проблема неравномерности изображения в школьных учебниках» речь шла о том, как в современных школьных учебниках подается социальная история античности, и об опыте написания нового школьного учебника.

Доклад профессора Национального исследовательского фонда (Афины) *М. Хамцопулоса* «"Этнос" и "басилейя" в Северной Греции» много места уделяет борьбе против афиноцентризма школьных учебников. «Афинская демократия» как всеобъемлющая модель политического устройства Греции, по мнению докладчика, неверна, существовало и множество других политических моделей.

Доклад проф. Салоникского университета *И. Тулмакоса* «Изображение Македонии и Александра Великого в учебниках европейских стран» содержит наблюдения над 20 школьными учебниками разных стран Европы в той их части, где они описывают македонский период греческой истории; автор критикует крайности как марксистского, так и западного «классицистически ориентированного» взгляда на проблему и пытается найти средний путь.

Наконец, в докладе доктора *С. Маркианоса* (учителя гимназии в Дельфах) «Древнегреческий город. Выбор материала и его подача в школьном обучении» проблема греческого полиса была максимально приближена к нуждам школьного преподавания и носила прикладной, дидактический характер.

И здесь уместно обратиться к циклу докладов непосредственно о преподавании антиковедческих дисциплин в школе.

Этот цикл был открыт на первом же заседании организаторами конференции доктором *Ф. Пингелем* (Институт Георга-Эккерта, Брауншвейг) и проф. университета в Яннине *Э. Хрисосом*, которые, обрисовав безрадостные перспективы сокращения часов на преподавание античной истории в средних школах Западной Европы (и США), призвали участников конференции подумать над возможностями интенсификации преподавания античной истории, углубления ее гуманистического, воспитательного, интегрирующего значения.

В докладах английских преподавателей *Дж. Стоуна* и *Дж. Толи* (Thorley, он является также президентом недавно созданной общеевропейской ассоциации школьных преподавателей древних языков Euroclassica) была представлена информация о преподавании античной истории, археологии и латинского языка в британских средних школах, как в государственных, так и в частных, о создании новой национальной программы по этому предмету, об опыте работы с учениками 8-летнего возраста, о роли «британской античности» в пробуждении интереса к античности и т.д.

О проекте единого для всех европейских учеников от Португалии до Урала учебника по истории Европы выступил доктор *Ф. Ворос* (Педагогический институт, Афины). Предполагается, что специалисты из каждой страны сами напишут разделы, касающиеся своей истории.

Особую секцию организаторы конференции посвятили изучению опыта и задач, стоящих перед составителями новых учебников и учебных пособий по античной истории в странах Центральной и Восточной Европы.

В докладе германских дидактиков доктора *Д. Клозе* и *Р. Нойхауза* (университет в Потсдаме) анализировалась ситуация, возникшая в школах бывшей ГДР под воздействием коммунистической идеологии, когда почти единственным оправданием существования истории древнего мира и средних веков в средних школах была собственно легитимизация существующего строя и режима, широко практиковавшаяся в рамках этих программ. Приводились интересные результаты опросов школьников о задачах и смысле изучения античности.

На этой секции с близкими по сути анализами прошлых программ преподавания античной истории в школе выступили также проф. *В. Кратохвил* (университет в Братиславе) с докладом «Античная история в школьных учебниках и программах Чехо-Словакии», *А. Аврам* (Румынская Академия наук) с докладом «Греко-римская античность в румынских школьных учебниках», доктор *И. Мизанс* (университет в Риге) с докладом «Новые учебники античной истории и роль национального фактора в историческом самосознании в Латвии». Во всех упомянутых здесь докладах анализировались современные тенденции в развитии этого школьного предмета, освобождение его от уз партийного догматизма, ставились задачи выработки новых программ и написания новых учебников.

Два доклада были посвящены положению дел в российской средней школе. Доктор *Л. Жмудь* (директор классической гимназии в Санкт-Петербурге) выступил с докладом «Классическое образование в России — для чего снова?», в котором помимо обзора положения в классическом образовании в средней школе России в последнем столетии содержался также рассказ о смысле и формах работы первой в России классической гимназии с полным набором предметов классического цикла. *А.В. Подосинов* (Москва) сделал сообщение «О современных тенденциях в преподавании античной истории в российской средней школе», где рассказал о своем опыте и опыте своих коллег в преподавании древних языков и античной культуры в школах с углубленным изучением гуманитарных предметов.

В последний день конференции была проведена так называемая Podium-дискуссия, в ходе которой участники должны были высказать свое мнение по нескольким принципиальным вопросам преподавания античности в средней школе, поставленным в краткой и энергичной форме проф. *Ф. Пингелем* (наука и преподавание, роль учебников и учителей в учебном процессе, зависимость изложения материала от возраста учеников, уровня школы и т.д., сочетание региональной и всеобщей истории, способ подачи материала: статический или эволюционный, сущность понимания единства античности: новый подход? научный подход? дидактический подход? и т.д.). Естественно, что ответы иногда были противоположными по смыслу, хотя по основным пунктам выявилось значительное согласие.

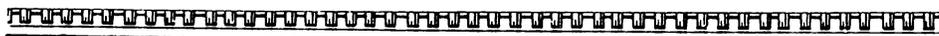
Выработанные рекомендации и методические приемы, возможно, помогут ученым европейских стран в создании новых интегрированных подходов в изложении и преподавании истории древнего мира во всей Европе. В частности, участники конференции были едины во мнении, что древняя история Европы должна изучаться в рамках средней школы дважды: один раз в 5-м—6-м классах по хронологическому принципу, в доступной для школьников образно-эмоциональной форме с упором на антропологический аспект истории (при этом необходимо добиться разумного сочетания политической и социально-экономической тематики в изложении); второй раз основные сквозные проблемы истории древнего мира должны изучаться в старших классах в рамках курсов истории европейской цивилизации или социологических курсов, где проблемы социально-политической, экономической и культурной истории могли бы быть рассмотрены на более высоком теоретико-методологическом уровне.

Все участники конференции были согласны в том, что курс античной истории в средней школе нельзя превращать в *Erwähnungsgeschichte* и что социально-экономический аспект этой истории, изучение которого в немалой степени заслуга марксистской историографии, не должен быть автоматически выброшен из курсов античной истории вместе с действительными извращениями вульгарного марксизма сталинского толка.

В условиях ускоряющейся интеграции отечественной культуры и образования в общеевропейские структуры и необходимости пересмотра учебных планов, программ и учебников для средней школы, выработанные рекомендации могут оказаться полезными и в реформе нашей школы.

А.В. Подосинов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1993 г.

TATIANI

ORATIO AD GRAECOS

TATIАН

СЛОВО К ЭЛЛИНАМ

Перевод с древнегреческого и комментарии

Д.Е. Афиногенова*

18. Лекарственное же искусство и все виды его относятся к тем же ухищрениям. Ведь если кто-нибудь исцеляется веществом, веруя ему, он еще вернее будет исцелен, обратившись к силе Божией. Ибо как яды суть вещественные составы, так и исцеляемое имеет ту же природу. Если же мы отвергаем низшее вещество, то ведь некоторые зачастую занимаются врачеванием, примешивая к одному злу другое, и пользуются хоть и злом, но на благо. Однако же как сотрапезник разбойника, хотя бы сам и не был разбойником, но за то, что делил с ним стол, получает свое наказание, тем же образом и человек не дурной, но ставший заодно с дурным, воспользовавшись им для предполагаемого добра, из-за сообщества с этим дурным будет наказан Богом, судьей его. Ибо почему верящий устройению вещества не желает поверить Богу? Чего ради ты не приходишь к более могущественному Владыке, но лечишься, словно пес с помощью травы, олень с помощью гадюки, свинья с помощью речных раков, а лев — обезьян? И зачем ты обожествляешь мирские вещи? И почему зовешься благодетелем, исцеляя ближнего? Следуй силе Слова — демоны не исцеляют, но

* Окончание. Начало см. ВДИ. 1993. № 1.

пленяют людей искусством, и дивный Иустин⁴⁶ верно выразился, что упомянутые демоны подобны разбойникам. Ибо как у тех в обычае ловить кого-нибудь живьем, а потом возвращать близким за выкуп, так и эти якобы боги, напав на чьи-либо члены, затем, заботясь о собственной славе, в сновидениях приказывают (людям) выйти принародно, на виду у всех, и когда насладятся восхвалениями, удаляются из недужных, прекращая болезнь, ими самими устроенную, и возвращая людей в их прежнее состояние.

19. Вы же, не имея понятия об этом, учитесь у нас, знающих — хоть бы и говорите, что презираете смерть, и упражняетесь в самодостаточности. Ведь ваши философы настолько далеки от этого, что получают от римских императоров по шестьсот золотых в год ни за что полезное, кроме как за то, что попусту отпускают бороду. Вот и Кресцент, угнездившийся в Великом городе, всех превзошел мужеложеством, да и в сребролюбии был весьма прилежен. Советуя же презирать смерть, он сам настолько ее боялся, что старался предать Иустина (как и меня) смерти, словно чему-то дурному, потому что тот, возвещая истину, обличал философов как жадных обманщиков⁴⁷. Да кому и следовало преследовать философа, как не вам одним? Так что если вы говорите, что не нужно бояться смерти, то, приобщившись к нашему учению, умирайте не ради человеческого славобесия, как Анаксарх⁴⁸, но презирайте смерть ради познания Бога.

Ибо устройство мира прекрасно, жительство же, которое в нем, дурно, и можно видеть, как не знающие Бога словно бы заискивают перед зрителями на празднестве. Ведь что есть гадание? Почему вы обманываетесь им? Потому что оно твой прислужник для мирского стяжания. Ты хочешь воевать и советчиком в убийствах берешь Аполлона, хочешь похитить девушку — и выбираешь демона, чтобы он содействовал тебе. Болеешь по собственной вине и, как Агамемнон, хочешь иметь с собою «десять советников» — богов. Женщина, выпив воды, беснуется, вне себя от воскурений⁴⁹, а ты говоришь, что она пророчествует. Аполлон был предсказатель и учитель гадающих — но с Дафной он обманул сам себя. Скажи мне, дуб пророчествует и птицы тоже предсказывают, а ты меньше животных и растений? Значит, добро тебе стать гадательным деревом и начать летать, словно воздухоплавающие. Тот, кто сделал тебя сребролюбивым, сам и предсказывает тебе обогащение, а затевающий брань предвещает и победу на войне. Если ты станешь выше страстей, ты будешь презирать все то, что в мире. И не гнушайтесь нас, которые именно таковы, но, отвергнув демонов, последуйте единственному Богу. «Все Им начало быть и без Него ничего не начало быть». Если же и есть среди растений ядовитые, то это с нами случается благодаря нашей греховности. Я могу показать устройство этого: послушайте, и кто поверит, узнает.

20. Даже если вы лечите лекарствами (по снисхождению дозволю тебе), следует возносить свидетельство Богу. Ибо мир еще тянет вас книзу, и в бессилии мы взыскуем вещество. Ибо окрыление души — совершенный дух, утратив который из-за греха, она полетела, как птенец, и упала на землю и, выйдя из общения с небесными, возжелала сопричастия с низшими. Ибо демоны были переселены, первые же люди изгнаны, и те низверглись

⁴⁶ В сохранившихся произведениях Иустина такого сравнения нет.

⁴⁷ Под «философами» здесь подразумеваются профессиональные преподаватели философии, составлявшие особую корпорацию.

⁴⁸ Последователь Демокрита, с большим мужеством встретивший жестокую казнь по приказу кипрского царя Никокреона (IV в. до Р.Х.)

⁴⁹ Неопределенный намек на методы, с помощью которых жрицы приводили себя в экстаз. Принимая во внимание, что Сивиллы обыкновенно пользовались у христиан уважением, более вероятно, что имеется в виду дельфийская Пифия.

с неба, а эти от земли, однако не от этой, но лучшей, чем здешнее устройство. Итак, следует нам, возжелав прежнего, отвергнуть все, что препятствует. Ведь небо, человеке, не беспредельно, но ограничено и в своих пределах — выше же лучшие зоны, не знающие смены времен года, из-за которой возникают разнообразные болезни, но имеющие всяческое благорастворение и живущие при постоянном дне и свете, недоступном здешним людям. Так что те, кто потрудился над географией, насколько было возможно человеку, сделали описание местностей, но из-за бессилия (своего) умозрения не будучи в состоянии сказать о том, что дальше, они обвинили отливы, и моря, то илистые, то заросшие водорослями, и в одних местах жгучий зной, а в других — холод и мерзлоту. Мы же неведомое нам узнали через пророков, которые, убежденные в том, что небесный дух, облачение смертного начала, вместе с душою стяжает бессмертие, предрекали то, чего не знали прочие души. Но и всякому обнаженному возможно обрести прекрасную ризу и вознестись к прежнему родству.

21. Мы не говорим глупостей, мужи эллины, и не возвещаем вздор, проповедуя, что Бог родился в облике человеческом. Вы же, бранящие нас, — сравните ваши басни с нашим рассказом. Афина, как говорят, была Деифобом ради Гектора, и «длинноволосый» Феб ради Адмета пас «кривоногих» коров, и Зевсова супруга приходит к Семеле старухой. В таких-то вещах упражнясь, зачем вы смеетесь над нами? Умер ваш Асклепий, и тот, кто в Феспиях за одну ночь овладел пятьюдесятью девственницами⁵⁰, погибает, предав себя в пищу огню, Прометей, прикованный к Кавказу, потерпел кару за благодеяние людям. Зевс, по-вашему, завистлив и скрывает сновидения, желая погубить людей⁵¹. Поэтому, взглянув на ваши собственные предания, примите нас хотя бы как подобным же образом баснословящих. Но мы-то не безумствуем, а ваши слова — болтовня. Если вы рассказываете о рождении богов, вы показываете их и смертными. Ведь почему Гера теперь не зачинает? Состарилась или некому нас известить? Послушайте меня теперь, о мужи эллины, не толкуйте иносказательно ваши мифы и ваших богов — ведь даже если вы предприимете это, Божество в нашем понимании вы, как и мы (за ними), отрицаете. Ибо демоны или таковы, какими и описываются, злобные нравом, или, перетолкованные в более физическом смысле, они не таковы, как о них говорят. Но почитать существо стихий я бы и сам не согласился и ближнего не стал бы убеждать. И Метродор Лампсакский в книге «О Гомере» неумно рассуждает, переводя все в иносказание⁵². Дело в том, что он говорит, будто и Гера, и Афина, и Зевс суть не то, что думают те, кто воздвиг им святилища и храмы, но природные сущности и устройства стихий. И о Гекторе, и об Ахилле, очевидно, и обо всех сразу эллинах и варварах, вместе с Парисом и Еленой, которые той же природы, вы скажете, что они введены ради (того же) замысла и что никого из этих людей не было. Мы предложили это как бы к слову — ибо наше понимание Бога не пристало даже сравнивать с (тем, что есть) у погрязших в веществе и гноище.

22. Да каковы и учения ваши? Кто не поиздевается над вашими всенародными празднествами, которые, совершаемые ради злых демонов, приводят людей в бесславное состояние. Видел я не раз одного человека и, увидев, удивлялся и, удивившись, стал презирать, что внутри он иной, а наружно лживо изображает то, что он не есть, и показывает изнежен-

⁵⁰ Т. е. Геракл (ср. *Павсаний*. IX. 27.7).

⁵¹ По Эсхилу (Прикованный Прометей. 231—233), верное толкование снов было одним из благодеяний, которые Прометей даровал людям.

⁵² Друг и последователь Эпикура.

ность, и всячески ломается, то сверкая глазами, то заламывая руки, и беснуется с помощью глиняной маски, делаясь то Афродитой, то Аполлоном, один обвинитель на всех богов, собрание суеверий, клеветник героических деяний, подражатель убийств, изобразитель прелюбодеяний, сокровище безумия, воспитатель развратников, подстрекатель преступников⁵³ — и такого-то все хвалят! Я же отверг его, лжеца во всем, и безбожие, и ремесло, и человека. А вы даете себя увлечь этим людям и браните тех, кто не соучаствует в ваших занятиях. Я не хочу слушать, разинув рот, поющую толпу и не желаю присоединиться к изгибающемуся в противостоительных движениях. Какое еще ваше удивительное изобретение только не исполняется? Дуют они в ноздри и болтают непристойности, совершают неприличные телодвижения — и на них, изображающих на сцене уловки, как следует прелюбодействовать, смотрят ваши дочери и (малолетние) сыновья. Хороши же ваши развлечения, разглашающие все мерзости, что творятся по ночам, и услаждающие слушателей произнесением непристойностей. Хороши и ваши поэты, лжецы, обманывающие слушающих (словесными) изысками.

23. Видел я людей, отягощенных телесными упражнениями, носящих бремя собственной плоти, для которых приготовлены награды и венки, причём устроители соревнований призывают их не к доблести, но к соперничеству в оскорблениях и бесчинстве, а увенчан бывает более драчливый. И это еще наименьшее из зол. А о больших кто не запнется, прежде чем сказать? Некоторые, привыкшие к праздности, продают себя на убийство, и голодный продает себя, а богач покупает убийцу, и свидетели всего этого сидят, а сражающиеся в единоборстве бьются ни за что, и никто не поможет. И это у вас хорошо делается? Вель ваш вельможа собирает войско убийц, обещая содержать этих разбойников, и выходят они от него на разбой, а вы все сходитесь и судите то недобросовестность устроителя игр, то самих единоборцев. А кто не присутствовал при убийстве, огорчается, потому что не был осужден стать зрителем злых и скверных дел. Вы забиваете животных ради мяса и покупаете людей, поднося душе человекоубийство и питая ее безбожнейшими кровопролитиями. Итак, разбойник убивает, чтобы взять, а богач покупает единоборцев для убийства.

24. Какая польза мне от беснующегося по Еврипиду и представляющего Алкмеоново матереубийство, у которого нет даже собственного облика, но который ходит с разинутым ртом и носит меч, с криками сгорает и одет в нечеловеческое платье? Прочь баснословия Гегесия и Менандра, переложившего его в стихи. Что мне восхищаться пифийским флейтистом? И зачем стараться об Антигениде, подобно Аристоксену фиванцу⁵⁴? Уступим вам бесполезные вещи, а вы или повинуйтесь вашим учениям или, как и мы, оставьте их.

25. Что великого и удивительного делают ваши философы? Они оставляют неприкрытым одно плечо и отпускают длинные волосы, отращивают бороду и ходят с когтями, как у зверей. И говоря, будто им ничего не требуется, тем не менее, подобно Протею, нуждаются в кожаннике ради сумы, в ткаче из-за гиматия, в лесорубе ради посоха, а из-за чревоугодия — в богачах и поваре. О человек, соревнующийся с псом, ты не знаешь Бога и (оттого) перешел к подражанию бессловесным. Поднимая крик на людях, ты убедительно защищаешь сам себя и, если не получаешь, бранишься, и философствование становится у тебя искусством добычи. Ты

⁵³ Здесь Татиан нападает не на конкретного актера, а на сценическое искусство.

⁵⁴ Аристоксен — музыковед конца IV в. до Р.Х., Антигенид — знаменитый флейтист начала того же столетия.

следуешь учению Платона — и мудрствующий по Эпикуру резко возражает тебе, хочешь соглашаться с Аристотелем — и кто-нибудь бранит тебя по Демокриту. Пифагор говорил, что он был Евфорбом и унаследовал учение Ферекида — а Аристотель опровергает бессмертие души. Преемственность в учениях у вас исполнена споров, и вы боретесь сами с собою, согласные с несогласными. Кто-то говорит, что совершенный Бог телесен, а я — что бестелесен, кто-то, что мир неразрушим, а я — что он разрушится, кто-то, что восплеменение происходит через определенные промежутки, а я — что единожды, кто-то, что судьи суть Минос и Радамант, а я — что Сам Бог, кто-то уделяет бессмертие только душе, а я — и соединенной с нею плоти.

Чем мы вам вредим, мужи эллины? Почему последователей Слова Божия вы возненавидели как сквернейших людей? Нет у нас людоедства — лжесвидетельствуете вы, ученые, — а у вас Пелопс, хоть и любовник Посейдона, подан богам на ужин⁵⁵, и Крон истребляет своих детей, и Зевс проглатывает Метиду.

26. Перестаньте красоваться чужими словами и, словно галка, рядиться не в свои перья. Если каждый город отберет у вас свое собственное речение, бессильны станут все ваши софизмы. Ища, что есть Бог, вы не знаете, что в вас, и, уставясь в небо, падаете в яму. Ваши книгохранилища подобны лабиринтам, а читатели — бочке Данаид. Зачем вы делите время, говоря, что то в нем прошедшее, это — настоящее, а это — будущее? Ибо как может миновать будущее, если есть настоящее? Но как плывущие в корабле при движении его по невежеству думают, что горы бегут, так и вы не знаете, что вы минуете, а век стоит, пока Творец его хочет, чтобы он был. Почему меня обвиняют, когда я говорю свое, и все мое вы стремитесь уничтожить? Разве вы не появились тем же образом, что и мы, причастные тому же мироправлению? Зачем вы говорите, что у вас одних мудрость, раз у вас нет иного солнца, ни явлений звезд, и ни рождение ваше отлично, ни смерть исключительна по сравнению с другими людьми? Грамматики стали у вас началом вздора, и вы, делящие мудрость, оказались отлучены от истинной мудрости, а имена частей ее дали людям. Бога вы не знаете, сражаясь же друг с другом, друг друга ниспровергаете, и потому все вы — ничто, присваивающие (чужие) слова, но беседующие, словно слепой с глухим. Зачем вам держать плотничьи орудия, не умея плотничать? Почему вы беретесь за речи, а от дела далеко? Раздуваясь от славы, но униженные в несчастьях, вы бессмысленно злоупотребляете риторическими приемами — ибо вы устраиваете всенародные шествия, а слова прячете по углам. Изведав вас такими, мы вас оставили и уже не прикасаемся к вашим делам, но следуем Слову Божию. Зачем, человеце, ты затеваешь войну букв? Зачем сталкиваешь их звучания, словно в кулачном бою, из-за аттического заикания, хотя следовало бы говорить более естественно? Ведь если ты говоришь на аттический лад, не будучи афинянином, скажи, отчего не на дорийский? Почему это тебе кажется более варварским, а то — более приятным для разговора?

27. Если же ты держишься за их ученость, то почему ты сражаешься со мной, выбравшим те мнения и учения, какие хочю? Разве не нелепо, что разбойника не наказывают из-за одного только имени, прежде чем в точности не узнают истину, а нас, не испытав, ненавидят по неприязненному предубеждению? Диагор был афинянином, но его, разгласившего таинства, вы покарали — и (в то же время) ненавидите нас,

---

⁵⁵ Пелопс (эпоним Пелопоннеса) был убит своим отцом Танталом, но затем воскрешен богами.

читая его сочинения; имея записки Льва, вы негодуете на наши обличения, и хотя у вас есть мнения Апиона о богах Египта, вы объявляете нас вне закона как безбожнейших⁵⁶. У вас показывают могилу Зевса Олимпийца, пусть даже и говорят, что критяне лгут. Собрание многих богов — ничто, и даже если презирающий их Эпикур будет ходить с факелом, я почитаю начальников ничуть не больше, чем Бога — и не скрываю того миропонимания, которое имею. Зачем ты советуешь мне солгать о моих убеждениях? И зачем, говоря, что презираешь смерть, ты призываешь избежать ее с помощью уловок? У меня не «оленье сердце», а ваши словесные занятия оказались вроде «без меры болтливый Терсита»⁵⁷. Как мне послушаться человека, говорящего, что солнце — раскаленная глыба, а луна — земля?⁵⁸ Ибо такие вещи есть соперничество в словах, а не устроение истины, и разве не слабоумие верить книгам Геродота — о том, что было с Гераклом, когда там говорится, что наверху есть земля, и с нее сошел убитый Гераклом лев? И что пользы от аттических выражений и философских соритов⁵⁹, и убедительности умозаключений, от измерений земли, и положений звезд, и путей солнца? Ибо заниматься такими изысканиями — дело того, кто сам себе полагает законом свои учения.

28. Поэтому осудил я и ваше законодательство. Ибо следовало бы, чтобы у всех был один общий образ жизни. Ныне же сколько видов городов, столько и законоположений, так что то, что у некоторых позорно, для других добродетельно. Эллина, например, считают неприемлемым сочетаться с матерью, а для персидских магов это — прекраснейший обычай. И мужеложство у варваров преследуется, а у римлян удостоено преимущества, и они стараются собирать мальчиков табунами, словно лошадей на пастбище.

29. Итак, увидев это и приобшившись к таинствам, и испытав обряды, которые везде совершаются женоподобными и гермафродитами, обнаружив, что у римлян их Юпитер Латиарий услаждается человеческой кровью и человекоубийствами, а Артемида недалеко от Великого города занимается теми же делами, и что разные демоны в разных местах устраивают возмущения и злодейства, — придя в себя, я искал, каким образом мог бы найти истину. И когда я размышлял о важнейших вещах, случилось мне прочесть некие варварские писания, более древние в сравнении с эллинскими учениями и более божественные в сравнении с их заблуждениями — и вышло, что я поверил им из-за ненапыщенности слога и безыскусности говорящих, и из-за удобопонятности всего творения, и предвидения будущего, и необычайности наставлений, и из-за единоначалия во вселенной. И когда душа моя была научена Богом, я понял, что то (прежнее) предосудительно, а это упраздняет мирское рабство и освобождает нас от многих начальников и тысяч тиранов и дает нам не то, чего мы не получали, но то, чем обладать нам воспрепятствовало заблуждение.

30. Итак, постигнув эти вещи, я хочу совлечь их с себя как малое дитя. Ибо мы знаем, что сущность зла подобна крохотному семени, потому что при малейшей возможности оно усилилось, но распадается снова, если мы будем повиноваться Богу и не расточать самих себя. Ибо оно овладело нами с помощью некоего «потаенного сокровища», раскапывая

⁵⁶ Диагор Мелосский — известный поэт-атеист V в. до Р.Х. Лев (или Леонт, около IV в. до Р.Х.) изображал египетских богов как обожествленных царей. Апион — тот самый Апион (I в. от Р.Х.), против нападков которого на иудеев написал особый трактат Иосиф Флавий.

⁵⁷ Ср. Илиада. II. 212.

⁵⁸ Взгляды Анаксагора.

⁵⁹ Вид сложного силлогизма, в котором опущены промежуточные заключения. От глагола σφραβῶ — «собирать в кучу».

которое, мы покрылись пылью, а злу дали возможность укрепиться. Ибо всякий, ожидающий свое имя, приобрел власть над более драгоценным богатством. Это пусть будет сказано для наших, а вам, эллинам, что и (сказать), кроме как что не следует бранить тех, кто лучше вас, и даже если они называются варварами, не делать из этого повод для насмешек. Ибо если вы захотите, вы сможете найти причину того, что не все понимают наречие друг друга — ведь тем, кто пожелает изучить наши предания, я охотно и подробно все расскажу.

31. Теперь же, я думаю, надлежит мне показать, что наша философия древнее эллинских искусств. Вехами же нам послужат Моисей и Гомер. Ибо поскольку каждый из них древнейший, а один самый старинный из поэтов и историков, а другой — родоначальник всей варварской мудрости, мы проведем сравнение между ними — и обнаружим, что наше древнее не только эллинской учености, но и изобретения букв. В свидетели же я возьму не своих, но воспользуюсь помощью эллинов. Первое неразумно, потому что неприемлемо даже для нас, зато будет замечательно, если я, опираясь на ваше же оружие, представлю вам улики, которые и у вас вне подозрений. Ибо о творчестве Гомера, его происхождении и времени расцвета раньше всего производили изыскания Феаген Регийский, живший при Камбизе, и Стесимброт Фасийский, Антимах Колофонский, Геродот Галикарнасский и Дионисий Олифский, а после них Эфор Кумский, Филохор Афинский и перипатетики Мегаклид и Хамелеон, затем грамматики Зенодот, Аристофан, Каллистрат, Кратет, Эратосфен, Аристарх, Аполлодор. Из них последователи Кратета говорят, что его расцвет был до возвращения Гераклидов, в пределах восьмидесяти лет после Троянской войны. Последователи же Эратосфена — что после сотого года от взятия Илиона, а ученики Аристарха — что во время ионийского выселения, которое было 140 лет спустя после Троянской войны. Филохор же (говорит, что Гомер творил) после ионийского выселения, при афинском архонте Архиппе, позднее Троянской войны на 180 лет, последователи Аполлодора — что через сто лет после ионийского выселения, что было бы на 240 лет позже Троянской войны. Некоторые же утверждают, что Гомер появился перед олимпиадами, то есть 400 лет спустя после Илионских событий⁶⁰. А другие приближают его время, говоря, что он современник Архилоха. Расцвет же Архилоха был около двадцать третьей Олимпиады, при Гиге Лидийском, на пятьсот лет позже Троянской войны. И о времени упомянутого поэта (я говорю о Гомере), и о беспорядке и несогласии среди тех, кто писал о нем, для могущих исследовать с точностью пусть будет довольно сказанного нами в основных чертах. Ибо каждый может показать, что и мнения относительно оснований ложны, потому что у кого несостоятельно исчисление времен, у того не может быть истинной истории. Ибо что бывает причиной ошибок при написании книг, кроме неистинности сочиняемого?

32. У нас же нет страсти к суетной славе, и разнообразием учений мы не злоупотребляем. Ибо отрешившись от расхожего и приземленного рассуждения и повинувшись наставлениям Божиим, следуя закону Отца нетления, мы отказываемся от всего, что принадлежит к славе человеческой, и любомудрствуют (у нас) не только богачи, но и бедные даром вкушают учения, ибо получаемое от Бога превышает вознаграждение мирского дара. И мы допускаем всех, кто хочет слушать, просто так, будь то старуха или отрок, и всякий вообще возраст у нас удостоен чести — а разврат изгнан прочь. И говоря, мы не лжем — что же до вашего упорства в неверии, то хорошо бы ему положить конец. А если нет, то

⁶⁰ Началом летосчисления по олимпиадам по традиции считался 776 г. до Р.Х.

пусть наше дело утверждается Божией волею, а вы смейтесь — но будете плакать. Ибо разве не нелепо, что вашим Нестором, который по слабости и немощи возраста медленно распрягал коней, восхищаются, когда он пытается сражаться наравне с молодыми, а те из нас, кто борется со старостью и озабочен вещами божественными, подвергаются насмешкам. А кто не посмеется тому, как вы говорите об амазонках, Семирамиде и некоторых других женщинах, что они были воительницами, а наших дев браните? Ахилл был юнец, и верят, что он был весьма доблестен, а Неоптолем еще моложе, но силен, Филоктет слаб, но демон нуждался в нем против Трои. Каков был Терсит? Но он был военачальник, и если бы из-за невежества не была ему свойственна неумеренная болтливость, не выставляли бы его «клиноголовым» и «плешивым». У нас все жаждут философствовать (потому что), мы оцениваем не то, что видимо, и не судим о приходящих к нам по внешнему облику — ибо мы считаем, что здравомыслие может быть у всякого, пусть он и немощен телом. А у вас все полно зависти и изрядной глупости.

33. Из-за этого я задумал показать посредством вещей, вами же почитаемых, что наши обычаи целомудренны, а ваши заключают немалое безумие. Вы, говорящие, что мы болтаем вздор устами женщин и подростков, дев и старух, и высмеивающие нас за то, что мы не с вами — послушайте о несуразных эллинских делах. Ибо занятия, которые у вас в обычае, еще более несуразны из-за их большой славы и неприличны из-за женского пола. Ибо Лисипп отлил из меди Праксиллу, ничего полезного не сказавшую в своих стихах, и Менестрат — Леархиду, Силанион — гетеру Сапфо, Навкид — Эринну с Лесбоса, Боиск — Миртиду, Кефисодот — Миро из Византия, Гомф — Праксагориду, и Амфистрат — Клито. А об Аните, Телесилле и Носсиде нечего и говорить. Ведь первую изваяли Эвтикрат и Кефисодот, вторую Никерат, а третью — Аристодот, а Мнесархиду эфесянку — Эвтикрат, Коринну — Силанион, Фалиархиду аргивянку — Эвтикрат. Я же решил упомянуть их, чтобы вы не считали, будто у нас творится нечто странное, и, сравнивая те обычаи, что бросаются в глаза, не издевались над нашими философствующими женщинами.

И Сапфо, блудливая бабенка, помешавшаяся от любви, воспевает даже свой разврат — а все наши (женщины) целомудренны, и девы за прялками ведут речи о Боге лучше вашей девицы. Поэтому устыдитесь, что вы сами оказываетесь учениками женщин, но издеваетесь над женщинами нашей веры, а также и над собраниями, в которых они участвуют. Ибо что полезного принесла ваша Главкиппа, родившая чудовищное дитя, как показывает ее изображение, отлитое Никератом, сыном Эвктемона, родом из Афин? Ведь если Главкиппа породила слона, то по какой причине она пользуется всенародными почестями⁶¹? Гетеру Фрину сотворили у вас Пракситель и Геродот, а Эвтикрат отлил из бронзы Пантевхиду, забеременевшую от растлителя. Дейномен сохранил своим искусством память о Бесантиде, царице пеонов, потому что она родила черного ребенка. Осуждаю я и Пифагора, водрузившего Европу на быке, и вас, почтивших Зевсова обвинителя ради его искусства. Смешна мне и наука Микона, который сделал тельца, а на нем Победу, потому что, похитив дочь Агенора, он получил награду за прелюбодеяние и разнузданность. Зачем Геродот Олинфиец изготовил гетеру Гликеру и певицу Аргию? Бриаксид поставил статую Пасифае — поминая ее распутство⁶², вы только что не предпочитаете, чтобы и нынешние женщины были такими. Некая Меланиппа была

⁶¹ По другим источникам Алкипа (ср. *Плиний Старший*. Естественная история VII. 34). Там же упомянута Эвтихида, возможно, соответствующая Татиановой Пантевхиде.

⁶² Жена Миноса, совокупившаяся с быком и родившая Минотавра.

мудра — за это ее изваял Лисистрат, а вы не верите, что у нас есть мудрые женщины.

34. Итак, большого уважения достоин и тиран Фаларид, приносивший в жертву грудных детей, которого, в творении Полистрата Ампракиота, до сих пор показывают как какого-то удивительного мужа. Акрагантийцы боялись смотреть на его лицо из-за людоедства, а радеющие об учености хвалятся, что видят его в изображении. Разве не скверно, что у вас почитается братоубийство, что вы, видя изображение Полиника и Этеокла, не уничтожаете этот памятник злу, закопав его вместе с создателем Пифагором? Почему из-за Периклимена вы считаете чем-то удивительным и великим делом видеть женщину, родившую тридцать детей? Ведь следовало бы гнушаться ею, пожавшей плоды крайней неводержанности и напоминающей ту свинью⁶³ у римлян, которая, как говорят, по той же причине удостоена более тайнственного поклонения. Арес прелюбодействовал с Афродитой, а рожденную ими Гармонию вам изготовил Андрон. Софрон⁶⁴, в своих сочинениях оставивший вздор и болтовню, более прославлен из-за бронзовой статуи, которая и теперь существует, и лжеца Эзопа всегда помнят не только из-за басен, но и (потому что) его сделало более привлекательным Аристодемово изваяние. Так как же вы не стыдитесь, имея столько поэтов ни для чего полезного, бесчисленных блудниц и негодяев, клеветать на добропорядочность наших женщин? Важно ли мне знать, что Эванфа родила в Портике и восхищалась искусством Каллистрата? Или тарашиться на Каллиадову Неэру — ведь она была гетера! Лаида блудила, и блудодей вылепил ее в воспоминание блуда. Почему вы не стыдитесь Гефестионова блуда⁶⁵, даже если Филон запечатлел его весьма искусно? И чего ради, благодаря Леохару имея этого полумужа Ганимеда, вы цените его как некое важное достояние, так же как и некую женщину в браслетах работы Праксителя? А следовало бы, отказавшись от такого рода вещей, искать то, что поистине значительно, и не брезговать нашим учением, принимая (в то же время) неудобосказуемые выдумки Филениды и Элефантиды⁶⁶.

35. Все это я изложил, не от другого кого научившись, но исходя из многих земель, то занимаясь вашей премудростью, то знакомясь со многими искусствами и изобретениями, а в конце концов пожив в Риме и изучив разнообразные от вас к ним привезенные статуи. Ведь я не пытаюсь, как то в обычае у многих, подкреплять свои слова чужими мнениями, но стремлюсь писать о том, что сам вижу и понимаю. Поэтому-то, распрощавшись с кичливостью римлян и пустословием афинян, несостоятельными учениями, я взялся за нашу варварскую философию — я уже начал писать о том, каким образом она (оказывается) древнее ваших искусств, но отложил из-за настоятельно необходимых разъяснений. Теперь же, когда пришла пора, я попытаюсь сказать о содержащихся в ней положениях. Не негодуйте на нашу ученость и не придумывайте против нас опровержений, полных глупости и суесловия, не говорите: «Татиан хочет быть выше эллинов и бесчисленного множества философов, придумывая новые варварские учения». Что дурного в том, что люди, оказавшиеся невеждами, ныне обличены таким же, как и они, человеком? И что нелепого

⁶³ Изваяние свиньи с 30 поросятами, отмечавшее место первой высадки троянцев в Италии.

⁶⁴ Сочинитель мимов из Сиракуз (V в. до Р.Х.)

⁶⁵ Гефестион был близким другом Александра Македонского; данное толкование их отношений на совести Татиана.

⁶⁶ Авторы знаменитых руководств по любовному искусству.

в том, чтобы, согласно вашему же софисту, «стариться, всегда многому научаясь»⁶⁷.

36. Однако пусть Гомер не только не младше Троянской войны, но будем считать, что он был ее современником, более того, что он сражался вместе с воинами Агамемнона, даже, если хотите, что он был прежде изобретения букв — ибо упомянутый мною Моисей окажется на очень много лет старше самого взятия Илиона и даже гораздо древнее основания Трои, Троса и Дардана. А для доказательства я воспользуюсь свидетельствами халдеев, финикийцев, египтян. И что еще говорить? Ибо тому, кто намеревается убеждать, следует излагать слушателям суть дела более кратко, чем...⁶⁸ Беросс, муж вавилонянин, жрец тамошнего Бела, родившийся при Александре, составил для третьего его преемника Антиоха халдейскую историю в трех книгах и, поместив сведения о царях, рассказывает об одном из них, по имени Навуходоносор, который ходил походом на финикийцев и иудеев — что, как мы знаем, было гораздо позднее Моисеева времени и за 70 лет до персидского владычества. Беросс же — человек надежнейший, и свидетельство тому — что Юба, написавший «Об ассирийцах», говорит, что узнал (свой) сведения от Беросса (у него есть сочинение «Об ассирийцах» в двух книгах).

37. После же халдеев финикийские дела обстоят таким образом. Были у них трое, Феодот, Ипсикрат и Мох — их книги перевел на греческий язык Лет, который прилежно потрудился над жизнеописаниями философов. В историях же вышеназванных писателей сообщается, при каком царе произошло похищение Европы и прибытие Менелая в Финикию, и то, что касается Хирама, который, выдав свою дочь за иудейского царя Соломона, подарил ему и разнообразную древесину для постройки храма. И Менандр Пергамский составил повествование о тех же событиях. Время же Хирама уже приближается к Троянской войне — а Соломон, современник Хирама, гораздо младше Моисея.

38. У египтян есть точные записи времен, и толкователь их письмен — Птолемей, не царь, а жрец Мендеса. Сей, излагая деяния царей, говорит, что при Амосисе иудеи под водительством Моисея отправились в путь в те места, откуда пришли. А говорит он так: «Амосис же был при царе Инахе». После него Апион-грамматик, вернейший человек, в четвертой книге «Египетской истории» (всего их у него пять) среди многого другого говорит, что и «Амосис, живший при царе Инахе, как записал в летописях Птолемей Мендетский, срыв Аварию». А время от Инаха до взятия Илиона составляет двадцать поколений — и вот как это можно доказать.

39. Цари аргивян были следующие: Инах, Фороней, Апис, Аргей, Криас, Форбант, Триоп, Кротоп, Сфенелай, Данай, Линкей, Абант, Прет, Акрисий, Персей, Сфенелай, Эврисфей, Атрей, Фиест, Агамемнон, на восемнадцатом году царствования которого пал Илион. И разумный человек должен отчетливо понимать, что, по эллинскому преданию, у них не было (тогда) даже никакой записи истории. Ибо Кадм, научивший их буквам, пришел в Беотию многими поколениями позже. После же Инаха едва лишь при Форонее кончилась звериная и кочевая жизнь, и люди переменялись. Поэтому-то если Моисей явился при Инахе, то он старше Троянской войны на четыреста лет. Что это так, доказывает преемство аттических царей: так что если наиболее примечательные деяния у эллинов записаны и известны после Инаха, то ясно, что и после Моисея. Ведь во времена Фороней, который был после Инаха, у афинян упоминается Огиг, при котором был первый потоп, при Форбанте Актей, от которого и Аттика зовется Актеей, при Триопе же Прометей, и Эпиметей,

⁶⁷ Знаменитая строка Солона (фр. 22 по Дильсу).

⁶⁸ Лакуна в тексте.

и Атлант, и двуприродный Кекроп, и Ио — а при Кротопе Фазтонов пожар и Девкалионово наводнение, при Сфенелае царство Амфиктиона и прибытие Даная в Пелопоннес, и основание Дарданом Дардании, и (тогда же) Европа была доставлена из Финикии на Крит. При Линкее же (произошло) похищение Кору и основание святилища в Элевсине, и земледелие Триптолема, и приход Кадма в Фивы, и царствование Миноса. А при Прете — война Эвмолпа с афинянами, при Акрисии — приход Пелопса из Фригии, и прибытие Иона в Афины, и второй Кекроп, и деяния Персея и Диониса, и ученик Орфея Мусей. В царствование же Агамемнона пал Илион.

40. Итак, Моисей оказался старше по крайней мере названных героев, родов и демонов. И надлежит верить старейшему по возрасту более, нежели эллинам, черпавшим его учения словно из источника, но не по разуму. Ибо софисты их весьма старательно пытались исказить то, что узнали от последователей Моисея и от подобно ему философствовавших, во-первых, чтобы считалось, будто сами они говорят что-то свое, а во-вторых, чтобы, скрыв непонятное им поддельной риторикой, развенчать истину как баснословие.

И что говорили эллинские ученые о наших верованиях и об истории наших законов, кто упоминал о них и сколько было упоминавших, будет показано в книге «К тем, кто зысказал мысли о Боге»⁶⁹ (41), а что до теперешнего предмета, то нужно постараться разъяснить, что Моисей древнее не только Гомера, но и предшествующих ему писателей, Лина, Филаммона, Фамирада, Амфиона, Орфея, Мусея, Демодока, Фемия, Сивиллы, Эпименида Критского, который перешел в Спарту, и Аристея Проконнесского, написавшего «Аримаспию», и Асбола Кентавра, и Бакида, и Дримона с Эвклом Кипрским, и Ора Самосского, и Пронапида Афинского. Ибо Лин — учитель Геракла, а Геракл появился на одно поколение раньше Троянской войны — это ясно из того, что его сын Глеподем отправился под Илион. Орфей же был современник Геракла, а вообще-то приписываемые ему писания, говорят, сочинены Ономакритом, жившим при правлении Писистратидов около пятидесятой олимпиады. Мусей же ученик Орфея. То, что Амфион жил за два поколения до Троянской войны, позволяет не рассказывать о нем подробнее любознательным читателям. Демодок же и Фемий жили во время самой Троянской войны — ведь один жил у женихов, а другой — у феаков. Да и Фамирад, и Филаммон не многим их древнее.

Итак, о трудах каждого из ученых, о временах и описании их мы, как и полагаю, расписали вам со всяческой тщательностью — а чтобы восполнить то, чего до сих пор не доставало, проведем доказательство и о так называемых мудрецах. Ибо Минос, который, как полагали, первенствовал во всяческой мудрости, остроте ума и законодательстве, жил при Линкее, царствовавшем после Даная, в одиннадцатом поколении после Инаха. Ликург же, родившийся много позже взятия Илиона, законодательствовал у лакедемонян за сто лет до олимпиад. Драконт же обнаруживается около тридцать девятой олимпиады, Солон около сорок шестой, Пифагор — шестьдесят второй. Олимпиады же, как мы доказали, начались четыреста семь лет спустя после Троянской войны. И доказав это таким образом, скажем вкратце и о времени семи мудрецов. Ибо раз старейший из них, Фалес, жил около пятидесятой олимпиады, (тем самым) кратко сказано и о тех, кто был после него.

42. Все это, о мужи эллины, составил для вас, философствуя по-варварски, я, Татиан, родившийся в земле ассирийской⁷⁰, воспитанный сначала в ваших учениях, а затем в тех, которые берусь проповедовать ныне. И зная уже, кто есть Бог и каково творение Его, я предоставляю вам себя готовым к исследованию догматов, не отрекаясь от угодных Богу убеждений.

⁶⁹ Об этом сочинении неизвестно даже, было ли оно вообще написано.

⁷⁰ «Ассирией» во времена Татиана могла называться Восточная Сирия и Северная Месопотамия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИБАИ — Известия на Български археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИНМВ — Известия на народния музей Варна
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КБН — Корпус боспорских надписей. М. — Л., 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
ЛНХТ — *Э.И. Соломоник*. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НиС — Нумизматика и сфрагистика
ОГУ — Одесский государственный университет
ПС — Палестинский сборник
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
РА ИИМК — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников СССР
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СНР — Секция научных работников
СЭ — Советская этнография
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Марийского государственного педагогического института
AAntASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
ABSA — Annual of the British School at Athens
AEM — Archaeologisch-Epigraphische Mitteilungen. Österreich—Ungarn. Wien
AJA — American Journal of Archaeology
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
ANRW — Aufstieg und Niedergang des Römischen Welt
AÖAW — Anzeiger der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Wien
ArchKorr — Archäologisches Korrespondenzblatt
BAR — British Archaeological Reports
BayVgBl — Bayerische Vorgeschichtblätter
BEFAR — Bibliothéque des Ecole Française d'Athénes et a Rome
Bjb — Bonner Jahrbücher
BMC CRR — British Museum Catalogue. Coins of the Roman Republic
BerRGK — Bericht des Römisch-germanischen Kommission
CAH — Cambridge Ancient History
CIL — Corpus Inscriptiones Latinarum
CIRB — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani
GM — Göttinger Miszellen. Göttingen
HESPOK — *W.S. Smith*. A History of the Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. 2 ed. London, 1949
IG — Inscriptiones Graecae
IGB — Inscriptiones Graecii in Bulgaria / ed G. Michailov
IGR — Inscriptiones ad res Romanes pertinentes
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae

IOSPE — Inscriptioes antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / ed B. Latyshev
JbRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
JÖAI — Jahresheft des Österreichischen Archäologischen Instituts
JRS — Journal of Roman Studies
JWalt — Journal of the Walters Art Gallery
LAAA — Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology
NC — The Numismatic Chronicle
RdPh — Revue de philologie
REA — Revue des études anciennes
REG — Revue des études grecques
RevArch — Revue archeologique
RM — Rheinisches Museum für Philologie
RN — Revue Numismatique
SCIV — Studii si cercetarii de istoria veche
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
Syll.—Sylloge Inscriptionum Graecarum / ed. G. Dittenberger
TAB — Terra antuqua Bulgarica
ZASA — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig, Berlin
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лелюхин Д.Н.</i> (Москва) — Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи	4
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) — Из истории понтийского царства Полемонидов (По данным эпиграфики)	25

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Москва) — Римляне в Пантикапее	50

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Усманова Э.Р., Ткачев А.А.</i> (Караганда) — Головной убор и его статус в погребальном обряде (По материалам андроновских некрополей)	75
<i>Хаксли Дж.</i> (Дублин) — О городах, переданных Киром Пифарху	83
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Керчь) — Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе	85
<i>Семенченко Л.В.</i> (Москва) — Об одном документе эллинистической дипломатии: письмо первосвященника Ионафана в Спарту	105
<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва) — О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе	112

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Пакистане: последние результаты ее исследований и раскопок	123
<i>Стакуль Дж.</i> (Рим) — Культура Свата (ок. 1700—1400 гг. до н.э.) и ее северные связи	125
<i>Туза С.</i> (Рим) — Историко-культурное развитие долины Свата между серединой II тыс. до н.э. и началом новой эры	127
<i>Калльери П.-Ф.</i> (Рим) — Раннеисторический Сват: пример аккультурации?	131
<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Проблемы священной буддийской архитектуры и гандхарской скульптуры	137
<i>Таддей М., Верарди Дж.</i> (Неаполь) — Археология и буддизм — вклад Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO)	152
<i>Де Мэгре А.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Йеменской республике и ее деятельность в сезон 1989—1990 гг.	162

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (Из неизданного научного наследия)	172
<i>Жебелев С.А.</i> — Автонекролог	177

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Большаков А.О.</i> (Петербург) — М. Eaton-Krauss. The Representation of Statuary in Private Tombs of the Old Kingdom. Wiesbaden, 1984 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd 39); N. Kanawati. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V.I. Sydney, 1980; S.D'Auria, P. Lacovara, C.H. Roehrig, Mummies & Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt. Boston. 1988; N. Strudwick. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. London, 1985	202

<i>Иванчик А.И.</i> (Москва) — С. Calame. <i>Thésée et l'imaginaire athénien. Légende et culte en Grèce antique.</i> Lausanne, 1990	213
<i>Макаров И.А.</i> (Москва) — Н.А. Shapiro. <i>Art and Cult under the Tyrants in Athens.</i> Mainz am Rhein, 1989	218
<i>Дождев Д.В.</i> (Москва) — L. Carogrossi Colognesi. <i>Dalla tribù allo stato.</i> Roma, 1990	223
<i>Панченко Д.В.</i> (Петербург) — Heinrich von Staden <i>Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria.</i> Cambridge, 1989	229

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Былкова В.П.</i> (Херсон) — Археологическая коллекция Херсонского краеведческого музея	233
<i>Мальшев А.А.</i> (Москва) — Коллекция античных древностей из Ставропольского краеведческого музея	241

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Подосинов А.В.</i> (Москва) — Античная история в европейских школьных учебниках (Конференция в Дельфах, 4—9 апреля 1992 г.)	251

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татиан. Слово к эллинам. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>Д.Е. Афиногенова</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	256

CONTENTS

<i>D.N. Lelukhin</i> (Moscow) — State, Administration and Policy in Kautilya's «Frthashastra»	4
<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) — From the History of the Pontic Kingdom of the Ptolemonides	25

PUBLICATIONS

<i>M.Yu. Treister</i> (Moscow) — Romans in Panticapaeum	50

REPORT AND COMMUNICATIONS

<i>E.R. Usmanova, A.A. Tkachev</i> (Karaganda) — Headdress and its Status in the Burial Ritual (<i>based on the materials of the Andronov necropoleis</i>)	75
<i>G. Huxley</i> (Dublin) — Cities Given by Kyros to Pytharchos	83
<i>N.F. Fedoseev</i> (Kerch) — More Precise List of the Magistrates Controlling the Manufacture of Ceramics in Sinope	85
<i>L.V. Semenchenko</i> (Moscow) — On a Document of Hellenistic Diplomacy: a Letter of High Priest Jonathan to Sparta	105
<i>A.G. Avdeev</i> (Moscow) — On the Dating of the Presence of Units of the 5th Macedonian Legion in Chersonesus	112

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>D. Faccenna</i> (Rome) — Italian Archaeological Mission of IsMEO in Pakistan: Latest Results of Research and Excavations	123
<i>G. Stakul</i> (Rome) — Culture of Swat (ca 1700—1400 B.C.) and Its Northern Ties ...	125
<i>S. Tusa</i> (Roma) — Historico-Cultural Development of the Swat Valley between the Middle of the 2nd Millennium B.C. and the Beginning of the New Era	127
<i>P.F. Caglieri</i> (Rome) — Early Historical Swat: a Case of Acculturation?	131
<i>D. Faccenna</i> (Rome) — Problems of Holy Buddhist Architecture and Gandhar Sculpture	137
<i>M. Taddey, G. Verardi</i> (Naples) — Archaeology and Buddhism — Contribution of IsMEO	152
<i>A. Maigret</i> (Rome)) Italian Archaeological Mission of IsMEO in the Yemeni Republic and Its Activity in 1989—1990	162

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>I.V. Tunkina, E.D. Frolov</i> (St.-Petersburg) — Historiographic Studies of S.A. Zhebelev (<i>from the unpublished scientific heritage</i>)	172
<i>Zhebelev S.A.</i> — Autonecology	177

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL

<i>A.O. Bolshakov</i> (St.-Petersburg) — M. Eaton-Krauss. The Representation of Statuary in Private Tombs of the Old Kingdom. Wiesbaden, 1984 (<i>Ägyptologische Abhandlungen</i> . Bd 39); N. Kanawati. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V.I. Sydney, 1980; S.D'Auria, P. Lacovara, C.H. Roehrig, Mummies & Magic. The funerary Arts of Ancient Egypt, Boston, 1988; N. Strudwick. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. London, 1985	202

<i>A.I. Ivanchik</i> (Moscow) — C. Calame. Thésée et l'imaginaire athénien. Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990	213
<i>I.A. Makarov</i> (Moscow) — H.A. Shapiro. Art and Cult under the Tyrants in Athens. Mainz am Rhein, 1989	218
<i>D.V. Panchenko</i> (Moscow) — L. Capogrossi Colognesi. Dalla tribù allo stato. Roma, 1990	223
<i>D.V. Panchenko</i> (St.-Petersburg) — Heinrich von Staden Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria. Cambridge, 1989	229

IN THE MUSEUM COLLECTIONS OF THE WORLD

<i>V.P. Bylkova</i> (Kherson) — Archaeological Collection in the Kherson Regional Museum	233
<i>A.A. Malyshev</i> (Moscow) — Collection of Antiquities of the Stavropol Historical Museum	241

SCIENTIFIC EVENTS

<i>A.V. Podossinov</i> (Moscow) — «Ancient History in the European School Manuals» (Delphi, April 4—9, 1992)	251

SUPPLEMENT

<i>Tatiana. Oratio ad Graecos. Introduction, Translation and Commentaries of D.Ye. Afinogenov</i> (Moscow) (The End)	256

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 18.02.93	Подписано к печати 12.04.93	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ. л. 22,1	Усл. кр.-отг. 106,3 тыс.
	Тираж 4760 экз.	Уч.-изд. л. 26,4
		Бум л. 8,5
		Зак. 3968
		Цена 15 руб.

Международный фонд Российско-эллинского духовного единства образован 31 января 1991 г. по инициативе видных ученых и деятелей культуры и духовенства. Главой попечительского совета фонда является патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Фонд является общественной, неправительственной организацией, основанной на принципах самоуправления для развития международного сотрудничества неформальных организаций, ученых, деятелей литературы и искусства, бизнесменов. Будучи общественной организацией, фонд осуществляет свою деятельность на миротворческой и благотворительной основе, сотрудничает со всеми общественными, культурными и религиозными организациями как внутри страны, так и за рубежом.

Основными задачами фонда являются:

- Активное развитие неправительственных связей между русской, украинской, белорусской, армянской, греческой диаспорами мира, церковными приходами, семьями, разделенными в прошлом, фирмами, предприятиями, учреждениями, отдельными предпринимателями, деятелями церкви, писателями, учеными, деятелями искусства, медицины, спорта, педагогики, молодежными коллективами и др., на территории которых происходит реализация программ и проектов во имя консолидации всех сил и движений, способных внести вклад в укрепление взаимопонимания между народами и странами на основе высоких принципов духовности и нравственности.
- Всестороннее развитие и поощрение акций, способствующих стабилизации национальных отношений как внутри страны, так и за рубежом.
- Поощрение всевозможных форм сотрудничества с бизнесменами, частными лицами, фирмами, государственными предприятиями, фермами, банковскими кругами, объединениями ученых и деятелей культуры для решения задач, предусмотренных уставом фонда.
- Развитие инициативы по созданию международного Университета Российско-эллинского духовного развития, а также международного банка социального и духовного развития.
- Широкое участие в международных, всесоюзных и республиканских научно-исследовательских, экологических, религиозных программах, выставках искусства и бизнеса.
- Изучение мирового опыта по технологиям социального развития, создание и отработка механизмов, их практическое апробирование и реализация.

В этой связи фонд оказывает финансовую помощь обществам и гражданам, участвующим в создании и реализации его программ. Фонд получает и передает в дар российско-эллинистические духовные ценности, хранит и пропагандирует их в музеях страны и за рубежом, широко освещая эту благородную деятельность в средствах массовой информации. Фонд содействует реставрации и других культурных архитектурных памятников, способствует восстановлению монастырей и церквей, памятников искусства, мемориалов и других объектов, связанных с национальным возрождением всех россиян как внутри страны, так и за ее пределами.

Фонд оказывает помощь всем заинтересованным лицам, учреждениям, организациям в научно-исследовательской и поисковой работе в области изучения русского, украинского, белорусского, греческого, латинского, древнерусского языков, истории, религии, культуры, литературы, архитектуры, медицины, искусства, археологии, этнографии, прикладных и технических наук.

- Содействует изданию и распространению журналов, газет, художественной, научной и религиозной литературы, произведений искусства и живописи, скульптуры, организует концерты мастеров искусств; демонстрирует, приобретает и продает произведения искусства, художественные и документальные фильмы, архивные материалы по тематике фонда, проводит научно-практические конференции и другие мероприятия как внутри страны, так и за ее пределами.
- Вступает в международные неправительственные объединения, деятельность которых не противоречит международным нормам права и уставным задачам фонда; командировывает за рубеж специалистов.

В составе фонда действует Попечительский совет, возглавляемый патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, Совет экспертов, Комитет по планированию и прогнозированию фонда, а также различные отделы по направлениям деятельности культуры, искусства, религии. Президентом фонда является Г.Е. Трапезников.

Фонд открывает в различных регионах мира свои представительства, руководить которыми могут видные деятели культуры, науки, искусства и деятели церкви, проживающие в этих странах. С их помощью фонд надеется проводить различные мероприятия, направленные на улучшение взаимопонимания, на усиление неформальных межличностных контактов как между соотечественниками, проживающими за рубежом, так и со всеми лицами, желающими укрепить взаимопонимание с нашей страной на основе христианской морали и нравственности.

(Телефон: 181-13-11)

15 р.
Индекс 70119

Фонд «СКИФ».

Фонд учрежден
акционерным обществом
Всероссийский
научно-промышленный
концерн «Скиф Троицк».

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности; помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В.И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

103031, Москва, а/я 53; Телефон: 198-24-13

«НАУКА»